

ШЕДЕВРЫ ФАНТАСТИКИ

2

ГОРДОН ДИКСОН

ДОРСАЙСКАЯ
ДИЛОГИЯ

ШЕДЕВРЫ ФАНТАСТИКИ

★ ★ ★ ★ ★ ★ ★ ВЫПУСК 2

ГОРДОН ДИКСОН

ДОРСАЙСКАЯ ДИЛОГИЯ

ФАНТАСТИЧЕСКИЕ РОМАНЫ

Перевод с английского

НОВОСИБИРСК 1992

ББК 84.7 США

Г68

Гордон Р. Диксон

Г68 Дорсайская дилогия: Фантастические романы;
Пер. с англ.—Новосибирск: Фирма «Тимур», 1992.—
384 с. (Серия «Шедевры фантастики»).

ISBN 5—7664—0896—X

Роман «Дорсайская дилогия» рассказывает о семье потомственных военных и о широком распространении галактической цивилизации, которая нуждается в таких полководцах.

Роман «Дикий волк» повествует о конфликте в Тронном Мире человеческой Империи.

Г 4703040100—225 Без объявления
945(01)—92

ББК 84.7 США

© Забагонский В. П., Молокин М. А.,
1992. Составление.

© Заплавный А. А., 1992.
Оформление.

ISBN 5—7664—0896—X

ПРИРОЖДЕННЫЙ ПОЛКОВОДЕЦ

ДОРСАЙСКАЯ ДИЛОГИЯ • КНИГА 1

ФАНТАСТИЧЕСКИЙ РОМАН

ПРЕДИСЛОВИЕ

История Донала Грима с планеты Дорсай стала классически научным, фантастическим произведением о межзвездном конфликте.

Первый большой роман Гордона Р. Диксона рассказывает о семье потомственных военных и о широком распространении галактической цивилизации, которая нуждается в таких прирожденных полководцах.

Донал с планеты Дорсай был потомком множества поколений военных — мастером космической войны и стратегии — и в то же время Донал был чем-то новым. Ибо он был фокусом новой необычной силы, возможно, единственным во всей Галактике. И эта сила заставляла его оказываться в самых критических пунктах, где он «должен был преодолеть невероятное и победить непобедимое».

«Потрясающе хороший роман» — такова общая оценка «Прирожденного полководца», которая была дана журналом «Галактика».

Юдит МЕРРИЛ

ПЕРЕЧЕНЬ ДЕЙСТВУЮЩИХ ЛИЦ

ДОНАЛ ГРИМ с Дорсая. Его удивительная судьба заключалась в том, чтобы оказаться лицом к лицу с самим собой.

УИЛЬЯМ с Сеты. То, что составляло его величие, одновременно сделало его угрозой всему живущему.

АНЕА МАРЛЕВАНА, избранная из Культиса. Ей суждено было стать тигрицей для целей человеколюбия.

ХЕНДРИК ГАЛТ, маршал Фриленда. Известный во всей Галактике, он явился к юному выскочке за советом.

АР-ДЕЛЛ МОНТОР с Нептуна. Заключив договор с дьяволом, он увидел спасительный пункт договора в бутылке.

ЛИ. Он сделал себя верным последователем истинного лидера.

МОМЕНТЫ ИСТИНЫ

ПОКРОВИТЕЛЯ ГАЛАКТИКИ

Донал Грим родился на Дорсае, маленькой планете, главным предметом экспорта которой были хорошо обученные и бесстрашные солдаты-наемники. Ко дню совершеннолетия он был готов пуститься в путь к иным мирам и там создать себе имя. Но он задержался на мгновение, раздумывая над необычной, почти сверхъестественной силой, которая вела его к неизвестной судьбе.

Через шесть лет отчаянных подвигов Донал вновь ощутил эту неподдающуюся объяснению силу.

Но его время прошло. Великие миры обширной Галактики вели свою планетарную политику, и теперь лагеря для военных были на краю фантастической и окончательной расплаты. И внезапно Донал узнал свою судьбу. Ибо он был среди звезд единственным человеком, который мог остановить механизм самоубийственной судьбы. Но чтобы сделать это, он должен был преодолеть невероятное и победить непобедимое.

Часть первая

КАДЕТ

Юноша был странным. Он хорошо знал это. Много раз слышал он, как старшие — мать, отец, дядя, офицеры в Академии — говорили это друг другу, многозначительно покачивая головами. Он привык к этому за короткие восемнадцать лет своей жизни. Теперь, уединившись и миновав пустые взлетные поля в долгих желтоватых сумерках, перед ожидавшим его торжеством по случаю окончания Академии, перед возвращением домой, он вынужден признать собственную странность — и не только в глазах других, но и в собственном мнении.

«Странный парень, — услышал он однажды, как начальник Академии говорил преподавателю математики, — никогда не знаешь, чего от него ждать».

Возвращаясь домой, где его ждала семья, он по-прежнему не знал пути, который выберет. Они, наверное, наполовину убеждены в том, что он выберет отказ от Ухода. Почему? Он никогда не давал им повода для сомнений. Он был дорсайцем с планеты Дорсай, его мать была из семьи Кенвик, а отец — Грим. Обе эти фамилии так стары, что их происхождение терялось в предыстории материнской планеты. Храбрость его была несомненной, слово — верным. Он лучше всех занимался в своем классе. Каждая капля его крови, каждая кость были наследием долгой линии профессиональных военных. Ни разу пятно бесчестия не касалось их семьи, и ни один член ее не совершал поступка, из-за которого пришлось бы стыдиться. И тем не менее они очень сомневались.

Он подошел к ограде, окружавшей спортивную площадку с прыжковыми ямами и облокотился на нее: плащ кадета старшего курса свисал с его плеч. В чем же проявляется эта странность — вот над чем размышлял он в ярком свете заходящего солнца. В чем его отличие от других?

Он попытался посмотреть на себя со стороны. Стройный юноша восемнадцать лет, высокий, но совсем не гигант по дорсайским стандартам, сильный, но средней силы по дорсайским стандартам. Его лицо было лицом его отца, резким и костлявым, с прямым носом, но без отцовской массивности в костях. Цвет его кожи был смуглым, как и у всех дорсайцев, волосы прямые и черные. Только глаза неопределенного цвета, оттенки которого менялись от серого к зеленому, от зеленого к голубому, отличали его от других членов семьи. Но разве цвет глаз сам по себе может создать репутацию странности?

Оставался характер. Он в полной мере унаследовал склонность к приступам холодной убийственной ярости, характерным для всех дорсайцев, приступам, из-за которых ни один здравомыслящий человек не стал бы задевать дорсайца без достаточно уважительной причины, но это было общей особенностью дорсайцев, а если и сами дорсайцы считали Донала Грима странным, значит, была у него какая-то индивидуальная особенность.

Возможно, рассуждал он в косых лучах опускающегося солнца, это было то, что он даже в приступах ярости оставался расчетливым, всегда сохранял контроль над собой. И в этот момент вся его странность, вся его необычность обрушилась на него — он почувствовал таинственное освобождение от телесной оболочки, что случилось с ним с самого рождения.

Это всегда наступало в подобные моменты, когда плечи его сгибались от усталости или какого-нибудь сильного чувства. Он вспомнил, как это случилось с ним на службе в церкви Академии, когда он был утомлен долгим днем, заполненным тяжелыми упражнениями и трудными занятиями, и когда он почти потерял сознание от голода. Как и теперь, косые лучи опускающегося солнца падали сквозь большие окна на полированные стены с изображением сцен из известных битв. Он стоял в строю своих товарищей, между рядами твердых низких скамей — впереди младшие кадеты, сзади офицеры — и слушал глубокие торжественные ноты служб.

Холод пробежал по его спине. Его полностью охватили какие-то чары. Далеко от него красные лучи умирающего дня заливали светом равнину. В небе черной точкой кружил ястреб. И сейчас, стоя у ограды, он почувствовал ту же стену, незримо отделявшую его от мира. Населенные миры и их солнца возникли перед его мысленным взором. Он слышал трубу, зовущую его к выполне-

нию какой-то задачи, важнее которой нет ничего на свете. Он стоял на краю обрыва, и волны неизвестного лизали его ноги, и, как всегда, он хотел шагнуть вперед, в неведомое, но маленькая частица его самого удержала его от этого самоубийства и толкнула назад.

Затем, внезапно,— это всегда происходило внезапно — чары были нарушены. Он вернулся в обычный мир.

МУЖЧИНА

Мужчины из семейства Ичана Капа сидели за длинным столом в большой затененной комнате. Женщины и дети по традиции уже ушли, а мужчины остались выпить и поговорить. Присутствовали не все — если бы к столу пришли все мужчины семейства, это было бы настоящим чудом. Из шестнадцати взрослых мужчин девять несли службу среди звезд, один лежал после хирургической операции в госпитале на Форейли, а самый старший, двоюродный дед Донала Камал, лежал при смерти, с кислородной подушкой у носа, в собственной комнате со слабым запахом сирени, который напоминал ему жену с Мары, уже сорок лет как покойную. За столом сидело пятеро мужчин, и одним из них, начиная с сегодняшнего дня, был Донал.

Остальные, пришедшие приветствовать его совершеннолетие, были: Ичан, его отец, Мор — его старший брат, находящийся в отпуске и прилетевший с Френдлиза, его дядья-близнецы Ян и Кейси. Они сидели у конца стола во главе с Ичаном, слева — два младших брата.

— В мое время там были хорошие офицеры,— говорил Ичан. Он наклонился, чтобы наполнить стакан Донала, и Донал автоматически протянул свой стакан, внимательно слушая отца.

— Все фрилендеры,— сказал Ян, наиболее мрачный из близнецов,— склонны устанавливать жесткую дисциплину и мало кто осмеливается ее нарушить...

— Я слышал, их теперь много на Дорсае,— сказал Мор, сидевший справа от Донала.

Слева ему ответил глубокий голос Ичана:

— Они набирают гвардейцев. Я знаю об этом. Сэйона из Культиса хотел бы иметь образцовых телохранителей, но они окажутся совсем не готовыми к настоящей войне среди звезд.

— А тем временем,— подхватил Кейси с внезапной улыбкой, осветившей его темное лицо,— ничего не происходит. В мирное время солдаты ходят недовольные. Войска разошлись на маленькие группы и всем в качестве украшения нужны дорсайцы.

— Верно,— сказал, кивнув, Ичан.

Донал рассеянно хлебнул из стакана, и неразведенное виски обожгло ему кончик языка и горло. На лбу у него выступили капли пота, но он не обратил на это внимания, задумавшись над тем, что услышал. Все это говорилось ради него, и он знал это. Теперь он мужчина, и ему больше не должны указывать, что он должен делать. Выбор, где служить, принадлежит только ему, и они хотели помочь ему своими знаниями, своим опытом сделать верный выбор.

— ...мне никогда не нравилась гарнизонная служба,— продолжал между тем Ичан.— Работа наемника — тренироваться содержать в исправности оружие и воевать, но она не всем нравится, даже на Дорсае. Не все на Дорсае Гримы.

— Френдлиз сейчас...— начал Мор и остановился, взглянув на отца: он подумал, что перебил его.

— Продолжай,— сказал Ичан, кивнув.

— Я только хотел сказать, что там может найтись работа. Я слышал, что секты Ассоциации вступили в конфликт с Гармонией и там нужны телохранители...

— Они с радостью берут в личные телохранители,— сказал Ян, который, будучи не намного старше Мора, не боялся показаться невежливым,— но это работа не для солдата.

— Искусство войны — чистое искусство,— сказал Ичан со своего места во главе стола.— Я никогда не доверял людям, любящим кровь, деньги и женщин.

— Женщины хороши на Маре и Культисе,— заметил Мор.

— Не отрицаю,— весело подхватил Кейси.— Но все равно когда-то нужно возвращаться домой.

— Не всем удастся это,— угрюмо сказал Ичан.— Я сам дорсаец, я — Грим, но если бы наша маленькая планета нашла другой предмет для экспорта в чужие миры, а не кровь своих лучших сынов, я был бы доволен.

— Но разве ты сам остался, Ичан,— сказал Мор,— когда ты был молод и у тебя были обе ноги?

— Нет, Мор,— тяжело ответил Ичан,— но есть и другие занятия, кроме войны, даже для дорсайца.— Он по-

смотрел на своего старшего сына.— Когда наши предки сто пятьдесят лет назад заселяли эту планету, они делали это вовсе не для того, чтобы производить солдат для восьми Систем. Они лишь хотели найти планету, где никто не мог распоряжаться судьбой другого человека без его согласия.

— И наша планета такова,— сурово сказал Ян.

— Да, она такова,— подтвердил Ичан.— Дорсай — свободная планета, где каждый человек может делать все, что хочет, если он не нарушает при этом прав других людей. Ни одна система не может в этом сравниться с нами. Но цена, цена...— он покачал головой и наполнил стакан.

— Это слишком тяжелый разговор для парня, который впервые отправляется из дома,— сказал Кейси.— В этой жизни есть достаточно прекрасного, даже в теперешней. Но, к сожалению, мы воюем не ради удовольствия. Чем еще мы можем торговать? У нас есть только орехи и немного зерна. А возьмите эти богатые новые миры, например, Сету и Тау Кита, или еще более богатые старые планеты типа Фриленда или Нептуна, или даже старушку Венеру. У них есть причины для беспокойства. Они готовы друг другу горло перерезать из-за лучших ученых, лучших специалистов, лучших медиков. Значит, там больше работы для нас, и это хорошо для нас.

— И все-таки, Ичан прав,— пробормотал на это Ян.— Они все мечтают собрать наших людей в кучу и потом угрожать ею, как дубиной, остальным мирам...— Он наклонился над столом к Ичану, и в неярком свете столовой Донал увидел белый шрам, извивающийся, как змея, по плечу и исчезающий в пустоте рукава его куртки.— От этой опасности мы никогда не освободимся.

— Кстати, об Экзотике,— вежливо сказал Мор.

— Да, да,— ответил Кейси.

— Мара и Культис — интересные миры. Но не заблуждайся в их оценке, Донал. Они жестоки, несмотря на все искусство, роскошь и украшения. Сами они воевать не хотят, но знают, как нужно нанимать солдат. Они многого достигли, и не только в искусстве. Я знал когда-то одного из их ученых.

— Они честны,— сказал Ичан.

— Верно,— согласился Кейси.— Но это совсем другой мир. Если бы я родился на другой планете...

— Я бы все равно стал солдатом,— сказал Мор.

— Это ты теперь так думаешь,— ответил Кейси и глотнул из стакана.— Теперь ты думаешь так. Но это теперь, в год 2403, дикая цивилизация, расколовшаяся на дюжину различных культур и путей, а пятьсот лет назад средний человек и не мечтал покинуть Землю. И чем мы дальше идем, тем дальше мы отходим друг от друга.

— Но ведь венерианская группа впереди всех? — спросил Донал; его юношеская сдержанность исчезла в огне неразбавленного виски.

— Не думай так,— ответил Кейси.— Единственная дорога в будущее — наука. Старая Венера, старый Марс, даже Нептун — их дни сочтены. Блейнз — богатый и влиятельный старик, но он не знает тех изобретений и усовершенствований, что сделаны на Марсе, Культисе, Френдлизе и Сете. Никогда не решайте с первого взгляда, молодые, обязательно бросьте второй взгляд, когда будете среди звезд: в девяти случаях из десяти первый взгляд приводит к ошибке.

— Слушайте его, мальчики,— сказал Ичан, добавив: — Ваш дядя Кейси мудр. Я хотел бы дать вам такие же хорошие советы, как он. Продолжай, Кейси.

— Ничто в мире не остается постоянным,— сказал Кейси, и с этими словами виски ударило Доналу в голову, стол и темные худощавые лица погрузились в полутьму, а голос Кейси долетал как бы с большого расстояния.— Все меняется, и это мы должны постоянно иметь в виду. То, что было справедливо вчера, может оказаться неверным завтра. Помните это и никогда не воспринимайте ничьи слова, даже мои, на веру, предварительно не проверив их. Мы размножились, как библейская саранча, и расселились среди звезд, разбившись на множество групп и идя разными путями. Мы стремимся вперед, но куда? Мы все ускоряем бег, но что нас ждет впереди? У меня такое чувство, что мы стоим в преддверии чего-то огромного, отличного от прошлого, и, может быть, ужасного. Сейчас особенно нужна осторожность.

— Я стану величайшим полководцем,— воскликнул Донал, не в силах удерживать громкие, но бессвязные слова.— Я покажу им! Они все увидят, каким может быть дорсаец!

Ему показалось, что все глядят на него, хотя лица их превратились в смутные пятна, кроме лица Кейси, которое по странному капризу было хорошо видно ему. Кейси глядел на него печальными, все понимающими глазами. Донал почувствовал на плече руку отца.

— Пора кончать,— сказал отец.

— Вы увидите...— начал Донал. Но все уже встали, подняли стаканы и повернулись к Ичану, который подал Доналу его стакан.

— Чтоб мы все встретились вновь,— сказал отец. Они выпили стоя. Остатки виски из стакана, безвкусные как вода, прошли по языку и горлу, на мгновение все прояснилось, и Донал вновь увидел стоящих рядом с ним высоких мужчин. Они были высокими даже по дорсайским понятиям: даже его брат Мор был выше его на полголовы, хотя и стоял среди них как подросток. Но тут Донал почувствовал к ним огромную жалость, жалость как если бы он был взрослым, а они — детьми и нуждались бы в его защите. Он открыл рот, собираясь сказать один-единственный раз в жизни, как он их любит, как он всегда будет заботиться о них, но тут туман сомкнулся вокруг него и он смутно почувствовал, что Мор ведет его в комнату.

НАЕМНИК — I

Донал расправил плечи под узким гражданским пиджаком и осмотрел себя в зеркале, висевшем на стене его маленькой комнаты. Зеркало отразило нечто незнакомое. Три морские недели сильно изменили его. Не то, чтобы он изменился — изменилась его самооценка. Он не узнавал не только свой костюм — куртка испанского стиля, узкая рубашка, узкие брюки, заправленные в сапоги такого же черного цвета, как и весь костюм, — не узнавал он свое тело. К переоценке привели его встречи с обитателями других миров. Их относительно низкий рост сделал его высоким, их мягкость сделала его жестким, их нетренированные тела заставили его ощутить свою силу и уверенность в себе. Направляясь с Дорсая к Арктуру, окруженный другими пассажирами-дорсаяцами, он не замечал этого постепенного изменения. Только в обширном космическом вокзале Нептуна, окруженный шумными толпами, он ощутил эту перемену, и теперь, пересев на другой корабль и приближаясь к Френдлизу, он оказался на огромном лайнере, где, вероятно, кроме него не было ни одного дорсайца. Он глядел на себя в зеркало и чувствовал, будто внезапно повзрослел.

Он вышел из каюты, двери которой захлопнулись за ним, и повернул направо по узкому коридору с метал-

лическими стенками. Он шел, вдыхая пыльный запах, поднимающийся от ковра, по которому шли тысячи ног. В молчании Донал миновал комнату отдыха и через тяжелую дверь, захлопнувшуюся за ним, прошел в коридор соседней секции.

Он остановился у перехода между секциями, у поперечного коридора, шедшего направо к умывальнику, он чуть не столкнулся со стройной высокой девушкой в коротком платье простого и несколько устаревшего покроя, стоявшей у питьевого фонтанчика.

Она отпрянула с настороженным видом в коридор, ведущий к женской умывальной комнате. Несколько мгновений они, застыв на месте, глядели друг на друга.

— Прощу прощения, — сказал Донал и сделал два шага дальше, но между этими двумя сделанными им шагами и третьим какое-то внезапное побуждение заставило его изменить свои планы: он повернул обратно.

— Разрешите, — сказал он.

— О, пожалуйста, — она вновь отодвинулась от питьевого фонтанчика. Он наклонился, чтобы напиться. Когда он поднял голову от фонтанчика и взглянул ей прямо в глаза, то осознал, что заставило его вернуться. Девушка была сильно напугана: необычное чувство, составлявшее темный океан неизвестного в его странности, заставило его вернуться к девушке.

Он еще раз с более близкого расстояния рассмотрел ее. Она была старше, чем он вначале думал: вероятно, ей шел третий десяток. Но какое-то выражение незрелости в ее глазах намекало, что она достигнет полного расцвета своей красоты позже, чем обычные женщины. А теперь ее нельзя было назвать красивой, скорее — хорошенькой... Волосы ее были светло-коричневого цвета и покрыты тонкой сеткой, глаза широко раскрыты и такого чисто-зеленого цвета, что когда она взглянула на него, удивленная его внезапным приближением, он позабыл все остальные цвета. Нос у нее был прямой и ровный, рот несколько великоват, подбородок крепкий; и вообще, все в ее лице было настолько совершенно и уравновешено, что производило впечатление статуи, созданной великим скульптором.

— Что? — спросила она, задержав дыхание, и он заметил, что она отпрянула при его приближении.

Он улыбнулся. Мысли галопом неслись в его голове, и то, что он сказал, было совершенно неожиданным и для него самого.

— Расскажите мне все, — сказал Донал.

— Вам? — спросила она. Рукой она схватилась за горло под высоким воротником платья, потом, прежде, чем она вновь начала говорить, он понял, что напряжение частично покинуло ее. — О, — сказала она, — понимаю.

— Что понимаете? — несколько резко спросил Донал. Он бессознательно принял тон, к которому привык в разговорах с кадетами младших курсов за последние несколько лет. — Если вы расскажете мне, что вас беспокоит, я постараюсь помочь вам.

— Рассказать вам? — она беспомощно огляделась, как бы ожидая, что кто-нибудь придет ей на выручку. — Откуда я знаю, что вы тот, за кого себя выдаете?

Донал постарался обуздать свои галопом несущиеся мысли и оценить положение. Обдумав ее слова, он увидел в них какое-то несоответствие.

— Я не говорил вам, кто я такой, — ответил он. — Вообще-то я никто. Я проходил мимо и увидел, что вы встревожены, и предложил вам помощь.

— Помощь? — Глаза ее расширились, а лицо внезапно побледнело. — О, нет... — пробормотала она и попробовала обойти его. — Пожалуйста, позвольте мне уйти, пожалуйста!

Он стоял неподвижно.

— Вы готовы принять помощь от человека, подобного мне, если только он удостоверит свою личность, — сказал Донал. — Вы должны рассказать мне все.

Его слова удержали ее. Она упрямо сказала:

— Я ничего не скажу вам.

— Кроме того, — иронически заметил он, — что вы ждали здесь кого-то, кто помог бы вам. Что вы не знали этого человека в лицо, знали только, что это мужчина. И что вы не слишком уверены в его добросовестности и в то же время очень боитесь утратить его. — Он услышал резкие нотки в своем голосе и постарался несколько смягчить тон. — Вы очень испуганы и не знаете, что делать дальше. Все это можно определить с помощью наблюдательности и логики.

Но она уже полностью овладела собой.

— Вы уйдете с моего пути и позволите мне продолжать его? — спокойно спросила она.

— Логика подсказывает также, что то, что вы собираетесь предпринять, незаконно, — продолжал он.

Она сникла от его слов, будто он ударил ее; повернувшись к стене, она закрыла лицо руками.

— Кто вы? — обреченно спросила она. — Они послали вас захватить меня?

— Я уже говорил, — ответил Донал с легким оттенком раздражения. — Я всего лишь пассажир, случайно проходивший мимо и предложивший вам свою помощь.

— Я не верю вам, — сказала она, по-прежнему пряча свое лицо. — Если вы на самом деле никто... если никто не послал вас... вы разрешите мне уйти. И забудьте, что видели меня.

— В этом мало смысла, — сказал Донал. — Совершенно очевидно, что вы нуждаетесь в помощи. Я могу оказать вам ее. Я — профессиональный военный. Дорсаец.

— А! — ответила она. Напряжение оставило ее. Она выпрямилась и взглянула на него. В ее взгляде Донал увидел нечто, похожее на презрение. — Один из этих...

— Да, — ответил он, затем нахмурился. — А что вы имели в виду, когда говорили об «этих»?

— Понимаю, — ответила она. — Вы — наемник.

— Предпочитаю термин «профессиональный солдат», — ответил он в свою очередь с оттенком презрения.

— Значит, — сказала она, — вас можно нанять.

Он почувствовал, как в нем поднимается холодный гнев. Он слегка наклонил голову и отступил, освобождая ей дорогу.

— Я ошибся, — сказал он и повернулся с намерением уйти.

— Нет, подождите, — сказала она. — Теперь, когда я знаю, кто вы такой, у меня нет причин отказываться от вашей помощи.

— Конечно, нет, — ответил он.

Она сунула руку за вырез своего облегающего платья и извлекла оттуда маленький прямоугольник с печатным текстом и протянула его Доналу.

— Это нужно уничтожить, — сказала она. — Я заплачу вам. Сколько вы берете по обычным расценкам? — Глаза ее расширились от ужаса, когда он расправил клочок и начал читать. — Что вы делаете, вас не просили читать это! Как вы смеете?!

Она попыталась выхватить клочок, но он удержал ее одной рукой. Взгляд его не отрывался от текста. Глаза его расширились от удивления при виде факсимильного портрета ее самой.

— Анеа Марлевана, — сказал он, — избранная из Культиса.

— Ну, да,— воскликнула она.— Так что из этого?

— Только то,— сказал Донал,— что вам следовало бы быть более разумной.

Она открыла рот:

— Что вы хотите этим сказать?

— Только то, что вы глупейшая из женщин, с которыми мне приходилось встречаться,— он положил листок в карман.— Я об этом позабочусь.

— Правда? — Лицо ее на мгновение прояснилось, но потом оно вновь стало встревоженным.— Мне это не нравится. Вообще, вы мне не нравитесь.

— Понравлюсь,— ответил он,— если вы узнаете меня получше.— Он повернулся и открыл дверь, через которую пришел сюда несколько минут назад.

— Но... постойте,— догнал его ее голос,— а где я смогу найти вас, когда вы справитесь с этим? И сколько я должна заплатить?

Он отпустил дверь, которая сразу же захлопнулась, оборвав ее вопрос.

Через всю секцию Донал прошел в свою каюту. Здесь, закрыв за собой дверь, он более внимательно разглядел полученный клочок. Это было не что иное, как пятилетний контракт, по которому она обязывалась находиться в свите принца Уильяма, президента торговой планеты Сета — единственного обитаемого мира у звезды Тау Кита. Контракт был очень выгоден, он предусматривал лишь постоянное сопровождение во всех его поездках и заседаниях. Но не либеральность контракта удивила Донала — избранных из Культиса трудно было привлечь к любой работе, кроме самой утонченной и интеллектуально изысканной,— а тот факт, что она просила уничтожить контракт. Кража контракта у владельца — достаточно серьезное преступление, нарушение контракта — еще серьезнее, но уничтожение влекло за собой на любой планете смертную казнь. Он подумал, что девушка, вероятно, сошла с ума.

Но в этом и заключалась ирония судьбы — будучи избранной из Культиса, она могла быть безумной не более, чем обезьяна могла превратиться в слона. Наоборот, будучи продуктом тщательного генетического отбора на протяжении многих поколений на планете, достигшей чудес в развитии науки, она должна была быть совершенно нормальной! И действительно, при первом знакомстве с ней в ней не оказалось ничего ненормального, за исключением этой самоубийственной глупости. Очевидно,

ненормальность заключалась не в девушке, а в ситуации.

Донал задумчиво крутил контракт. Анеа не понимала, что делала, когда просила его уничтожить этот листок. Это было единое целое, даже слова и подписи были неразрывной частью единой гигантской молекулы, которая была почти неуничтожима и не могла быть изменена или испорчена никакими средствами. Донал был уверен, что на борту не найдется ничего, чем можно было бы разорвать, сжечь, растворить или другим путем уничтожить этот листок. Единственным законным обладателем этого листка был принц Уильям.

Донал расправил свой штатский пиджак, вышел из каюты и через длинные коридоры ряда секций прошел к главному залу отдыха. В узком проходе собралась толпа одетых к обеду пассажиров. Глядя через их головы, он увидел стол и среди сидевших за ним — эту девушку, Анеа Марлевану.

Остальные, сидевшие за столом, были: исключительно красивый молодой человек, офицер-фрилендер, как можно было заключить по его форме; неопрятный молодой человек, такой же рослый, как и офицер, но без воинских регалий, он полулежал в своем кресле. Еще — худощавый, приятного вида, человек средних лет с металлически-серыми волосами. Пятый человек за столом был несомненно дорсайцем — массивный пожилой человек в форме фрилендского маршала. Вид этого последнего пробудил Донала к внезапному действию. Он пробился сквозь толпу, загораживающую вход, и направился прямо к столу. Подойдя, он протянул сжатый кулак маршалу-дорсайцу.

— Здравствуйте, сэр, — сказал он. — Я надеялся увидеть вас до старта корабля, но на это не было времени. У меня для вас письмо от моего отца, Ичана Кана Грима... Я — его второй сын, Донал.

Голубые глаза дорсайца, холодные, как вода в зимней речке, уперлись в Донала. Несколько мгновений положение было крайне напряженным; маршал, казалось, не знал, что предпочесть — дорсайский патриотизм вместе с любопытством или возмущение наглостью Донала. Затем маршал крепко пожал протянутый кулак Донала.

— Значит, он еще помнит Хендрика Галта? — улыбнулся маршал. — Я уже много лет ничего не слышал об Ичане.

Донал почувствовал, как холодок возбуждения пробежал по его спине. Единственный человек из всех, с кем

он хотел завязать знакомство, даже путем обмана, был Хендрик Галт, первый маршал Фриленда.

— Он шлет вам свой привет, сэр,— сказал Донал.— И... может быть, я принесу вам письмо после обеда, и вы сможете прочесть его.

— Конечно,— ответил маршал,— я расположился в каюте № 19.

Донал все еще стоял. Дальше разговор продолжать было трудно, но спасение пришло — впрочем, Донал ожидал чего-нибудь подобного — с дальнего конца стола.

— Возможно,— сказал человек с серыми волосами мягким и вежливым голосом,— наш юный друг согласится пообедать с нами, прежде чем вы уведете его в свою каюту, Хендрик?

— Это будет для меня честью,— быстро ответил Донал.

Он придвинул кресло и сел в него, вежливо кивнув остальным сидящим за столом. Глаза девушки встретились с его взглядом. Выражение их было суровым, они сверкнули, как изумруды в скале.

НАЕМНИК — II

— Анеа Марлевана,— сказал Хендрик Галт, знакомя Донала с сидящими за столом,— а джентльмен, пригласивший вас,— Уильям из Сеты, принц и президент правительства.

— Вы оказываете мне честь,— пробормотал Донал, кланяясь.

— ...это мой адъютант Хьюго Киллиен...

Донал и офицер-фрилендер кивнули друг другу.

— ...и Ар-Делл Монтор с Нептуна.

Развалившийся в кресле молодой человек вяло махнул рукой в знак приветствия. Его глаза, черные, особенно по контрасту со светлыми бровями и такого же цвета белыми волосами, на мгновение прояснились, взгляд стал резким, пронизывающим, но вот он вновь откинулся в кресле и погрузился в равнодушную неподвижность.

— Ар-Делл,— с усмешкой заметил Галт,— готовится к выпускным экзаменам на Нептуне. Его занятие — социальная динамика.

— Конечно,— пробормотал нептунинин с чем-то средним между фырканием и смехом.— Конечно, да-да, конечно,— он поднял тяжелый стакан и погрузил нос в его золотистое содержимое.

— Ар-Делл,— сказал седовласый Уильям тоном мягкого упрёка.

Ар-Делл поднял свое бледное испитое лицо, взглянул на Уильяма, снова то ли фыркнул, то ли рассмеялся и опять погрузился в бокал.

— Вы уже завербовались куда-нибудь, Донал? — спросил фрилендер, поворачиваясь к Доналу.

— Вы настоящий дорсаец,— с улыбкой сказал Уильям со своего места за дальним концом стола, рядом с Анеа,— всегда готовы к действию.

— Вы льстите мне, сэр,— сказал Донал.— Но ведь возможность проявить себя чаще встречается на поле битвы, а не в гарнизонной службе, при прочих равных условиях.

— Вы слишком скромны,— заметил Уильям.

— Несомненно,— сказала вдруг Анеа,— до удивления скромн.

Уильям вопросительно взглянул на девушку.

— Анеа, постарайтесь сдержать свое высокомерное презрение к этому приятному молодому человеку. Я уверен, что и Хендрик, и Хьюго согласны с ним.

— О, они согласятся, конечно,— ответила Анеа, бросая на них взгляд.— Конечно, согласятся.

— Что ж,— со вздохом заметил Уильям,— и мы должны многое прощать избранным. Что касается меня, то должен признать, что я в достаточной мере мужчина и достаточно дикарь, чтобы любить сражения. А... вот и еда, впрочем.

Наполненные до краев тарелки появились на поверхности стола перед каждым, кроме Донала.

— Сделайте заказ сами,— сказал Уильям. И, пока Донал нажимал кнопку коммуникатора перед собой и делал заказ, остальные взяли ложки и принялись за еду.

— ...отец Донала был вашим товарищем по школе? — спросил Уильям, когда был утолен первый голод.

— Он был моим ближайшим другом,— ответил маршал.

— О,— сказал Уильям, осторожно беря на вилку кусок нежного белого мяса.— Завидую вам, дорсайцам, в этом. Ваша профессия позволяет вам дружеские отноше-

ния и эмоциональный контакт не смешивать с повседневной деятельностью. В сфере коммерции,— он махнул топкой загорелой рукой,— никакая дружба невозможна.

— Возможно, это зависит и от человека,— ответил маршал.— Не все дорсайцы — солдаты, ты — принц, и не все жители Сеты — предприниматели.

— Я знаю,— сказал Уильям. Взгляд его обратился к Доналу.— Что вы скажете, Донал? Вы — простой наемник, или у вас есть еще какие-нибудь стремления?

Вопрос был прямым, хотя и задан довольно деликатно. Донал решил, что искренность, слегка приправленная корыстолюбием, будет наиболее верным тоном ответа.

— Конечно, мне хочется стать известным,— сказал он, смущенно улыбнулся и добавил: — и богатым.

Он уловил легкое облачко на лице Галта. Но сейчас ему было не до этого. Сейчас у него было более важное дело. Немного позже он сможет выяснить причину недовольства маршала. Теперь же главное для него — поддержка возникшего к нему интереса Уильяма.

— Очень интересно,— вежливо сказал Уильям.— И как вы собираетесь достичь этого приятного состояния?

— Я надеюсь набраться опыта в чужих мирах,— ответил Донал.— В конце концов, мне удастся проявить себя.

— Боже, и это все? — спросил фрилендер и засмеялся, приглашая остальных присоединиться к нему.

Уильям, однако, не засмеялся, хотя Анеа присоединила свою презрительную усмешку к смеху адъютанта, а Ар-Делл фыркнул.

— Не будьте таким злым, Хьюго,— сказал Уильям.— Мне нравится позиция Донала. Когда я был молодым, у меня было такое же настроение.— Он улыбнулся Доналу.— После разговора с Хендриком вы должны поговорить со мной. Мне нравятся люди с большими притязаниями.

Донал и Галт шли по узкому коридору друг за другом. Скрытый за широкими плечами солдата, Донал с удивлением услышал:

— Ну, что вы о них думаете?

— Сэр,— сказал Донал. Колеблясь, он выбрал наиболее безопасный предмет разговора.— Я несколько удивлен девушкой.

— Анеа? — спросил Галт, останавливаясь у двери с номером 19.

— Я думал, избранные из Культиса должны...— Донал запнулся, подыскивая необходимое слово,— должны... лучше держать себя в руках.

— Она совершенно здорова, нормальна и очень умна, но все это лишь возможности,— грубовато заметил маршал.— А чего же вы ожидали?

Он открыл дверь, пропустил Донала, вошел сам и отпустил сразу же захлопнувшуюся дверь. Когда он повернулся, его лицо стало жестким, а в голосе звучали резкие нотки.

— Ну, а теперь,— резко бросил он,— что за письмо?

Донал глубоко вздохнул. В течение всего обеда он пытался разгадать характер Галта, и теперь все зависело от того, как маршал воспримет его честный ответ.

— Никакого письма нет, сэр,— сказал он.— И мне кажется, мой отец никогда в жизни не встречал вас.

— Я тоже так считаю,— ответил Галт.— Тогда для чего все это? — Он пересек свою каюту, достал что-то из ящика, и Донал с изумлением увидел, что маршал набивает табаком древнюю трубку.

— Это из-за Анеа, сэр,— сказал он.— Никого глупее в своей жизни я не встречал.— И он рассказал кратко, но исчерпывающе, о происшествии в коридоре. Галт слушал, сидя на краю стола и пуская кольца дыма, которые тут же уносились вентиляционной системой.

— Понятно,— сказал он, когда Донал закончил.— Согласен с вами: она глупо поступила. Но почему вы вели себя как последний идиот?

— Я, сэр? — Донал был искренне удивлен.

— Конечно, вы,— ответил Галт, доставая трубку из рта.— Кто вы такой, чтобы, только выйдя из школы, совать свой нос в межпланетные конфликты? И что вы теперь собираетесь делать?

— Ничего,— ответил Донал.— Я только хотел смягчить нелепую и опасную ситуацию, в которой оказалась девушка. Я не собирался ссориться с Уильямом — он, очевидно, настоящий дьявол.

Трубка чуть не выпала из разжавшихся челюстей Галта, и он вынужден был ее удержать от падения одной рукой. Он с удивлением взглянул на Донала.

— Кто сказал вам это? — спросил он.

— Никто,— ответил Донал.— Но ведь это так?

Галт положил трубку на стол и встал.

— Но это вовсе не очевидно для 99 % населения миров,— возразил он.— Что сделало это очевидным для вас?

— О любом человеке,— сказал Донал,— можно судить по тому, какими людьми он себя окружает. А у этого Уильяма свита состоит из сломленных и разбитых людей.

Маршал фыркнул:

— Вы имеете в виду меня?

— Конечно, нет,— ответил Донал.— В конце концов, вы дорсаец.

Напряжение спало с Галта. Он улыбнулся угрюмо, вновь разжег трубку и затянулся.

— Ваша гордость нашим общим происхождением действует весьма успокаивающе,— сказал он.— Продолжайте. Значит, только по этому вы определяете характер Уильяма.

— О, конечно, нет,— ответил Донал.— Но подумайте сами, ведь избранная из Культиса пытается порвать с ним. А инстинкты избранных являются врожденными. А Уильям кажется таким блестящим человеком, что затмевает и Анеа, и этого Монтора с Нептуна, у которого, кажется, гораздо больше ума, чем у Уильяма и у всех остальных.

— Значит, по этому блеску вы распознали дьявола?

— Вовсе нет,— терпеливо объяснил Донал.— Но имея такие блестящие интеллектуальные способности, человек обычно сильнее склонен к добру или злу, чем средняя личность. Если он склоняется ко злу, он может хорошо скрывать это даже от окружающих его людей. Но тогда ему приходится изображать доброго человека, особенно для вновь прибывших. Если бы он действительно был добрым, ему не нужно было бы так настойчиво демонстрировать это.

Галт извлек трубку из рта и издал протяжный свист. Он уставился на Донала.

— Вы случайно родом не с Экзотики? — спросил он.

— Нет, сэр,— сказал Донал.— Моя мать была родом с Мары, как и мать моей матери.

— Это умение,— Галт задумчиво ковырялся толстыми пальцами в трубке,— это умение...— повторил он задумчиво,— читать характеры вы унаследовали от матери или это ваше собственное достижение?

— Не знаю, сэр,— ответил Донал.— Мне кажется, что любой пришел бы к такому же выводу после минутного размышления.

— Но большинство из нас на это не способно,— сказал Галт.— Садитесь, Донал. Я рад вас видеть.

Они уселись в кресла друг против друга. Галт вновь принялся за трубку.

— Теперь слушайте, — почти шепотом сказал он. — Вы — самый странный юнец из всех, встречавшихся мне. Не знаю, что и делать с вами. Если бы вы были моим сыном, я бы отправил вас в карантин, а затем домой, и раньше, чем через десять лет, не выпустил бы вас к звездам, — он нетерпеливо поднял руку, заставляя умолкнуть уже открывшего рот Донала. — Да, я знаю, вы уже мужчина, и никто не может отправить вас вопреки вашему желанию. Но тот образ действий, который вы избрали со мной, имел лишь один шанс из тысячи на успех. Послушайте, мальчик, вы же ничего, почти ничего не знаете о мирах, кроме своего Дорсая.

— Почему же? — ответил Донал. — Существует 14 планетарных правительств, не считая анархических организаций земли Дунина и Коби...

— Правительство, черт возьми! — грубо прервал Галт. — Забудьте эти глупости! Правительства в XXV веке — это всего лишь механизмы. Главное — люди, контролирующие эти механизмы. Плейн на Венере, СвеХолман на Земле, Элдест Брайт на Гармонии и Сэйона из Культиса на Экзотике.

— Ну, а генерал Комал? — начал Донал.

— Ничто! — резко сказал Галт. — Как может дорсаец значить что-нибудь, когда каждая маленькая область Дорсая зубами и когтями цепляется за свою независимость? Нет, я говорю о людях, которые правят звездами... Одних я уже назвал, есть и другие. — Он глубоко вздохнул. — Теперь, как вы думаете, какое же место среди них занимает наш торговый принц и президент правительства Сеты?

— Наверное, он равен им?

— Наконец-то, — сказал Галт. — Наконец-то. Пусть вас не вводит в заблуждение, что он передвигается на обычном пассажирском корабле в сопровождении лишь этой девушки из Культиса. Он — владелец корабля, капитан экипажа, да и половины пассажиров.

— А вы и ваш адъютант? — несколько более резко спросил Донал.

Лицо Галта застыло, затем вновь расслабилось.

— Честный вопрос, — пробормотал он. — Но вам более бы следовало интересоваться вещами, касающимися вас. Но я отвечу. Я — первый маршал Фриленда, но все еще дорсаец, я — наемник, как и все, и ничего больше. Мы

наняли пять дивизий для Первой Диссидентской церкви на Гармонии, и я направляюсь проверить их подготовку и снаряжение. Контракт заключен через посредничество Сеты. Отсюда и Уильям.

— А адъютант? — настаивал Донал.

— Что вам до него? — спросил Галт. — Он — фрилендер, профессионал, неплохой малый. Он будет командовать частью наших сил, когда мы двинемся к Гармонии.

— Давно ли он с вами?

— Уже два года.

— И он действительно хороший профессионал?

— Конечно, черт возьми! Иначе он не был бы моим адъютантом. Почему вы так расспрашиваете о нем?

— Он вызывает у меня предчувствие, — сказал Донал. — Но сформулировать его я пока не могу.

Галт засмеялся.

— В вас сказывается характер ваших маранских предков, — сказал он. — Под каждой веткой видите змею? Верьте моему слову: Хьюго — солдат честный, может, ему несколько не хватает вкуса, но и только.

— Приходится согласиться с вами, — пробормотал Донал. — Но я прервал вас, вы что-то хотели сказать об Уильяме.

— Да, — сказал Галт. Он нахмурился. — И я скажу коротко и ясно. Девушка — не ваше дело. И Уильям — тоже. Оставьте их. Если у меня появится возможность, я найду для вас...

— Благодарю вас, — сказал Донал, — но мне кажется, что Уильям сделает мне предложение.

— Клянусь адом, парень! — воскликнул Галт спустя секунду. — Почему вы так думаете?

— Еще одно мое предчувствие, — сказал он. — Оно несомненно основано на наследии моих маранских предков. — Он встал. — Благодарю вас, сэр, за предложение и предупреждение. — Он протянул сжатый кулак. — Смогу ли я вновь поговорить с вами, если понадобится?

Галт тоже встал и машинально сжал протянутый кулак.

— В любое время, — сказал он. — Но будь я проклят, если понимаю вас.

Донал взглянул на него с внезапно возникшей мыслью.

— Скажите, сэр, — спросил он, — я кажусь вам страшным?

— Станным! — повторил он. — Станным, как... — и он напряг свое воображение. — Но почему вы меня об этом спрашиваете?

— Меня часто так пазывали, — ответил Донал. — Может, они и были правы.

Он встал и вышел из каюты.

НАЕМНИК — III

Возвращаясь по коридорам на нос корабля, Донал позволил себе удивиться не без тоскливости тому странному злему духу, который делал его столь отличным от остальных людей. Он надеялся забыть об этом вместе с кадетским мундиром. Но этот дух остался с ним, все еще громоздясь у него на плечах. Так было всегда. То, что казалось ему таким ясным, для остальных было скрытым и запутанным. Он походил на незнакомца, идущего по городу. Пути его обитателей различны. Их язык беден, и он не может выразить того, что он видит среди них. Они говорят: «Враг» и «друг», «сильный» и «слабый», «они» и «мы». Люди эти строят тысячи произвольных классификаций и различий, которые он не может понять, так как видит, что все они люди, разница между ними ничтожна. Нужно вести себя с ними, как будто они индивидуумы и всегда нужно сохранять терпение.

Вновь завернув в большой зал отдыха, Донал обнаружил, как он и ожидал, юного пентунианина Ар-Делла Монтора, развалившегося в кресле у бара. По-видимому, он сидел здесь с тех пор, как были убраны обеденные столы. В зале было несколько небольших групп пассажиров, занятых выпивкой, но никто из них не подходил к Монтору. Донал направился прямо к нему. Монтор, не двигаясь, поднял голову от своего бокала и следил за приближением к нему Донала.

— Разрешите? — спросил Донал.

Монтор ответил ему неуверенно и замедленно, как будто выпитое мешало ему говорить.

— Мне приятно поговорить с вами. — Его пальцы замерли на кнопках набора заказов. — Что будете пить?

— Дорсайское виски, — сказал Донал.

Монтор нажал кнопку. Через мгновение на поверхности стола появился полный бокал.

Донал взял его и осторожно пригубил. Ночь, когда он отмечал совершеннолетие хорошо познакомила его с дей-

ствием алкоголя. Он увидел, что нептунинин смотрит на него необычно ясным, трезвым и проникательным взглядом...

— Вы моложе меня и даже выглядите моложе,— сказал Ар-Делл.— Как вы думаете, сколько мне лет?

Донал внимательно осмотрел его. Лицо Монтора, несмотря на выражение усталости и пресыщения, было лицом юноши, лишь достигшего возраста мужания, а этому выражению молодости противоречили растрепанные волосы и безвольная поза.

— Четверть стандартного столетия,— сказал Донал.

— Тридцать три абсолютных года,— поправил Ар-Делл.— До 29 лет я был школьником, монахом. Вы думаете, что я слишком много пью?

— Мне кажется, что в этом нет никакого сомнения,— ответил Донал.

— Согласен с вами,— сказал Ар-Делл с одним из своих внезапных полуфырканий-полусмешков.— Согласен с вами. В этом нет сомнений. Пожалуй, единственная вещь в этой богом проклятой вселенной, в которой нельзя усомниться. Но я хотел с вами поговорить не об этом.

— А о чем же? — Донал вновь отхлебнул из бокала.

— О храбрости,— сказал Ар-Делл, пристально глядя на него.— Вы храбры?

— Это необходимое качество солдата,— сказал Донал.— Но почему вы меня об этом спрашиваете?

— И никаких сомнений? Никаких сомнений?

Ар-Делл покрутил напиток в своем стакане и отпил.

— У вас нет тайного страха, что в нужный момент у вас вдруг ослабеют ноги, забьется сильнее сердце, вы повернетесь и побежите?

— Конечно, я не повернусь и не побегу,— сказал Донал.— В конце концов, я — дорсаец. А что касается того, что я чувствую, то единственное, что я могу вам сказать: я никогда не испытывал того, что вы описали. И даже если бы я...

Над их головами мелодично ударил колокол, прервав Донала.

— Временной сдвиг через стандартный час и двенадцать минут,— прозвучал голос.— Временной сдвиг через стандартный час и двенадцать минут. Советуем пассажирам для лучшего самочувствия принять лекарство и провести временной сдвиг во сне.

— Вы уже проглотили таблетку? — спросил Ар-Делл.

— Еще нет, — ответил Донал.

— Но вы сделаете это?

— Конечно. — Донал с интересом взглянул на собеседника. — Почему бы и нет.

— Не является ли прием медикаментов с целью избежать неудобств временного сдвига формой трусости? — спросил Ар-Делл.

— Глупость, — ответил Донал. — Это все равно, что назвать трусостью надевание одежды, чтобы согреться, или же утоление голода, чтобы просто не умереть голодной смертью. Одно — вопрос удобства, другое — вопрос... — Он на секунду задумался, — вопрос долга.

— Храбрость — ваш долг?

— Не взирая на то, что тебе хочется сейчас. Да, — ответил Донал.

— Да, — задумчиво протянул Ар-Делл, — да, — повторил он, поставил пустой бокал на бар и нажал кнопку. — Думаю, что вы действительно храбры, — сказал он, следя, как исчезает пустой бокал и появляется полный.

— Я — дорсаец, — сказал Донал.

— Ах, избавьте меня от восхваления вашего происхождения! — резко сказал Ар-Делл и схватил вновь наполненный бокал. Когда он повернулся к Доналу, лицо его было искажено. — Иногда нужна гораздо большая храбрость. И если дело только в происхождении... — Он внезапно замолчал и наклонился к Доналу. — Слушайте, — прошептал он. — Я — трус.

— Вы уверены? — спокойно спросил Донал. — Откуда вы это знаете?

— Я болезненно труслив, — шептал Ар-Делл. — Я боюсь Вселенной. Что вы знаете о математике социальной динамики?

— Математическая система, дающая предсказания? — спросил Донал. — Мое образование лежит в несколько ином направлении.

— Нет, нет! — раздраженно ответил Ар-Делл. — Я говорю о статистике социальных анализов в их экстраполяции на долгие сроки с расчетом увеличения народонаселения. — Он еще более понизил голос. — Они дают точную параллель со статистикой теории вероятности.

— Мне очень жаль, — сказал Донал, — но для меня это ничего не значит.

Ар-Делл схватил руку Донала своей неожиданно сильной рукой.

— Вы не понимаете? — пробормотал он. — Но возникла вероятность любого события, и в том числе всеобщего разрушения. Оно придет, потому что оно возможно. Итак, наша социальная организация увеличивается в размерах, возрастает и возможность разрушения. Мы уничтожим сами себя. Другого исхода быть не может. Вселенная — слишком ненадежный для нас костюм. Она позволяет нам расти слишком быстро... Мы вырастем до критической массы, — он щелкнул пальцами, — и тогда — конец!

— Ну, это проблема далекого будущего, — сказал Донал. А потом, не понимая, почему его собеседник так встревожен, мягко добавил: — Но почему это так беспокоит вас?

— Неужели вы не понимаете? — сказал Ар-Делл. — Если всюду все исчезнет, как если бы его никогда и не было, в чем тогда смысл нашего существования? Я не имею в виду вещи, созданные нами, они и так скоро исчезнут. Или знания... Это лишь слабое отражение того, что можно прочесть в открытой книге природы. Я имею в виду то, чего не было в природе, что вы принесли в нее. Это любовь, доброта, храбрость...

— Значит, из-за этого вы много пьете? — мягко спросил Донал, освобождая свою руку.

— Я пью, потому что я трус, — сказал Ар-Делл. — Я все время ощущаю эту ненормальность во Вселенной. Алкоголь помогает мне на время забыться. Поэтому я и пью. Я нахожу храбрость на дне бутылки, а храбрость нужна и для того, чтобы перенести временной сдвиг, не прибегая к лекарствам.

— Но зачем? — спросил Донал, пытаясь скрыть улыбку. — Зачем вам это?

— Я гляжу в лицо хоть небольшой, но опасности. — Ар-Делл глядел на него своими темными глазами. — Однажды такой временной сдвиг будет последним, и нас разорвет на мельчайшие клочки. И я встречу это в ясном сознании.

Донал покачал головой.

— Вы не понимаете, — сказал Ар-Делл, откидываясь в своем кресле. — Если бы я работал, я не нуждался бы в алкоголе. Но сейчас я отгорожен от работы. Вот с вами совсем другое дело. Вы получили работу, вы храбры. Думаю, я смог бы... ну, ладно. Храбрость не продается другим людям.

— Вы направляетесь на Гармонию? — спросил Донал.

— Куда идет мой принц, туда и я, — сказал Ар-Делл и вновь издал полуфыркание-полусмешок. — Когда-нибудь вы прочтете мой контракт. — Он вновь повернулся к бару. — Еще виски?

— Нет, — сказал Донал. — Вы извините меня.

— Увидимся позже, — пробормотал Ар-Делл, делая очередной заказ.

— Да, — сказал Донал, — пока...

— Пока, — и Ар-Делл взял полный бокал с бара. Над головами вновь прозвучал колокол, и голос напомнил, что до временного сдвига осталось семнадцать минут. Донал вышел.

Через полчаса, еще раз изучив в своей каюте контракт Анеа, Донал нажал кнопку у двери каюты Уильяма, принца и президента правительства Сеты. Он подождал.

— Да, — послышался голос Уильяма.

— Донал Грим, сэр, — сказал Донал. — Если вы не заняты...

— О, конечно, Донал, входите.

Дверь открылась и Донал вошел.

Уильям сидел в кресле перед небольшим письменным столом. В руках у него была папка с бумагами. На столе был укреплен большой портативный автоматический секретарь. Единственная лампа горела на столе, освещая серые волосы Уильяма. Донал заколебался, услышав, как за ним захлопнулась дверь.

— Садитесь куда-нибудь, — сказал Уильям, не отрывая глаз от своих бумаг. Пальцы его мелькали на клавишах секретаря. — Я сейчас закончу.

Донал огляделся, увидел в полутьме каюты кресло и сел. Уильям в течение нескольких минут продолжал просматривать бумаги, делая при помощи автосекретаря пометки.

Наконец, он отбросил бумаги в сторону и, нажав кнопку, убрал стол в стену. Единственная лампа погасла, но зато включилось общее освещение каюты. Донал зажмурился от внезапного яркого света. Уильям улыбнулся.

— А теперь займемся вашим делом, — сказал он.

Донал помигал, посмотрел на него и снова мигнул.

— Сэр, — сказал он.

— Я думаю, что мы не будем тратить время на лишние разговоры, — сказал Уильям, все еще сохраняя лю-

безный тон.— Вы ворвались к нам, когда мы сидели за столом, явно желая встречи с одним из нас. Вряд ли маршал — ваши дорсайские обычаи заставили бы вас избрать другой способ обращения к нему. Конечно, это не Хьюго и тем более не Ар-Делл. Остается Анеа, она достаточно хороша, вы достаточно молоды для какой-нибудь глупости... но, я думаю, не в нынешних условиях.— Уильям щелкнул пальцами и усмехнулся.— Остаюсь я.

— Нет, нет,— Уильям жестом приказал ему сидеть,— было бы глупо уходить теперь, после всех ваших хлопот об этой встрече.— Его голос стал резким.— Садитесь!

Донал сел.

— Почему вы хотели меня видеть? — спросил Уильям.

Донал пожал плечами.

— Хорошо,— сказал он,— если вы позволите мне быть откровенным... Я смогу быть вам полезен, думаю.

— Если вы думаете, что будете мне полезным, опустошая мою казну или пользуясь моим влиянием, тогда уходите.

— Случилось так, что я оказался обладателем вещи, принадлежащей вам.

Уильям, не говоря ни слова, протянул руку. После секундного колебания Донал извлек из кармана контракт Анеа и протянул его принцу. Уильям взял лист, развернул его и взглянул. Потом осторожно положил на стол.

— Она просила меня помочь ей избавиться от этого,— сказал Донал.— Она хотела нанять меня, чтобы я уничтожил контракт, и она, очевидно, не знала, как это сделать.

— Но вы взялись за это дело,— сказал Уильям.

— Я ничего не обещал,— ответил Донал.

— И вы с самого начала решили вернуть его мне.

— Я считаю,— сказал Донал,— что это ваша собственность.

— О, конечно,— сказал Уильям. Некоторое время он с улыбкой рассматривал Донала.— Вы, конечно, понимаете,— сказал он, наконец,— что я не поверил ни одному вашему слову. Я уверен, что вы сами украли контракт, а потом испугались содеянного и выдумали неправдоподобную историю, чтобы вернуть его мне. Капитан корабля по моему слову с готовностью арестует вас и будет держать в заключении до прибытия на Гармонию.

Холодная гальваническая дрожь пробежала по спине Донала.

— Избранная из Культиса — не солдат под присягой, — сказал он. — Она...

— Нет необходимости вмешивать в это дело Анея, — сказал Уильям. — Все может быть решено и без нее. Мои показания против ваших.

Донал ничего не сказал. Уильям опять улыбнулся.

— Так вы оказались не только корыстолюбивым, но и глупым, — сказал он.

— Сэр... — вырвалось из уст Донала.

Уильям равнодушно отмахнулся.

— Приберегите свой дорсайский гнев для тех, на кого он произведет впечатление. Я знаю, как и вы, что вы не осмелитесь напасть на меня. Если бы вы отличались от обычных дорсайцев... Но вы такой же, как и все: корыстолюбивый и глупый. А теперь, установив эти бесспорные факты, мы можем перейти к делу.

Он посмотрел на Донала. Тот молчал.

— Тогда начнем, — продолжал Уильям. — Вы пришли ко мне, надеясь, что я сумею вас использовать. Да, я смогу это сделать. Анея, конечно, неразумная девушка, но для ее собственной пользы, а также и для моей, так как я ее наниматель, я хотел бы избавить ее от лишних осложнений. Один раз она доверилась вам. Это может повториться. Если она еще раз обратится к вам, не разочаровывайте ее. А чтобы вас сделать более пригодным для этого, — Уильям улыбнулся и добавил с некоторой долей усмешки, — я думаю, что смогу найти для вас место командира отряда под началом Хьюго Киллиена, когда мы достигнем Гармонии. Нет причины для того, чтобы ваша военная карьера шла рука об руку с выполнением других моих поручений.

— Благодарю вас, сэр, — сказал Донал.

Откуда-то донесся звук колокола.

— А временной сдвиг будет через пять минут, — Уильям достал из стола маленький серебряный ящичек и открыл его. — Вы уже принимали лекарство? Пожалуйста.

Он протянул ящичек Доналу.

— Благодарю вас, сэр, — вежливо сказал Донал. — Я уже принял.

— Тогда, — сказал Уильям, беря в рот белую таблетку и ставя ящичек на место, — тогда все.

Донал склонил голову и вышел. Остановившись на мгновение, чтобы принять собственное лекарство, он направился в свою каюту. По дороге он заглянул в корабельную библиотеку и взял информационную катушку о Первой Диссидентской Церкви на Гармонии. Это несколько задержало его, и временной сдвиг застал его в коридоре одной из секций.

Все предыдущие временные сдвиги с того момента, как он оставил Дорсай, он проспал под действием снотворного и, конечно, он был подготовлен годами учения к тому, что его ожидало. Вдобавок он и на этот раз принял необходимое лекарство, он был предупрежден, что последует временной сдвиг. В конце концов, этот интервал, когда отсутствует время, был неощутимо мал. И тем не менее, когда это случилось, только какая-то маленькая его часть помнила, как он оказался разорванным на клочки, на крошечные части, и был собран вновь в произвольной точке на расстоянии многих световых лет. Воспоминание об этом, а не сам временной сдвиг, заставило его пошатнуться, когда он, придя в себя, направился дальше в свою каюту. И это воспоминание навсегда осталось с ним.

Он продолжал путь по коридорам, но испытания этого дня еще не коптились. Когда он подошел к концу одной из секций, из поперечного коридора вышла Анеа. Ее зеленые глаза гневно сверкали.

— Вы видели его,— выкрикнула она, преграждая ему дорогу.

— Видел? А, Уильяма,— сказал он.

— Не отпирайтесь.

— А зачем? — с удивлением поглядел на нее Донал.— В этом нет ничего секретного.

— О,— воскликнула она.— Вы позаботились о контракте? Что вы с ним сделали?

— Отдал владельцу, конечно,— сказал Донал.— Это было самое разумное.

Она внезапно побледнела так, что он подошел, чтобы подхватить ее, если она упадет в обморок. Но она оказалась сильной. Глаза ее выражали гнев и ужас.

— О,— выдохнула она.— Вы... предатель. Вы — обманщик.— И прежде чем он смог обратиться к ее здравому смыслу — он надеялся, что она выслушает его объяснения,— она повернулась и побежала по коридору в направлении, откуда пришел Донал.

Донал со вздохом продолжил свой путь. Остаток пути он пределал, не встретив никого. Как следствие временного сдвига, коридоры были пусты. Проходя мимо одной из кают, он слышал доносившиеся изнутри звуки: кого-то тошнило. Подняв голову, он взглянул на номер и понял, что это каюта Ар-Делла.

Там внутри нептуннианин без медикаментов, без спецподготовки вел свой одинокий бой со Вселенной.

КОМАНДИР ОТРЯДА — I

— Все в порядке, джентльмены,— сказал Хьюго Киллиен.

Он стоял, самоуверенный и производящий впечатление, в своем манящего цвета мундире, кончики пальцев его правой руки упирались в прозрачную крышку планшета с картой.

— Если вы соберетесь у карты...— сказал он.

Пять командиров придвинулись, и шестеро мужчин сгруппировались в тесную группу над планшетом. Неяркий свет с затененного потолка смешивался с подсветкой карты снизу, и Донал, взглянув на причудливо освещенные лица окружающих, почувствовал, что они находятся в каком-то отделении ада, о котором так красноречиво говорил представитель Первой Диссидентской Церкви за несколько часов до этого военного совета.

— ...наша позиция здесь,— продолжал Хьюго.— Как ваш комендант, я могу уверить вас, что наша позиция очень устойчива, а предполагаемое продвижение ни в косяк мере не нарушит Кодекса Наемников. Теперь,— продолжал он более резко,— как видите, мы занимаем участок в пять километров по фронту и три километра в глубину между этими двумя хребтами. Вторая команда Объединенных Войск-176 — справа от нас, Четвертая команда — слева.

Второй и Четвертой командам приказано поддерживать нас с флангов, мы же двинем вперед 60 % нашего состава и овладеем маленьким городом под названием Вера-Придет-На-Помощь, который находится здесь...

Его указательный палец замер в соответствующей точке карты.

— ...приблизительно в четырех километрах от нашей теперешней позиции. Мы используем три наших отряда из пяти: отряды Скуака, Уайита и Грима. Каждый отряд

проделывает свой путь в отдельности. У каждого командира будет своя карта. Первые 1200 метров ваш путь идет лесом. Затем вы должны будете пересечь реку около сорока метров шириной, но, как уверяют разведчики, максимальная глубина ее — метра два. Значит, ее можно перейти вброд. На противоположной стороне реки — лес, постепенно редющий, тянется почти до самого города. Выступаем через двадцать минут. Через час наступит рассвет и я хотел бы, чтобы до дневного света все три отряда были уже на том берегу. У кого есть вопросы?

— Каковы вражеские силы на этом участке? — спросил Скуак. Это был низкорослый, коренастый кассиданин, похожий на монгола, на самом же деле эскимос по происхождению. — Какое мы можем встретить сопротивление?

— Разведчики говорят, что возможны только патрули. Может быть, в самом городе стоит небольшой отряд. — Хьюго оглядел лица командиров. — Какие еще вопросы?

— У меня вопрос, — сказал Донал. Он изучал карту. — Кто этот некомпетентный в военном деле человек, который отдал приказ наступать лишь шестидесяти процентам сил?

Атмосфера в помещении внезапно стала напряженной. Донал взглянул в лицо Хьюго.

— Так случилось, — сказал, сдерживая себя, комендант, — что это мое предложение штабу, Грим. Возможно, вы забыли о том — думаю, что другие командиры отрядов не забыли этого, — что это всего лишь демонстративная кампания, мы должны показать Первой Диссидентской Церкви, что нас напаяли не зря.

— Но это вряд ли согласуется с риском, которому подвергаются 450 человек, — не двигаясь, ответил Донал.

— Грим, — сказал Хьюго, — вы самый младший из командиров, а я комендант. Вы должны знать, что я ничего не обязан вам объяснять. Но, чтобы успокоить вас, скажу: по сведениям разведчиков перед вами нет крупных сил противника.

— Но тогда, — настаивал Донал, — почему мы упускаем такую возможность? Надо двигаться вперед всем.

Хьюго раздраженно вздохнул:

— Определенно, вам следует дать урок стратегии. Вы злоупотребляете правом подвергать сомнению решения штаба, правом, предоставленным вам Кодексом. Но чтобы положить этому конец: есть важная причина, по

которой мы не используем все свои силы. Главный наш удар наносится на этом участке. Если мы сейчас двинем вперед все свои силы, войска Объединенной Ортодоксальной Церкви немедленно усилят сопротивление. А двигаясь небольшим отрядом, мы все время создаем вакуум перед фронтом. И как только мы овладеем городом, Вторая и Четвертая команды тоже придвинутся, и у нас будет позиция, в которой мы сможем отразить любой удар. Я ответил вам?

— Только частично,— сказал Донал.

— Боже, дай мне терпение,— выкрикнул Фрилендер.— У меня за плечами пять кампаний. Я много раз вытаскивал голову из петли. Но я оставляю эту должность, пусть шлют другого коменданта. Довольно. Вы, я и Скуак возглавим наступление отрядов. Теперь вы удовлетворены?

Конечно, ответить на это нечего. Донал в знак подчинения наклонил голову и совет закончился. Возвращаясь к своему отряду в сопровождении Скуака, Донал почувствовал себя настолько неуверенно, что задал вопрос касиданину:

— Как вы думаете, я напрасно расспрашивал его?

— Ну,— ответил Скуак,— это его ответственность. Он должен знать, что делает.

На этом они расстались. Каждый направился к своим людям.

Возвратившись к своему отряду, Донал обнаружил, что его командиры уже собрали людей. Они стояли, выстроившись в три шеренги по пятьдесят человек в каждой, со старшими и младшими командирами групп во главе каждого отряда. Старший командир Первой группы, высокий худой сетаинский ветеран по имени Морфи сопровождал Донала, когда тот обходил ряды, inspecting своих людей.

Это хорошие солдаты, думал Донал, проходя вдоль рядов. Хорошо тренированные и закаленные в боях, хотя их нельзя было назвать отборными солдатами: Элдерс, глава Первой Диссидентской Церкви, выбрал их наугад, Уильям оговорил лишь право выбора офицеров. Каждый был вооружен пистолетом и ножом вдобавок к обычному оружию. Это были пехотинцы, вооруженные пружинными ружьями. Оружие как оружие. Любой головорез в заголке имел оружие все более и более современное, но в современной войне главная задача состоит в том, чтобы не дать противнику пустить в ход оружие. Химиче-

ское и радиационное оружие легко было пустить в ход на расстоянии. А пружинное ружье с его ленточным магазином на пять тысяч патронов, с его компактным прочным неметаллическим механизмом, способно было с неизменной аккуратностью поражать цель на расстоянии в тысячу метров.

И тем не менее, думал Донал, проходя в предрассветной полутьме по рядам, даже пружинное ружье вскоре станет неприменимым. Очевидно, пехотинцы скоро вернутся к ножу и короткому стальному мечу. И исход битвы будет зависеть от искусства отдельного солдата. Ибо рано или поздно, независимо от того, какое фантастическое оружие вы изобретете, вам нужно будет захватить территорию, а это способны сделать лишь пехотинцы, такие, как эти люди, стоящие рядами.

Донал встал перед строем.

— Отдыхайте, ребята, — сказал он. — Но держитесь рядами. Все командиры групп — за мной!

Он отошел на такое расстояние, чтобы солдаты его не слышали, командиры групп следовали за ним. Они кружком присели на корточки, и Донал передал им приказ Штаба, полученный им от Хьюго, и каждому передал карту.

— У кого есть вопросы? — спросил он, как недавно спрашивал Хьюго у своих командиров отрядов.

Вопросов не было. Они ждали продолжения. Он, в свою очередь, осматривал по очереди лица людей, от которых зависело выполнение приказа.

У него была возможность хорошо узнать их за три недели, предшествующие этому утру. Шестеро, которым он смотрел в лицо, представляли в миниатюре все разнообразие мнений, которым было встречено в отряде его назначение. Из 150 человек, находившихся под его командованием, некоторые сомневались в нем из-за его молодости и отсутствия военного слуха. Большинство же определенно было довольным его назначением, так как военная репутация дорсайцев была очень высока. И немногие, очень немногие принадлежали к тем людям, которые автоматически сопротивляются всем, кто внезапно возвышается над ними. К этому типу относился старший командир Третьей группы, бывший шахтер из Коби по имени Ли. Даже сейчас, сидя на корточках в кружке, на пороге действий, он встречал взгляд Донала с выражением вызова: щетина черных волос его топорщилась в полутьме, а челюсти были крепко сжаты. Когда такие

люди находятся у тебя в подчинении, они причиняют множество хлопот. Донал решил изменить свое первоначальное намерение передвигаться вместе с Третьей группой.

— Мы разобьемся на группы по двадцать человек в каждой,— сказал он,— в каждой должен быть старший или младший командир. Двигаться будем раздельно, но если наткнемся на вражеский патруль, объединимся. Ясно?

Они кивнули. Им было ясно.

— Морфи,— сказал Донал, обращаясь к худому старшему командиру группы.— Я хочу, чтобы вы пошли со старшим командиром Ли, который будет находиться в тылу. Ли со своей половиной группы расположится перед вами. Чессен,— он взглянул на старшего командира Второй группы,— вы и Золта займете третью и четвертую позиции с тыла. Я хочу, чтобы вы лично находились в четвертой позиции. Суки, вы как младший командир Первой группы, будете идти впереди Чессена и справа от меня. Я поведу оставшуюся часть Первой группы.

— Как насчет связи? — спросил Ли.

— Ручная сигнализация. Голос. И все. Я не разрешаю группам сближаться для установления связи. Между группами должен быть как минимум интервал в 20 метров.— Донал вновь оглядел собравшихся.— Наша задача состоит в том, чтобы пробраться к этому маленькому городу как можно тише и спокойнее. Вступайте в бой, если только на вас нападут.

— Говорили, что нас ожидает воскресная прогулка,— заметил Ли.

— Я не оперирую лагерными слухами,— решительно ответил Донал.— Мы примем все меры предосторожности. Вы, командиры групп, отвечаете мне за полную экипировку людей, включая медикаменты.

Ли зевнул. Это не был знак вызова.

— Хорошо,— сказал Донал,— идите назад к своим людям.

Совещание завершилось. Через несколько минут еле различимый свист передавался от группы к группе: они начали движение. Рассвет еще не наступил, но вершины деревьев начали выступать на фоне неба.

Первые 1200 метров через лес, пройденные с величайшей осторожностью, напоминали то, о чем говорил Ли — воскресную прогулку. Когда Донал во главе половины

группы вышел на берег реки, мысль эта пачала укрепляться.

— Выслать разведчиков,— приказал он.

Два человека скользнули в воду и, держа оружие над головами, пересекли ее ровную поверхность, добравшись до противоположного берега. Помахав ружьями, они дали знак, что все спокойно, и Донал повел оставшихся через реку.

Перебравшись на противоположный берег, он выслал разведчиков в трех направлениях — вперед и вдоль берега в обе стороны. Подождал, пока реку не перейдет Суки со своими людьми. Разведчики вернулись, не обнаружив противника. Донал построил своих людей в редкую цепь и двинулся дальше.

День быстро разгорался. Они передвигались пятидесятиметровыми перебежками, высылая вперед разведчиков и двигаясь дальше только тогда, когда разведчики сообщали об отсутствии противника. Перебежка за перебежкой, а противника все не было.

Спустя час, когда огромный оранжевый диск Е-Эпсилона уже поднялся над горизонтом, Донал смотрел через кусты на маленький молчаливый поселок, обнесенный забором.

Спустя еще сорок минут, три группы Третьего отряда Объединенных сил-176 быстро покинули городок Вера-Придет-На-Помощь. В нем они не обнаружили ни одного жителя.

КОМАНДИР ОТРЯДА — II

Имя командира отряда Грима было опорочено.

Третья команда, или, вернее, та часть ее, которая покидала улицы городка, не делала даже попыток скрыть это от него. Если бы он показал, что чувствует их оценку, возможно, что они выразили бы это яснее. Но было в его совершенном равнодушии к их мнению что-то такое, что заставляло их сдерживать свое презрение. Тем не менее, сто пятьдесят человек, дошедшие до городка в полном снаряжении и с соблюдением величайшей осторожности, и триста остальных солдат, проделавших путь гораздо легче и быстрее, были едины в своей оценке нового офицера, и эта оценка Донала упала до низшей точки. Ибо есть единственная вещь, которую ветераны ненавидят больше, чем потеть без необходимости в гар-

низоне. И эта вещь — потеть без необходимости в поле. Ведь говорили же, что это будет воскресная прогулка. И это действительно была воскресная прогулка, но только не для тех, кто имел несчастье оказаться под командованием зеленого дорсайца по имени Грим. Его люди были очень недовольны. В сумерках, когда лучи заходящего солнца едва пробивались сквозь густые ветви местного потомка земного хвойного дерева, завезенного на эту планету с планеты Земля при колонизации, прибыл гонец от Хьюго. Комендант находился на командном пункте, что располагался рядом с покинутым городом. Гонец разыскал Допала, сидевшего верхом на упавшей балке и разглядывавшего карту местности.

— Известие из Штаба,— сказал гонец, присаживаясь на корточки у балки.

— Встаньте,— спокойно сказал Донал. Гонец встал.— Что за известие?

— Вторая и Третья команды останутся на месте до завтрашнего утра,— громко сказал гонец.

— Известие принято,— сказал Донал, отправляя посланца. Гонец повернулся и заторопился дальше.

Оставшись одни, Донал продолжал изучать карту, пока позволял дневной свет. Когда совсем стемнело, он отложил карту, извлек из кармана маленький свисток и вызвал к себе ближайшего командира группы.

Через мгновение на фоне тускло освещенного неба вырисовалась высокая тонкая фигура.

— Морфи, сэр. Вызывали? — послышался голос старшего командира группы.

— Да,— ответил Донал.— Часовые расставлены?

— Да, сэр,— ответил без энтузиазма Морфи.

— Хорошо. Пусть все время будут настороже. А теперь, Морфи...

— Да, сэр?

— Кто в отряде лучше всех распознает запахи?

— Запахи, сэр?

Донал ждал ответа. Наконец, Морфи медленно и задумчиво сказал:

— Наверное, Ли, сэр. Он вырос в шахтах. А там необходимо хорошее обоняние. Это шахты на Куби, командир...

— Я знаю, о чем вы говорите,— сухо ответил Донал.— Вызовите сюда Ли.

Морфи извлек свой свисток и вызвал старшего командира Третьей группы. Они подождали.

— Он в лагере? — спросил через некоторое время Донал. — Я приказал, чтобы никто не выходил за посты и чтобы все были в пределах слышимости свистка.

— Да, сэр, — сказал Морфи. — Он сейчас придет. Он знает приказ. Эти свистки весьма мало отличаются друг от друга, нужна практика, чтобы научиться их различать, сэр.

— Командир группы, — сказал Донал. — Я буду признателен, если вы в дальнейшем не станете мне объяснять то, о чем я и так знаю.

— Да, сэр, — сказал Морфи покорно.

В полутьме показалась еще одна тень.

— В чем дело, Морфи? — услышался голос Ли.

— Вас вызывал я, — заговорил Донал, прежде чем старший командир группы смог ответить. — Морфи сказал, что вы хорошо различаете запахи.

— Очень хорошо, — ответил Ли.

— Сэр.

— Очень хорошо, сэр.

— Отлично, — сказал Донал. — Взгляните оба на карту. Быстрее. Я посвечу вам. — Он зажег небольшой фонарик, прикрывая его рукой. Карта была расстелена на балке перед ним. — Три километра отсюда. Вы знаете, что там?

— Небольшая долина, — сказал Морфи. — Наши посты в стороне от нее.

— Мы отправляемся туда, — сказал Донал. Свет погас и он встал с балки.

— Мы... Мы, сэр? — услышал он голос Ли.

— Мы втроем. Пошли. — И он осторожно двинулся вперед во тьме.

Идя по лесу, он с удовольствием убедился, что командиры групп идут также бесшумно и осторожно. Медленно, с соблюдением осторожности, они прошли около мили. Тут они почувствовали, что поверхность поднимается.

— Ползком, — спокойно сказал Донал.

Они легли на животы и осторожно начали медленно подниматься. Подъем занял у них добрых полчаса. Но в конце концов они оказались рядом друг с другом на краю обрыва. Они лежали и смотрели в темноту открывшейся перед ними долины. Донал тронул Ли за плечо и, когда тот повернулся к нему, Донал дотронулся до своего носа, указал на долину и сделал энергичный вдох. Ли повернул лицо к долине и в течение нескольких минут

лежал, внешне ничего не делая. Затем он вновь повернул лицо к Доналу и кивнул. Тот поманил командиров с обрыва.

Донал ничего не спрашивал, а командиры ничего не говорили, пока не оказались на безопасном расстоянии, за своими постами. Тогда Донал обратился к Ли:

— Ну, Ли, что вы почувствовали?

Ли колебался. В его голосе, когда он, наконец, ответил, чувствовалось удивление:

— Не знаю, сэр,— ответил тот.— Но что-то, по-моему, кислое... Не помню такого запаха.

— Это все, что вы можете сказать? «Что-то кислое»?

— Не знаю, сэр,— ответил Ли.— У меня хорошее обоняние, командир, на самом деле, хорошее,— голос его звучал воинственно,— но ничего подобного я до сих пор не ощущал. Я вспомнил бы.

— Кто-нибудь из вас бывал на этой планете?

— Нет,— ответил Ли.

— Нет, сэр,— повторил Морфи.

— Понятно,— сказал Донал. Они подошли к той самой балке, с которой он встал три часа назад.— Это все. Благодарю вас, командиры групп.

Он вновь сел на балку. Двое, поколебавшись немного, исчезли.

Оставшись один, Донал изучил карту, затем некоторое время посидел в задумчивости, потом, подозревая Морфи, сказал, что отправляется на командный пункт.

Командный пункт располагался в затененном помещении. Внутри спал ординарец, у освещенной карты сидел Скуак.

— Где комендант? — войдя, спросил Донал.

— Отправился спать три часа назад,— ответил Скуак.— У вас к нему какое-то дело? Он оставил меня дежурить.

— Где он спит?

— В десяти метрах отсюда в кустарнике. Но что случилось? Вы хотите разбудить его сейчас?

— Может, он уже проснулся,— сказал Донал и вышел.

Выйдя из командного пункта, он осторожно двинулся в направлении, указанном ему Скуаком. Здесь, прикрепленный к двум деревьям, висел полевой гамак: внутри сквозь верхнюю накидку смутно вырисовывалась фигура. Но когда Донал протянул руку и дотронулся до плеча спящего, он понял, что пустой костюм. Сдерживая дыха-

ние, Допал повернул обратно к городу. Пройдя мимо командного пункта, он направился к городу, но был остановлен часовым.

— Извините, командир,— сказал часовой,— приказ коменданта. Никому не разрешается уходить в город. Даже ему самому,— сказал он.— Там ловушки.

— Спасибо,— ответил Допал. Повернувшись, он скрылся во тьме. По отойдя немного, он повернул обратно, осторожно миновал посты и приблизился к домам города. Маленькая, но очень яркая луна, которую жители Гармонии называли Оком Господа, только что взошла, и всюду появились серебряные и черные тени. Укрываясь в темных местах, Допал начал тщательно обыскивать город, дом за домом и здание за зданием.

Это было медленное и утомительное занятие, так как все это пужно было ему проделать в тишине. Спустя почти четыре часа он нашел то, что искал.

В центре небольшого освещенного луной и лишенного крыши строения стоял Хьюго Киллиен. Он выглядел весьма внушительно в своем маскировочном военном мундире. Рядом с ним, почти в объятиях — Анеа, избранная из Культиса. За ними, мерцающая под действием поляризующей установки, которая должна была, несомненно, обеспечить незаметность ее появления, стояла маленькая летающая платформа.

— Любимая,— говорил Хьюго. Голос его был так тих, что едва долетал до скорчившегося за полуразрушенной стеной Допала.— Любимая, вы должны верить мне. Вместе мы можем остановить его: но вы должны разрешить мне вмешаться в это. Его власть огромна...

— Знаю, знаю,— прервала она его, ломая руки.— Но каждый день ожидания увеличивает опасность для нас, Хьюго. Бедный Хьюго,— она протянула руку и погладила его по щеке,— это я вовлекла вас в это.

— Вовлекли? Меня? — Хьюго сдержанно засмеялся.— Я вступил на этот путь с открытыми глазами.— Он попытался прижать ее к себе.— Ради вас...

— Сейчас не время,— остановила она его мягко.— И потом, вы это делаете вовсе не из-за меня. Из-за Культиса. Дело не во мне,— с яростью сказала она,— он не получит под свою власть мою землю.

— Конечно, ради Культиса,— сказал он.— Но Культис — это вы, Анеа. Вы — это все, что я люблю на Экзотике, но разве вы не видите, что все основано лишь на наших подозрениях? Вы думаете, что он действует про-

тив Сэйоны, но это не значит, что он действует против Культиса вообще.

— Но что же мне делать? — воскликнула она. — Я не могу действовать против него его методами. Я не могу обманывать, лгать и посылать шпионов, тем более, что у него все еще мой контракт. Я вообще не могу этого сделать. Вот что значит быть избранной. — Она сжала кулак... — Я в ловушке у собственного мозга, у собственного тела. — Вдруг она снова повернулась к нему: — Но когда я впервые заговорила с вами два месяца назад, вы ответили, что это очевидно.

— Я ошибался, — успокаивающим тоном ответил Хьюго. — Кое-что привлекло мое внимание, но, во всяком случае, я был не прав. У меня тоже есть принципы, моя Анеа. Может, они не достигают уровня вашей психологической блокады, но я тоже знаю, что такое честь и право.

— Да, я знаю, Хьюго, — она была вся в раскаянии. — Но я отчаялась. Я не знаю, что еще можно сделать.

— Если бы он только предпринял что-нибудь против вас лично...

— Против меня? — она фыркнула. — Он не посмеет. Я — избранная из Культиса. А кроме того, это было бы глупостью, — добавила она с таким здравым смыслом, которого в ней Донал не подозревал. — Он ничего этим не выиграл бы, только встревожил бы Культис.

— Не знаю, — Хьюго нахмурился. — Он — мужчина. Когда я лишь подумую...

— О, Хьюго, — она внезапно хихикнула, как школьница. — Не будьте таким смешным.

— Смешным? — Он был оскорблен.

— О, я не хотела вас обидеть, Хьюго. Перестаньте глядеть, как слон, хобот которого укусила пчела. Об этом нечего и говорить. Он слишком рассудителен для... — Она вновь хихикнула, потом вздохнула. — Нет, вам нужно бороться с его разумом, а не с сердцем.

— А о моем сердце вы не заботитесь? — он задал этот вопрос низким голосом.

Она глядела в землю.

— Хьюго, вы мне нравитесь... — сказала она. — Но вы не понимаете. Избранная из Культиса — это... это символ.

— Вы хотите сказать, что не можете.

— Нет, нет, не это, — она быстро взглянула на него. — Моя блокада не распространяется на любовь, Хьюго. Но если я вовлечена во что-то, пусть даже незначи-

тельное, но имеющее отношение к Культису, я не могу... понимаете?

— Я понимаю, что я солдат,— сказал он.— Но я никогда не знаю, будет ли у меня завтрашний день.

— Я знаю,— ответила она,— и они посылают вас с такими опасными заданиями.

— Дорогая, маленькая Анеа,— торопливо сказал он,— как мало вы знаете, что это значит, быть солдатом. Я добровольно избрал свой путь.

— Добровольно? — она вопросительно посмотрела на него.

— Чтобы искать опасности, чтобы найти возможности самоутвердиться,— горячо сказал он.— Создать себе такое имя, чтобы все среди звезд знали, что я достоин избранной из Культиса.

— О, Хьюго,— воскликнула она с энтузиазмом,— если бы вы только могли. Если бы вы прославились. Тогда мы победили бы его.

Он поглядел на нее с таким обескураженным видом, что Донал в своем укрытии чуть не расхохотался?

— Неужели вы будете всегда говорить о политике? — воскликнул он.

Но Донал уже отвернулся от них. Не было смысла дальше слушать их. В молчании он отошел на безопасное расстояние, а затем пошел быстро, не заботясь о соблюдении тишины. Короткая ночь северного континента Гармонии уже сменялась рассветом. Донал добрался до расположения своего отряда. Один из часовых окликнул его:

— Стой! Стой и назови... сэр.

— Пошли со мной! — скомандовал Донал.— В каком направлении расположена Третья группа?

— Здесь, сэр,— часовой пошел вперед, указывая дорогу.

Дойдя до нужного места, Донал извлек свисток и вызвал Ли.

— Какого?... — послышался сонный голос откуда-то вблизи. Гамак раскрылся, и на землю вывалился бывший шахтер.— Какого дьявола... сэр?

Донал обеими руками повернул его голову в сторону вражеской территории, откуда дул утренний ветерок.

— Нюхайте,— приказал он.

Ли заморгал. Ухватил нос в горсть и сдержал зевотку. Он глубоко вздохнул, наполнив свои легкие, ноздри его расширились — вся его сонливость неожиданно слетела с него.

— Тот же самый запах, сэр,— сказал он, поворачиваясь к Доналу.— Только сильнее.

— Хорошо.— Донал повернулся к часовому: — Передайте приказ старшим командирам Первой и Второй группы. Пусть они посадят своих людей на деревья, достаточно высоко, и чтобы никто не зевал и не слезал.

— На деревья, сэр?

— Действуйте. Через десять минут каждый человек из отряда должен быть в дюжине метров от земли, со своим оружием.— Часовой повернулся, чтобы выполнить приказ, а Донал добавил: — Если успеете, отправляйтесь к командному пункту и передайте им то же самое, если не успеете, взбирайтесь сами на дерево, понятно?

— Да, сэр.

— Исполняйте.

Донал принялся будить солдат Третьей группы и загонять их на деревья. В десять минут это не было сделано. Прошло не менее двадцати минут, пока все не оказались на деревьях. Группа же дорсайских школьников выполнила бы это вчетверо быстрее. Тем не менее, думал Донал, устраниваясь на ветке, они успели вовремя.

Он не остановился, подобно другим, на высоте в двадцать метров. Автоматически, выгоняя солдат из гамаков, он заметил самое высокое дерево, взобрался на него и смог с его вершины осматривать окрестности над окружающей растительностью. Прикрыв глаза от восходящего солнца, он рассматривал вражескую территорию.

— Что нам теперь делать? — донесся до него чей-то обиженный голос.

Донал отнял ладонь от глаз и поклонил голову.

— Старший командир группы Ли,— сказал он, не прягая голоса, но так, чтобы его слышали все,— вы обязаны застрелить каждого, кто откроет рот без моего или вашего разрешения. Это приказ.

Он вновь поднял голову и в воцарившейся тишине принялся осматривать из-под десницы местность.

Секрет наблюдения — в терпении. Он ничего не видел, но продолжал сидеть, не разглядывая ничего в особенности, но глядя на все в целом. Через несколько долгих минут он уловил краем глаза какое-то слабое движение. Он не пытался отыскать его вновь, он продолжал изучать всю территорию. И постепенно, как если бы в каком-то фильме они вырастали из-под земли, он убедился, что видит людей, перебегающих от укрытия к укрытию, множество людей, приближающихся к лагерю.

Он вновь наклонил голову среди ветвей.

— Не стрелять, пока не услышите мой свисток,— сказал он негромко.— Сохранять спокойствие.

Он слышал, словно ветерок прошумел в ветвях — это его приказ передавали всем солдатам Третьей группы. А также, как он надеялся, Первой и Второй.

Маленькие изменчивые фигурки продолжали приближаться. Глядя на них тайком сквозь листву, он заметил маленький черный крест, пришитый к правому плечу на мундире каждого. Это не были наемники. Это были местные отборные войска Объединенной Ортодоксальной Церкви, прекрасные солдаты и дикие фанатики в то же время. И в этот момент нападающие поднялись во весь рост, разразились дикими криками и воплями, и весь этот шум смешался со звуком выстрелов ружей, рвавших в клочья воздух, деревья и человеческую плоть.

Они двигались не прямо к деревьям, на которых укрылись люди Донала. Но эти люди были наемниками, а ортодоксалы атаковали лагерь, где находились их товарищи. Донал сдерживал своих людей сколько мог и даже на несколько секунд дольше, потом, прижав свисток к губам, дунул в него — свист разнесся из одного конца лагеря в другой. Его люди открыли яростный огонь с деревьев. Через несколько мгновений на земле воцарилось дикое смятение. Очень трудно определить, с какого направления ведется стрельба из пружинного ружья. Около пяти минут нападающие солдаты-ортодоксалы действовали в заблуждении, что по ним стреляли из какого-то подземного укрытия. Они безжалостно убивали всех, кого видели перед собой, но когда они обнаружили ошибку, было уже поздно. По их редющим рядам был сосредоточен огонь 151 ружья, и хотя искусство стрельбы было удовлетворительным по дорсайским понятиям, кроме одного случая, вообще оно было достаточным для выполнения задачи. Меньше чем через сорок минут после того, как Донал начал будить своих солдат, сражение было закончено.

Третья группа спустилась на землю и один из первых спустившихся — солдат по имени Кеннебак — спокойно поднял ружье на плечо и выстрелом перебил горло ортодоксала, корчившегося на земле поблизости.

— Прекратить,— резко скомандовал Донал. Голос его разнесся по всему пространству.— Наемник ненавидит бессмысленные убийства. Не его дело резать людей, его дело — выигрывать сражения.

Больше не раздалось ни одного выстрела. Этот факт свидетельствовал о резком изменении мнения Третьей команды относительно своего нового командира по имени Грим.

По приказу Донала были собраны раненные с обеих сторон, серьезно раненым оказали немедленную помощь. Атакующие солдаты все были уничтожены. Но потери не ограничились лишь одной стороной. Из трехсот человек, подвергшихся атаке на земле, три четверти, включая командира Скуака, были убиты.

— Приготовиться к отходу, — приказал Донал и в этот момент человек, стоявший перед ним, повернул голову и посмотрел на что-то позади Донала. Донал повернулся. Из города с пистолетом в руке выходил комендант Киллиен. В молчании, не двигаясь, уцелевшие солдаты трех команд ждали его приближения. Он посмотрел на них и перевел взгляд на Донала. Ускорив шаг, он остановился в нескольких шагах от молодого дорсайца.

— Ну, командир, — выпалил он, — что случилось, докладывайте.

Донал не ответил ему. Он поднял руку и указал на Хьюго.

— Солдаты, — приказал он двум ближайшим к Хьюго паемникам, — арестуйте этого человека. Приказываю держать его под арестом до немедленного военно-полевого суда в соответствии со статьей 4 Кодекса Паемников.

ВЕТЕРАН

После прибытия в город, устроившись в гостинице, Донал с аннулированным контрактом в кармане спустился на два этажа, чтобы нанести визит маршалу Хендрику Галту. Посетив маршала и завершив все эти дела, он отправился со вторым визитом в другой отель.

Несмотря на свой сильный характер, он чувствовал некоторую слабость в коленях, сообщая свое имя дверному роботу. Большинство людей простило бы ему слабость. Но Уильям, принц Сеты, был одной из тех личностей, с которыми самый вздорный человек не стал бы ссориться даже в своем доме, а Донал, несмотря на весь свой военный опыт, был всего лишь молодым человеком. Дверной робот пригласил его войти, и Донал, приняв самое спокойное и независимое выражение, прошел через анфиладу комнат.

Уильям, как и в предыдущий раз, когда Донал видел его, работал за письменным столом. Это не было хвастовством и не делалось напоказ, как решило бы большинство людей. Редко кто из людей был так занят хоть раз в году, как Уильям — ежедневно со своими бесчисленными делами. Донал подошел к столу и поклонил голову в знак приветствия. Уильям поглядел на него.

— Поражаюсь, видя вас здесь, — сказал он.

— В самом деле, сэр?

Уильям молча разглядывал его с полминуты.

— Я не часто ошибаюсь, — сказал он. — Но мне, возможно, следует утешить себя тем, что, когда я делаю ошибки, они, как правило, словно по волшебству, оборачиваются крупнейшими моими успехами. Каким нечеловеческим оружием снабдили вы себя, молодой человек, что осмеливаетесь вновь появиться в моем присутствии?

— Может быть, это оружие называется общественным мнением, — ответил Донал. — Я кое-чего достиг в глазах солдат. У меня теперь есть имя.

— Да, — сказал Уильям. — Я знаю этот род оружия по собственному опыту.

— Кроме того, — сказал Донал, — вы послали за мной.

— Да. — И тут безо всякого предупреждения лицо Уильяма приобрело такое свирепое выражение, какого Донал никогда не видел. — Как вы посмели? — злобно сказал принц. — Как вы только посмели?

— Сэр, — ответил Донал с деревянным неподвижным лицом. — У меня не было выбора.

— Не было выбора. Приходите ко мне и имеете наглость заявлять, что у вас не было выбора?

— Да, сэр, — ответил Донал.

Уильям встал быстрым и гибким движением. Наклонившись над столом, он глядел в лицо Доналу, глаза его были совсем рядом с глазами юного дорсайца.

— Я приказал вам исполнять лишь мои приказания, ничего больше, — холодно сказал он. — А вы, показной герой, вы все испортили.

— Сэр?

— Что, «сэр»? Вы — умственно отсталый из лесной глуши. Вы глупец. Кто велел вам вмешиваться в дела Хьюго Килллена?

— Сэр, — сказал Донал, — у меня не было выбора.

— Не было выбора? Как это не было выбора?

— Моя команда — это команда паемников, — ответил Донал, не двигая ни одним мускулом лица. — Командант

Киллиен заверил нас в безопасности в соответствии с Кодексом Наемников. Его уверения оказались не только неправдой, но он еще и бросил свой отряд на произвол судьбы на вражеской территории. Он ответствен за смерть половины своих людей. Как старший после него по званию офицер, я обязан был арестовать его и отдать под суд.

— И суд состоялся тут же, на месте?

— Так предписывает Кодекс, сэр,— сказал Донал. Он помолчал.— Я сожалею, но его пришлось расстрелять. Военно-полевой суд не дал мне выбора.

— Онять,— сказал Уильям.— Нет выбора. Грим, межзвездное пространство не для тех, кто не умеет делать выбора.— Он резко повернулся, обошел стол и сел.— Ладно,— сказал он холодно, но уже овладев собой.— Идите.

Донал повернулся и пошел к выходу.

— Оставьте свой адрес дверному роботу,— сказал Уильям.— Я подыщу для вас должность на какой-нибудь другой планете.

— Сожалею, сэр...— сказал Донал. Уильям вопросительно посмотрел на него.— Я думал, что вы перестанете заботиться о моем будущем. Маршал Галт уже нашел для меня должность.

Уильям некоторое время продолжал смотреть на него. Глаза его были холодными, как зрачки василиска.

— Понятно,— наконец медленно сказал он.— Что ж, Грим, мы с вами еще встретимся.

— Я надеюсь на это,— ответил Донал.

Он вышел. Но даже закрыв двери за собой, он, казалось, чувствовал на своей спине взгляд Уильяма.

У него оставался еще один визит, после чего его дела на этой планете можно было считать законченными. Выбрав направление, он спустился на один этаж.

Дверной робот пригласил его войти. Ар-Делл, как всегда неопрятный, с блестящими от выпивки глазами, встретил его на полпути от входа.

— Увы,— сказал Ар-Делл, когда Донал объяснил ему, чего он хочет.— Она не желает вас видеть.— Он пожал плечами, глядя на Донала, глаза его прояснились. В них появилось печальное и доброе выражение, тут же сменившееся горькой усмешкой.— Но это не понравится старой мисс. Я скажу ей.

— Я хочу сказать ей кое-что, что она должна знать,— сказал Донал.

— Ладно. Подождите.— Ар-Делл вышел.

Вернулся он минут через пятнадцать.

Поднимитесь,— сказал он.— Комната № 1890.— Донал направился к двери.— Кто бы мог подумать,— печально сказал нептунянин.— Я хотел бы еще встретиться с вами.

— Мы еще встретимся,— сказал Донал.

— Да,— сказал Ар-Делл, проницательно глядя на Донала.— Обязательно встретимся.

Донал вышел и поднялся в комнату № 1890. Дверной робот пригласил его войти. Анеа, стройная и суровая, в одном из своих длинных платьев, с высоким воротником, ждала его.

— Ну,— сказала она.

Донал печально посмотрел на нее.

— Вы меня ненавидите? — спросил он.

— Вы убили его! — выкрикнула она.

— Да, конечно,— хотя он и сдерживался, но раздражение, которое она вызывала в нем, прорвалось на поверхность.— И сделал это для вашего же блага.

— Для моего блага?

Он извлек из кармана маленький записывающий аппарат. Но аппарат, к его удивлению, не работал: что-то испортилось.

— Послушайте,— сказал он.— Вы прекрасно подготовлены к генетическим образам тренировки, вы — избранная, но не больше. Как вы не можете понять, что межзвездные интриги не для вас?

— Межзвездные... О чем вы говорите?

— О, наберитесь хоть немного терпения,— сказал он устало.— Уильям — ваш враг. Вы это хорошо понимаете, но не понимаете, почему, хотя вам кажется, что это не так. И даже я в этом ошибался. Но вы не сможете обыграть Уильяма в его игре, играйте свою собственную. Будьте избранной из Культиса. Как избранная, вы неприкосновенны.

— Если вам больше нечего сказать...

— Ладно,— делая шаг вперед.— Тогда слушайте. Уильям пытался скомпрометировать вас. Кипплиен был его орудием...

— Как вы смеете? — выкрикнула она.

— Как я смею? — устало повторил он.— Есть ли хоть один человек в этом межзвездном мире безумцев, который не сказал бы мне эту фразу? Я смею, потому что это — правда.

— Хьюго,— почти кричала она,— был честным человеком. Солдатом и джентльменом. А не...

— Не наемником? — спросил он.— Но он был им.

— Он был офицером, настоящим офицером,— надменно ответила она.— В этом разница.

— Нет никакой разницы.— Он покачал головой.— Вы не понимаете, что наемник — это вовсе не оскорбление. Ну, не в этом дело. Киллиен был хуже, чем любое слово, которым вы, по ошибке, можете назвать меня. Он был дурак.

— О...— она отвернулась.

Он схватил ее за локоть и повернул к себе. Она была удивлена. Ей и в голову не приходило, что он так силен. Сознание своей физической беспомощности в его руках вызвало у нее внезапное и неожиданное молчание.

— Слушайте правду,— сказал он.— Уильям выставил вас как дорогую награду перед глазами Киллиена. Он вселил в него глупую надежду, что он сможет получить вас — избранную из Культиса. Он сделал для вас возможным посещать Хьюго ночью в городке Вера-Придет-На-Помощь. Да,— ответил он на ее жест,— я знал это, я видел вас там с ним. Он уверил Хьюго, что тот встретит вас, так же как он убедил ортодоксалов, что атака будет удачной.

— Я не верю...— начала она.

— Не будьте и вы дурой,— грубо сказал Донал.— Как иначе отборные войска ортодоксалов напали бы на лагерь именно в тот момент? Кто, кроме этих фанатичных ортодоксалов, был бы способен не оставить ни одного живого человека в лагере? Предполагалось, что один человек останется в живых — Хьюго Киллиен. Он вернется и получит вас в награду за свой подвиг. Видите, чего стоит ваше доброе мнение?

— Хьюго не мог...

— Хьюго мог,— прервал Донал.— Я сказал, что он был дураком. Дураком, но сравнительно хорошим солдатом. А Уильяму ничего другого и не нужно было. Он знал, что Хьюго достаточно глуп, чтобы пойти на встречу с вами, и достаточно хороший солдат, чтобы остаться в живых, когда весь его отряд будет уничтожен. Как я и говорил, он вернулся бы один — и вернулся бы героем.

— Но вы предвидели это,— воскликнула она на это.— В чем ваш секрет? У вас прямая связь с лагерем ортодоксалов?

— Все было ясно из ситуации: отряд был брошен на

произвол судьбы, комендант глупейшим образом отправился на любовное свидание; в таких условиях что-то вроде внезапного нападения неизбежно. И я просто спросил себя, какой род войск может быть использован и как можно их обнаружить. Войска ортодоксалов питаются только местными растениями, приготовленными по туземному способу. Запах этой пищи пропитал их одежду. Любой ветеран войны с Гармонией сумел бы обнаружить их тем же способом.

— Если бы его нос был достаточно чувствителен, если бы он знал, где искать...

— Было только одно возможное место...

— Все равно,— холодно сказала она.— Дело не в этом.— Внезапно она яростно выкрикнула: — Дело в том, что Хьюго был невиновен. Вы сами это признали. Он был, даже если согласиться с вами, всего лишь глуп. А вы его убили.

Он устало вздохнул.

— Преступление, за которое был расстрелян комендант Киллиен, заключалось в том, что он бросил своих людей, покинув их на вражеской территории. За это он заплатил жизнью.

— Убийца! — воскликнула она.— Уходите!

— Но,— начал он, изумленно глядя на нее,— я ведь только что объяснил...

— Вы ничего не объяснили,— холодно, как бы с далекого расстояния сказала она.— Я не слышала ничего, кроме нагромождений лжи, лжи о человеке, чьи сапоги вы недостойны были чистить. Уйдите вы или мне придется вызвать охрану?

— Вы не верите?..— начал он, глядя на нее широко раскрытыми глазами.

— Уходите,— она отвернулась от него.

Как в тумане, он повернулся, дошел до двери и вышел в коридор. Продолжая идти, он схватился за голову, как человек, который хотел бы проснуться от кошмара.

Что за проклятие тяготее над ним? Она ведь не лгала — она не способна была на это. Она выслушала его объяснения, и они для нее ничего не значили. Все было так очевидно, так ясно — махинации Уильяма и глупость Киллиена. Она не увидела этого, даже когда Донал указал ей. Она, избранная из Культа.

Почему? Почему? Почему?

Раздираемый сомнениями и одиночеством, Донал двинулся по направлению к отелю Галта.

Часть вторая

АДЪЮТАНТ

Они встретились в кабинете маршала Галта в его фрилендском доме: огромная протяженность пола, высота сводчатых потолков подавляли их, когда они втроем встретились у письменного стола.

— Капитан Ллудров, это мой адъютант, комендант Донал Грим,— сказал резко Галт.— Донал, это Расс Ллудров, командир моего Голубого Патруля.

— Вы оказываете мне честь, сэр,— сказал Донал, наклоня голову.

— Рад познакомиться с вами, Грим,— ответил Ллудров. Это был низкорослый, плотный человек, около сорока лет, темнокожий, с черными глазами.

— Доналу можно сообщать всю необходимую информацию,— сказал Галт.— Итак, что сообщают ваши разведчики?

— Нет сомнений в том, что они планируют экспедиционную высадку на Ориенте.— Ллудров повернулся к столу и нажал кнопку. Поверхность стола стала прозрачной и через нее стала видна карта системы Сириуса.— Здесь находимся мы,— сказал он, указывая на планету Фриленд.— Здесь — Новая Земля,— его палец двинулся к другой планете, такой же, как Фриленд,— а вот здесь — Ориенте,— его палец указал на небольшую планету вблизи звезды,— в этой позиции они паходились по отношению друг к другу двенадцать дней назад. Видите, солнце будет находиться между нашими планетами, а также между каждой из наших планет и Ориенте. Они не могли избрать более выгодной тактической ситуации.

Галт буркнул что-то, изучая карту. Донал с любопытством смотрел на Ллудрова. Акцепт выдавал в нем уроженца Новой Земли, и тем не менее он находился на высоком посту в вооруженных силах Фриленда. Ко-

нечно, эти две сирианские планеты были естественными союзниками, находясь на стороне старой Земли, против группы Марс — Нептун — Кассида. Но именно потому, что они были так близки, между ними существовало соперничество, и офицер одной планеты быстрее продвигался по службе у себя на родине, а не на другой планете.

— Не правится мне это, — сказал, наконец, Галт. — Это какая-то шутка и довольно глупая. Люди с их планеты вынуждены будут носить респираторы. И какую пользу они получают от этого плацдарма, даже если захотят его? Ориенте слишком близка к солнцу для колонизации, иначе мы сами давно колонизировали бы ее.

— Возможно, — спокойно сказал Ллудров, — они собираются организовать оттуда наступление на наши две планеты?

— Нет, нет, — голос Галта был резким и раздраженным. Его массивное лицо склонилось над картой. — Это так же нелепо, как и попытка колонизировать Ориенте. Они не смогут создать там базу и снабжать ее так, чтобы оттуда напасть на две большие планеты с хорошо вооруженными армиями и развитой промышленностью. Вообще, завоевать цивилизованную планету невозможно. Это аксиома.

— Но они тоже могут оказаться неверными, — заметил Донал.

— Что? — спросил Галт недоуменно. — А, это Донал. Не мешайте нам. По-моему, — продолжал он, обращаясь к Ллудрову, — это не что иное, как жизненное упражнение, вы знаете, что я имею в виду?

Ллудров кивнул. Донал непроизвольно тоже. Ни один главный штаб на планетах не соглашался на жизненные упражнения, в то же время все военные люди их признавали. Это были небольшие стычки, главным образом, врукопашную, либо для того, чтобы проверить подготовку войск, либо чтобы дать понюхать пороху войскам, долго стоявшим на постоянных базах. Галт был одним из немногих старших командиров своего времени, всегда выступавших против таких операций не только в теории, но и на практике. Он считал более честным просто распустить войска в такой ситуации, как нынешняя на Гармонии, когда войска проявляют признаки утомления.

Донал соглашался с ним, хотя всегда существовала опасность, что, когда вы распустите войска на время, они забудут, кому служат, и предадутся грабежам.

— А что вы думаете об этом? — спросил Галт командира Патруля.

— Не знаю, сэр, — ответил Ллудров. — Мне кажется, это единственное разумное истолкование.

— Дело в том, — вновь вмешался Донал, — что, когда человек недооценивает реальную опасность, случаются самые неразумные вещи. Отсюда следует, что...

— Донал, — сухо прервал его Галт, — вы — мой адъютант, а не военный советник.

— Однако... — настаивал Донал, но маршал остановил его не терпящим возражения голосом:

— Достаточно.

— Слушаюсь, сэр, — покорно ответил Донал.

— Ну, что ж, — сказал Галт, обращаясь к Ллудрову, — отнесемся к этому, как к посланной небом возможности разбить одну или две армии Нептуно-Кассиданского флота и вооруженных сил. Возвращайтесь в Патруль, я буду присылать распоряжения.

Ллудров наклонил голову и собрался уходить, когда послышался характерный свист воздуха открывающейся пневматической двери и звук приближающихся шагов по полированному полу. Они все повернулись и увидели высокую, поразительно красивую женщину с рыжими волосами.

— Эльвин, — сказал Галт.

— Я не помешала? — спросила она. — Я не знала, что у вас посетители.

— Расс, — сказал Галт, — вы знакомы с моей племянницей Эльвин Рай? Эльвин, это командир Голубого Патруля, Расс Ллудров.

— Глубоко польщен, — сказал Ллудров, едва заметно кланаясь.

— О, мы встречались, во всяком случае, я где-то вас видела. — Она протянула ему руку, а потом повернулась к Доналу. — Донал, пойдете со мной рыбачить.

— Сожалею, — сказал Донал, — но меня удерживают мои обязанности.

— Нет, нет, — Галт махнул своей большой рукой. — В данный момент ничего важного... Идите, если хотите.

— Тогда я к вашим услугам, — сказал Донал.

— Что за холодное отношение?! — Она повернулась к Ллудрову. — Я уверена, что командир Патруля не будет так колебаться.

Ллудров поклонился.

— Я не колеблюсь никогда, когда дело касается Рай.

— Вот, — сказала она. — Вот вам образец, Донал. Вы должны научиться вести себя и говорить так же.

— Если разрешит служба, — сказал Донал.

— О, Донал, — она сжала руки, — вы безнадежны, Но идемте.

Она повернулась и пошла, он последовал за ней.

Ли, тот самый Ли, который командовал Третьей группой, ждал его.

— А, командир группы, — сказал Донал, пожимая ему руку, — что привело вас сюда?

— Вы, сэр, — сказал Ли. Он глядел в глаза Доналу с чем-то вроде вызова, это его выражение Донал помнил с самого начала. — Нужен ли вам ординарец?

Донал некоторое время смотрел на него.

— Но почему?

— Я получил на руки свой контракт, когда нас выпустили после этой истории с Киллишеном, — сказал Ли. — Если хотите знать, я кутил. Это мой крест. Без мундира я — алкоголик. В мундире я чувствую себя лучше, но рано или поздно все равно вступаю в стычку с кем-нибудь... Я долго не мог понять, что мне нужно. Но, наконец, понял. Я хочу служить вам.

— Выглядите вы печально, — сказал Донал.

— Я все могу сделать, даже брошу пить. И платить мне пужно немного. Взгляните на мой контракт. Если вы возьмете меня, я буду постоянным солдатом. Я не пью, когда у меня есть работа. И я умсю кое-что. Вот поглядите...

Он протянул руку в дружеской манере, как бы для рукопожатия и внезапно в ней блеснул нож.

— Это трюк убийц из предместий, — сказал Донал. — Так вы собираетесь служить со мной?

— С вами — нет. — Нож вновь исчез. — Потому что я хочу служить у вас. У меня странный характер, комендант: мне нужна опора. Мне нужен указатель пути, как обычным людям пужна пища, питье, дом, друзья. Это все указано в психологическом разделе моего контракта, можете посмотреть.

— Если вы говорите, зачем же мне смотреть? — сказал Донал. — Но что же это с вами?

— Я нахожусь на грани сумасшествия. — Ли говорил с ничего не выражающим лицом. — И это неизлечимо. Я родился с этой особенностью. Врачи сказали, что у меня нет представления о плохом и хорошем, я не могу руководствоваться абстрактными правилами. Доктор, проверявший меня, когда я впервые заключил контракт, сказал, что мне все время нужен рядом живой Бог. Если вы скажете мне перерезать горло любому встречному, я сделаю это. Скажете, чтобы я перерезал горло себе, — тоже сделаю.

— Это звучит не очень привлекательно.

— Я говорю правду. Я не могу сказать вам иного. Я похож на штык, который все время ищет свою винтовку, теперь я нашел ее, можете мне говорить. Возьмите меня на испытание, на пять лет, на десять, на весь остаток моей жизни. Но не прогоняйте меня. — Ли обернулся и указал на дверь протянутой рукой. — За ней у меня ад, комендант, а здесь — все, небеса.

— Не знаю, — медленно начал Донал. — Не знаю, смогу ли я взять на себя такую ответственность.

— Никакой ответственности. — Глаза Ли сверкнули. И Донал внезапно понял, что Ли страшно напуган: он боится отказа. — Испытайте меня. Отдайте только приказ. Прикажите лечь на пол и лаять. Прикажите мне отрубить себе левую руку. Как только мне приделают новую, я тут же буду ждать ваших приказаний. — Нож вновь сверкнул в его руке. — Хотите попробовать?

— Прекратите, — выпалил Донал. Нож исчез. — Ладно. Я беру ваш контракт. Мой номер наверху, третья дверь справа. Идите туда и ждите меня.

Ли кивнул. Он не произнес ни слова благодарности. Он просто повернулся и вышел. Донал задумчиво покачал головой. Он ощущал почти физическую тяжесть на своих плечах. Все еще качая головой, он направился в библиотеку.

ОФИЦЕР СВЯЗИ

— Добро пожаловать на борт, — сказал младший капитан, человек с приятным лицом, когда Донал преодолел газовый барьер приемной камеры. Младшему капитану шел четвертый десяток. Это был черноволосый че-

ловец, выглядевший так, словно всю жизнь занимался легкой атлетикой. — Я — Элмин Клей Андерсен.

— Донал Грим. — Они отсалютовали друг другу. Затем обменялись рукопожатиями.

— У вас есть корабельный опыт? — спросил Андерсен.

— Восемнадцатидневный тренировочный рейс на Дорсае, — ответил Донал. — Командование и вооружение, по ничему из области техники.

— Командование и вооружение, — сказал Андерсен, — не сложны на кораблях класса ЧЖ. Вы будете старшим после меня офицером и, если что-нибудь случится... — Он сделал ритуальный жест, дотронувшись до белой, покрытой пластиком стены. — Я вовсе не хочу чтобы это произошло. Мой старший помощник выпутается отовсюду. Но вы должны быть готовы помочь нам, если что-нибудь случится.

— Конечно, — ответил Донал.

— Хотите ознакомиться с кораблем?

— Благодарю вас.

Войдя в свою каюту, Донал застал там Ли, который распаковывал свой багаж, включая подвесной гамак для себя, так как единственная койка предназначалась для Донала.

— Все в порядке? — спросил Донал.

— Все в порядке, — ответил Ли. Он по-прежнему хронически забывал добавлять слово «сэр», но Донал, имевший собственный опыт общения с людьми, которые требуют буквального исполнения приказаний и требований, решил на этом не настаивать. — Вы оформили мой контракт?

— У меня не было времени, — сказал Донал. — И вообще, это нельзя сделать за день. Вы ведь знаете об этом.

— Нет, — ответил Ли. — Я всегда просто отдавал свой контракт. А потом, когда подходил к концу срок службы, я получал его обратно вместе с деньгами.

— Обычно оформление занимает несколько недель или даже месяцев, — сказал Донал.

Он объяснил, что контракт является собственностью планеты, с которой происходит его владелец, и поэтому оформление контракта происходит при участии правительств как нанимателя, так и нанимаемого. При этом каждое правительство заботится о собственной выгоде, о том, чтобы поддержать определенное «контактное рав-

повесие», позволяющее этой планете нанимать тех специалистов, в которых она больше всего нуждалась, и хотя Донал был частным лицом-нанимателем и мог бы сам оплатить контракт, тем не менее, наем Ли осуществлялся бы с согласия правительства Дорсая, точно так же, как и планеты Коби, с который был Ли.

— Это в значительной степени просто формальность,— заверил его Донал.— Я имею право нанять вас, так как у меня звание коменданта. И наем официально зарегистрирован. Значит, ваше правительство не может теперь отозвать вас для выполнения какой-нибудь специальной службы.

Ли кивнул, и лишь этим выразил свое облегчение.

— Вызов,— внезапно послышался голос из коммуникатора в стее каюты.— Вызывается штабной офицер связи Грим. Немедленно явитесь на флагманский корабль.

Донал предупредил Ли, чтобы тот не вмешивался в дела экипажа, и вышел.

Флагманский корабль флота, состоящего из Красного и Зеленого Патрулей Космических Вооруженных Сил Фриленда, подобных кораблю класса ЧЖ, только что покинутому Доналом, находился на стационарной орбите вокруг Ориенте. Потребовалось около сорока минут, чтобы добраться до него. Когда Донал вошел в приемную камеру и сообщил свое имя и звание, ему дали сопровождающего, который провел его через весь корабль в каюту для совещаний.

В каюте находилось около двадцати офицеров связи всех званий, от унтер-офицера до помощника командира Патруля. Все они сидели, глядя на возвышение. Сразу же после прихода Донала — он, очевидно, был последним из пришедших — вошел капитан флагманского корабля в сопровождении командира Голубого Патруля Ллудрова.

— Внимание, джептльмены,— сказал капитан, и в помещении наступила тишина.— Местная ситуация такова.— Он взмахнул рукой, и стена за ним растаяла, открыв искусное изображение предстоящего сражения.

В черном пространстве плыла Ориенте, окруженная множеством кораблей разного класса. Размеры кораблей значительно увеличены, чтобы сделать их видимыми рядом с планетой, диаметр которой составлял примерно две трети диаметра Марса. И самые большие из кораблей, относящиеся к патрульному классу,— длинные цилинд-

ры, предназначенные для межзвездных сообщений — располагались на орбите всего от восьми тысяч до пяти-сот километров над поверхностью планеты, и их движение окружало Ориенте мерцающей паутиной. Облако кораблей мелких классов — ВЧЖС, курьерских кораблей, артиллерийских платформ, одноместных и двухместных лодок класса «Комар» — держалось ближе к планете, погружаясь в ее атмосферу.

— Мы считаем, — сказал капитан, — что враг на большой скорости и с внезапным торможением выйдет из временного сдвига здесь.

Облако атакующих кораблей внезапно возникло ниоткуда в полумиллионе километров ближе к солнцу. Они быстро приближались к планете, увеличиваясь в размерах. Приблизившись, они расположились на круговых орбитах. Два флота встретились, и индивидуальные движения отдельных кораблей стало трудно различать.

Атакующий флот прорвался сквозь строй защитников к планете, неожиданно выбросив тучу крошечных предметов. Это были десантные отряды. Они двинулись к планете, подвергаясь атакам маленьких кораблей, а в это время большинство атакующих кораблей с Нептуна и Кассиды начали исчезать, как гаснущие свечи: они переходили во временной сдвиг, который должен был переправить их на расстояние нескольких световых лет от места сражения.

Для хорошо тренированного профессионального восприятия Допала это была прекрасная картина, и в то же время ложная. Ни одно сражение не происходило и не будет происходить с такой балетной грацией и равновесием. Это была только предполагаемая картина, и она никогда не совпадала с действительностью из-за неизбежных приказов, индивидуальных колебаний, взаимного недопонимания, недооценки противника, навигационных ошибок, вызывающих столкновения или стрельбу по собственным кораблям. В предстоящей битве за Ориенте будут хорошие и плохие действия, мудрые решения и глупые, но все это не имело особого значения. Важен был лишь результат.

— ...Итак, джентльмены, — продолжал капитан, — таким образом представляет себе это сражение Штаб. Ваша задача, ваша личная задача, как представителей Штаба, наблюдать. Мы хотим знать все, что вы увидите, все, что сможете обнаружить, все, о чем сможете догадаться. И, конечно, — он несколько замаялся и добавил

с кривой усмешкой, — конечно, больше всего мы заинтересованы в пленнике. — Ответом на это был общий смех: все собравшиеся знали, насколько мала вероятность захвата пленного на разбитом корабле при скоростях и условиях космической схватки, даже если удастся его отыскать.

— Это все, — сказал капитан.

Связные офицеры встали и направились к выходу.

— Минутку, Грим.

Донал обернулся. Это был голос Ллудрова. Командир Патруля спустился с возвышения и приближался к нему. Донал пошел ему навстречу.

— Мне нужно поговорить с вами, — сказал Ллудров. — Подождем, пока все выйдут.

Они стояли и молчали, пока не вышел последний офицер связи, а за ним и сам капитан.

— Да, сэр? — сказал Донал.

— Меня заинтересовало то, что вы сказали, вернее, собирались сказать, когда мы с маршалом Галтом обсуждали предстоящую битву на Ориенте. Что вы тогда имели в виду?

— Ничего особенного, сэр, — ответил Донал. — Штаб и маршал, песомненно, знают, что делают.

— Может, вы заметили что-то такое, чему мы не придали значения?

Донал колебался.

— Нет, сэр. Я знаю о планах противника не более, чем остальные. Просто... — Донал поглядел в темное лицо офицера, размышляя о том, стоит ли продолжать. После происшествия с Анеа он остерегался рассказывать о своих внезапных соображениях. — Возможно, это просто предчувствия, сэр.

— У нас у всех есть предчувствия, — с поткой нетерпения сказал Ллудров. — Как бы вы поступили на нашем месте?

— На вашем месте? — сказал Донал, отбросив свои колебания. — Я бы напал на Нептун.

У Ллудрова отвисла челюсть. Он с изумлением смотрел на Донала.

— Клянусь пебом, — сказал он, наконец, — сейчас не время для шуток. Разве вы не знаете, что нельзя захватить цивилизованную планету?

Донал позволил себе слегка вздохнуть. Он сделал попытку объяснить то, что ему самому было совершенно понятно.

— Я помню: об этом говорил маршал,— начал он.— Это один из тех афоризмов, которые я со временем собираюсь опровергнуть. Однако я имел в виду вовсе не это. Я не сказал, что мы должны захватить Нептун — только напасть на него. Полагаю, что нептунские так же чтут афоризмы, как и мы. Видя, что мы пытаемся совершить невозможное, они подумают, что мы открыли, как это сделать возможным. По их реакции мы сможем узнать многое, включая и то, что они собираются сделать с Ориенте.

Изумление на лице Ллудрова постепенно сменилось хмурым выражением.

— Всякий, кто попытается атаковать Нептун, понесет фантастические потери,— начал он.

— Только если атака будет настоящей,— прервал его Донал,— а ведь атака эта ложная. Наша задача не в том, чтобы подвергать свои корабли подлинной опасности, а в том, чтобы нарушить вражескую стратегию неожиданным фактором.

— И все же,— сказал Ллудров,— даже демонстрируя ложную атаку, нападающие всегда подвергаются опасности быть уничтоженными.

— Дайте мне дюжину кораблей...— начал Донал, но в этот момент Ллудров замигал, как человек, просыпающийся от глубокого сна.

— Дать вам...— сказал он и улыбнулся.— Нет, нет, комендант, мы рассуждали чисто теоретически. Штаб никогда не даст согласия на такую дикую незапланированную игру, а у меня нет права самому отдать такой приказ. И даже если бы я решился, разве мог бы я доверить командование юноше, имеющему лишь небольшой полевой опыт и никогда в жизни не командовавшему кораблем.— Он покачал головой.— Нет, Грим... Однако я согласен, что ваша идея интересна. Я еще подумаю над ней.

— Значит ли это, что?..

— Ничего не значит. Нельзя нарушать операцию, долго и тщательно планируемую нашим Штабом.— Он улыбнулся шире.— Кроме того, это навеки погубило бы мою репутацию. И все же это хорошая мысль, Грим. У вас стратегическое мышление. Я включу этот факт в свой отчет маршалу.

— Благодарю вас, сэр,— сказал Донал.

— Возвращайтесь на свой корабль.

— До свидания, сэр.

Донал отдал честь и вышел. Оставшись один, Ллудров еще некоторое время размышлял о чем-то, потом занялся своими делами.

ИСПОЛНЯЮЩИЙ ОБЯЗАННОСТИ КАПИТАНА

Говорят, что космическую схватку можно выиграть лишь в непосредственном столкновении, размышлял Донал. Это был один из тех образцов афоризмов, которые он собирался опровергнуть при первой же возможности. Однако, стоя у экрана контрольного глаза в главной рубке ЦЧЖ и ожидая появления космических кораблей противника, он вынужден был согласиться, что с такого расстояния это выглядело бы правдой. Во всяком случае, это казалось правдой, если противник оказывает сопротивление.

Ну, а что, если противник не будет защищаться? Если он предпримет нечто совершенно необычное?

— Контакт через шестьдесят секунд. Контакт через шестьдесят секунд,— заговорил коммуникатор у него над головой.

— Всем прикрепиться,— спокойно сказал в стоящий перед ним микрофон Андерсен. Он сидел рядом с первым и вторым офицерами, дублировавшими его действия, в кресле «дантиста» у противоположной стены, наблюдая за обстановкой не в экран, как Донал, а по показаниям приборов. И тем не менее, его представление о происходящем было более полным. Громоздкий в своем жизнеобеспечивающем скафандре, Донал медленно уселся в кресло, поставленное специально для него перед экраном контрольного глаза, и пристегнул себя к креслу. В случае, если корабль разлетится на куски, он сумеет продержаться в кресле. В случае удачи он выдержит на орбите вокруг Ориенте сорок или пятьдесят часов, если этому не помешает дюжина непредвиденных факторов.

Он успел устроиться в кресле, прежде чем состоялся контакт. В последние несколько секунд он огляделся: его удивило невозмутимое спокойствие в этой уютной и хорошо освещенной каюте, находившейся на пороге жестокой битвы и возможного уничтожения. Больше ни о чем подумать он не успел. Корабли вражеского флота вступили в контакт, и он не отрывал взгляда от экрана.

Приказы говорили, что нужно беспокоить противни-

ка, но не приближаться к нему. А предварительная оценка потерь для нападающих составляла двадцать процентов, а для обороняющихся — пять. Но все эти подсчеты не имели смысла. Они вовсе не означали, что погибнут или будут ранены двадцать или пять процентов людей. Нет. В космическом сражении это означало, что один корабль из двадцати и один из пяти будут уничтожены вместе с экипажем.

Оборонявшиеся выстроились в три линии. Первая состояла из легких кораблей. Их задача замедлить и задержать наступающих, пока большие корабли не уравниют с ними скорость и не смогут пустить в ход оружие. Вторая линия — большие корабли на стационарных орбитах. Наконец, была еще одна линия малых кораблей, вооруженных специальными средствами на случай, если нападающие выбросят на планету десант. Донал в ЦЧЖ находился в первой линии.

Никакого предупреждения не было. Сразу началась битва. В момент контакта орудия ЦЧЖ начали огонь. Потом...

Все было кончено.

Донал мигнул и открыл глаза, стараясь вспомнить, что произошло. Он ничего не помнил. Каюта, в которой он лежал, была расколота, будто огромным топором. Через тускло освещенную щель был виден ряд офицерских кают. Красная, не зависящая от корабельной сети, лампа трагично мерцала над головой, свидетельствуя, что в каюте нет воздуха. Контрольный глаз перекосялся, но все еще работал. Через прозрачный щиток шлема Донал увидел уменьшающиеся огни: вражеские корабли улетали к Ориенте. Он приподнялся в кресле и повернул голову к контрольному щиту.

Двое были несомненно мертвы. То, что раскололо каюту, ударило прямо в них. Погибли Андерсен и третий офицер. Коа Бепи была жива, но по ее вялым и судорожным движениям Донал понял, что она тяжело ранена. И ничего нельзя было для нее сделать. Без воздуха в каюте они все были пленниками своих скафандров.

Тренированное тело Донала начало действовать раньше, чем он успел подумать об этом. Он обнаружил, что расстегивает ремни, прикреплявшие его к креслу. Пошатываясь, он побрел через каюту, отвел в сторону ме-

павшую ему голову Андерсена и нажал кнопку меж-корабельной связи.

— ЦЧЖ 1—29,— сказал он.— ЦЧЖ 1—29,— он продолжал повторять позывные до тех пор, пока экран перед ним не осветился и на нем не появился кто-то в шлеме с бескровным, как у мертвеца, лицом.

— К-Л,— сказал этот человек,— 23?

— Это означало: «Можете ли вы двигаться?» Донал взглянул на щит. К его удивлению, удар не затронул приборы. Они работали.

— 29,— кратко ответил он.

— М-40,— сказал его собеседник и исчез.

Донал убрал палец с кнопки связи. М-40 — это «действуйте в соответствии с предварительным приказом».

Это означало, что ЦЧЖ должен сблизиться с Ориенте и начать уничтожение десантных групп противника. Донал подумал, что теперь придется выполнить не веселую работу: убрать мертвых и умирающих из их кресел у пульта.

Пермещая Коа Бени более осторожно, чем других, он заметил, что она без сознания. У нее не было видимых повреждений, но удар все же задел ее, хоть и частично. Скафандр у нее был цел. Он подумал, что она, возможно, еще выживет.

Сев в кресло капитана, он вызвал орудейный пост и остальные посты экипажа.

— Докладывайте,— приказал он.

Ответили орудейный пост и еще пять из восьми остальных.

— Мы идем к планете,— сказал Донал.— Все пригодные к работе должны заняться ремонтом и подачей воздуха в контрольную рубку. Сбор в кают-компанию.

Наступила небольшая пауза. Затем донесся чей-то голос:

— Старший артиллерист Ордовья, я — старший артиллерист Ордовья из выживших членов экипажа. Я говорю с капитаном?

— Старший артиллерист Ордовья. Я — офицер Грим, исполняю обязанности капитана. Ваши офицеры погибли. Как старший по званию, принимаю команду на себя. Исполняйте приказание.

— Слушаюсь, сэр,— голос замолк.

Донал стал вспоминать сведения о вождении корабля. Он направил ЦЧЖ в сторону Ориенте и проверил показания приборов. Через некоторое время он заметил,

что свет красной лампочки тускнеет, до него через наушники шлема донесся свист, сначала слабый, но постепенно усиливающийся. Его скафандр утратил свою негибкость.

Через некоторое время кто-то тронул его за плечо. Обернувшись, он увидел бледного человека с откинутым шлемом.

— Пробоина заделана, сэр, — доложил он. — Я — Ордовья.

Донал расстегнул шлем и откинул его назад, с наслаждением вдыхая воздух.

— Посмотрите, что с первым офицером, — приказал он. — Вызовите медика.

— Медик погиб. Но есть установка для замораживания.

— Тогда заморозьте ее и пусть все вернутся на свои посты. Через пятнадцать минут мы открываем огонь.

Ордовья вышел. Донал вновь повернулся к контрольному щиту, осторожно управляя ЦЧЖ и принимая все меры к безопасности корабля... В принципе, он знал, как управлять кораблем, но никто лучше его не понимал, как далеко ему до настоящего пилота или капитана.

Он напоминал человека, получившего полдюжины уроков верховой езды: он знает, что нужно делать, но ничего не делает автоматически. Там, где Андерсену достаточно было бросить взгляд и немедленно начать действовать, Доналу приходилось прочитывать показания всех приборов и осмысливать их, прежде чем принимать решения.

Поэтому они очень поздно подошли к границе атмосферы Ориенте. Но все еще не все десантные группы противника приземлились. Донал искал на щите кнопку противопехотных устройств и нажал ее.

Донал отыскал Ллудрова в его личной каюте, которая была немного больше каюты самого Донала на ЦЧЖ.

— Хорошо, — сказал Ллудров, вставая из-за стола навстречу Доналу. Он подождал, пока выйдет провожатый, и протянул Доналу темную руку. — Как ваш корабль добрался сюда? — спросил он.

— Своим ходом, — ответил Донал. — Удар пришелся на контрольную рубку. Все офицеры убиты.

— Все офицеры? — Ллудров пристально посмотрел на него. — Вы?..

— Я принял командование на себя. Но ничего особенного делать не пришлось. Мы лишь использовали противопехотные устройства.

— Дело не в этом, — сказал Ллудров. — Так значит, в заключительной части сражения вы исполняли обязанности капитана?

— Да.

— Отлично. Это лучше, чем я надеялся. А теперь, — сказал Ллудров, — поговорим вот о чем. Готовы ли вы подставить себя под удар?

— Я готов попробовать, — ответил Донал.

Он посмотрел на маленького, почти уродливого командира Патруля и понял, что тот нравится ему. Покинув Дорсай, он уже начал отвыкать от подобной **прямоты**.

— Хорошо, если вы согласны, я тоже подставляю себя под удар. — Ллудров взглянул на дверь каюты, она была плотно закрыта. — Я нарушу распоряжение службы безопасности и отправлю вас в экспедицию вопреки приказанию Штаба.

— Службы безопасности? — повторил Донал, чувствуя неприятный холодок за плечами.

— Да, мы теперь знаем, что скрывается за этой высадкой Нептуна — Кассиды на Ориенте... Вы знаете Ориенте?

— Изучал, конечно, — сказал Донал, — еще в школе и частично, когда прибыл из Фриленда. Температура около 78 градусов, скалы, пустыни и нечто вроде кактусовых джунглей. Нет больших водных поверхностей, а атмосфере слишком много двуокиси углерода.

— Верно, — сказал Ллудров. — Они высадили там десант и мы не можем уничтожить его. Мы думали, что это всего лишь жизненное упражнение, и ожидали, что они через несколько дней или недель уберутся. Мы ошиблись.

— Ошиблись?

— Мы раскрыли причины их высадки на эту планету. Это совсем не то, что мы думали.

— Но ведь прошло всего четыре часа с момента высадки. Что можно было узнать за это время?

— Они использовали это время и результаты налицо. При помощи излучения нового вида они производят взрывы из множества излучателей, быстро перемещают-

ся и снова взрывают. А взрывы их затрагивают Сириус. Мы отметили увеличение солнечной активности.— Он замолчал и посмотрел на Донала, как бы ожидая его комментариев.

Донал обдумывал положение.

— Погодные изменения? — спросил он, наконец.

— Вот именно,— энергично ответил Ллудров, как будто Донал был учеником, неожиданно ответившим верно.— Метеорологи считают, что это серьезная угроза. И мы уже знаем их цену за устранение этой угрозы. Они требуют изменения торговых отношений с Новой Землей.

Донал кивнул. Он не удивился, что между воюющими планетами поддерживаются торговые отношения. Это было нормальной формой межзвездного существования. А приливы и отливы специалистов на договорных базах были кровообращением цивилизации. Планета, которая попыталась бы обходиться своими силами, была бы брошена на много лет назад и, в конце концов, вынуждена была бы покупать специалистов по самоубийственным ценам. Развитие означало торговлю специалистами, а это означало контракты. И каждая планета старалась для себя добиться наилучших условий.

— Они требуют свободной торговли и большого коммиссионного вознаграждения,— сказал Ллудров.

Донал пристально посмотрел на него. Открытая торговля контрактами помимо воли людей была начата около пятидесяти лет назад. Она означала спекуляцию человеческими жизнями. Она уничтожала последние обрывки независимости и безопасности индивидуума и приравнивала его к домашнему скоту или скобяному товару, который можно было продать любому, кто больше заплатит. Дорсай вместе с Экзотикой, Марой и Культисом всегда боролись против такой торговли. Однако для таких планет, как Нептун и Кассида, входивших в венерианскую группу, а отчасти для Френдлиз и Коби, свободная торговля была бы удобным орудием в руках правящих группировок, для миров же типа Фриленда она была бы ударом.

— Понятно,— сказал Донал.

— У нас три возможности,— сказал Ллудров.— Во-первых, принять их условия, во-вторых, страдать от изменений погоды, пока не удастся собрать силы и изгнать их с Ориенте. Или же, наконец, заплатить какое-то количество жизней, но попытаться немедленно осво-

бодить Ориенте. Мое мнение: начинать игру — это, конечно, мое мнение, а вовсе не Штаба. Они вообще ничего не знают об этом замысле. И не узнают пока. Вы согласны осуществить свой замысел атаки Нептуна?

— С удовольствием, — быстро ответил Донал, глаза его засверкали.

— Приберегите свой энтузиазм, пока не дослушали до конца, — сухо сказал Ллудров. — Нептун постоянно стерегут 90 кораблей первого класса, я же смогу дать вам лишь пять.

КОМАНДИР ПАТРУЛЬНОГО ОТРЯДА — I

— Пять, — сказал Донал. Он почувствовал холодок по коже. После первого разговора с Ллудровым он более тщательно обдумывал предполагаемую экспедицию. Его план рассчитывался на компактный небольшой флот из 30 кораблей первого класса, построенных треугольником и разбитых на три отряда по десять кораблей в каждом.

— Как вы понимаете, — объяснил Ллудров, — это совсем не все корабли, которыми я располагаю, даже с учетом потерь у меня более 70 кораблей в Голубом Патруле. Но я даю лишь те корабли, с капитанами которых у меня лично хорошие отношения, которые вызывались добровольцами по моему слову и не испугались наказания Штаба по возвращении. Иначе я не дал бы вам и этих кораблей. — Он взглянул на Донала. — Ну, что ж, я знаю: это невозможно, забудем об этом разговоре.

— Я могу рассчитывать на их подчинение, сэр? — спросил Донал.

— Это единственное, что я могу вам гарантировать.

— Тогда придется импровизировать, — сказал Донал. — Я отправлюсь с ними, оценю ситуацию и только тогда приму решение.

— Значит, решено?

— Решено.

— Тогда... — Ллудров встал и через весь корабль повел Донала к люку. Через люк они перешли в маленький курьерский корабль, ожидавший их: он доставил их на корабль первого класса за пятнадцать минут.

Войдя в большую, освещенную сложными и многочисленными приборами, контрольную рубку корабля, Донал увидел там ожидавших его пять старших капи-

танов. Ллудров обменялся салютом с седовласым властным человеком, ответившим на приветствие от имени всех остальных капитанов.

— Капитан Ваннерман,— сказал Ллудров, знакомя его с Доналом,— капитан Грим.

Донал поразился своему быстрому повышению. Раздумывая о более важных вещах, он забыл, что такое повышение было необходимо. Вряд ли можно поставить связного офицера с сухопутным званием коменданта командовать капитанами космических кораблей первого класса.

— Джентльмены,— сказал Ллудров, обращаясь к собравшимся капитанам.— Ваши пять кораблей образуют новый Патрульный отряд. Ваш новый командир — капитан Грим. Вы отправитесь в разведывательную экспедицию в центр вражеской территории и выполните там определенную работу. Особо должен подчеркнуть, что капитану Гриму предоставлены чрезвычайные права. Вы обязаны выполнять любой его приказ без вопросов. Есть ли у вас сейчас вопросы ко мне?.. Пока я не передал командование?

Пять капитанов молчали.

— Отлично.— Ллудров провел Донала вдоль линии.— Капитан Грим. Это капитан Асейни.

— Польщен,— сказал Донал, пожимая руку.

— Капитан Коул.

— Польщен.

— Капитан Сукая-Мандез.

— К вашим услугам, капитан.

— Капитан Эл Мен.

— Польщен,— сказал Донал. На него глядел тридцатипятилетний дорсаяц с лицом, покрытым шрамами.— Мне кажется, что я знаю вашу семью, капитан. Южный континент, что вблизи Тамплина, верно?

— Вблизи Бриджворта, сэр,— ответил Эл Мен.— Я слышал о Гримах.

Донал двинулся дальше.

— И капитан Рус.

— Польщен.

— Ну, что ж,— сказал Ллудров, делая шаг в сторону.— Передаю командование в ваши руки, капитан Грим. Вам потребуется какое-либо оружие, специальное вооружение?

— Торпеды, сэр,— ответил Донал.

— Я прикажу отделу вооружения снабдить вас торпедами,— сказал Ллудров и ушел.

Через пять часов пять кораблей специального Патрульного отряда, погрузив несколько сотен торпед, вышли в глубокий космос. По желанию Донала они оставили базу как можно быстрее, чтобы никто не мог отменить приказ об экспедиции. Вместе с торпедами на борт явился Ли: Донал помнил, что его ординарец остался на борту ЦЧЖ. Ли прошел через схватку удачно, он лежал, прижавшись к своему гамаку, в наиболее пострадавшей секции корабля. Донал дал ему инструкцию.

— Я хочу, чтобы вы все время находились со мной,— сказал он.— Я сомневаюсь, чтобы вы мне понадобились, но если потребуете, вы должны быть рядом.

— Я буду рядом,— ответил Ли без всякого выражения.

Они разговаривали в каюте командира Патруля, предоставленной Доналу. Донал отправился в контрольную рубку корабля, Ли следовал за ним. Войдя в этот главный центр корабля, Донал обнаружил, что все трое корабельных офицеров под наблюдением Ваннермана рассчитывают временной сдвиг.

— Сэр,— сказал Ваннерман, когда Донал вошел.

Глядя на него, Донал вспомнил своего преподавателя математики в школе; внезапно и болезненно он ощутил собственную молодость.

— Все готово к временному сдвигу? — поинтересовался Донал.

— Будет готово через две минуты. Поскольку вы не дали указаний на особый расчет, компьютер рассчитал кратчайший путь. Мы проделали обычные расчеты, чтобы избежать столкновения с каким-либо объектом. Прыжок на четыре светогода, сэр.

— Хорошо,— сказал Донал.— Идемте со мной, Ваннерман.

Он направился к большому сложному контрольному глазу, занимающему центр контрольной рубки, и нажал кнопку. На экране появилось изображение, переданное из корабельной библиотеки. Освещенная лучами звезды типа ЖО, в пространстве плыла бело-зеленая планета с двумя спутниками.

— Апельсин и две косточки,— сказал Ваннерман, который, как уроженец лишенного спутников Фриленда, не любил естественных луи.

— Да,— сказал Донал.— Нептун.— Он посмотрел на Ваннермана.— Как близко мы сможем подойти к нему?

— Сэр? — сказал Ваннерман, глядя прямо на него. Донал встретил его взгляд. Ваннерман вновь перевел взгляд на экран.

— Мы сможем подойти так близко, как пожелаете, сэр,— ответил он.— Оказавшись после прыжка в глубоком космосе, мы остановимся и точно определим наше положение. Ну, а точное положение всех цивилизованных планет уже определено. Чтобы выйти в безопасное удаление от кораблей защиты...

— Я не спрашиваю вас о безопасном удалении кораблей от кораблей защиты,— спокойно сказал Донал.— Я спрашиваю: как близко?

Ваннерман вновь посмотрел на него. Лицо его не побледнело, но в глазах появилось какое-то печальное выражение. Несколько секунд он глядел на Донала.

— Как близко? — повторил он.— На два диаметра планеты.

— Благодарю вас, капитан,— сказал Донал.

— Сдвиг через десять секунд,— послышался голос первого офицера.

Начался отсчет: девять секунд, восемь, семь, шесть, пять, четыре, три, две, одна, сдвиг!

Наступил временной сдвиг.

— Да,— сказал Донал, как будто ничто не прерывало их разговора,— отсюда, из этой пустоты, мы должны все подготовить для маневра и тренироваться в нем. Созовите всех капитанов на совещание, капитан.

Ваннерман подошел к контрольному щиту и нажал кнопку вызова. Через пятнадцать минут, отпустив всех младших офицеров, капитаны собрались в контрольной рубке флагманского корабля, и Донал объяснил им свой замысел.

— Для всех,— сказал он,— наш Патруль отправился в разведку. На самом деле мы должны изобразить нападение на Нептун.

Он подождал немного, чтобы смысл его слов дошел до них, потом продолжил объяснение.

Они создадут модель планеты при помощи имеющегося на корабле оборудования. Потом приблизятся к этой планете, изображающей Нептун, разными способами и с разных направлений: вначале один корабль, потом два вместе, потом серия одиночных кораблей и так далее. Они должны, появившись у планеты, выпустить одну

или две торпеды и немедленно вновь перейти во временной сдвиг. У жителей планеты должно создаться впечатление, что атакует целый флот, стремящийся охватить разрывами торпед поверхность планеты.

При этом торпеды предназначены не для разрушения кораблей защиты и не для взрывов на поверхности. Они должны создать впечатление переносчика особой радиации или вещества, которое постепенно окутывает планету.

И выходы из сдвига должны быть рассчитаны таким образом, чтобы благодаря постоянным возвращениям пяти кораблей они произвели впечатление большого флота.

— У кого есть возражения или замечания? — спросил, закончив объяснения, Донал.

За группой капитанов он видел Ли, прислонившегося к стене контрольной рубки и глядевшего своими ничего не выражающими глазами.

Немедленного ответа не последовало. Потом медленно заговорил Ваннерман, как бы взявший на себя обязанности говорить от имени всей команды.

— Сэр, — сказал Ли, — каковы шансы столкновения с кораблями защиты?

— Они велики, я знаю, — сказал Донал. — Особенно с кораблями защиты. Но мы постараемся этого избежать.

— Разрешите спросить: сколько возвращений нам придется сделать?

— Сколько сможем, — Донал осмотрел собравшихся, — я хочу, чтобы вы поняли меня, джентльмены. Мы примем все возможные меры предосторожности, чтобы избежать столкновения и гибели кораблей. Но если этого не избежать, придется рискнуть ради своего долга.

— А на сколько возвращений рассчитываете вы сами, капитан? — спросил Сукая-Мандез.

— Я думаю, что нам удастся создать иллюзию нападения большого флота только непрерывными возвращениями и бомбардировкой в течение двух часов.

— Два часа? — сказал Ваннерман. Негромкий ропот раздался среди собравшихся. — Сэр, — продолжал Ваннерман, — даже если на одно возвращение положить пять минут, то это означает, что каждый корабль в течение часа должен появиться у планеты дважды. Из-за случайностей и возможного нападения противника это число нужно удвоить. Значит, корабль за час должен испытать восемь временных сдвигов, а за два часа — шестнадцать. Сэр, даже если мы напичкаем свои эки-

пажи медикаментами по уши, никто этого не выдержит.
— Вы знаете кого-нибудь, кто пытался сделать это, капитан? — спросил Донал.

— Но, сэр... — начал Ваннерман.

— Откуда же вы знаете, что это невозможно? — Донал не стал ждать ответа. — Мы и должны это сделать. Наша задача будет заключаться лишь в том, чтобы управлять кораблем и выпускать по две торпеды. Это легче, чем участвовать в сражениях, и не требует никаких усилий со стороны экипажа.

— Труй Дорсай, — пробормотал изуродованный Эл Мен. Донал взглянул на него с благодарностью за поддержку.

— Кто еще хочет говорить? — резко спросил Донал.

Послышалось негромкое, но выразительное бормотание, капитаны молчали.

— Хорошо, — сказал Донал. — Тогда немедленно приступайте к подготовке. Вы свободны, джентльмены. — Он подождал, пока капитаны остальных четырех кораблей покинут контрольную рубку. — Хорошо накормите экипаж и дайте ему хорошо отдохнуть, — сказал он, обращаясь к Ваннерману. — И отдохните сами. И пошлите, пожалуйста, два обеда в мою комнату.

Донал повернулся и вышел из контрольной рубки, за ним, как тень, последовал Ли. Кобианин молчал, пока они не оказались в своей каюте, потом проворчал:

— Что он хотел сказать, обвиняя вас в трусости?

— В трусости? — Донал удивленно обернулся.

— Труй, трус, что-то такое он сказал.

— А... — Донал улыбнулся. — Это не оскорбление.

Наоборот, это была поддержка. Он сказал: «Труй Дорсай». Это значит: «Да здравствует Дорсай!».

КОМАНДИР ПАТРУЛЬНОГО ОТРЯДА — II

Нептун никогда этого не забудет.

Над второй после Веперы в техническом развитии планетой, некоторые говорили даже, что она первая, над планетой с огромными материальными богатствами, с огромными запасами знаний, над планетой, самодевольно созерцающей свой космический флот, над этой планетой появилась тень захватчиков. Жители планеты под защитой девятиста кораблей на стационарных орбитах были, как всегда, убеждены в своей безопасности,

и вот уже в небе над ними корабли вражеского флота бомбардировали их, но чем?

Нет, Нептун никогда не сможет этого забыть.

А для людей в пяти кораблях начался счет возвращения. Первое их появление над планетой напоминало лишь обычное упражнение. Все девяносто кораблей защиты были здесь, так же как и масса мелких кораблей. Они, вернее, большинство из них, так как некоторые из них находились на противоположной стороне планеты, отразились в приборах фрилендских кораблей. И это было все. Даже вторичное появление прошло безо всяких препятствий. Но когда корабль Донала начал готовиться к третьему возвращению, Нептун загудел, как растревоженный улей.

Пот стекал с лица Донала, когда они вновь появились в пространстве вблизи Нептуна. И не только нервное возбуждение вызвало его. Физическая встряска от пяти временных сдвигов отразилась на состоянии всех членов экипажа. В момент появления последовал сильный толчок, стены контрольной рубки задрожали, но корабль продолжал действовать.

Он выпустил две торпеды и исчез в безопасности шестого временного сдвига.

— Повреждения? — спросил Донал и был поражен, услышав свой собственный хриплый голос. Он сглотнул и вновь повторил более обычным голосом. — Повреждения?

— Повреждений нет, — отозвался офицер от контрольного щита. — Был близкий разрыв.

Донал поднял глаза на экран. Появился второй корабль. За ним третий. Четвертый. Пятый.

— Все сначала, — резко приказал Донал.

Короткий двухминутный отдых и вновь болезненное состояние временного сдвига.

В экране глаза при увеличении Донал неожиданно увидел два нептуннианских корабля, приближавшихся к ним: один ниже и ближе к поверхности планеты, второй — в одной плоскости с ним.

— Защитный... — начал Донал, но орудия корабля не дождались его приказа. Компьютеры мгновенно выдали расчет. Ближайший к ним нептуннианский корабль вдруг раскололся, как воздушный шар, и начал падать.

— Временной сдвиг.

Каюта плыла перед затуманенным взором Донала, он почувствовал приступ тошноты и тут же услышал, как кого-то рвет у контрольного щита. Он напряг свои силы, борясь с предательской слабостью.

«Ты это предвидел, ты все это предвидел», — твердил он себе, как заклинание. Каюта прекратила свое вращение, тошнота слегка отступила.

— Время, — это слабый голос Ваннермана. Донал мигнул и постарался сосредоточиться на экране глаза. Резкий запах собственного пота ударил ему в ноздри, а может, комната вся пропиталась запахом пота их всех.

В глазе он видел, как один за другим появлялись корабли. Вот и последний, пятый.

— Повторить, — хрипло приказал он. — На этот раз опустимся ниже.

От контрольного щита донесся сдавленный звук, похожий на рыдание, но Донал даже не повернул головы.

ОПЯТЬ ВРЕМЕННОЙ СДВИГ

Мерцание планеты внизу. Резкий толчок. Еще один.

ОПЯТЬ ВРЕМЕННОЙ СДВИГ

Контрольная рубка вся в тумане. Нет, это муть в глазах. Заставить себя смотреть. Не поддаваться слабости.

— Повреждения?

Нет ответа.

— Повреждения?

— Небольшая пробоина в кормовой части. Уже загерметизирована.

— Повторить.

— Капитан, — это голос Ваннермана. — Мы не можем больше. Один из наших кораблей...

Взгляд в глаз. Прекратить дрожь. Да, не хватает одного.

— Который?

— Я думаю, — это, задыхаясь, говорит Ваннерман, — Мандез.

— Повторить.

— Капитан, вы не можете...

— Тогда давайте мне связь со всеми. — Пауза. — Вы меня слышите? Связь со всеми.

— Вы на связи, капитан, — это уже чей-то другой голос.

— Говорит капитан Грим. — Кваканье и сипение. Не-

ужели это действительно говорит он? — Я вызываю добровольцев, нужно еще одно возвращение. Только добровольцев. Говорите, кто согласен.

Долгая пауза.

— ТРУЙ ДОРСАЙ.

— Труй, Эл Мен. Кто еще?

— Сэр, остальные два не отвечают, — это Ваннерман.

Взгляд в глаз. Сосредоточиться. Верно. Два корабля выходят из строя.

— Значит, остаются два, Ваннерман?

— Как прикажете, сэр.

— Возвращаемся.

Пауза.

ВРЕМЕННОЙ СДВИГ

Качающаяся планета, удар. Подступает чернота.

Прочь ее.

— Уберите ее. — Пауза. — Ваннерман.

Слабый ответ:

— Да, сэр...

ВРЕМЕННОЙ СДВИГ

ТЕМНОТА...

— Встать.

Чей-то насмешливый и резкий шепот в ушах Донала. Лежа с закрытыми глазами, он удивился, кто бы это мог быть. Он услышал этот приказ вновь, потом еще раз. Медленно он начал понимать, что это его собственный приказ себе.

Он с трудом открыл глаза. В контрольной рубке мертвая тишина. В контрольном глазе на полном увеличении видны три маленькие черточки — корабли, далеко разлетевшиеся друг от друга. Негнущимися пальцами Донал начал отстегивать застёжки, крепившие его к креслу. Одна за другой они поддались. Он сполз с кресла и опустился на колени.

Покачиваясь, испытывая сильное головокружение, он встал на ноги. Повернувшись к пяти креслам контрольного пульта, он с трудом двинулся к ним.

В четырех креслах находились Ваннерман и три его офицера — все без сознания. Лицо Ваннермана было молочно-бледным. Он, казалось, не дышал.

В пятом кресле на привязных ремнях висел Ли. Глаза его были широко открыты, он следил за приближением Донала, с уголка его рта стекала струйка крови. Видимо, Ли, как попавшее в западню животное, пытал-

ся просто разорвать ремни и подбежать к Доналу. Когда Донал подошел к нему, Ли попытался заговорить, но он смог произнести лишь несколько неразборчивых звуков, и кровь сильнее побежала из его рта.

Наконец, ему удалось выговорить:

— Вы не пострадали?

— Нет,— просипел Донал.— Посидите спокойно с минуту. Что с вашим ртом?

— Язык,— пробормотал Ли.— Я в порядке.

Донал растегнул привязные ремни и руки его раскрыли рот Ли. Ему понадобилась немалая сила, чтобы сделать это. Еще немного крови и Донал увидел: язык Ли наполовину от кончика был сильно поврежден.

— Не разговаривайте,— приказал Донал.— Не трогайте язык, пока немного не заживет.

Ли кивнул безо всякого выражения и начал выбираться из кресла. Пока он это делал, Донал успел растегнуть ремни в кресле третьего офицера. Он извлек его и положил на пол. Донал не ощутил биения сердца. Он начал делать ему искусственное дыхание, но при первых же усилиях у него закружилась голова, и он вынужден был остановиться. Он медленно выпрямился и начал освобождать Ваннермана.

— Помогите второму, если сможете,— сказал он Ли. Тот, пошатнувшись, выпрямился и принялся освобождать второго офицера.

Вдвоем они положили вместе трех фрилендеров и сняли с них шлемы. Ваннерман и второй офицер начали приходить в себя, и Донал решил попытаться вновь сделать искусственное дыхание третьему. Но, дотронувшись, он почувствовал, что тело уже остывает.

Тогда он занялся первым офицером, все еще находящимся без сознания. Через некоторое время первый офицер начал дышать — глубже и спокойнее, глаза его открылись. Но по взгляду было видно, что он не понимает, где находится, и не узнает окружающих.

— Как вы себя чувствуете? — спросил Донал Ваннермана.

Фрилендский капитан попытался приподняться на локте. Донал помог ему, а потом, вдвоем с Ли, они вначале посадили Ваннермана в кресло, а потом помогли встать.

Глаза Ваннермана, как только он открыл их, устремились на контрольный щит. Сразу же, ни слова не говоря, он наклонился к щиту и нажал кнопку.

— Все корабельные секции,— прохрипел он в микрофон.— Докладывайте.

Ответа не было.

— Докладывайте,— повторил он. Его указательный палец дотронулся до другой кнопки и тревожный металлический звон прозвучал на корабле. Он прекратился и из усилителя донесся слабый голос:

— Докладывает четвертая оружейная секция, сэр...
Битва над Нептуном закончилась.

ГЕРОЙ

Сириус садился, маленький яркий диск белого карлика, который жители Фриленда и Новой Земли называют множеством различных имен, бросил на стену спальни Донала зайчика. Донал сел, окунувшись в двойной свет, надел спортивные шаровары и принялся разбирать множество посланий, пришедших на его имя со времени их рейда на Нептун.

Он погрузился в это занятие и ни на что не обращал внимания, пока Ли не положил руку на его плечо, коричневое от загара.

— Пора одеваться на прием,— сказал кобианин. В руках у него был серый мундир — брюки и китель во фрилендском стиле. На мундире не было ни одного знака отличия.

— У меня для вас несколько новостей. Прежде всего, ОНА здесь.

Донал нахмурился, надевая мундир. Эльвин решила, что должна заботиться о нем после его возвращения из госпиталя, где он лечился от последнего набега на Нептун. Она была убеждена, что он все еще страдает от сверхдозы временных сдвигов, через которые они все прошли. Мнение медиков и самого Донала было противоположным, но она настаивала на своем с такой энергией, что Донал иногда испытывал желание вновь испытать временной сдвиг. Но хмурое выражение исчезло с его лица.

— Я думаю, что скоро этому наступит конец,— сказал он.— Что еще?

— Этот Уильям из Сеты, которым вы так интересовались,— ответил Ли.— Он будет на приеме.

Донал резко повернул голову. Однако Ли просто продолжал свое сообщение. Лицо его было лишено даже тех слабых следов экспрессии, которое Донал за последние недели научился в нем различать.

— Кто сказал вам, что я интересуюсь Уильямом? — спросил он.

— Вы всегда прислушиваетесь к разговорам о нем, — ответил Ли. — Мне не следует упоминать о нем?

— Нет, все равно, — сказал Донал. — Вы и в будущем должны рассказывать о нем все, чего я не знаю. Но я не знал, что вы так наблюдательны.

Ли пожал плечами. Он держал китель, который надевал Донал.

— Откуда он прибыл? — спросил Донал.

— С Вены. С ним пентунианин, длинный, молодой пьюница по имени Монтор. И девушка — одна из особых людей с Экзотики.

— Избранная из Культиса?

— Да-да.

— Что они здесь делают?

— Уильям ведет переговоры на высшем уровне, — сказал Ли. — Как же он может не быть на вашем приеме?

Донал вновь нахмурился. Он умудрился забыть, что это в его честь сегодня вечером собираются несколько сот наиболее известных людей планеты. Да, не ожидал он, что из него сделают своеобразное шоу. Социальные правила делали невежливым простое любопытствование. Но косвенное... Теоретически вы оказываете честь человеку, пользуясь его гостеприимством. А так как Донал очень мало желал проявлять гостеприимство, эту роль за него исполнил маршал. Тем не менее, это был тот случай, когда Доналу приходилось действовать вопреки своему желанию.

Он отбросил свои мысли и вернулся к Уильяму. Если только этот человек посетил Фриленд, немисливо, чтобы он не был приглашен, и столь же трудно представить то, что он отказался бы от приглашения. Так что все естественно. Возможно, подумал Донал с необычайной для его возраста усталостью, что я воюю с ними. Но даже в момент формирования этой мысли он знал, что она неверна. Это сказала ему его странность. Теперь более осязаемая, чем даже физическая встряска, полученная во время пентунианского сражения от многочисленных сдвигов. То, что раньше было туманным

и расплывчатым, начало теперь материализовываться и обретать сложный рисунок с Уильямом в центре и этот рисунок совсем не нравился Доналу.

— Рассказывайте мне все, что можете узнать об Уильяме,— сказал он.

— Хорошо,— ответил Ли.— И о нептунянинах?

— Да, и о девушке с Экзотикп.

Донал закончил одеваться и через защитный проход прошел в кабинет маршала. Там была Эльвин, а с нею и с маршалом — гости: Уильям и Анеа.

— Я не помешал? — спросил Донал.

— Входите, Донал,— позвал Галт, когда тот заколебался у входа.— Вы, конечно, помните Уильяма и Анеа?

— Я не смог бы забыть,— ответил Донал, подходя и пожимая руку. Улыбка Уильяма была теплой, его рукопожатие крепким, но рука Анеа была холодной, а улыбка неестественной. Донал заметил, что Эльвин внимательно следит за ним, какое-то слабое предчувствие появилось в нем.

— Я ведь говорил, что мы увидимся,— заметил Уильям.— Должен извиниться перед вами, Донал. На самом деле. Я явно недооценивал ваш гений.

— Вовсе не гений,— ответил Донал.

— Гений,— настаивал Уильям.— Скромность — удел маленьких людей.— Он открыто улыбнулся.— Конечно, вы понимаете, что этот набег на Нептун сделал вас сверхновой звездой на нашем военном горизонте.

— Я должен следить, чтобы ваша лесть не вскружила мне голову, принц,— Донал сказал это с тайным смыслом. Первая же ремарка Уильяма заставила его почувствовать себя свободно. Не волки среди людей смущали его и приводили в замешательство. Те, кто от природы были созданы для обмана и интриг, были ясны для Донала. Возможно, подумал он, в этом причина, почему ему всегда легче иметь дело с мужчинами, чем с женщинами: мужчины меньше склонны к самообману. Но тут его внимание привлекли слова Анеа.

— Вы скромны,— сказала она, но два красных пятна на обычно бледном лице и недружелюбные глаза противоречили ее словам.

— Возможно,— сказал он как можно легкомысленнее,— это потому, что я не вижу ничего особенного в том, что совершил. И любой сделал бы то же самое, и вообще, несколько сот человек были там со мной.

— О, но ведь идея-то была ваша,— вмешалась Эльвин.

Донал засмеялся.

— Верно,— сказал он,— вот за идею я и обязан рас-плачиваться.

— Ну, что ж,— сказал Галт, видя, что разговор принимает нежелательный оборот,— пора присоединиться к гостям, мой Донал. Вы идете?

— Я сейчас приду,— спокойно ответил Донал.

— Поищите мне чего-нибудь выпить, лучше всего дорсайского виски,— обратился он к Ли.

Ли повернулся и вышел из комнаты. Вернулся он через несколько секунд со стаканом в форме тюльпана, в стакане было не меньше децилитра бронзового виски. Донал сделал глоток и ощутил огонь в глотке.

— Что-нибудь узнали об Уильяме? — он отдал стакан Ли.

Тот покачал головой.

— Ничего удивительного,— пробормотал на это Донал. Он нахмурился.— Видели ли вы Ар-Делла, нептунианина, прибывшего вместе с Уильямом?

Ли кивнул.

— Можете показать, где его найти?

Ли кивнул. Он провел Донала по террасе, потом вниз и открыл дверь библиотеки. Здесь, в одной из маленьких выгородок для чтения, Донал обнаружил Ар-Делла с бутылкой и несколькими книгами.

— Спасибо, Ли,— сказал Донал. Ли ушел. Донал сел напротив Ар-Делла и его бутылки.

— Приветствую вас,— сказал, взглянув на него, Донал.

— Приветствую и вас,— ответил Ар-Делл. Он был лишь слегка пьян по своим стандартам.— Я надеялся, что смогу поговорить с вами.

— Почему же вы не пришли ко мне? — спросил Донал.

— Нельзя.— Ар-Делл наполнил свой стакан и поискал другой, но обнаружил лишь вазу с маленькими местными разновидностями лилий. Цветы он бросил на стол, наполнил вазу и вежливо протянул ее Доналу.

— Спасибо, не нужно,— сказал Донал.

— Все равно держите. Мне не нравится пить в присутствии непьющего человека! А с выпивкой легче по-

нять друг друга.— Он взглянул на Донала с одним из своих всхлипов-усмешек.— Он опять взялся за старое.

— Кто, Уильям?

— Кто же еще? — Ар-Делл глотнул.— Но что же он собирается делать с Протектором Блейном? — Ар-Делл покачал головой.— Это человек ученый. Стоит нас всех взятых. Не могу видеть, как он обводит Блейна вокруг пальца... и тем не менее...

— К сожалению,— сказал Донал,— мы все связаны своими контрактами. А в этом деле Уильям разбирается лучше всех.

— Но ведь иногда он совершает бессмысленные поступки.— Ар-Делл повертел напиток в стакане.— Возьмите меня. Почему он не хочет, чтобы я погиб? Но он не хочет этого.— Он хихикнул.— Я испугал его недавно.

— Вы? — спросил Донал.— Каким образом?

— Ар-Делл щелкнул пальцами по стакану.

— Этим. Он боится, что я убью себя. Он, очевидно, этого не хочет.

— Но чего он хочет в дальнейшем? — спросил Донал.— Вообще, чего он хочет?

— Кто знает? Бизнес. Больше бизнеса. И контракты. Большие контракты. Соглашения со всеми правительствами, палец в каждом горшке меда. Таков наш Уильям.

— Да,— сказал Донал. Он отодвинул кресло и встал.

— Посидите,— сказал Ар-Делл.— Поговорим еще. Вы никогда не сидите больше нескольких секунд. Клянусь миром, вы — единственный человек среди звезд, с которыми я могу разговаривать.

— Мне очень жаль,— сказал Донал,— но сейчас у меня другие дела. Может, настанет такой день, когда мы сможем спокойно посидеть и поговорить.

— Сомневаюсь,— ответил Ар-Делл,— сильно сомневаюсь.

Когда Донал уходил, Ар-Делл задумчиво глядел на бутылку.

Донал отправился на поиски маршала, но неожиданно обнаружил Анея. Девушка стояла на маленьком балконе и смотрела вниз, в зал, со странным выражением — смесью усталости и страстного ожидания чего-то.

Донал подошел, и она обернулась при звуке его шагов. Выражение ее глаз изменилось.

— Это опять вы,— сказала она отнюдь не доброжелательным тоном.

— Да,— резко ответил Донал.— Я рассчитывал отыскать вас позже, но сейчас слишком хорошая возможность для разговора, чтобы упустить ее.

— Слишком хорошая?..

— Я имею в виду то, что вы одна... Я могу говорить с вами конфиденциально,— с нетерпением добавил он. Она покачала головой.

— Нам не о чем говорить.

— Не говорите глупостей,— сказал Донал.— Конечно, есть о чем, если только вы не перестали бороться с Уильямом.

— Нет!— слово резко вылетело из ее уст, глаза вспыхнули.— Кто вы такой? — яростно воскликнула она.— Кто дал вам право заниматься моими делами?

— Обе мои бабушки родом с Мары,— сказал он.— Возможно, поэтому я чувствую ответственность за вас.

— Не верю,— выпалила она.— Вы не можете быть связаны с Марой. Вы...— она запнулась, подыскивая слово.

— Да? — он угрюмо улыбнулся.— Кто я?

— Вы — наемник,— с триумфом ответила она, найдя, наконец, слово, которое в ее интерпретации могло задеть его.

Он был задет и рассержен, но постарался справиться со своим гневом. Девушка обладала способностью пробивать его защиту, добираясь до самого глубокого уровня, чего никогда не смог бы сделать человек типа Уильяма.

Дело не в этом,— сказал он.— Мой вопрос касается вас с Уильямом. Последний раз, когда мы виделись, я посоветовал вам не вмешиваться в его интриги. Последовали ли вы моему совету?

— Я не обязана отвечать вам на этот вопрос и не буду.

— Значит,— сказал он неожиданно уверенно,— вы прекратили. Рад узнать об этом.— Он повернулся, чтобы уйти.— Теперь я вас оставляю.

— Подождите минутку,— воскликнула она. Он вновь повернулся к ней.— Я делаю это не ради вас,— сказала она.

— Что делаете?

К его удивлению, она опустила глаза.

— Случилось так, что ваши мысли совпали с моими.

— О, у меня просто здравый смысл,— возразил он.

— Он продолжал свои интриги... а я прикована к нему на следующие десять лет.

— Оставьте это мне,— сказал Донал.

Она открыла рот.

— Вы?..— сказала она. Ее удивление было так велико, что слово выдало ее слабость и усталость.

— Я позабочусь об этом.

— Вы позаботитесь,— воскликнула она. На этот раз слово было произнесено по-другому.— Вы будете сопротивляться такому человеку, как Уильям...— Она внезапно оборвала себя и отвернулась.

— О,— с гневом сказала она,— я не знаю, почему я так слушаю вас, как будто вы говорите искренне... а ведь я знаю, что вы за человек...

— Вы ничего не знаете,— вновь раздражаясь, ответил он.— Я кое-что совершил с тех пор.

— О, да,— сказала она,— вы расстреляли человека и бомбардировали планету.

— До свидания,— устало сказал он и отвернулся.

Донал прошел через множество помещений и разыскал, наконец, маршала, вновь в его кабинете, на этот раз одного.

— Можно войти, сэр? — спросил он у дверей.

— В чем дело, мальчик? — спросил маршал. Он поднял свою тяжелую голову и внимательно посмотрел на Донала.— Что случилось?

— Множество происшествий,— согласился Донал. Он поставил кресло против стола Галта и сел в него.— Могу я спросить: Уильям явился сюда вечером с намерением заключить с вами какую-нибудь сделку?

— Спросить можете,— ответил Галт, кладя обе массивные руки на стол,— но я не знаю, смогу ли я вам ответить.

— Конечно, вы можете не отвечать,— сказал Донал,— но я должен сказать вам, что, по моему мнению, крайне не разумно заключать сейчас какую бы то ни было сделку с Сетой и, в особенности, с Уильямом.

— А откуда же взялось у вас такое мнение? — спросил Галт с заметной иронией.

Донал колебался.

— Сэр,— сказал он через секунду.— Вынужден напомнить вам, что я был прав на Гармонии и прав относительно Нептуна, я могу оказаться прав и сейчас.

Маршал был вынужден проглотить эту пилюлю. Донал напомнил, что он дважды был прав, а Галт дважды

ошибался: во-первых, в оценке Хьюго Киллиена, как ответственного офицера, во-вторых, в оценке причин, по которым пептуниане захватили Ориенте. Но если маршал был в достаточной степени дорсайцем, чтобы испытать чувство гордости и самоуверенности, он был в то же время по-дорсайски правдив.

— Хорошо,— согласился он.— Уильям явился сюда с предложением. Он хочет забрать у нас часть наших наземных войск, не для определенной кампании, а для передачи их другому нанимателю. Они останутся нашими войсками. Я был против, так как это не повысило бы цены на контракты, и в случае, если бы нам пришлось нанимать новые войска, мы бы понесли убытки. Я не понимаю, что за этим скрывается и в чем его выгода: очевидно, он хочет получить хорошо обученные войска, которых не способна ему предоставить другая планета. Уильям умеет добиваться своего, а сравнительно малая гравитация на Сете не повредит нашим войскам.— Он извлек из ящика стола трубку и начал набивать ее.— А какие у вас возражения?

— Уверены ли вы, что войска не будут переданы кому-либо, кто использует их против вас же? — спросил Донал.

Толстые пальцы Галта прекратили набивать трубку.

— Мы можем потребовать гарантий.

— Но насколько надежны гарантии в таком случае? — спросил Донал.— Человек, который даст вам эти гарантии — Уильям,— сам не двинет против вас войска. И, если вдруг обнаружите, что фрилендские войска напали на фрилендскую территорию, то у вас будут гарантии, но не будет территории.

Галт нахмурился.

— Я все еще не вижу,— сказал он,— в чем тут выгода для Уильяма.

— Возможно,— ответил Донал,— возникла ситуация, когда ему важно столкнуть фрилендские войска с фрилендцами, даже рискуя нарушить гарантии.

— Как это возможно?

Донал колебался, говорить ли о своих подозрениях. Потом решил, что для маршала они недостаточно обоснованы, а если он выскажет их, то это только ослабит его аргументацию.

— Не знаю,— ответил он.— Однако, я считаю, что неразумно было бы не учитывать и такую возможность.

Галт фыркнул, и пальцы его вновь принялись набивать трубку.

— Вы не сможете заставить его отказаться от его замысла, не сможете убедить Штаб и правительство отказать ему.

— Я и не предполагал, что вы откажете ему прямо,— сказал Донал.— Но вы можете поколебать мнение Штаба и правительства. Скажите, что в данный момент вы не считаете возможным даже минимально ослабить фрилендскую армию. Ваша военная репутация, достаточно убедительная, подкрепит это.

— Да,— сказал Галт, беря трубку в рот и разжигая ее,— я думаю, что последую вашему совету. Знаете, я хотел бы, чтобы вы остались моим адъютантом и чтобы я всегда мог узнать ваше мнение.

Донал вздрогнул.

— Мне очень жаль,— сказал он,— но я хотел бы перейти в другое место... если вы освободите меня.

Густые брови Галта сдвинулись, образовав сплошную линию жестких волос. Он извлек трубку изо рта.

— Честолюбие? — спросил он.

— Частично,— ответил Донал.— А частично я буду свободнее противостоять Уильяму, как независимый человек.

Галт бросил на него долгий пронизательный взгляд.

— Ради небес,— сказал он,— что это за кровная месть Уильяму?

— Я боюсь его,— ответил Донал.

— Оставьте его в покое, и он оставит вас. Это слишком крупная добыча для вас.

Галт оборвал свою речь, сунул трубку в рот и выпустил огромное облако дыма.

— Боюсь,— печально сказал Донал,— что среди звезд появились такие люди, которые никого не оставят в покое.— Он выпрямился в кресле.— Вы аннулируете мой контракт, сэр?

— Я никогда не держу людей против их желания,— проворчал маршал.— Разве лишь в случае крайней необходимости. Куда же вы думаете направиться?

— Мне сделали несколько предложений,— ответил Донал.— Я собираюсь принять одно из них — от Объединенного Совета Церквей Гармонии и Ассоциации. Их вождь, Элдер, предложил мне пост главнокомандующего.

— Элдер Брайт? Он разогнал всех командиров с хотя бы намеком на независимость.

— Я знаю,— сказал Донал.— Но это меня даже устраивает в некотором роде. Это укрепит репутацию.

— Но...— Галт медленно сказал.— Всегда размышляешь?

— Вы правы,— печально ответил Донал.— Я родился, вероятно, с особым устройством мозга.

ГЛАВНОКОМАНДУЮЩИЙ — I

Стуча каблуками по черному полу обширного кабинета главнокомандующего силами обороны Гармонии, адъютант приблизился к столу Донала.

— Специальное, срочное, личное, сэр.— Он положил сигнальную ленту на темную поверхность обычного коммуникатора, стоявшего на столе.

— Спасибо,— сказал Донал и знаком отпустил адъютанта. Он сломал печать на ленте, вставил ее в коммуникатор и, подождав, пока выйдет адъютант, нажал кнопку.

Из коммуникатора послышался низкий голос отца:

— Донал, сын мой. Мы рады были получить твою ленту и слышать о твоих успехах. Никто из нашей семьи за последние пять поколений не добивался такого успеха за столь короткое время. Мы все гордимся тобой и ждем новых известий...

Но я говорю с тобой из-за печального события. Твой дядя Кейси с месяц назад был убит в столице Святой Марии Блаувейне членом одной из местных террористических организаций, находящихся в оппозиции к правительству. Ян, который был офицером в той же самой части, позже отыскал штаб-квартиру этой группы и собственноручно убил трех террористов. Но это не вернуло нам Кейси. Он был нашим общим любимцем, и мы тяжело переживаем его гибель.

Но большие опасения доставляет нам Ян. Он привез тело Кейси домой, не пожелав хоронить его на Святой Марии. Теперь он уже несколько недель дома. Ты знаешь, он всегда был более мрачным из близнецов и, казалось, Кейси забрал себе всю ясность и веселость, предназначавшиеся им обоим. Твоя мать говорит, что теперь, утратив своего доброго ангела, Ян перешел на сторону сил зла, которые всегда оказывали на него влияние.

Как ты знаешь, я всегда считал что члены одной семьи не должны служить вместе,— в поле или гарнизо-

не, чтобы родственные чувства не мешали исполнению долга. Но твоя мать считает, что нельзя сейчас оставлять Яна в темноте и отчаянии: он должен вернуться к активной деятельности. Она просит меня передать тебе ее просьбу: найти для Яна место в твоём Штабе, где бы ты мог приглядывать за ним. Я знаю, это будет для вас обоих довольно трудно — ему придется подчиняться тебе. Но твоя мать считает, что это лучше, чем его теперешнее положение.

Ян не выразил желания вернуться к активной деятельности, но если я поговорю с ним, как глава семейства, он согласится. Твой брат Мор успешно служит на Венере и недавно получил звание коменданта. Мать просит тебя написать ему, сам он, возможно, не решается писать тебе, так как ты очень многого достиг за короткое время, а сам он — нет, хотя он и старший брат.

Шлем тебе свою любовь.

Ичан.

Донал вздохнул. Казалось, все стремятся к нему. Вначале Ли. Потом этот изувеченный Эл Мен, который упросил Донала взять его с собой, когда тот покидал Фриленд. А теперь Ян. Что ж, Ян — хороший офицер, хотя, очевидно, смерть брата принесла ему горе. Донал легко найдет ему место.

Донал нажал кнопку и повернул голову к маленькому микрофону:

— Ичан Кан Грим, Гримхаус, Южный район, кантон Форали, Дорсай, — произнес он. — Рад был получить твоё послание. Ты знаешь, я всегда любил Кейси, и понятно, что я сейчас чувствую. Пусть Ян приезжает. Я буду рад видеть его в своём Штабе, сказать по правде, он мне очень нужен. Большинство офицеров, которых я унаследовал как главнокомандующий, так запуганы этим Элдером, что предпочитают ничего не делать. Я знаю, что по этому поводу о Яне не придется беспокоиться. Если он возьмёт под контроль программу тренировки войск, я буду спокоен. А потом я смогу дать ему пост либо в Штабе, либо в Патруле. Скажи маме, что я напишу Морю, но письмо будет очень коротким: я сейчас занят по уши. Здесь есть хорошие офицеры, но они так запуганы, что теперь не желают сделать и шага без моего приказа. Всем домашним мой привет.

Донал.

Глава Объединенного правительства Дружественных планет Френдлиза — Гармонии и Ассоциации — имел свою свиту из офицеров в Правительственном Центре, в полусотне метров от военного штаба. Это не было случайностью. Элдер Брайт был воинственным человеком и хотел, чтобы истинные Церкви Господа имели сильную армию. Он работал за своим столом, но встал, когда вошел Донал.

Он двинулся навстречу Доналу, высокий, стройный человек, одетый исключительно в черное, широкоплечий, с бицепсами борца и глазами Торквемады, этого светила инквизиции в средневековой Испании.

— Да будет на вас благословение господа, — сказал он. — Кто подписал приказ о покупке дополнительных решеток временного сдвига для кораблей низших классов?

— Я, — ответил Донал.

— Вы тратите деньги, как воду. Церковная десятина, десятая часть церковной десятины церквей наших бедных планет — вот все, чем располагает наше правительство. И, как вы думаете, много ли мы можем истратить на прихоти и фантазии?

— Война, сэр, — сказал Донал, — имеет мало общего с прихотями и фантазиями.

— Но зачем дополнительные решетки? — выпалил Брайт. — Разве они ржавеют в космосе? Разве среди звезд их может сдуть ветром?

— Я хочу изменить внешний вид кораблей: из шарообразных превратить их в цилиндрические. Я возьму с собой корабли всех трех классов. Когда они выйдут в космос, они все должны выглядеть как корабли первого класса.

— Но зачем?

— Наше нападение на Зомбри не может быть абсолютной неожиданностью, — терпеливо объяснил Донал. — Мара и Культис встревожены и следят за всеми объектами, уязвимыми с военной точки зрения. Разрешите, сэр... — он прошел мимо Брайта к письменному столу и нажал несколько кнопок.

Схематическое изображение системы Прорциона возникло на одной из стен кабинета, причем сама звезда находилась слева. Указывая, Донал читал названия планет по порядку слева направо:

— Куби, Культис, Мара, Святая Мария. Подобную группу близко расположенных и пригодных для жизни

планет мы вряд ли отыщем в ближайшее время, в ближайшие десять поколений. А рядом с этими мирами проходит орбита этого сбежавшего спутника Зомбри, его эксцентрическая орбита проходит между Марой и Святой Марией.

— Вы меня учите? — резко спросил Брайт.

— Да, — ответил Донал. — Мой опыт научил меня, что люди часто не замечают вещей, которые они когда-то знали, и считают, что знают и сейчас. Но она существует как троянский конь, не хватает только ахейцев, чтобы нарушить мир в Прочионе...

— Мы это уже обсуждали, — опять прервал его Брайт.

— И продолжим обсуждение, — вежливо продолжал Донал, — если вы будете выяснять причины каждого моего приказа. Как я уже сказал, Зомбри — это троянский конь в городе. К несчастью, мы не можем доставить туда людей тайком. Зато мы можем воспользоваться силой и высадиться, пока на Экзотике не встревожатся. И, следовательно, наша высадка должна быть как можно более внушительной и быстрой. Мы должны высадиться без сопротивления, несмотря на то, что регулярные войска Экзотики несомненно охраняют Зомбри. Наилучший способ достичь этого — продемонстрировать подавляющее преимущество в силах так, чтобы местный командующий решил, что попытка помешать нам была бы глупостью. А лучший способ продемонстрировать свою силу — это предъявить втрое больше кораблей первого класса, нежели у нас есть. Вот зачем запасные решетки.

Донал замолчал, вновь подошел к столу и нажал кнопку. Изображение исчезло.

— Хорошо, — сказал Брайт. В тоне его не было изменения, высокомерие не уменьшилось. — Я разрешаю исполнять ваш приказ.

— Возможно, — сказал Донал, — вы одобрите и другой мой приказ — убрать охрану совести с моих кораблей и соединений?

— Ересь... — начал Брайт.

— Это меня не касается, — сказал Донал. — Моя работа заключается в том, чтобы люди были готовы к действиям. Под моим командованием — около шестидесяти национальных войск: их моральное состояние подорвано, в частности, из-за трех в среднем судов за ересь в неделю.

— Это дело церкви,— сказал Брайт.— Вы хотите еще о чем-нибудь спросить меня?

— Да,— ответил Донал.— Я заказывал шахтное оборудование, но не получил его.

— Это чрезмерное требование,— ответил Брайт.— На Зомбри ничего не пужно будет копать, кроме командного пункта.

Донал в течение нескольких секунд смотрел на одетого в черное человека. Его белое лицо и белые руки — единственные открытые части тела — казались неестественными, как будто на нем была маска и перчатки, а под ними скрывалось черное и чуждое существо.

— Нам нужно понимать друг друга,— сказал Донал.— Я не отправлю людей на верную смерть — наемники ли они или ваши национальные войска. Но чего же вы хотите достичь этим выступлением против Экзотики?

— Они угрожают нам,— ответил Брайт.— Они хуже еретиков. Они — легионы сатаны, отступники господи.— Глаза его заблестели, как льдинки под лучами солнца.— Мы должны воздвигнуть башню, чтобы они не могли напасть на нас без предупреждения. Тогда мы будем жить в безопасности.

— Хорошо,— ответил Донал.— Я создам вам вашу башню. А вы будете мне давать людей и вооружение, которое нам понадобится, без вопросов и отлагательств. Кстати, эти ваши колебания в одобрении моих приказов означают, что мы вынуждены будем выступать на 10—15 % слабее, чем я ожидал.

— Что? — Брайт сдвинул свои черные брови.— У нас еще два месяца до условного дня выступления.

— Условный день,— сказал Донал,— пусть останется для вражеской разведки. Мы выступим через две недели.

— Две недели? — Брайт удивленно посмотрел на него.— Вы не сможете подготовиться за две недели.

— Я искренне надеюсь, что Колмейн и Генеральный Штаб Мары и Культиса согласны с вами,— ответил Донал.— У них лучшие полевые и космические силы среди звезд.

— Как? — лицо Брайта потемнело от гнева.— Вы осмеливаетесь утверждать, что мы слабее?

— Смотреть в лицо фактам лучше, чем в лицо поражения,— слегка устало ответил на это Донал.— Да, Элдер, наши силы значительно слабее. Поэтому я больше рассчитываю на внезапность, чем на подготовку.

— Солдаты Церкви — самые храбрые во Вселенной, — воскликнул Брайт. — Они вооружены оружием правдивости и никогда не отступят.

— Это объясняет их большие потери, постоянную необходимость в новобранцах и общий низкий уровень подготовленности, — напомнил ему Донал. — Готовность умереть в битве — необходимое качество солдата. Войска наемников, лишённые местного патриотизма, в то же время гораздо пригоднее для военных действий. Итак, буду ли я встречать в дальнейшем противодействие своим приказам?

Брайт колебался. Выражение фанатизма на его лице смягчилось, сменилось задумчивостью. Когда он заговорил вновь, голос его был холодным, деловитым:

— Во всем, кроме охраны совести, — ответил он. — Их действия, в конце концов, распространяются лишь на членов наших церквей. — Он повернулся и направился к своему столу. — Кроме того, вы могли заметить, что существуют некоторые различия в догмах разных церквей. Присутствие охраны совести делает наших людей менее склонными к спорам друг с другом, а это, как я понимаю, повышает воинскую дисциплину.

— Что ж, ладно, — ответил коротко Донал. Он уже собирался уходить. — Кстати, Элдер, — сказал он, — на счет настоящего дня выступления через две недели. Это должно оставаться тайной, я должен быть уверен, что об этом знают только два человека, и это останется исключительно их знанием до самого часа выступления.

Брайт поднял голову.

— Кто же второй? — резко спросил он.

— Вы, сэр, — ответил Донал. — Я только что принял решение о настоящем дне высадки.

Около минуты они глядели друг на друга.

— Да будет с вами господь, — холодно сказал Брайт. Донал вышел.

ГЛАВНОКОМАНДУЮЩИЙ — II

Колмейн, о котором говорил Донал, был командующим лучшими наземными и космическими силами среди звезд. Экзотика — планеты Мара и Культис — была не в состоянии сама обеспечить свои армии, но она была достаточно мудра, чтобы нанимать лучших военных специалистов. Колмейн был одним из лучших военачальни-

ков своего времени, наряду с Галтом из Фриленда, Комалом — на Дорсае, Исаком — на Венере и этим предводителем военных чудес — Дом Евом, высшим командиром планеты Сета, где было постоянное местожительство Уильяма. У Колмейна были свои заботы (включая сюда и молодую жену, не обращающую на него внимания) и недостатки (он был игрок — и за карточным столом, и в военных действиях), но тем не менее, он располагал мощным мозгом, помещавшимся в его черепе, и не менее одной разведывательной службой, штаб которой находился на его командной базе на Маре.

Поэтому он знал, что планеты Френдлиза: и Гармония, и Ассоциация — готовятся к высадке на Зомбри, спустя три недели после принятия этого решения. Его шпионы своевременно сообщили ему об условном дне выступления: и вот сейчас он разработал план достойной встречи пришельцев.

Главной составной частью плана было создание укрепленных пунктов на Зомбри. Нападающие обнаружат, что прыгнули в осиное гнездо. В то же время корабли Экзотики — настороже в непосредственной от спутника близости. Как только поверхность Зомбри превратится в поле военных действий, корабли Экзотики извне нападут на флот захватчиков. Атакующие окажутся между двух огней: их высадившиеся войска не смогут окопаться, а их корабли лишатся поддержки снизу, в то время, как корабли Экзотики будут поддерживаны огнем укрытых тяжелых орудий.

Разработка плана близилась к концу, и вот однажды на командной базе на Маре Колмейн вместе со своим штабом дорабатывал последние детали. Но тут возникла помеха в лице адъютанта, который торопливо вошел в зал совещаний, даже не спросив разрешения.

— В чем дело? — проворчал Колмейн, поднимая от карты свое смуглое лицо, в его шестьдесят лет все еще красивое, чтобы принести ему компенсации недостаточного внимания жены в виде общества других женщин.

— Сэр, — сказал адъютант. — Зомбри атакована...

— Что? — Колмейн вскочил на ноги, остальные члены штаба тоже.

— Около двухсот кораблей, сэр. Мы только что получили сообщение. — Голос его слегка дрожал, ему едва ли исполнилось двадцать лет. Наши люди на Зомбри обороняются имеющимися силами...

— Обороняются? — Колмейн грозно шагнул в сторону адъютанта, как будто тот был виновен в случившемся. — Они высадили десант?

— Они приземлились, сэр.

— Сколько?

— Не знаю, сэр.

— Баранья голова. Сколько кораблей выбросили десант?

— Нисколько, сэр. Они все приземлились.

— Приземлились?

На несколько секунд в огромном зале совещаний воцарилось молчание.

— Вы хотите сказать, — выкрикнул, наконец, Колмейн, — что на Зомбри спустилось двести кораблей первого класса?

— Да, сэр, — голос адъютанта превратился чуть ли не в писк. — Они отбросили наши войска и окапываются...

Закончить фразу он не успел. Колмейн взглянул на своих военных советников и командиров Патрулей.

— Ад и проклятие, — проревел он. — Разведка!

— Сэр! — заговорил огромного роста офицер-фрилендер.

— Ваше мнение?

— Сэр, — замялся офицер, — я не знаю, как это могло произойти. Последние сообщения получены с Гармонии три дня назад...

— К черту последние сообщения. Через пять часов все корабли и все люди должны быть готовы к выходу в космос. Через десять часов все патрульные корабли, где бы они ни находились, должны соединиться с основным флотом и двинуться на Зомбри. Действуйте.

Генеральный штаб Экзотики начал действовать.

Выполнить приказ Колмейна в такое короткое время было невозможно, и то, что он все-таки был выполнен и через десять часов флотилия из четырехсот кораблей разных классов с полным комплектом экипажа и вооружения выступил к Зомбри, было своего рода чудом военного дела.

Колмейн и офицеры его штаба разглядывали на экране контрольного глаза плывущий внизу спутник. Еще три часа назад они получили доклад о сопротивлении. Теперь типшина на Зомбри красноречиво свидетельствовала об окончании военных действий. А наблюдение обнаружило на поверхности спутника около ста пятидесяти шахтных входов.

— Мы высадимся,— сказал Колмейн,— садимся все и вышвыриваем их с луны.— Он посмотрел на своих офицеров.— Возражения?

— Сэр,— сказал командир Голубого Патруля,— может быть, нам подождать на орбите?

— И не думайте,— с юмором сказал Колмейн.— Они не стали бы окапываться в нашей системе, если бы у них не было достаточно запасов, и ожиданием мы ничего не добьемся.— Он покачал головой.— Время действовать, джентльмены, прежде чем они не закрепятся окончательно. Все корабли вниз, даже те, на которых нет войск. Мы используем их как наземные огневые точки.

Члены штаба отсалютовали и принялись выполнять приказ.

Флот Экзотики опускался на Зомбри, как саранча на фруктовый сад. Колмейн, расхаживая по контрольной рубке флагманского корабля, опускавшегося вместе с другими, улыбался, слушая сообщение о том, как очищаются опорные пункты противника, как сдаются его только что окопавшиеся корабли и как начинают окапываться корабли Экзотики. Войска захватчиков падали, как карточные домики, и мнение Колмейна об их командире — очень высокое при первом сообщении о падении — начало падать. Одно дело — смелая игра, совсем другое дело — игра глупая. Из морального состояния и степени подготовки войск Френдлиза следовало, что они вряд ли вообще могли рассчитывать на успех... Этот Грим должен был больше внимания уделить подготовке людей и меньше — разработке драматических высадок. Но чего можно было ожидать от юного командира, впервые в жизни получившего такой пост?

Он наслаждался предвкушением несомненной победы, когда его внезапно грубо прервали. Из коммуникатора глубокого космоса раздалось неожиданное гудение, и два офицера в рубке одновременно доложили:

— Сэр, вас вызывает кто-то неизвестный.

— Сэр. корабли над нами.

Колмейн, следивший за поверхностью Зомбри через контрольный глаз, нажал переключатель: искатель прибора, описав круг, устремился к звездам и на экране при полном увеличении вырисовывалось изображение корабля первого класса с гербом Френдлиз. А за этим кораблем на орбите вокруг Зомбри видны были другие.

— Кто это? — выкрикнул Колмейн, обращаясь к офицеру, сообщившему о неожиданном вызове.

— Сэр, — недоверчиво ответил офицер, — он говорит, что он — главнокомандующий силами Френдлиза.

— Что? — Колмейн вскочил на ноги у контрольного глаза. Степной экран засветился и на нем появилось изображение стройного юного дорсайца со странными, неопределенного цвета глазами.

— Грим, — выкрикнул Колмейн. — Что это за имитация флота, которым вы хотите меня напугать?

— Посмотрите, командующий, внимательнее, — ответил молодой человек. — Имитация закопана на поверхности спутника. Там мои корабли низших классов. Иначе разве вам удалось бы с ними так легко справиться. А здесь у меня корабли первого класса — сто восемьдесят три корабля.

Колмейн нажал переключатель и взглянул на экран. Он обернулся к офицерам у контрольного пункта.

— Докладывайте!

Но офицеры были заняты. Поступали подтверждения. Захваченные корабли были низшего класса с дополнительными решетками временного сдвига, у них было меньше оружия, и они были слабее. Колмейн вновь взглянул на экран. Донал сидел в той же позе, ожидая его.

— Через десять минут мы будем наверху и встретимся, — пообещал сквозь зубы Колмейн.

— Я думаю, что у вас больше здравого смысла, командующий, — ответил с экрана Донал. — Ваши корабли не окопались. И никто не прикроет их, когда они будут взлетать. Мы можем уничтожить вас на взлете, можем разнести на куски, пока вы на поверхности. У вас нет оборудования для того, чтобы закрепиться по-настоящему. Я хорошо информирован о вашем поспешном взлете. — Он помолчал. — Предлагаю вам прибыть для обсуждения условий сдачи.

Колмейн, глядя на экран, стоял молча. Но у него не было выбора. Он бы не был командующим такого масштаба, если бы не понял этого. Он неохотно кивнул:

— Сейчас прилечу, — сказал он и выключил экран. Плечи его поникли, он отправился к маленькому курьерскому кораблю, пришвартованному к флагману для его личных нужд.

— Клянусь богом, — были его первые слова при встрече с Гримом на борту флагмана Френдлиза. — Вы уничтожили меня. Я был бы счастлив, если бы мне после этого поручили командовать отрядом из пяти кораблей. — Он был не далек от истины.

Донал вернулся на Гармонию два дня спустя. Даже самые угрюмые фанатики встретили его с триумфом, когда он проезжал по улицам к Правительственному Центру. Но когда он явился для доклада к Элдеру Брайту, его ждал совсем другой прием.

Глава Объединенного Совета Церквей Гармонии и Ассоциации угрюмо глядел на входящего Донала, все еще одетого в комбинезон поверх мундира. Комбинезон он торопливо надел в космопорту. Платформа, на которой он ехал по улицам, была открытой, чтобы ничто не мешало проявлению восторга толпы, а на Гармонии было необычайно холодно.

— Добрый вечер, джентльмены, — сказал Донал, приветствуя Брайта и двух других членов Совета, сидевших рядом с Брайтом за столом. Эти двое не ответили, Брайт кивнул, и три вооруженных солдата его личной охраны вышли, прикрыв за собой дверь.

— Итак, вы вернулись, — сказал Брайт.

Донал улыбнулся.

— Вы ожидали, что я отправлюсь куда-нибудь в другое место? — спросил он.

— Сейчас не время для шуток, — огромный кулак Брайта ударил по столу. — Как вы объясните свое возмутительное поведение?

— Вы не в своем уме, Элдер, — голос Донала звучал резко, и трое не ожидали этого. — О чем вы говорите?

Брайт встал. Теперь, широкоплечий, мощный, с фигурой кулачного бойца, он более чем когда-либо напоминал Торквемаду.

— Вы вернулись обратно, — медленно и жестко сказал он. — И делаете вид, будто не знаете, что предали нас.

— Предал вас? — Донал смотрел на него, вдумываясь в злое утверждение. — Как предал вас?

— Мы послали вас выполнять определенное задание.

— Да, я его выполнил, — сухо сказал Донал. — Вы хотели сторожевую башню над безбожниками. Вы хотели иметь на Зомбри установку для постоянного наблюдения за Экзотикой. Вы помните, несколько дней назад я еще раз спрашивал, чего вы хотите. Вы совершенно определенно высказали мне свои положения. Я их выполнил.

— Вы — отродье сатаны, — выкрикнул Брайт, внезапно утратив самоконтроль — неужели это все, что мы хотели? Вы думаете, что помощники господа стали бы

колебаться на пороге безбожников? — Он повернулся и нагнулся над столом. — Они были в вашей власти, и вы выпросили у них только невооруженную наблюдательную станцию на бесплодной луне. Вы держали их за горло и никого не убили, а ваш долг был стереть их с лица звезд до последнего корабля, до последнего человека. — Он замолчал, и Донал услышал, как лязгнули его зубы во внезапной тишине. — Сколько они заплатили вам? — презрительно спросил Брайт.

Донал спокойно выпрямился.

— Будем считать, — спокойно сказал он, — что последних слов я не слышал. А что касается вашего вопроса относительно наблюдательной станции, то это было все, что вы хотели. Почему я не убил их? Бессмысленное убийство — не мое дело. Не стал бы я бесполезно рисковать своими людьми ради бессмысленного убийства. — Он холодно посмотрел Брайту в лицо. — Вы должны были быть честнее со мной, Элдер, и прямо сказать, чего вы хотите. Уничтожения мощи Экзотики, не так ли?

— Да, — ответил Брайт.

— Вам никогда не приходило в голову, — продолжал Донал, — что я слишком хороший командир, чтобы браться за выполнение этой задачи? Я думаю, — он взглянул на остальных членов Совета, — что вы подорвались на своей mine. — Он помолчал, потом, слегка улыбнувшись, обратился к Брайту: — С тактической точки зрения было бы крайне неразумно для Френдлиза уменьшать мощь Мары и Культиса. Позвольте дать вам маленький урок, так...

— Вам лучше позаботиться о более правдоподобном ответе, — прервал его Брайт. — Иначе вы будете обвинены в предательстве интересов ваших панимателей.

— Не может быть, — Донал громко рассмеялся.

Брайт отвернулся от него и пересек комнату. Он стукнул в дверь, она распахнулась, пропустив троих вооруженных солдат. Указывая пальцем на Донала, Брайт сказал:

— Арестуйте этого изменника.

Охранники сделали шаг к Доналу, но прежде чем они успели извлечь оружие, три голубых луча пересекли их путь. Все трое упали.

Как человек, оглушенный ударом сзади, Брайт смотрел на тела своих гвардейцев, а потом поднял голову и увидел, что Донал засовывает в кобуру свое оружие.

— Вы думаете, что я настолько глуп, чтобы явиться сюда безоружным? — спросил Донал. — Вы думали, что я позволю себя арестовать? — Он покачал головой. — Я просто спасаю вас от самих себя. — Он посмотрел на их ошеломленные лица. — Да, — сказал он. Жестом он указал на открытое окно в дальнем конце зала. Звук праздничного торжества доносил оттуда вечерний ветер. — Сорок процентов ваших лучших войск — наемники. Наемники же ценят командира, который выигрывает сражения, не жертвуя их жизнью. Как вы думаете, какой была бы их реакция, если бы меня обвинили в измене и казнили? — он помолчал, чтобы его мысль дошла до них. — Подумайте, джентльмены, об этом.

Он застегнул китель и угрюмо посмотрел на мертвых гвардейцев, потом вновь повернулся к членам Совета.

— Это достаточная плата для расторжения контракта, — сказал он. — Поищите себе другого главнокомандующего. — Он повернулся и направился к двери. Брайт крикнул ему вслед:

— Отправляйтесь к ним. К безбожникам с Мары и Культа.

Донал покачал головой, помолчал, потом обернулся и благодарно наклонил голову.

— Благодарю вас, джентльмены, — сказал он. — Но помните, что это было ваше предложение.

Часть третья

МАРАНИН НАПОЛОВИНУ

Здесь должно было состояться его свидание с Сэйной. Поднимаясь по широким ступеням сооружения, в котором жил наиболее известный человек двух планет Экзотики, Донал все более удивлялся по мере своего продвижения.

Пройдя дальше, он встретил высокую, сероглазую женщину и объяснил причину своего появления.

— Идите направо,— сказала женщина, показывая жестом.— Вы найдете его там.

Странное это было место.

Он прошел по освещенному солнцем коридору и попал в сад, где было множество прудов с разноцветными рыбками, и, наконец, оказался в небольшом, залитом солнцем дворике, наполовину покрытом крышей. В дальнем углу дворика в тени сидел высокий человек неопределенного возраста, одетый в синий свободный костюм. Он сидел на небольшом участке дерна, окруженного низкой каменной стеной.

Донал спустился по трем ступенькам, пересек дворик, вновь поднялся по трем ступенькам и остановился возле высокого человека.

— Сэр,— сказал Донал.— Я — Донал Грим.

Высокий человек жестом предложил ему сесть рядом.

— Если предпочитаете сидеть на стене, пожалуйста,— он улыбнулся.— Сидеть, скрестив ноги, еще не значит соглашаться с чем-либо.

— Верно, сэр,— ответил Донал и сел, скрестив ноги.

— Хорошо,— сказал высокий человек и погрузился в раздумья.

Донал расслабился в ожидании. Ощущение мирного покоя входило в него. Казалось, это место создано для размышлений. И Донал не сомневался, что оно действи-

тельно построено для этой цели. Сидя в удобной позе, он позволил своему мозгу свободно размышлять, и ничего удивительного, что мысль его обратилась к человеку, сидевшему рядом.

Сэйона Связующий — об этом человеке Донал учил еще в школе — был самый выдающийся человек на Экзотике. Экзотикой называли две планеты населенные странными людьми. Некоторые полагали, что жители Мары и Культиса эволюционировали до такой степени, что вообще перестали быть людьми. Это соображение было отчасти юмористическим, а отчасти — основанным лишь на подозрении. На самом деле они были людьми.

Они видоизменили свой организм. Их исследования шли в области психологии и ее ответвлений, а также в той области биологии, которую можно было назвать генной селекцией и плановым воспроизводством потомства. С этим было связано немало мистицизма. Жители Экзотики открыто поклонялись богу и не признавали никакой религии. У них был собственный принцип — невмешательство. Единственное воздействие, которое они признавали, это — убеждение. Но все эти рассуждения не уменьшили их способности постоять за себя. Они считали, что не могут применить насилие к другим людям, но и другим нельзя было позволить применять насилие. В войпах и делах, благодаря наемникам и посредникам, они умело отстаивали свои интересы.

Но тут Донал вернулся к мысли о Сэйоне Связующем и о его месте в культуре Экзотики. Он был одним из своеобразных вознаграждений людей Экзотики за их особый путь развития. Он был непосредственной частью их эмоциональной жизни, воплощенной в виде отдельной личности. Подобно Анеа, которая при всей ее нормальности и женственности была на Экзотике буквально избранной из Культиса. Она была их лучшим произведением искусства, которому они поклонялись. Главное заключалось в способностях, которые были выработаны у нее. Аналогично — и Сэйона Связующий. И опять в смысле, который могли понять только жители Экзотики, Сэйона был буквально связью между мирами, связью во плоти и крови... В нем заключалась способность всеобщего понимания, всеобщего примирения, выражения общности всех людей...

Донал, внезапно спохватившись, осознал, что Сэйона говорил с ним. Он говорил уже некоторое время, говорил спокойно, а слова его Донал пропустил сквозь мозг, как

воду сквозь пальцы. Но то, что он успел услышать и понять полностью вернуло ему сознание.

— Нет, — ответил Донал, — я думаю, что это обычная процедура, которой вы подвергаете каждого командира, прежде чем нанять его. — Сейона рассмеялся.

— Проводить каждого командира через эти тесты? — проговорил он. — Нет, нет. Тогда мы никогда не смогли бы нанять нужного нам человека.

— Но мне нравятся эти тесты, — сказал Донал.

— Я знаю, — кивнул Сейона. — Тест — это форма конкуренции, а вы по натуре — борец. Нет, когда нам нужен военный, мы оцениваем лишь его воинские качества — это все.

— Но тогда почему такое исключение в случае со мной? — спросил Донал, глядя на собеседника.

Сейона вернул ему взгляд, его светло-коричневые глаза слегка усмехнулись.

— Мы заинтересованы, — ответил Сейона. — Дело в ваших предках. Вы наполовину маранип, и именно ваши гены заинтересовали нас. У вас удивительные способности!

— Способности к чему?

— К самым различным вещам. Мы лишь слегка определили их по вашим тестам.

— Могу ли я спросить, в чем же мои главные способности? — с любопытством спросил Донал.

— К сожалению, нет. Я не могу ответить на ваш вопрос, — сказал Сейона. — Да и мой ответ был бы для вас бессмысленным, сейчас вы не владеете пугными словами для понимания. Поэтому-то я и хотел поговорить с вами. Я интересуюсь вашим мировоззрением.

— Мировоззрением? — Донал засмеялся. — Я — дорсаец.

— Каждый, в том числе и дорсаец, каждое живое существо имеет свое мировоззрение — листок травы, птица, ребенок. Индивидуальное мировоззрение совершенно необходимо, это — краеугольный камень, на котором мы основываем свое существование. К тому же, вы — частично дорсаец. А что скажет ваша другая часть?

Донал нахмурился.

— Я не уверен, что моя другая часть что-либо скажет. Я — солдат, наемник. У меня есть работа. И я хотел бы выполнять ее всегда наилучшим образом.

— Но кроме этого... — настаивал Сейона.

— Что ж, кроме этого, — Донал помолчал и нахмурился, — кроме этого, я хотел бы, чтобы все было в порядке.

— Вы сказали, что хотите, чтобы все было в порядке. Вы не сказали, что вам это просто нравится. — Сэйона выжидательно посмотрел на него. — Вы не видите в этом разницы?

— Что? А, — Донал засмеялся. — Я думаю, это высказалась моя вторая половина. Если точнее говорить, то я хотел бы сделать так, чтобы все было в порядке.

— Да, — сказал Сэйона, и Донал не понял, одобряет он сказанное им или не согласен с ним. — Вы — исполнитель.

— Кто-то должен им быть, — сказал Донал, добавив: — Возьмите цивилизованные планеты, — он внезапно оборвал себя.

— Продолжайте, — сказал Сэйона.

— Я хотел сказать: возьмем цивилизацию. Подумать только, как мало времени прошло с момента первого космического корабля на Землю! Четыреста лет? Пятьсот? Что-то вроде этого. А посмотрите, как мы распространились.

— И что же?

— Мне это нравится, — сказал Донал. — Это и эффективно и опасно. Какой смысл в техническом совершенствовании, если мы все еще разбиты на множество групп, и каждый живет только своим умом, надеясь только на себя. Это — не прогресс.

— Вы хотите, чтобы был прогресс?

Донал взглянул на него.

— А вы разве нет?

— Конечно, — сказал Сэйона. — Определенный вид прогресса. Мой тип. А каков ваш?

Донал улыбнулся.

— Вы хотите услышать? Вы правы. У меня действительно есть мировоззрение. Вы в самом деле хотите услышать?

— Да.

— Хорошо, — Донал взглянул на маленький, залитый солнцем, сад. — Каждый человек — орудие в своих собственных руках. И все человечество — орудие в своих руках. Величайшее удовлетворение приходит к нам не как награда за работу, оно — сама работа. И величайшая задача наша — совершенствовать этот инструмент, самих себя, чтобы еще лучше выполнять работу. — Он взглянул на Сэйону. — Что вы думаете об этом?

— Я думал об этом, — ответил Сэйона. — И мой собственный взгляд отличен, конечно. Человек для меня — не исполнительный механизм, а воспринимающий. Я бы сказал, что главная задача индивидуума — не столько делать, сколько быть. Главное — понять себя.

— Нирвана в противоположность Валгаллу, — сказал Донал, слегка угрюмо улыбаясь. — Благодарю, я предпочитаю Валгаллу.

— Вы уверены? — спросил Сэйона. — Вы совершенно уверены, что вам не пужна Нирвана?

— Совершенно уверен.

— Жаль, — печально сказал Сэйона. — А мы надеялись.

— Надеялись?

— Дело в ваших способностях, — сказал Сэйона, поднимая палец, — в ваших великих способностях. Они могут развиваться лишь в одном направлении — в том, которое вы сами выберете. Но у вас свобода выбора. Ваше место здесь.

— Вместе с вами?

— В других мирах не знают, — сказал Сэйона, — что мы открыли за последние сто лет. И мы лишь начали свою работу. Перед нами огромные задачи развития человечества, человеческих способностей.

— А у меня есть такие способности?

— Да, — ответил Сэйона. — Частично, как результат вашего маранского происхождения, и частично просто в результате счастливого расположения генов — это пока вне наших знаний и понимания. Конечно, вам бы пришлось переучиваться. Та часть вашего характера, которая господствует сейчас, должна быть согласована с той частью, которую мы считаем главной.

Донал покачал головой.

— У вас была бы компенсация, — печально сказал Сэйона, — для вас стало бы возможным то, о чем вы сейчас даже не думаете. Знаете ли вы, что относитесь к тому типу людей, которые могут ходить по воздуху, если верят в это?

Донал рассмеялся.

— Я совершенно серьезно, — сказал Сэйона. — Попробуйте когда-нибудь проверить.

— Я не могу поверить в то, во что не верю инстинктивно, — сказал Донал. — Я — солдат.

— Вы — необычный солдат, — пробормотал Сэйона. — Солдат, полный сострадания, причудливых фантазий и

снов наяву. Человек одинокий, который старается быть похожим на всех, но для которого человечество — это конгломерат странных чуждых созданий, чьи прихотливые пути он не может понять, хотя понимает в то же самое время очень хорошо.

Он взглянул на внезапно застывшее лицо Донала.

— Ваши тесты очень эффективны, — сказал Донал.

— Да, — согласился Сэйона, — но не нужно глядеть на меня так. Мы не можем использовать их, как оружие, не можем к чему-либо принудить вас. Это разрушило бы все ваши способности. Мы можем только предложить вам. — Он помолчал. — Я могу на основе ваших знаний уверить вас, что, приняв наше предложение, вы будете счастливы.

— А если не приму?

Сэйона вздохнул.

— Вы — сильный человек, — сказал он. — Сила влечет за собой ответственность, а за ответственность нужно платить счастьем.

— Могу лишь сказать, что я всю жизнь работаю, чтобы быть счастливым. — Донал встал. — Благодарю за ваше предложение. Я ценю то высокое мнение обо мне, которое в нем содержится.

— Сказать бабочке, что она бабочка и не должна ползать по земле, — не значит высоко оценить ее, — сказал Сэйона.

Донал вежливо наклонил голову.

— До свидания, — сказал он.

Он повернулся и отошел на несколько шагов к каменным ступеням, чтобы спуститься по ним и пересечь дворик.

— Донал, — голос Сэйоны остановил его. Он повернулся и увидел, что Связующий глядит на него со странным выражением. — Я (он подчеркнул слово «я») верю, что вы можете ходить по воздуху, — сказал Сэйона.

Донал посмотрел на него удивленно, но выражение лица Сэйоны не изменилось. Донал повернулся и ступил на землю. К его величайшему удивлению нога встретила опору в восьми дюймах над поверхностью земли, в воздухе. Не понимая, что он делает, Донал поставил вторую ногу вперед на ничто. Он сделал шаг, другой. Ничем не поддеживаемый, он прошел через весь дворик и ступил на противоположную верхнюю ступень.

Найдя наиболее надежную опору, он обернулся. Сэйона по-прежнему смотрел на него, но выражение его лица разгадать было невозможно. Донал вышел из дворика.

Задумчиво вернулся он в свою квартиру в Портсмуте, в этом маранском городе находился главный штаб Экзотики. Пока он добирался, тропическая ночь быстро накрыла город, но мягкое освещение, что шло от стен и крыш всех зданий, затмило свет звезд. Свет этот проник в спальню Донала.

Стоя посреди спальни и собираясь приняться за еду — он опять забыл сегодня поесть, — Донал нахмурился. Взглянув наверх, на мягко закруглявшийся купол потолка, в высшей точке достигавшего двенадцати футов высоты, он вновь нахмурился. И поискал что-то на письменном столе, пока не нашел катушку с распечатанной сигнальной лентой. Держа ее в одной руке, он взглянул на потолок и сделал шаг вперед.

Его нога нашла опору в воздухе. Медленно, шаг за шагом, опираясь на ничто, поднимался он к потолку. Раскрыв капсулу, он извлек ленту и прикрепил конец ее к потолку. Он несколько секунд висел в воздухе, глядя на ленту.

— Нелепость, — сказал он вдруг и немедленно почувствовал, что падает. Инстинктивно, собрав свое натренированное тело, он перевернулся в воздухе и опустился на руки и ноги, мгновенно встал. Невредимый, он взглянул на потолок. Капсула все еще висела там.

Неожиданно он негромко засмеялся.

— Нет, нет, — сказал он в пустое пространство. — Я — дорсаец.

ПРОТЕКТОР — I

Командующий полевыми войсками Ян Грим, холодный мрачный человек, явился в личный штаб Протектора Проциона с секретной сигнальной лентой, зажатой в огромном кулаке. В трех внешних помещениях никто не преградил ему путь. Но у входа в кабинет Протектора его личный секретарь — девушка в зелено-золотом мундире — попыталась помешать ему, говоря, что Протектор приказал не беспокоить его. Ян, взглянув на нее, протянул руку и распахнул дверь.

В кабинете он застал Донала, стоящего возле прозрачной стены, освещенной лучами Проциона разнообразных желтых оттенков.

Глубоко задумавшись, Протектор стоял у прозрачной стены, глядя на Портмут. В последние дни Протектора

все чаще и чаще заставляли в такой позе. При звуке шагов Яна он поднимал голову.

— Да? — спросил он.

— Они захватили Новую Землю, — ответил Ян и протянул сигнальную ленту. — Личное секретное донесение от Галта.

Донал взял ленту автоматически: вторая, глубоко скрытая часть его характера все еще господствовала над его мозгом. Прошедшие шесть лет изменили его внешность и манеры, но еще более они изменили его внутренний мир. Шесть лет командования, шесть лет оценок положений и принятия решений сблизили его внешний мир с внутренним, этот темный бездонный океан неизвестного, таившийся в нем самом. Он научился вступать в перемирие со своей второй сущностью, странностью, пряча ее от остальных, но используя ее, как оружие в руке, в необходимых условиях. А теперь это известие, принесенное Яном, произвело вначале лишь рябь на поверхности океана, постепенно усиливаясь, эта дрожь побудила его к действию.

Протектор Прочиона, ответственный теперь не только за оборону планет Экзотики, но и за две меньшие планеты системы — Святую Марию и Коби, — он должен был действовать ради них. Больше того, он должен был действовать и ради себя. Того, что ему предстояло, он не собирался избегать. Наоборот, он приветствовал действие.

— Понятно, — пробормотал он. Потом сказал дяде: — Галту нужна помощь. Ты сможешь подготовить к отправке войска?

Ян кивнул и вышел такой же холодный и мрачный.

Оставшись в одиночестве, Донал не торопился вскрывать сигнальную ленту. Он не помнил, о чем он думал, когда вошел Ян, но ведь дядя навел его на новые мысли. Последние дни Ян, казалось, чувствовал себя хорошо — лучше, чем можно было ожидать. Он жил в одиночестве, не сближаясь с другими, равными ему по званию, командующими и, отказываясь посетить Дорсай даже на короткое время, чтобы повидаться с семьей, он полностью отдался своим обязанностям по обучению полевых войск и выполнял их прекрасно. Кроме этого, он шел своим особым путем.

Донал вздохнул. Раздумывая над этим, он видел, что никто из тех людей, которые сгруппировались вокруг него, не сближаются теперь с ним из-за высокого поста, занимаемого им, или из-за его громкой славы. Это Ян, при-

шедший, потому что его послала семья. Это Ли, нашедший в нем поддержку, которой ему так не доставало, и следовавший за ним всегда, когда он не был еще Протектором Проциона. Это Ллудров, нынешний помощник Донала в Штабе, пришедший не по своей воле, а по настоянию жены. Ибо Ллудров женился на Эльвин Рай, племяннице Галта, которая продолжала интересоваться Доналом, даже выйдя замуж. Это Колмейн — ему Донал предоставил место в своем Штабе и там он прекрасно проявлял свои способности. Наконец, это Галт, связанный с ним не просто воинской дружбой. Галт, никогда не имевший сына, видел его в Донале.

И — в противоположность остальным — Мор, кого Донал хотел больше всего иметь на своей стороне, но которого гордость заставляла уходить как можно дальше от преуспевающего младшего брата. В конце концов, Мор отправился на Венеру, где на открытом рынке, процветавшем на этой технологической планете, его контракт купила Сета, теперь он был на положении врага Донала, по другую сторону враждующих сил, которые неизбежно должны были вступить в конфликт.

Донал оборвал свои мысли. Состояние депрессии, ранее часто навещавшее его, теперь было реже — в результате его упорной работы над собой. Он распечатал сигнальную ленту Галта.

«Донал!

К этому времени ты получишь сообщение о Новой Земле. Государственный переворот, приведший к власти правительство Кирли, был осуществлен войсками, предоставленными Сетой. Я никогда не перестану благодарить тебя за совет, из-за которого мы не передали свои войска Уильяму. Но сейчас положение тревожное. Мы подвергаемся атаке изнутри: у нас тоже много сторонников открытой покупки и продажи контрактов. Одна за другой планеты попадают в руки бизнесменов, худший из которых Уильям. Пожалуйста, предоставь нам полевые войска в возможном количестве.

На Венере собирается Общая Планетная дискуссия по поводу признания правительства Новой Земли. Они достаточно мудры, чтобы не приглашать тебя, поэтому прилетай обязательно. Я тоже буду там: нуждаюсь в тебе, поэтому прилетай, даже если других причин для этого нет.

Хендрик Галт, Маршал Фриленда.»

Донал кивнул сам себе. Но он не начал немедленно действовать. Там, где Галт был поражен внезапным открытием, Донал увидел лишь подтверждение своих давних предчувствий.

Шестьдесят населенных пунктов восьми звездных систем, от Солнца до Альтаира, зависели от торговли умами. Правда заключалась в том, что человечество шагнуло слишком далеко, и каждая планета не могла позволить себе развивать все области науки и техники. Зачем содержать тысячи средних медицинских училищ повсюду, если можно иметь пять высших и выпускать медиков высшей квалификации и торговать ими с другими планетами, где они могли бы учить других. Преимущества такой системы были огромными, число искусных специалистов ограничено, больше того, прогресс шел быстрее, если все специалисты в одной области тесно соприкасались друг с другом.

Система оказалась высоко практичной. Донал был одним из немногих людей, ясно видевших заключенные в ней недостатки.

Спорным вопросом торговли контрактами было следующее: насколько искусный специалист является индивидуальностью со своими правами и насколько он является собственностью панимателя. Если он — индивидуальность, торговля между мирами превращалась в серию индивидуальных сделок, и тогда общество с трудом может соблюдать общие интересы. Если специалист — собственность панимателя, это открывает широкие возможности для дельцов — покупателей и продавцов людей, которые смотрят на специалистов лишь как на живой товар, нечто вроде скота, из которого нужно извлекать максимальную прибыль.

Планеты все еще не решили этот вопрос. «Закрытые» общества, подобные обществам технологических планет венерианской группы — самой Венеры, Нептуна, Кассиды и фантастических планет Гармонии и Ассоциации, а также Коби, управляемой анонимным тайным преступным обществом, — эти планеты всегда предпочитали смотреть на специалистов скорее как на собственность, чем как на индивидуумов. «Свободные» общества — республиканские планеты Старая Земля, Марс, планеты Экзотики — Мара и Культис, индивидуалистическое общество Дорсая — склонялись скорее на сторону индивидуальности...

Было несколько планет, занимавших промежуточные позиции, и планеты с сильной центральной властью, типа Фриленда и Новой Земли, купеческая Сета, демократическая теократия Святой Марии, и малонаселенная пионерская планета рыбаков Декиин, управляемая объединением под названием Корбел.

Среди «закрытых» обществ рынок контрактов существовал уже много лет. На этих мирах вы можете быть проданы без вашего ведома другому панимателю, возможно, на другую планету. Преимущество такой торговли очевидно: правительство может легко контролировать торговлю, следя за своими целями и выгодами. Преимущество такой торговли: правительства легко перекупали лучших специалистов «свободных» обществ. Хотя соглашения между планетами существовало, но «закрытые» общества всегда умудрялись перехватить львиную долю талантов.

Это было почвой для неизбежного конфликта, который вызревал уже пятьдесят лет и должен был решить вопрос о жизненной потребности современной цивилизации — умах ее специалистов. И вот, думал Донал, стоя у прозрачной стены, этот конфликт виден. Он начался уже тогда, когда Донал вступил на борт корабля, на котором встретился с Галтом, Уильямом и Анеа. Уже тогда битва началась, и его в этой битве ждала своя роль.

Он подошел к столу, нажал кнопку и сказал в микрофон:

— Всех командиров родов войск и Штаба ко мне, немедленно. Совещание на высоком уровне.

Убрав палец с кнопки, он сел за стол. Предстояло много дел.

ПРОТЕКТОР — II

Прибыв через пять дней в Холистал, столицу Венеры, Донал немедленно отправился разыскивать Галта в правительственном отеле.

— У меня много дел, — сказал, обмениваясь рукопожатием со старым маршалом и садясь рядом с ним, — Донал, — иначе я прилетел бы раньше. — Он посмотрел на Галта. — Вы выглядите усталым.

Маршал Фриленда действительно похудел. Кожа на его лице натянулась, глаза помутнели от усталости.

— Политика, политика... — ответил Галт. — Это не мое дело. Она утомляет людей. Выпьем.

— Спасибо, не хочу, — ответил Донал.

— Ну, а я выпью. Только закурю трубку, не возражаешь?

— Я никогда не возражал, но вы никогда меня раньше не спрашивали.

— Да, — Галт наполовину закашлялся, наполовину засмеялся: он начал набивать трубку своими дрожащими руками. — Черт бы побрал эти дела. По правде говоря, я готов уйти в отставку, но как можно сейчас уйти. Ты получил мое сообщение. Сколько полевых войск сможешь ты мне выделить?

— Скажем, двадцать тысяч первоклассных солдат. — Галт поднялся.

— Не беспокойтесь, — улыбнулся Донал, — они будут прибывать мелкими группами, чтобы создать впечатление по меньшей мере в пять раз большего количества.

Галт кивнул.

— Я знал, что ты придумаешь что-либо такое, — сказал он. — Нам понадобится твой мозг на этой конференции. Официально мы собрались здесь, чтобы выработать общее отношение к новому правительству Новой Земли, но вы знаете, что здесь имеется в виду на самом деле?

— Догадываюсь, — ответил Донал. — Открытый рынок.

— Верно. — Галт разжег трубку и с наслаждением затянулся. — Положение изменилось: теперь Новая Земля примкнула к венерианской группе, а мы под давлением внутренних сил склоняемся на сторону противников открытого рынка. Мы могли бы просто подсчитать соотношение сил по головам, сидя за столом, но дело не в этом. У них есть Уильям и этот белоголовый дьявол Блейн. — Он пристально взглянул на Донала. — Ты знаешь Блейна?

— Мы с ним никогда не встречались. Это мое первое посещение Венеры, — сказал Донал.

— Это — акула, — с чувством сказал Галт. — Я хотел бы видеть, как они однажды столкнутся лбами с Уильямом. Может, они сожрут друг друга и очистят Вселенную. Что ж... И относительно твоего статуса здесь.

— Официально я послан Сэйной Связующим как наблюдатель.

— Тогда проблема решена. Мы можем легко перевести тебя из наблюдателя в делегаты. По правде говоря, я уже принял для этого меры. Мы только ждали твоего

приезда. — Галт выпустил большое облако дыма и посмотрел на Донала сквозь него. — Как ты насчет этого, Донал? Что ты об этом думаешь? Что произойдет на конференции?

— Я не уверен, — ответил Донал, — но мне кажется, что кто-то совершил большую ошибку.

— Ошибку?

— Новая Земля, — объяснил Донал. — Это был ложный шаг — свергать правительство силой. Я думаю, что вернем старое правительство.

Галт извлек трубку из рта.

— Вернуть правительство? Ты хочешь сказать, что к власти вернется старое правительство? — Он с удивлением посмотрел на Донала. — Кто же из вас вернет его?

— Уильям, как я думаю, — сказал Донал. — Это не его метод — действовать силой. Но можно поклясться, что он вернет старое правительство, и если сделает это, то потребует за это хорошую цену.

Галт покачал головой.

— Не понимаю, — сказал он.

— Уильям сейчас в одном лагере с венерианской группой, — разъяснил Донал. — Но он не собирается помогать им так просто. Он преследует свои собственные цели, намеченные им очень давно. Готов поклясться, что на конференции речь будет идти о двух вещах. О первой очереди и второй очереди. Первая очередь — это разговор об открытии рынка. А вторая — игра Уильяма.

Галт вновь затаился.

— Не знаю, — сказал он задумчиво. — Я не получил сведений об Уильяме, подобно тебе, но ты, кажется, подложил что-то под его порог. А ты уверен, что остаешься беспристрастным, когда речь заходит об Уильяме?

— Как я могу быть в этом уверен? — сухо сказал Донал. — Я думаю так об Уильяме, поскольку... — заколебался он, — если бы я был на его месте, я бы поступил именно так. — Он помолчал. — Переход Уильяма на нашу сторону на конференции заставил бы всех нас принять решение о возвращении старого правительства Новой Земли, не так ли?

— Да, пожалуй.

— Тогда Уильям добьется своего, — пожал плечами Донал, — перейдет в противоположный лагерь с компромиссным решением и позволит ситуации развиваться в нужном ему направлении.

— Ну, что ж,— медленно сказал Галт,— это мне понятно, но что же делать? Чего же он хочет?

Донал покачал головой.

— Я не уверен,— сказал он осторожно,— я не знаю.

На этом они окончили свой частный разговор, и Галт повел Донала к другим делегатам конференции.

Собрание началось так, как это обычно бывает на подобных конференциях, с Групп любителей коктейля в залах Дворца Прожекта Блейна. Блейн, как интересно было увидеть Доналу, оказался плотным, хладнокровным беловолосым человеком, который внешне никак не отвечал характеристике, данной ему Галтом.

— Ну, что вы о нем думаете? — пробормотал Галт, когда Блейн со своей женой, обходя гостей, расстался с ними.

— Алмазный человек,— сказал Донал,— но мне кажется, сейчас его нечего бояться.— Донал заметил, как Галт улыбнулся.— Он сейчас слишком погружен в свои дела. И я предвижу, что скоро он вступит в борьбу.

— С Уильямом? — шепотом спросил Галт.

— С Уильямом.

Все это время они потихоньку приближались к Уильяму, сидевшему лицом к ним в конце зала и разговаривавшему с высокой стройной женщиной, стоящей к ним спиной. Когда Галт и Донал подошли, Уильям взглянул на них мимо женщины.

— А, маршал,— сказал он с улыбкой.— И Протектор?

Женщина обернулась, и Донал оказался лицом к лицу с Анеа. Если пять прошедших лет произвели изменения во внешности Донала, то на внешности Анеа они отразились еще сильнее. Теперь ей было больше двадцати лет, и последние следы юношеской незрелости исчезли. Она сейчас блистала той редкой красотой, которая никогда не уменьшается с годами и не оставит ее даже в пожилом возрасте.

Она очень развилась с того времени, когда Донал в последний раз видел ее, приобрела женственность. Зеленые глаза ее с неопределенным выражением смотрели на Донала с расстояния в несколько десятков сантиметров.

— С радостью вижу вас вновь,— сказал он, поклоняя голову.

— Я тоже,— голос ее изменился. Донал поглядел на нее и произнес:

— Принц, я...

Уильям встал и обменялся рукопожатием с Доналом и Галтом.

— Польщен новой встречей с вами, Протектор,— сказал он вежливо Доналу.— Полагаю, это маршал пригласил вас на конференцию. Для меня это очень хорошо.

— Да, это хорошо для вас,— ответил Донал.

— Я люблю юных открытых людей за столом конференции — не обижайтесь, Хендрик. Они обычно гораздо восприимчивее к новому.

— Я не собираюсь претендовать на что-нибудь новое. Я — солдат,— ответил Галт.

— И это делает вас особенно опасным. Политиканы обычно чувствуют себя лучше с людьми, от которых они знают, чего ожидать. Честный человек — это всегда проклятие для дельцов.

— Жаль,— вмешалась Анеа,— что их очень мало для того, чтобы проклясть всех дельцов.

Она взглянула на Донала. Уильям улыбнулся.

— Избранная из Культиса вряд ли может относиться иначе к обычным смертным,— высказался он.

— Вы можете отправить меня на Экзотику в любой момент,— возразила она.

— Нет, нет,— Уильям, смеясь, покачал головой.— Человек такого типа, как я, чувствует себя хорошо только в окружении хороших людей, подобных вам. Я погружен в жесткую действительность — это моя жизнь, и я не хочу иной, но иногда для душевного отдыха мне нравится заглянуть через стены в монастырь, где наши величайшие из трагедий кажутся шипами розы.

— Не следует недооценивать розы,— сказал Донал.— Люди умирают из-за разницы в их цвете.

— Верно,— сказал Уильям.— Война Алой и Белой Розы, древняя Англия. Но этот конфликт, как многие другие, возник из-за вопросов собственности. Войны никогда не возникают из-за абстрактных причин.

— Наоборот,— сказал Донал.— Войны происходят именно из-за абстрактных причин. Они развязываются людьми среднего и пожилого возраста, но ведет их молодежь. А молодежь для величайшей трагедии Вселенной нуждается в чем-то большем, чем политические и практические мотивы,— ведь, если вы погибаете в юности, для вас погибает вся Вселенная.

— Что за необычное суждение со стороны профессионального солдата,— засмеялся Уильям.— Это напомнило мне, что я должен обсудить с вами кое-что. Я знаю,

что вы считаете самым главным в армии подготовку полевых войск и добились в этом больших успехов. Это заинтересовало меня. В чем ваш секрет, Протектор? Вы разрешите прислать наблюдателей?

— Никакого секрета нет, — сказал Донал. — Причина успеха заключена в одном человеке — полевом командире Яне Гримере.

— А, это ваш дядя, — сказал Уильям. — Как вы думаете, не смог ли бы я перекупить его контракт?

— Боюсь, что нет, — ответил Донал.

— Что ж, мы еще поговорим об этом. Мой стакан совсем опустел, кто хочет со мной выпить?

— Нет, благодарю вас, — сказала Анеа.

— Я тоже не хочу, — сказал Донал.

— Ну, а я выпью, — промолвил Галт.

— В таком случае, идемте, Галт, — Уильям обернулся к Галту. Они пошли вдоль зала. Донал и Анеа остались вдвоем.

— Итак, — сказал Донал. — Вы не изменили своего мнения обо мне?

— Нет.

— Это слишком для утонченного разума избранной из Культиста, — иронически сказал он.

— Я не сверхчеловек, — вспыхнула она, как будто в ней проснулся юношеский дух. — Нет, — сказала она уже более спокойно, — вероятно, в мире миллионы людей хуже вас, но вы корыстны. И этого я не могу забыть.

— Уильям перекупил ваши мнения, — сказал он.

— Он, во всяком случае, не выдает себя за человека лучшего, чем он есть.

— Почему зло изобретательней добродетели? — удивился Донал. — Вы ошибаетесь. Уильям изображает из себя Донала, чтобы закрыть вам глаза на то, кем он действительно является. И вряд ли кто-нибудь заглянул в глубину его души.

— Да? — голос ее был презрительным. — И что же там, в глубине?

— Нечто большее, чем личное возвышение. Он живет, как монах, он не изыскивает личной выгоды из долгих часов работы и не заботится о том, что о нем подумают.

— Как и вы...

— Я? Я забочусь о мнении людей, которых уважаю.

— Например?

— Например, о вашем мнении, — ответил он убежденно. — Хотя не знаю, почему.

Она посмотрела на него, глаза ее широко раскрылись.

— О,— воскликнула она,— не говорите же так.

— Не знаю, почему я вообще говорю с вами,— неожиданно с горечью ответил он и отошел.

Пройдя мимо гостей, он отправился в свою каюту и работал там до утра. Даже ложась в постель, он не смог уснуть сразу — он отнес это за счет похмелья после выпитых коктейлей.

Его мозг пытался исследовать это изменение, но он не позволил.

ПРОТЕКТОР — III

— Настоящий тупик,— сказал Уильям.— Попробуйте моего мозельского.

— Нет, благодарю вас,— ответил Донал. Он принял приглашение пообедать с Уильямом в его апартаментах после утреннего заседания. Рыба была отличной, вино превосходное, а Донал осторожен, хотя ни о чем важном пока не говорилось.

— Вы разочаровываете меня,— сказал Уильям.— Я сам не очень увлекаюсь едой и питьем, но люблю смотреть, как ими наслаждаются другие.— Он поднял брови.— Вероятно, ваше обучение на Дорсае было спартанским?

— В некотором отношении — да,— ответил Донал.— Спартакским и немного провинциальным. Во всяком случае, я не раз вызывал недовольство Хендрика Галта неумением поддерживать разговор.

— Что ж,— сказал Уильям,— в этом ваш характер. Солдат любит действия, а политик — звук своих слов. Вы, очевидно, поняли, что проблема конференции решается не за ее общим столом,— он жестом указал на еду перед ним,— а за маленьким тет-а-тет, наподобие нашего.

— Думаю, что такие тет-а-тет не слишком способствуют общему соглашению,— Донал отпил вина из своего стакана.

— Верно,— ответил Уильям,— в сущности, никто не хочет вмешиваться во внутренние дела планет и никакая планета не хочет вмешательства извне; как этот открытый рынок, вопреки воле людей.— Он покачал головой при виде улыбки Донала.— Нет, нет, я совершенно искренен. Большинство делегатов конференции хотели бы, чтобы проблема открытого рынка вообще не возникала.

— Я сохраняю свое прежнее мнение на этот счет,— ответил Донал.— Но в любом случае мы должны прийти к какому-то решению. За или против нынешнего правительства Новой Земли, за или против открытого рынка.

— Может, существует компромиссное решение? — спросил Уильям.

— Что за компромисс?

— Существует лишь два пути сохранения мира в обществе — изнутри и извне. Почему бы не попробовать его извне?

— Что вы имеете в виду?

— Очень просто,— сказал Уильям.— Разрешим всем иметь открытый рынок, но поставим его под наблюдение межпланетной власти. Снабдим ее достаточной силой, способной повлиять на любое правительство, поставим во главе этой власти такого человека, чтобы правительство любой планеты подумало, прежде чем ссориться с ним.— Он взглянул на Донала.— Как бы вам понравилась такая должность?

Донал удивленно посмотрел на него. Он колебался, потом сказал:

— Я? Человек, который будет командовать такими силами, должен быть... — Он запнулся, не найдя нужного слова.

— Конечно, должен быть,— согласился с ним Уильям.

Донал видел, что Уильям внимательно рассматривает его. Он спросил:

— Почему вы предлагаете это мне? Ведь много старших командиров, людей с громкими именами.

— Вот потому-то я и обратился к вам,— без колебания ответил Уильям.— Их звезда заходит. Ваша — восходит. Где будут эти старики через двадцать лет? С другой стороны, вы... — он махнул рукой.

— Я,— сказал Донал,— командующий...

— Назовем это верховным главнокомандующим,— сказал Уильям.— Должность есть, а вы — человек как раз для нее. Я подготовлю разработку межпланетного налога. Налог пойдет на содержание ваших сил и вам лично. Но мы должны будем учредить особый орган в составе трех человек, который имел бы власть над вами. Мы не можем бесконтрольно предоставить вам такую власть над нами.

— В таком случае,— перешитительно сказал Донал,— я лишусь своего поста в системе Прочиона...

— Боюсь, что так,— сказал Уильям,— вы должны отбросить всякие подозрения о том, что вы разделяете интересы одной из конфликтующих сторон.

— Не знаю,— Донал по-прежнему колебался.— Я не могу утратить этот новый пост в такое время...

— Об этом нечего беспокоиться,— сказал Уильям.

— Но,— Донал все еще сомневался,— принимая такой пост, я неизбежно обрету множество врагов. Если дела пойдут неважно, мне некуда будет вернуться, меня никто не возьмет.

— Откровенно говоря, я разочарован в вас, Донал. Неужели вы совершенно не умеете заглядывать в будущее? — тон Уильяма выдавал легкое терпение.— Разве вы не видите неизбежную тенденцию слияния всех планет под властью единого правительства? Такая межпланетная организация возникнет неизбежно и обязательно со своими вооруженными силами.

— В любом случае,— сказал Донал,— я остаюсь лишь наемником. А я хочу владеть чем-нибудь. Планета — почему бы и нет? И я в состоянии управлять планетой и защищать ее.— Он повернулся к Уильяму.— Я получу вашу поддержку?

Глаза у Уильяма были жесткими, как два камня. Он коротко рассмеялся.

— Вы говорите прямо,— заметил он.

— Таков уж я есть,— с оттенком хвастовства сказал Донал.— Вы хотите, чтобы я принял участие в вашей затее. Вы хотите верховного командования. Очень хорошо. Дайте мне одну планету под вашим контролем.

— А если я дам вам планету,— сказал Уильям,— то какую именно?

Донал облизнул губы.

— Ну, например, Новую Землю.

Уильям засмеялся. Донал застыл.

— Так мы договоримся,— сказал он и встал.— Благодарю вас за обед.— Он повернулся и направился к выходу из зала.

— Подождите.

Он повернулся при звуке голоса Уильяма. Тот тоже встал.

— Я вновь недооценил вас,— сказал Уильям.— Простите меня.— Он держал Донала за руку.— Правда в том, что вы не любите меня. Конечно, я предлагаю вам стать чем-то большим, чем просто наемным солдатом. Но все

в будущем,— он пожал плечами.— Я могу лишь пообещать вам то, что вы хотите.

— О,— сказал Донал,— мне нужно нечто большее, чем просто обещание. Вы дадите мне договор, предоставляющий мне власть над Новой Землей.

Уильям посмотрел на него и вновь рассмеялся.

— Донал,— сказал он.— Простите... но что даст вам такой контракт? — он развел руками.— Когда Новая Земля будет моей, тогда и подпишем договор. Но теперь...

— А пока напишите его. Он будет служить для меня определенной гарантией.

Уильям перестал смеяться. Его глаза сузились.

— Поставить мое имя на таком документе? Вы считаете меня дураком?

Донал слегка смутился, уловив враждебное презрение в голосе собеседника.

— Ну, тогда просто набросайте текст договора,— сказал он.— Вы можете не подписывать его. Но... тогда у меня будет хоть что-нибудь.

— Вы получите что-нибудь, способное со временем поставить меня в затруднение,— сказал Уильям.— Вы понимаете, что я никогда не признаю этого — у нас с вами не было даже разговора на эту тему.

— И все же я буду чувствовать себя увереннее,— покорно сказал Донал. Уильям пожал плечами, не пытаясь скрыть презрение.

— Ну, что ж, ладно,— сказал он и через всю комнату пошел к письменному столу. Нажав кнопку, он сказал в микрофон.— Стенографистку.

Позже, покинув помещение Уильяма с неподписанным контрактом в кармане, Донал вышел в коридор отеля и столкнулся с Анеа, которая тоже, казалось, уходила.

— Вы откуда? — спросил он.

Она отвернулась от него.

— Не ваше дело,— выпалила она, но выражение ее лица, не способное скрыть что-либо, усилило его подозрения. Он схватил ее правую руку, сжатую в кулак. Она сопротивлялась, но он легко разжал ее пальцы. В ее ладони был спрятан маленький подслушивающий аппарат.

— Вы остаетесь глупышкой,— устало сказал он, отбрасывая ее руку.— Много ли вы узнали?

— Достаточно, чтобы мое мнение о вас укрепились.

— Сохраните это мнение до следующего заседания конференции.

И ушел. Она смотрела ему вслед, испытывая внезапную предательскую слабость, которую она не могла объяснить.

Весь вечер она говорила себе, что у нее нет никакого желания присутствовать на следующем заседании конференции. Но на следующее утро она разыскала Галта и попросила взять ее с собой в зал.

Маршал сказал, что, по требованию Уильяма, это заседание конференции будет закрытым. Он обещал ей тем не менее сразу после окончания заседания рассказать обо всем. Ей пришлось смириться с этим.

Что касается Галта, то он отправился на заседание и появился там через несколько минут после начала. Уильям высказывал предложение, которое заставило маршала Фриленда насторожиться и прислушаться.

— ...будет утверждаться голосованием на нашей конференции, — говорил Уильям. — Естественно, — он улыбнулся, — наши правительства будут позже ратифицировать это предложение и соглашение. Но все мы знаем, что это лишь пустая формальность. Верховный контролирующий орган, регулирующий только торговлю и обмен контрактами вместе с открытым рынком, удовлетворит требования всех присутствующих. К тому же у нас не будет причин поддерживать новое правительство Новой Земли. Мы потребуем, чтобы к власти вернулось старое, законное правительство. И я уверен, что, если мы выскажем это требование все вместе, теперешнее правительство Новой Земли вынуждено будет отступить. — Он улыбнулся всем сидящим за столом. — Я готов выслушать ваши возражения, джентльмены.

— Вы говорили, — произнес своим мягким голосом Прожект Блейн, — о вооруженных силах, которые должны поддерживать этот межпланетный орган. Такие вооруженные силы противоречили бы нашим принципам независимости каждой планеты. Вряд ли мы одобрим существование таких сил, командир которых может занять враждебную нам позицию. Короче...

— Мы не признаем командира, если он не будет полностью разделять наших принципов, — прервал его Арджен со Святой Марии. Косматые брови Галта сдвинулись, придав его лицу хмурое выражение.

Слишком уж кстати столкнулись эти двое. Галт взглянул на Донала, ожидая от него подтверждения своих подозрений, но тут голос Уильяма вновь привлек его внимание.

— Я понимаю вас,— сказал Уильям.— Однако, я думаю, что у меня есть ответ на ваши возражения. Высших офицеров немного. Каждый из них связан с определенной группой, а это вызовет против него возражения со стороны остальных участников конференции. Мы нуждаемся в человеке, который был бы профессиональным военным, профессиональным солдатом. Пример такого человека, конечно же, наш дорсаец...— Он быстро взглянул на Галта, который уже нахмурился, чтобы скрыть изумление.— Маршал Фриленда, благодаря своему опыту и авторитету, был бы нашим общим кандидатом, но...— Уильям покачал головой.— Но Сета понимает, что некоторые из вас будут возражать против кандидатуры маршала, так как он многие годы связан с Фрилендом. Поэтому мы предлагаем другого человека, молодого, лишь недавно появившегося на политической арене и не успевшего прочно связаться с какой-либо группой. Я имею в виду Протектора Прощиона — Донала Грима.

Он указал на Донала и сел. Вновь раздался гул голосов, но Донал был уже на ногах. Он стоял, ожидая, пока все замолкнет.

— Я задержу вас не более, чем на минуту,— сказал он.— Я полностью согласен с компромиссным решением, предложенным принцем Уильямом. Ибо убежден, что должен быть сторожевой пес среди звезд, который убережет наш мир от больших неприятностей,— он помолчал и вновь оглядел всех собравшихся.— Я польщен предложением принца Уильяма и тем не менее выпущен отказаться из-за документа, появившего мне в руки. Я убежден, что среди собравшихся есть не менее полдюжины аналогичных документов.— Он опять замолчал, чтобы сказанное дошло до их сознания.— Итак, я отказываюсь от предложения. И покидаю конференцию в знак протеста против этого документа. Я могу принять такой пост только с чистыми руками и только добровольно. До свидания, джентльмены.

Он кивнул всем и направился к выходу. У выхода он остановился и извлек из кармана неподписанный, лишенный имен, договор, который вручил ему накануне Уильям.

— Кстати,— сказал Донал,— вот то, о чем я говорил. Возможно, это заинтересует вас?

Донал пошел не к себе, а в помещение Галта. Дверной робот предложил ему войти, он прошел в кабинет, который ожидал найти пустым. Донал обнаружил чело-

века, сидевшего за шахматным столом. Это была Анеа. Он остановился и склонил голову.

— Простите, я хотел бы подождать Хендрика. Я подожду в другой комнате.

— Нет,— встала она,— я тоже жду его. Кончилось ли заседание?

— Еще нет,— ответил он.

Она нахмурилась, но прежде чем успела сказать что-либо, раздался звук шагов и вошел Галт, очень возбужденный. Донал и Анеа встали.

— Что случилось? — воскликнула она.

— А? Что? — внимание маршала было привлечено к Доналу, но тут он заметил Анеа.— Он не рассказал, что произошло на конференции до его ухода?

— Нет,— она бросила сердитый взгляд на Донала.

Галт быстро рассказал ей все. Ее лицо приобрело недовольное выражение. Она повернулась к Доналу, но прежде чем она задала вопрос, спросил Донал:

— А после моего ухода?

— Вы бы только видели это,— голос маршала был весел.— Все вцепились в горло друг другу. Я чувствую себя на много лет моложе после такого зрелища.— Галт засмеялся.— Кто предложил тебе этот договор? Уильям?

— Я ничего не говорил,— ответил Донал.

— Ну-ну, дело не в этом. Но ты только подумай, что случилось, чем все это кончилось.

— Они избрали меня верховным главнокомандующим,— сказал Донал.

— Но...— лицо Анеа приобрело изумленное выражение.— Откуда ты знаешь?

Донал невесело улыбнулся. Прежде чем он успел ответить, чей-то крик донесся до ушей мужчин. Это была Анеа, стоявшая с бледным и напряженным лицом.

— Я должна была заподозрить,— тихим и злым голосом сказала она.— Я должна была знать.

— Знать? Что знать? — спросил Галт, глядя на них по очереди. Но глаза Анеа не отрывались от Донала.

— Так вот, что вы имели в виду, говоря, чтобы я подождала сегодняшнего заседания.— продолжала она тем же голосом.— Вы думали, что эта... эта махинация изменит мое мнение?

Какая-то тень коснулась непропицаемых глаз Донала.

— Мне лучше видно, зачем это,— спокойно сказал он.— Если вы думаете, что необходимость этого...

— Спасибо,— прервала она.— Я и так по колено в грязи.— Она повернулась к Галту.— Увидимся позже, Хендрик.— И ушла из комнаты.

ВЕРХОВНЫЙ ГЛАВНОКОМАНДУЮЩИЙ — I

С организацией общего рынка, контролируемого Межпланетными силами под командованием Верховного Главнокомандующего Донала Грима, цивилизованный мир наслаждался непривычным миром в течение двух лет, девяти месяцев и трех дней абсолютного времени. Ранним утром четвертого дня Донал проснулся от того, что кто-то тронул его за плечо.

— Что? — спросил он, мгновенно проснувшись.

— Сэр,— это был Ли.— Прибыл курьер. Он говорит, что его сообщение не может ждать.

Донал оделся, следом за Ли в предрассветных сумерках прошел через анфиладу комнат своей квартиры в Тоби-Сити на Кассиде и вышел в сад. Курьер ждал его.

— У меня сообщение для вас,— сказал курьер.— Я сам не знаю, что оно значит.

— Ничего,— прервал Донал.— Давайте.

— Я должен сказать: «Серая крыса вышла из лабиринта и нажала белый рычаг».

— Понятно,— сказал Грим.— Спасибо.

— До свидания,— сказал курьер и вышел в сопровождении Ли. Когда Ли вернулся, то увидел, что Донал не один. С ним был его дядя, Ян Грим, полностью вооруженный и одетый. Донал прикреплял к талии оружейный пояс.

— Вооружитесь, Ли,— сказал он, указывая на оружейный пояс.— До рассвета еще два часа, а на рассвете придется пострелять. После этого я могу оказаться преступником, объявленным вне закона на всех планетах, кроме Дорсая, и вы вместе со мной.

— Ян, вы связались с Ллудровым? — спросил Донал.

— Да,— ответил Ян.— Он в глубоком космосе со всеми силами и сможет удержать их там неделю.

— Хорошо, пошли.

Они вышли из здания к платформе, ожидавшей их у входа. И пока платформа мчалась на посадочное поле, Донал размышлял о том, какие изменения могут произойти в мире за семь дней абсолютного времени. Семь дней...

Космический корабль и атмосферный курьер ВЧЖ

ожидал их. Передний люк открылся при их приближении, и оттуда вышел капитан с изуродованным шрамами лицом.

— Коби, капитан, — сказал Донал.

— Да, сэр, — капитан наклонился к задраенному небольшой решеткой маленькому отверстию в стене. — Контрольная рубка, Коби, — сказал он. Они прошли в кают-компанию. Вскоре из коридора выкатилась небольшая автоматическая платформа с кофе.

— Ян, это капитан Коруна Эл Мен. Кор, это мой дядя, Ян Грим.

— Дорсай, — сказал Ян, пожимая руку капитану.

— Дорсай, — ответил Эл Мен.

— Хорошо, — сказал Донал. — Когда мы будем на Коби?

— Как минимум через восемнадцать часов, — ответил Эл Мен.

— Хорошо, — сказал Донал. — Мне потребуется десять человек для участия в операции. И хороший офицер.

— Я, — сказал Эл Мен.

— Капитан, я... Ладно. Вы и десять человек. — Донал извлек из кармана какой-то чертеж. — Взгляните, этим нам нужно будет заняться.

Чертеж представлял собой план подземного помещения на Коби. Все население этой планеты жило в таких подземельях. На плане было изображено помещение из восемнадцати комнат, окруженных садом и двором, кроме того, проход по подземным путям обеспечивал внезапность нападения. Когда все были проинструктированы, Донал отдал чертеж Эл Мену, и тот отправился знакомить с планом своих людей. А Донал предложил Ли и Яну поспать.

— Мы вблизи планеты, главнокомандующий, если хотите послушать новости...

— Да, — сказал Донал.

— «...как нам только что сообщили, борьба разворачивается на следующих планетах: Венере, Кассиде, Новой Земле, Фриленде, Ассоциации, Гармонии и Святой Марии. Принц Уильям предложил свои войска использовать как полицейские силы при подавлении беспорядков. Мы передавали новости. Ждите нашего сообщения через пятнадцать минут».

— Хорошо, — сказал Донал. — Сколько до посадки?

— Около часа, — ответил Эл Мен. — У вас есть координаты пункта посадки?

Донал кивнул.

— Идемте в контрольную рубку,— сказал он капитану.

Они приземлились на лишенную атмосферы планету прямо над люком одного из подземных транспортных туннелей.

— Отлично,— сказал Донал вооруженному отряду, собравшемуся в кают-компанин.— Операция проводится добровольцами, и я даю вам еще одну возможность подумать и отказаться, не опасаясь последствий.— Все молчали.— Хорошо. Вот что нам предстоит. Вы пойдете со мной через грузовой люк до двери, ведущей в туннель. Никто не должен нас видеть. Понятно? — он посмотрел на их лица.— Хорошо,— сказал он.— Пошли.

Это был лабиринт туннелей, настолько узкий, что пройти мог только один человек, и усеянный нишами, в которых помещалась сложная аппаратура. На стенах изредка висели лампы, в их холодном свете они прошли по туннелю и оказались в саду. Впереди находились комнаты, освещенные изнутри мягким светом.

— Два человека остаются у входа,— прошептал Донал,— остальные за мной.

Низко пригнувшись, они пробрались в чудесный сад к подножию широкой лестницы, ведущей на террасу.

— Три человека остаются на террасе,— прошептал Донал.

Отряд тихо вошел в освещенные помещения. Они прошли через несколько комнат, не встретив никого. И вдруг, без всякого предупреждения, наткнулись на засаду.

Члены экипажа хотели броситься на пол и открыть огонь, но не успели. Они были обожжены. Но трое дорсайцев не были застигнуты врасплох, отработанные рефлексy и специальные тренировки делали их непревзойденными солдатами. Они среагировали мгновенно и быстрее мысли оказались у стен, а затем и у дверей, захлопнув их. Помещение погрузилось в темноту, в которой началась рукопашная схватка.

В комнате в засаде находилось восемь человек, но никто из них, даже вдвоем, не справился бы с одним дорсайцем, вдобавок у дорсайцев было важное преимущество: они инстинктивно узнавали друг друга в темноте и могли объединяться без обсуждений. Общее впечатление было таким, будто трое зрячих боролись с восемью слепцами.

Донал быстро справился со своими противниками и поспешил на помощь дяде. Ян, к его удивлению, все еще не мог справиться с одним из противников. Донал подошел ближе и понял почему. Противником Яна был дорсаец. Донал схватил его за одну руку, Ян — за другую, и тот оказался беспомощным между Доналом и его дядей.

— Труй Дорсай! — воскликнул Донал. — Сдавайтесь!

— Кому?

— Донал и Ян Грим, — сказал Ян.

— Польщен, — сказал дорсаец. — Хорд Ван Тарсел... Отпустите меня, у меня сломана рука.

Донал и Ян помогли Ван Тарселу встать на ноги. Подошел Эл Мен.

— Ван Тарсел — Эл Мен, — познакомил их Донал.

— Мы ищем спрятанного здесь человека, где найти его? — спросил Донал.

— Следуйте за мной, — сказал Ван Тарсел. Он провел их сквозь еще одну дверь. — Закрыта, — сказал он. — Тревога дошла и сюда. — Дальше идти он не мог.

— Прожжем ее, — сказал Донал.

Оп, Ян и Эл открыли огонь по двери, она раскалилась добела и начала плавиться. Ян ударил по ней, и она оторвалась.

В дальнем углу комнаты стоял высокий человек в черном капюшоне, закрывавшем лицо.

— Идемте, — сказал Донал.

Человек подошел с опущенными плечами. Они пошли через дом тем же путем и через пятнадцать минут были уже на ВЧЖ, который тотчас же отправился в глубокий космос.

Донал стоял в кают-компании возле одетого в капюшон человека, развалившегося в кресле.

— Джентльмены, — сказал Донал. — Посмотрите на главного помощника Уильяма. Вот человек, который вызвал ураган, бушующий сейчас в цивилизованном мире. — Он протянул руку к черному капюшону. Человек отпрянул, но Донал схватил капюшон и отбросил его. Легкое удивленное восклицание сорвалось с уст дорсайцев.

— Значит, вы продались ему, — сказал он.

Перед ними был Ар-Делл Монтор.

ВЕРХОВНЫЙ ГЛАВНОКОМАНДУЮЩИЙ — II

— Капитан, как можно скорее мы должны встретиться с флотом Ллудрова, — сказал Донал.

Они встретились с флотом за три дня до конца недели, после которой Ллудров должен был восстановить связь. Донал, в сопровождении Яна, вступил на борт флагманского корабля и принял командование.

— Есть новости? — был его первый вопрос Ллудрову, когда они встретились.

Ллудров кратко пересказал, что, благодаря покупке контрактов, сдаче в аренду, взятию на обучение, временной передаче командования и дюжине других бумажных манипуляций, Уильям держал под контролем действующие армии планет, где начались беспорядки. Теперь все, что ему необходимо, — это высадка небольших отрядов с офицерами, имеющими соответствующие приказы.

— Сопровождение Штаба, — сказал Донал.

— Джентльмены, — произнес Донал, когда все собрались и расселись вокруг стола. — Я уверен, что ситуация вам всем известна. Я хочу напомнить вам, что, когда сражаешься с противником врукопашную, не следует его бить туда, где он ожидает удара. Смысл успеха в том, чтобы ударить по противнику неожиданно и в незащищенное место, где он не ожидает удара.

Донал встал.

— Уильям, — продолжал Донал, — все последние годы уделял чрезвычайно большое внимание подготовке полевых войск. Я сделал то же самое, но с другой целью. — Он помолчал. — Зачем все это было нужно, джентльмены? Мы должны опровергнуть древнее изречение и захватить цивилизованную планету, обладающую совершенной защитой и снабженную всем необходимым. Мы делаем это, используя своих людей и корабли — они хорошо подготовлены к выполнению этой задачи. Этой планетой будет сердце вражеских войск — Сета.

Это было слишком даже для старших офицеров. За столом раздался гул голосов. Но Донал не обратил на это внимание.

— Мы захватим Сету в течение 24-х часов. Когда население планеты проснется, планета уже будет под нашей властью. Детали операции — в этой папке, джентльмены. Можем ли мы заняться этим?

Они занялись этим. Это был великолепный образец военного планирования.

— Теперь, — сказал Донал, — когда все ознакомились с планом, идите и готовьте войска.

В короткий срок на планету высадились десантники, получившие различные задания. Каждая группа захватила одно военное сооружение, обезопасила полицейский отряд или гарнизон. Высадка производилась под покровом ночи.

Донал высадился с четвертой волной нападающих. Когда утром над планетой взошло солнце, огромный желтый диск, она была захвачена. Через два часа ординарец доложил, что обнаружен Уильям. Он находился в своей резиденции в Уайттауне.

— Я отправлюсь туда, — сказал Донал. Он оглянулся: его офицеры были заняты, а Ян был где-то со своими войсками. Донал обернулся к Ли. — Идемте со мной.

Они взяли четырехместную платформу и отправились в путь. Приземлившись в саду в резиденции Уильяма, Донал оставил ординарца, а сам отправился в здание. Пройдя через арку, он оказался в небольшой приемной лицом к лицу с Анеа. Лицо ее было бледным, но спокойным.

— Где он? — спросил Донал.

Она повернулась и указала на дверь в дальнем конце приемной.

— Закрыта, — сказала она. — Он был там, когда началась высадка ваших людей. Никто не видел его с тех пор. Я не смогла уйти.

— Да, — сказал Донал, осматривая дверь, — для него это было нелегко.

— Вы беспокоитесь о нем? — голос ее звучал резко.

— Я беспокоюсь о каждом человеке, — ответил он.

Донал подошел к двери и дотронулся до нее рукой. Дверь отворилась. Он ощутил внезапный внутренний холод.

В конце длинной комнаты у стола, заваленного бумагами, сидел Уильям. Он встал, увидев входящего Донала.

— Наконец-то вы здесь, — спокойно сказал он. — Это была хорошая операция. Мудрый ход. Признаю это. Я недооценивал вас с самой первой нашей встречи. И это я вынужден признать. Я побежден.

Донал подошел к столу и взглянул в спокойное лицо Уильяма.

— Сета под моим контролем, — сказал Донал. — Ваши экспедиционные войска на других планетах бездействуют, их контракты и бумаги, на которых они написаны,

ничего не стоят, без ваших приказов они ничего не станут делать.

Уильям посмотрел на Донала с таким необычным вопросительным взглядом, что Донал насторожился.

— Вы нездоровы, — сказал он.

— Да, я нездоров, — ответил Уильям, устало потирая глаза. — Я слишком много работал в последнее время. Расчеты Монтора были верны. Я вас ненавижу, — сказал Уильям. — Ни одного человека в мире я не ненавижу так, как вас.

— Идите, — сказал Донал. — Я отведу вас туда, где вам помогут.

— Нет, подождите, — Уильям отступил. — Сначала я должен кое-что показать вам. Я понял, что всему наступил конец, как только получил сообщение о высадке ваших войск. Я ждал с тех пор десять часов. — Он неожиданно содрогнулся. — Долгое ожидание. Но у меня было занятие. — Он неожиданно подошел к двери у дальней стены и нажал кнопку.

— Посмотрите.

Дверь скользнула в сторону. Донал взглянул. В небольшом помещении висел человек, которого с трудом можно было узнать по изуродованному лицу. Это был брат — Мор...

СЕКРЕТАРЬ СОВЕТА БЕЗОПАСНОСТИ

Проблески ясности вновь и вновь начали возвращаться. Вновь и вновь звали они его в темных областях, в которых он блуждал. Но он до сих пор был занят. И вот только теперь, прислушиваясь к голосам — это были голоса Анеа, Сэйоны и еще кого-то независимого...

Он неохотно прислушивался к ним. Здесь был великий океан, в который он раньше не вслушивался.

— Донал, — это голос Сэйоны.

— Я здесь, — ответил он, открыл глаза и увидел белые стены госпиталя с кроватью, на которой он лежал. Рядом сидели Анеа, Сэйона и Галт. Чуть подалеже стоял небольшой человек с усами и в белом халате — один из психиатров Экзотики.

— Вы должны отдохнуть, — сказал медик.

Донал взглянул на него, врач отвел глаза.

— Благодарю вас, доктор, вы меня вылечили, — с улыбкой сказал Донал.

— Я не лечил вас,— ответил врач, по-прежнему отводя глаза.

— Донал,— начал Сэйона незнакомым, слегка вопросительным голосом. Донал взглянул, и тот прикрыл глаза. Только Анеа, когда он посмотрел на нее, вернула ему взгляд с детской чистотой.— Не сейчас, Сэйона,— сказал Донал.— Где Уильям?

— Этажом ниже, Донал,— внезапно сказал Сэйона,— что вы с ним сделали?

— Я приказал ему страдать,— просто ответил Донал.— Я был не прав. Отведите меня к нему.

В палате лежал человек, которого было трудно узнать. Лицо его стало нечеловеческим от испытываемой боли, кожа обтянула кости, а глаза никого не узнавали.

— Уильям,— сказал Донал, подходя к кровати.— Все, что связано с Мором, забыто. Все будет хорошо. Теперь все будет хорошо.— Медленно выражение на лице лежавшего слабело, глаза его остановились на Донале.— Для вас найдется работа,— сказал Донал. Уильям глубоко вздохнул. Донал убрал руку со лба. Глаза лежавшего закрылись. Уильям заснул.

ДОНАЛ

Человек отличался от других — пока лишь несколько человек знали об этом. Необходимо найти способ, который послужил бы для этой репутации громомотводом, то есть сделал бы ее безвредной.

Он услышал голос подходящей Анеа.

— Здесь Сэйона,— сказала она.— Вы не хотите с ним поговорить?

— Немного позже,— ответил Донал.

Донал оторвался от своих мыслей и занялся той проблемой, о которой сейчас говорили Сэйона и Анеа.

— ...он походил по залу,— звучал голос Сэйоны.— Сказал слово здесь, слово там, но после этого все оказалось в его руках.

— Я понимаю, как это было,— ответила Анеа.— Он сверкает среди костров, как атомное пламя. Их слабое пламя тускнеет по сравнению с его огнем.

— И вы не жалеете?

— Жалеть? — ее счастливый смех разорвал на клочки его вопрос.— Какие сожаления? Что вы имеете в виду?

— Мне нужно кое-что рассказать вам, — сказал Сэйона. — Анеа, что вы знаете об истории собственных генов?

— Я знаю о них все, — ответила она.

— Нет, — сказал Сэйона. — Вы знаете, что были выращены для определенной цели. — Он протянул старую сухую руку с видом человека, просящего о помощи. — Вы знаете, что стояло за расчетом Монтора? Угроза всему человечеству в целом. Человечество самовосстанавливается как единый организм, если его отдельные части погибают. Но если изменить условия существования человечества... Человечеством можно управлять, подвергая людей физическим и эмоциональным воздействиям. Увеличьте температуру в комнате, и человек, находящийся в ней, снимет пиджак. В этом секрет власти Уильяма над людьми.

И такова была наука Монтора. Наши ученые на Экзотике тоже пришли к выводу, что человечеством можно и нужно управлять, но другим путем. Мы рассматривали человечество как объект, допускающий регулировку через своих представителей, через индивидуумы: все человечество меняется, когда меняются составляющие его люди. А ключом к этому изменению, как мы установили, является генный отбор — и естественный, случайный, и искусственный, контролируемый...

— Но так оно и есть, — сказала Анеа.

— Нет, — Сэйона медленно покачал головой. — Мы ошибались, мы можем их лишь объяснить. Мы оказываемся в положении историка. Изменения в генах возможны лишь в минимальных дозах. Раса не может быть существенно изменена изнутри: мы можем добиваться лишь тех свойств, о существовании которых мы знаем или догадываемся. И это отталкивает нас от тех генов, которые мы встретили, но не распознали и, конечно, мы не можем работать с теми генами, о существовании которых мы даже не догадываемся. А нужны были совершенно новые гены. Новые комбинации генов.

Изменение расы изнутри — это замкнутый вопрос. Все, что мы можем делать, — это развивать, стабилизировать и укреплять наследственность генов наших предков.

Уильям — вы, Анеа, должны это знать лучше, чем кто-либо другой, — принадлежал к небольшой группе людей, которые являются двигателями и победителями истории. Они не поддаются контролю. А сейчас я постараюсь сообщить вам нечто важное. Мы на Экзотике обратили на Уильяма внимание, когда ему не было еще и

двадцати лет. И тогда было принято решение отобрать необходимые гены — в результате появились вы.

— Я? — она застыла, глядя на него.

— Вы, — Сэйона наклонил голову. — Разве вы никогда не задавали себе вопрос, почему вы яростно сопротивлялись любому начинанию Уильяма? Или почему он так настойчиво держался за ваш контракт? Или почему мы на Культисе позволяли продолжаться таким несчастным отношениям, почему продлевали контракт?

Анеа медленно покачала головой.

— Я... Я вижу... но не понимаю.

— Вы были задуманы, как дополнение к Уильяму в психическом смысле. — Сэйона вздохнул. — Его бесконтрольные действия должны были хоть отчасти контролироваться вашим присутствием. Ваш с ним неизбежный брак — он-то и был нашей целью — привел бы, как мы надеялись, к смешиванию двух натур. Разумеется, результат этого брака был бы исключительным... так думали мы.

Она содрогнулась.

— Я никогда бы не вышла за него замуж.

— Вышли бы, — сказал Сэйона с новым вздохом. — Вы были предназначены — простите меня за резкое слово — вы предназначались мужчине, возвышавшемуся над всеми в Галактике. — Напряжение слегка спало с Сэйоны, в глазах его сверкнул огонек. — И этого, моя дорогая, было очень трудно добиться. Мы использовали старейший и сильнейший из женских инстинктов — стремление принадлежать самому сильному самцу. А высшая цель женщины — рожать детей от такого самца.

— Но ведь есть Донал, — сказала она с просветленным лицом.

— Вот именно, — засмеялся Сэйона. — И поскольку сильнейший человек Галактики был определен нами неверно, вы отвергли его. На сцене появился Донал... Он разрушил все наши теории, все наши планы. Случайное сочетание генов, нечто недоступное нашему пониманию, поставило его выше Уильяма. Он — потомок долгой линии мыслителей, смешавшейся со столь же долгой линией деятелей.

Я не сумел понять этого, даже когда мы подвергли определить это... мы... мы этого не знаем. Если мы не сумели распознать талант, который способен принести его тестам. Возможно, наши тесты не способны были

огромную выгоду своей расе, значит, мы вообще на неверном пути.

— Но почему вы считаете виновным себя? — спросила она.

— Ибо предполагалось, что эту сферу науки я знаю. Если кибернетик не сумеет определить, что у его товарища сломана кость, никто не обвинит его в этом. Но если подобную ошибку допустит врач, он будет признан виновным и наказан.

Нашей обязанностью на Экзотике было распознать эту новую способность, новый талант, выделить и изучить. Может случиться так, что Донал обладает способностью, которую он сам не может распознать. — Он взглянул на нее. — В этом вопросе и заключается то, о чем я должен был спросить вас. Вы ближе всех к Доналу: думаете ли вы, что у Донала есть нечто, отличное от других планет и людей? И имею в виду не просто его военный гений — это касается в большей или меньшей степени и других людей. Я имею в виду способности, совершенно чуждые другим людям?

Анеа долго молчала, глядя куда-то в сторону. Потом вновь взглянула на Сэйона и сказала:

— Почему вы спрашиваете меня? Спросите его самого.

Дело в том, что она не знала ответа: она просто не могла объяснить, что она чувствует.

Сэйона пожал плечами.

— Я — глупец, я не доверяю тому, что говорит мне весь мой опыт. Разве избранная из Культиса могла бы дать другой ответ? Но я боюсь его спрашивать. Все мои знания не уменьшают моего страха. Но вы правы, моя дорогая, я... я... спрошу его.

Она подняла руку.

— Донал, — позвала она.

Он услышал ее голос с балкона, но не двинулся и не оторвал взгляда от звезд.

— Да, — ответил он.

Послышались шаги и голос Сэйона.

— Донал...

— Простите, — сказал Донал, не оборачиваясь. — Я не хотел заставлять вас ждать. Но мне нужно было подумать.

— Все в порядке, — ответил Сэйона. — Мне отнюдь не хочется вас беспокоить. Я знаю, как вы были заняты в последние дни. Но у меня есть к вам один вопрос.

— Сверхчеловек ли я? — спросил Донал.

— Да, верно,— Сэйона засмеялся.— Кто-то уже задавал вам этот вопрос?

— Нет,— Донал тоже глубоко улыбнулся.— Но думаю, еще зададут.

— Вы не должны обвинять спрашивающих,— серьезно сказал Сэйона.— В известном смысле вы, конечно, сверхчеловек.

— В каком смысле?

— О,— Сэйона сделал отвергающий жест рукой.— В смысле общих способностей, намного превосходящих уровень обычного человека. Но мой вопрос...

— Мне кажется, вы сами говорили, что название само по себе ничего не означает. Что вы имеете в виду, говоря «сверхчеловек»? И можно ли ответить на ваш вопрос, если то, что навешивают ярлык, само по себе непонятно.

— Кто захотел бы быть сверхчеловеком? — продолжал Донал наполовину иронически, наполовину печально,— кто хотел бы выращивать шестьдесят миллиардов детей? Кто сумел бы охватить столько? Подумайте об ответственности, которая на него ложится, он отказывает им в конфете или дает им ее, а потом видит, что они вынуждены обратиться к дантисту. И если ваш сверхчеловек действительно «сверх», кто может заставить его вытирать 60 миллиардов носов и готовить 60 миллиардов порций манной каши? Разве не сможет ваш сверхчеловек найти что-либо более удовлетворяющее его самого?

— Да,— сказал Сэйона,— но я вовсе не думаю о чем-то столь неестественном. Мы достаточно знаем о генетике теперь, чтобы понять, что не может сразу возникнуть совершенно новый взгляд на человеческое бытие. Любое изменение происходит в форме изменения индивидуумов.

— Но что, если это изменение не распознаваемо? — спросил Донал.— Предположим, что у меня имеется способность видеть совершенно новый необычный цвет. Как я могу описать его, если вы не в состоянии увидеть его?

— О, все равно мы сумеем узнать,— ответил Сэйона.

— Но все же не увидите его сами.

— Нет, конечно,— сказал Сэйона,— но это не так уж важно, если мы знаем, что это такое.

— Вы уверены? — настаивал Донал.— И что же вы получите, если узнаете, что такая способность существует?

— Конечно, ничего хорошего,— согласился Сэйона,— но с другой стороны, для него в этом тоже нет ничего хорошего. Он, несомненно, смог бы даже скрыть эту способность. И эта мутация исчезла бы без продолжения.

— Я не согласен с вами,— сказал Донал,— я и есть такой сверхчеловек, обладающий сверхзнанием — интуицией. Это мой единственный особый талант, но он превосходит все существующие способности людей.

Сэйона рассмеялся.

— Согласно моему мнению, эта способность ничего хорошего вам не принесла, вы были даже неспособны обнаружить ее. Я так давно не применял сократовского метода в спорах, что не узнал его, когда он был применен против меня.

— Возможно, вы подсознательно сопротивляетесь признанию этой моей способности.

— Нет, нет, довольно,— сказал Сэйона.— Вы выиграли, Донал. Но в любом случае, спасибо за разговор.— Он улыбнулся.— Ну, а теперь не сможете ли вы мне сказать, в чем действительно секрет ваших успехов?

— Я — человек интуиции,— ответил Донал.

— Конечно,— согласился Сэйона,— конечно, вы — человек интуиции. Но только интуиция не может...— Он засмеялся.— Что ж, благодарю вас, Донал...— он помолчал, но Донал не обернулся.— Спокойной ночи.

— Спокойной ночи,— ответил Донал. Он слышал, как шаги Сэйона удалялись.

— Спокойной ночи,— сказал Сэйона в зале.

— Спокойной ночи,— ответила Анеа.

Шаги Сэйоны пропали в тишине. Донал не двигался. Он чувствовал рядом Анеа.

— Только интуиция,— повторил он шепотом,— только...

Он поднял глаза к неизвестным звездам, как человек утром на прохладном от росы поле в начале долгой дневной работы, когда свободный вечер еще далеко. Он видел то, что ни один человек — даже Анеа — не мог видеть. Медленно он опустил глаза. Медленно повернулся, и по мере того, как он поворачивался, это выражение исчезало с его лица. Как сказала Анеа, он прятал свой блеск от людей, чтобы не ослепить их. Он бросил последний взгляд в неизвестное, в будущую жизнь человека.

СОЛДАТ, НЕ СПРАШИВАЙ

ДОРСАЙСКАЯ ДИЛОГИЯ • КНИГА 2

ФАНТАСТИЧЕСКИЙ РОМАН

Солдат, не спрашивай

Солдат, не спрашивай, как и что,
Там, где война, твое знамя вьется.
Легионы Безбожников брошены на нас,
Смелее воюй — и фортуна тебе улыбнется!

Это игрушки и презренная шваль:
Величие, слава, хвала и почет.
Людскую грязь земле оставь!
Только вера идет в зачет!

Кровь и горе, печаль и скорбь —
Нас эта участь ждет — учти!
Крепче держи, сжимай клинок!
Нет больше счастья, чем в битву идти!

Так будем же мы, Избранники Божьи,
Стоять пред Троном с мечами в руках,
Все мы молимся Господу Богу,
Он лишь один в наших сердцах!

Это боевой гимн колонизировавшей Космос фанатичной армии. Существовала только одна сила, которая могла противостоять им,—

ДОРСАЙ!!!

ГЛАВА 1

...Гомеровская «Илиада» начинается словами: «Это история о ярости Ахиллеса». История, которую поведаю я вам,— о моей ярости. Я, Землянин, выступил против людей двух миров, называемых Френдлиз: против Гармонии и Ассоциации. Эта история не о маленьком гневе. Это ярость, подобная Ахиллесовой, это моя ярость — человека с Земли.

Вас это удивляет?

В те дни, когда сыновья более молодых миров являются более высокими, сильными, более искусными и умными, чем мы, люди со старого Мира? Тогда как же мало вы знаете Землю и ее сыновей.

Оставьте ваши молодые миры и возвращайтесь назад, к материнской планете. В благоговении коснитесь ее. Она все еще здесь и все еще такая же. Ее солнце все так же светит над волнами Красного моря, которые расступились перед Богом. Ветры все так же дуют в ущелье Фермопил, где Леонид с тремя сотнями спартанцев сдержал орды Ксеркса, царя Герони, и тем самым изменил историю. Здесь люди боролись и умирали, рождались и хоронили своих близких. Все это было более 500 тысяч лет назад. В те времена новые миры были только мечтой. Думали ли вы о тех тысячелетиях и поколениях людей, которые рождались и умирали под одними и теми же небесами и на той же самой земле и которые оставили на всех нас отметки — в крови, на теле, в душе?

Планеты... Им нет числа!

Люди с Дорсая стали прирожденными солдатами. Военные вне всякого воображения, опытные, умелые, бесстрашные.

Люди с Культиса и Мары глубоко проникали во внутренний мир человека в своих попытках дать ответы на вопросы, интересующие все человечество.

Ученые с Нептуна и Венеры настолько ушли вперед по пути умственного развития, что смогли с трудом общаться с нами, обыкновенными людьми.

Но мы — «тупые», низкорослые, простоватые люди старой Земли — имеем нечто большее, чем любой из них. Мы все еще храним в себе человека, генетику нашего рода, от которого прочие миры сохранили лишь осколки — яркие, сверкающие, прекрасно обработанные...

Но ведь это только осколки!

Но если вы один из тех, кто подобно моему дяде Матиасу Олину пренебрегает нами, то я приведу вам в пример Анклав св. Луиса, где 42 года назад землянин по имени Марк Торр, человек великого видения, первым начал строить то, что через сотни лет будет именоваться Окончательной Энциклопедией.

Массивную, сложную и в то же время тонкую структуру. Вы уже сможете ее увидеть с орбиты материнской планеты. Через сотни лет она уже будет существовать, но никто не знает, как это произойдет. Теория Торра гласит, что существует забытая память человечества — такая скрытая часть земной человеческой души, которую юные миры утеряти и не способны больше никогда вернуть.

Вглядитесь в себя. Идите в Анклав св. Луиса и присоединитесь к одному из тех потоков людей, который приведет вас через коридоры и лаборатории Проекта Энциклопедии в могущественную Индекс-комнату. В самом сердце Энциклопедии, где громадные извилистые стены уже начали меняться, впитывая знания, на приобретение которых затрачены тысячелетия. Когда весь интерьер комнаты изменится окончательно, когда наладятся связи между различными областями знания, появится то, чего никогда прежде не было, то, чего никогда прежде и не могло быть.

Но, как я говорю, сейчас это невозможно. Просто посещение Индекс-комнаты — это единственное, что я прошу сделать. Посетите ее, совместив с днями отдыха. Встаньте в ее центр и сделайте то, что скажет гид.

— Слушайте!

Слушайте. Напрягите всю вашу волю и слушайте! Слушайте — и вы не услышите ничего. И тогда ваш гид, нарушив эту почти нестерпимую тишину, скажет вам, зачем он просил вас сделать это.

Только один человек из многих миллионов может что-то услышать в этой комнате. Только один из многих миллионов людей, рожденных на земле.

Но никто, ни один из тех, кто рожден на новых мирах и приходил сюда слушать, не услышал ничего!

Это ничего не доказывает, вы полагаете? Тогда вы думаете неверно, мой друг! Для меня, одного из тех, кто пытался что-то услышать, это изменило всю жизнь. Услышанное соприкоснуло меня с познанием власти, с которой я впал в неистовство, желая уничтожения людей двух дружественных миров — Френдлиза.

Так не смейтесь же над сравнением моей ярости с яростью Ахиллеса, горькой яростью Мирмидонян перед стенами Трои. Между нами много общего.

Мое имя — Там Олин, и мои предки — ирландцы. Но вырос я и стал тем, кто я есть, на Пелопоннесе, в Греции, как и Ахилл. В густой тени Парфенона, белеющего над Афинами, наши души, по воле дяди, спали, хотя ему следовало бы растить их свободными под солнцем.

Наши души... моя... и моей младшей сестры Эйлин. — Слушайте!

Слушайте. Напрягайте всю волю вапу и слушайте!

ГЛАВА 2

Это была идея Эйлин — посетить Окончательную Энциклопедию, пользуясь моим новым удостоверением служащего Бюро Коммуникаций. Обычно я поинтересовался бы, с какой это стати ей в голову пришла такая мысль. Но в тот момент, когда она предложила мне это, какое-то невероятно щемящее чувство охватило меня. Это не был страх, а что-то гораздо более сложное. Оно было похоже на ощущение, которое возникает у человека перед великими испытаниями. Нечто похожее, но гораздо слабее, бывает перед сдачей экзаменов на зрелость. Но тут было еще что-то. Нет, еще раз говорю, это не было страхом. Может быть, нечто похожее испытывает охотник, ожидающий в засаде Боевого Дракона?

Всего лишь на мгновение это коснулось меня и этого оказалось вполне достаточно. Я знал, что теоретически Энциклопедия предоставляет шанс всем землянам, а так как Катлас считала поведение землян безнадежным, я не обращал внимания на это чувство, решив бросить вызов всему миру — отправиться, и притом как можно скорее, в Сент-Луис.

Возможно, была и другая причина. Уж очень долго я не видел свою сестру. Ведь в течение всех лет учебы я

старался как можно меньше посещать дом дяди. Поэтому был очень рад хоть немного побыть с ней и поделиться переполюнявшей меня радостью.

Я только что подписал годичный контракт с «Интерстеллар Ньюс Сервис». И это сразу же после окончания Женевского Университета Коммуникаций! Хотя Университет и считался лучшим учебным заведением, готовящим журналистов и литературных работников для всех 14 миров, но такую работу могли предложить начинающему выпускнику только раз в сто лет, если только вообще могли предложить!

«Межзвездные Новости» были закрытой и привилегированной организацией. Поэтому я не стал спрашивать свою 17-летнюю сестру, почему ей хочется попасть вместе со мной на Окончательную Энциклопедию, тем более, что день и час она не назначила. Сейчас, оглядываясь в прошлое, я могу только предположить, что она стремилась хотя бы на день убежать из мрачного дома нашего дяди...

Дядя Матиас — брат нашего отца, который взял нас к себе, Эйлин и меня, двух подростков, оставшихся сиротами после смерти родителей, последовавшей в авиакатастрофе. И в течение всех последующих лет старавшийся нас сломить. Нет, физически он не прикоснулся к нам даже мизинцем. С его стороны не было ни малейшего проявления грубости или посягательства на свободу поступков. Ничего этого не было. Он предоставил нам в полную собственность богатейший из домов, изысканнейшую пищу, одежду, машины и находился в уверенности, что мы обязаны разделить с ним и его собственный внутренний мир. Такой же темный и мрачный, как и его большой неуютный дом. Такой же бессолнечный, как глубокая пещера, которая никогда не ощущала дневного света.

Его библия была написана в XXV веке святым или дьяволом — Уолтером Блантом, чьим девизом было «РАЗРУШЕНИЕ» и чья «Гильдия Часовни» позднее дала рождение культуре Экзотики, возникшей на молодых мирах Мара и Культис. Нет никакого сомнения, что на Экзотике всегда читали писание Бланта с оглядкой, осторожно применяя его к действительности. Наш же дядя видел в нем лишь догмы. День за днем он пытался заставить нас уверовать в это кредо безвыходности. Он свято верил, что человечество молодых миров отринуло нас, землян, подобно любому атрофированному органу. Но ни Эйлин,

ни я не могли смириться с этой мрачной философией, хотя мы и были тогда еще детьми.

И вот в один прекрасный день мы совершили челночный полет из Афин в Сент-Луис, а затем из него небольшим самолетом в Анклав.

Небольшой аэробус доставил нас прямо во двор Энциклопедии. Припоминаю, что сходил по трапу последним.

Как только я ступил на бетонные плиты двора, опять что-то произошло со мной. Как будто в глубине моего «я» ударил гонг судьбы. Все произошло настолько неожиданно, что я невольно остановился.

— Извините, — послышался приятный голос за моей спиной, — вы участник тура, не так ли? Вы намереваетесь совершить посещение? Я ваш гид...

Я резко повернулся и обнаружил свое отражение в коричневых глазах девушки, одетой в голубые одежды Экзотики. Она стояла, такая светлая и жизнерадостная, как солнечный свет вокруг нее. Но что-то в ней не соответствовало общему облику, которому она старалась соответствовать.

— Вы не с Экзотики, — внезапно выпалил я, поняв, в чем дело.

Она не походила на рожденных на Маре и Культисе. Уроженцы Экзотики отличались от остальных людей. Их глаза выглядели бездонными и более проницательными, чем у нее, да и у людей с остальных молодых миров. В их взгляде всегда чувствовалась любовь к Повелителю Мира, который всегда был где-то поблизости и обязательно с молнией в руке...

— Я служащая, — ответила девушка. — Меня зовут Лиза Кант... Все верно, я родилась не на Экзотике...

Она вовсе не казалась обескураженной моим решительным разоблачением. Несколько ниже Эйлин, с распущенными темнокаштановыми волосами, свободно струившимися по плечам, с веселой улыбкой и в одежде, которая была ей к лицу. Она совершенно очаровала меня. Ее одежда различных оттенков придавала ей какую-то нереальную легкость, воздушность.

Мне показалось, что я ее где-то уже видел, но где?

— Пойдемте, — мило проговорила она и, повернувшись, направилась к остальным пассажирам аэробуса, которые ожидали нас невдалеке.

Я пристроился к ее шагам и начал расспросы.

Она, не колеблясь, начала рассказывать о себе. Убежденная последовательница философии Экзотики, она родилась тут же, на Среднем Западе Американского континента. Закончив начальную и среднюю школу в Анклаве, она приняла предложение стать служащей Проекта.

Я почему-то решил, что она очень одинока, и не колеблясь сказал ей об этом.

— Как же я могу быть одинокой, если все свои силы я полностью отдаю этому пути... из самых лучших побуждений!

Я подумал, что, возможно, она смеется надо мной. И это мне не понравилось. Даже в те дни я не был тем, над кем можно было смеяться.

— Что же это еще за самые лучшие намерения? — спросил я, стараясь говорить грубо. — Созерцание вашего центра доставляет вам огромную радость?

Улыбка слетела с ее лица и она странно взглянула на меня, так странно, что я навсегда запомнил этот взгляд.

— Мы всегда здесь, — вдруг сказала она. — Запомните это.

Затем она повернулась и повела нас через двор к зданию Проекта.

— Для Окончательной Энциклопедии, — говорила она по дороге, — недостаточно только одного огромного количества фактов. Назначение Энциклопедии — посредством пульсирующей энергии вскрыть связи с другим множеством внутренних связей. После окончания Проекта Энциклопедии земляне смогут получить такую информацию о себе и Вселенной, которая сделает их всемогущими.

С этой точки зрения Земля могла бы на равных конкурировать с такими славящимися своими научными знаниями мирами, как Нептун и Венера, с мирами Экзотики, славящимися глубокими проникновениями в тайны человеческой психики, и, вообще, со всеми другими планетами, специализирующимися в той или иной области.

Поэтому в мультимировой человеческой культуре, в которой преобладающее значение имеет торговля квалифицированными мозгами, Проект Энциклопедии в конечном итоге полностью окупил бы себя, несмотря на столь огромные капитальные вложения. Но не только это заставляет нас, землян, предпринимать это строительство. Прежде всего, Проект был и остается надеждой Земли, надеждой всего человечества — в раскрытии тайн мозга, согласно теории Марка Торра.

Вы, конечно, знаете эту теорию. Но позвольте напомнить вам ее суть. В человеческих знаниях о себе существуют так называемые «темные» области. О них человечество никогда не знало, а только догадывалось. Возьмите, например, телепатию, телекинез и так далее. Энциклопедия могла бы найти в себе что-то такое... может быть, это будет новое качество, возможность или сила, которая лежит в основе человеческого рода...

Слушая это и разглядывая странные и необычные комнаты Проекта, через которые мы проходили, я опять почувствовал, как во мне зашевелилось незнакомое чувство. Но на этот раз оно не отступило, а начало расти и переполнять меня. Но все это внезапно кончилось, как только мы оказались в центре Энциклопедии — в таинственной Индекс-комнате.

Комната имела форму колоссального шара, такого огромного, что противоположная полусфера терялась в тумане. Ее присутствие можно было только угадать по наличию слабо мерцающих огоньков света, которые хаотично вспыхивали в том месте, где она должна была находиться, отмечая появление новых фактов и ассоциативных связей.

Комната была пуста, но в ее геометрическом центре находилась платформа двадцати футов в диаметре, на которую мы и взошли.

— ...теперь мы здесь остановимся, — сказала Лиза, когда все мы, немного взволнованные, столпились вокруг нее. — Это место известно под названием Точки перехода. Вы, должно быть, знаете, что это не что иное, как место, с которого можно будет работать с Энциклопедией.

Она замолчала и повернулась кругом, проверяя каждого в группе.

— Соберитесь, пожалуйста, поближе, — сказала она. На секунду ее взгляд задержался на мне... И опять незнакомое чувство ударило во мне, причиняя легкую боль.

— Теперь, — продолжала она после того, как мы образовали тесную группу в центре платформы, — я хочу, чтобы вы на минуту сохранили абсолютное спокойствие и прислушались. Постарайтесь отрешиться от всего постороннего и слушайте. Если кому-то покажется, что он что-то уловил, не стесняйтесь этого, скажите.

Все разговоры умолкли, и тяжелое, нерушимое молчание этой огромной комнаты повисло над нами. Незнакомое чувство еще больше завладело моим сознанием. Никогда прежде меня не волновали ни высота, ни огром-

ные пространства, но теперь я внезапно почувствовал головокружение, мир начал медленно раскручиваться вокруг меня.

— А что же мы должны услышать? — резко спросил я, пытаюсь хоть как-то противостоять панике, охватившей меня. Я стоял точно за спиной Лизы, когда говорил это. Она повернулась и внимательно взглянула на меня. В ее глазах мелькнула та странная тень, которую мне уже довелось видеть.

— Ничего, — сказала она, словно раздумывая. — Хотя есть один шанс из миллиона что-то услышать...

Она легко прикоснулась к моей руке.

— А теперь помолчите и не мешайте другим, даже если вы и не желаете слушать себя.

— О, я с удовольствием сделаю это, — усмехнувшись, проговорил я.

Девушка отвернулась, и внезапно, через ее плечо, далеко от нас, у самого входа в Индекс-комнату, возле лестницы, ведущей на платформу, я увидел свою сестру. Как я не заметил, что она отстала — не знаю! Я узнал ее на таком расстоянии только по фигуре. Она разговаривала с каким-то незнакомцем, одетым во все черное. Его лицо, скрытое в полумраке, я не мог разглядеть, да и расстояние было чересчур большим, но он стоял очень близко к Эйлин и, казалось, был очень увлечен разговором.

Я был поражен и рассержен. Вид стройной мужской фигуры, казалось, возбуждал меня, подобно оскорблению. Уже одна мысль, что Эйлин отделилась от нашей группы и любезничает с каким-то мужчиной после того, как угощала меня прилететь сюда, говорила с кем-то, кто был мне совершенно незнаком, и это в то время, когда я не мог слышать, о чем они говорят... Даже на таком расстоянии движения ее рук и колебания фигуры в мерцающем полумраке казались мне возмутительными.

Холодная волна гнева поднялась во мне. Даже обладая самым лучшим в мире слухом, нельзя было бы разобрать, о чем они так оживленно беседуют, но, поскольку мрачная тишина повисла в комнате, я напряг все свои силы, чтобы постараться хоть что-либо услышать из их беседы.

И тогда — постепенно, но во все возрастающей громкости — я начал слышать!

Это не был голос моей сестры или ее собеседника. Это был несколько глуховатый голос человека, говорившего

на языке, похожем на латинский, но с падающими гласными и пришептыванием. И эта речь нарастала, усиливаясь не по громкости, а по четкости произношения.

Затем я услышал другой голос, что-то говоривший в ответ. А затем еще голос, и еще, и еще... Шепчущие, кричащие, визжащие, подобные снежной лавине голоса входили в меня с различных направлений. Все голоса, все языки звучали в моей голове... И все это усиливалось, усиливалось, усиливалось...

Они звучали в моей голове, бубня, крича, смеясь, скрежеща, приказывая и моля — но отнюдь не сливаясь, как это могло бы показаться, в один шумный вой или могучий гром, подобный звуку водопада.

По мере того, как они росли, они становились все отчетливее и отчетливее.

Я СЛЫШАЛ КАЖДОГО!

Каждого из тех миллионов мужчин и женщин, которые жили сейчас на Земле.

Я испугался, не в силах совладать с этим. Грудь сжалось удушьем — мне стало не хватать воздуха. Задыхаясь, я без чувств упал на пол.

ГЛАВА 3

С трудом открыв глаза, я с удивлением обнаружил, что лежу на полу, и лишь Лиза Кант склонилась надо мной. Другие члены нашей группы еще только растерянно оглядывались по сторонам, пытаюсь понять, что такое приключилось со мной.

Лиза присела возле меня и, положив мою голову себе на колени, спросила низким прерывистым голосом: — Что с вами? Вы что-то слышали?

Я потряс головой, инстинктивно пытаюсь прогнать весь тот ужас, который минуту назад пленил мое сознание, но тут же с изумлением обнаружил, что только бормотание изумленных людей, столпившихся вокруг меня, нарушает глубокую тишину Индекс-комнаты.

— Вы что-то слышали? — повторила свой вопрос Лиза.

Я взглянул на нее и все вспомнил.

Эйлин и незнакомец! Все еще лежа на полу, я повернул голову в том направлении, где стояли они раньше, но там уже никого не было.

С трудом поднявшись на ноги, я направился к выходу.

Но Лиза решительно преградила мне дорогу.

— Куда это вы собрались? Вы не можете оставить это так! Если вы в самом деле что-то слышали, вам следует немедленно пройти к Марку Торру. Он говорит со всеми, кто что-либо слышал в этой комнате!

Я еле дослушал до конца эту длинную и гневную речь.

— Прочь с дороги! — с трудом подбирая слова, пробормотал я и, не очень вежливо отстранив ее в сторону, направился к выходу из Индекс-комнаты.

Но она догнала меня и вцепилась с силой, которую трудно было заподозрить в девушке ее возраста.

— Стойте! Остановитесь же на секунду! В чем дело?

— Дело? — огрызнулся я. — Моя сестра...

Но тут я остановился. Что я мог сказать? Что меня возмутил поступок семнадцатилетней сестры, заговорившей с кем-то, кого я, ее старший брат, не знал. Даже если бы я их настиг, что я мог им сказать? Потребовал бы, чтобы мужчина назвал себя или убирался прочь? Да меня просто примут за идиота.

Я стоял и молчал.

— Вы должны пойти со мной, — донесся до меня голос девушки как будто издалека. — Вы даже не представляете себе, как ужасно редко находят того, кто что-то слышит в точке Перехода... Вы даже не можете себе представить, как много это значит для Марка Торра!

Я отрицательно покачал головой. У меня не было ни малейшего желания становиться подопытным кроликом.

— Вы должны! — настойчиво повторяла Лиза. — Ведь это так много значит для всего Проекта! Вдумайтесь в это!

Слово «вдумайтесь» дошло до меня.

Девушка была совершенно права, я это понял только сейчас.

...Все миры, населенные человеческой расой, в настоящее время были расколоты на два лагеря, один из которых держал свое население в рамках «неразрывного», или «жесткого», как они говорили, контракта, а другой — свято верил в «свободный» контракт. На стороне «жесткого» контракта были оба мира Френдлиза, Кассида и Венера, а также большой новый мир Сета, у звезды Тау Кита.

На стороне «свободных» миров выстроились Земля, Дорсай, миры Экзотили — Культис и Мара, Новая Зем-

ля, Фриленд, Марс и маленький католический мир Святой Марии.

Планеты не могли готовить всех необходимых им специалистов, особенно когда другие миры делали это лучше. Даже самое лучшее обучающее оборудование не могло обеспечить воспитание первоклассных солдат, подобных тем, которых давал Дорсай. Никто не мог приготовить физиков и психологов по качеству сходных с физиками Нептуна или психологами с Экзотики. Поэтому планета воспитывала и обучала один тип профессионалов, которыми и торговала с другими мирами.

Разделение между двумя лагерями было полным. В «свободных» мирах контракт частично принадлежал человеку, продающему свои услуги. Без его согласия, за исключением особой необходимости, продажа его на другую планету была невозможна.

На планетах «неразрывного» контракта индивидуум был в полной зависимости от своего хозяина, и, если ему приказывали, он обязан был беспрекословно повиноваться и работать в том месте, где указывалось.

«Свободные» миры гордились тем, что им не приходится продавать выпускников своих университетов партиями в обмен на специалистов с других миров. Но, подобно всем высокоразвитым планетам, Земля, как и другие миры ее лагеря, пользовалась правом индивидуального найма. По такому найму я и пришел работать в «Интерстеллар Ньюс Сервис», заключив годичный испытательный контракт. Но того, что я хотел, еще не было достигнуто! Я был свободным, да! Но «свободный» контракт еще не полная свобода! Настоящая свобода в своей деятельности в наше время предоставляется только членам планетных правительств, а также особой группе людей, представляющих «Гильдию Интерстеллар Ньюс Сервис». Эти работники в области коммуникаций были связаны клятвой неподкупности и практически отказывались от своего родного Мира. Вступив в «Гильдию», я был бы поистине свободен — никакой Мир после этого не способен был бы предать меня суду или продать мои услуги, не спросив предварительно моего согласия! Да, у меня был сейчас контракт с «Интерстеллар», но это был только годичный контракт! Возобновит ли «Гильдия» его после года моей работы? Вероятность этого составляла всего 5—10 %, это уж я хорошо знал. А что будет потом?

И сейчас мне в голову пришла мысль, что, может быть, Марк Торр сможет мне чем-то помочь.

— Вы правы,— сказал я Лизе.— Мне необходимо встретиться с Торром. Куда идти?

— Я провожу вас,— радостно сверкнула глазами девушка.— Только вначале мне необходимо позвонить.

Она отошла от меня на несколько шагов и стала что-то говорить в телефон, имеющий вид кольца на ее среднем пальце. Через минуту она подошла ко мне и взмахом руки пригласила следовать за ней.

— А как же другие? — поинтересовался я, заметив встревоженные взгляды остальных членов нашего тура.

— Я попросила, чтобы кто-нибудь продолжил обход с ними,— ответила девушка, не оборачиваясь.— Сюда, пожалуйста.

Мы вошли в маленькую комнатку, которая тут же сдвинулась в каком-то направлении и через мгновение остановилась.

— Сюда,— повторила Лиза, подводя меня к одной из стен комнатки. Под ее касанием стена ушла вниз, и перед моим взором предстала комната, посреди которой находился пульт управления с сидящим за ним старым человеком. Это был Марк Торр — я часто видел его фотографии в «Ежедневных Новостях».

Он был не старше, чем должен был выглядеть для своего возраста — около 80 лет.

Пригласив нас войти и подождав, пока дверь за нами закроется, он указал нам на кресла. Нажав что-то на пульте, Марк Торр откинулся на спинку стула. Он с большим интересом следил за мной.

Внезапно сбоку от нас отошла часть стены, и в комнату вошел среднего роста мужчина. Он был с Экзотики! Эти пронизательные глаза нельзя было спутать ни с чем. Одет он был в такую же голубую одежду, что и Лиза.

— Мистер Олин,— сказал наконец Торр,— познакомьтесь, это Ладна, преподобный отец с Мары, работающий в Анклаве св. Луиса. Он уже знает, кто вы!

— А кто я? — изумился я, повернувшись к незнакомцу.

Тот улыбнулся.

— Для меня большая честь с вами познакомиться, Там Олин,— сказал священник и сел. Он только мгновение смотрел на меня, но и этого было достаточно, чтобы я почувствовал странную неловкость.

Его мимолетный взгляд, голос, даже манера, с которой он присел, все говорило о том, что в одно мгновение он изучил меня лучше, чем мне хотелось бы.

За все годы моего противоборства дяде, его философии, только сейчас я почувствовал факт превосходства юных миров над человечеством Земли.

Я отвел свой взгляд от пронизательных глаз священника с Экзотики и обратился к более человеческим глазам Марка Торра.

— Теперь, когда преподобный отец Ладна здесь, — сказал старик, — я попрошу тебя, мой мальчик, сказать нам, на что это было похоже. Расскажи нам, что ты слышал?

Я попытался было систематизировать все происшедшее со мной, но тут же понял, что сам ничего не понимаю.

— Я слышал голоса. Все говорили одновременно, но вместе с тем вполне отчетливо...

— Много голосов? — перебил меня Ладна. Я взглянул на него и тут же снова повернулся к старику.

— Не знаю. По моему, это были все голоса Земли, — пролепетал я что-то невразумительное.

— Только голоса? — спросил Марк Торр, но так тихо, словно про себя.

— А что? — вскинулся я раздраженно. — Или мне казалось слышать нечто иное, что слышали другие люди?

— Это всегда по-разному, — раздался голос Ладны, но я не посмотрел в его сторону. Я все еще не сводил своего взора с Марка Торра. — Каждый слышит только что-то свое, — продолжал священник. Я повернулся к нему.

— Что же слышали вы? — вызывающе спросил я.

Преподобный отец улыбнулся и печально произнес:

— Ничего, Там. Абсолютно ничего! Только люди, рожденные на Земле, могут что-то услышать в Точке Перехода.

— Тогда вы уж наверняка что-то слышали? — спросил я у девушки, которая сидела рядом со мной.

— Я? Конечно же нет! — просто ответила она. — В Проекте нет и шести человек, которые что-то слышали!

— Что? — вскричал я. — Нет и шести человек?

— Точнее сказать, в Проекте участвуют всего пять человек, которые смогли что-то слышать в Точке Перехода, — печально сказала Лиза. — Марк из них первый!

Было еще четыре человека, но один недавно умер, и сейчас осталось только три.

Только пять человек за сорок лет!

Я был потрясен. Значит, со мной случилось далеко не заурядное событие. Я, конечно, об этом догадывался, но чтобы всего пять человек были выявлены за эти долгие годы существования Проекта, этого я не ожидал.

Теперь я понял, как важно для служащих Проекта найти хоть одного человека, способного что-то услышать в Индекс-комнате.

Марк Торр внимательно посмотрел на меня и вдруг сказал:

— Дайте мне руку!

Я протянул ему свою правую руку, и он, крепко удерживая ее в своей ладони, начал пристально всматриваться мне в глаза.

Прошли минуты.

Я был сломлен, не зная, для чего он все это делает. Наконец, старик отпустил мою руку и откинулся на стуле, словно обессилел.

— Ничего, — сказал он немного спустя, повернувшись к Ладне. — Совершенно ничего! Ты полагаешь... он что-то смог уловить?

— Очевидно! — улыбнулся священник, спокойно вглядываясь мне в глаза, когда я вслед за Торром повернулся в своем кресле — Вполне возможно, он что-то и слышал...

Постепенно его взгляд становился все более неприятным, и мне показалось, что тысячи мелких иголочек стали впиваться в мое тело.

— Марк расстроен тем, Там, что ты услышал только голоса, а должно быть и понимание этих голосов. Ты должен был знать, о чем они говорят, — донесся до меня издалека его голос.

— Что я должен был понять?

— Вот это вы и должны были нам рассказать!

Его взгляд так глубоко проникал в меня, что я почувствовал себя странно неловко, словно сова, подвергающаяся испытанию светом. Меня начало охватывать раздражение против такой бесцеремонности.

— А какое отношение ко всему этому имеете вы? — с вызовом произнес я.

Священник опять улыбнулся.

— Фонды Экзотики оказывают большую финансовую помощь Проекту. Но это не НАШ Проект. Он — ЗЕМ-

НОЙ! Мы только хотим помочь человеку осознать себя Человеком. Тем не менее, между нашей философией и теорией Марка Торра имеются кое-какие разногласия.

— Разногласия? — удивился я. — О, кажется, я узнаю новость, о которой никто из моих соотечественников не догадывается.

Но Ладна отрицательно махнул головой, как будто прочитал мои мысли.

— В этом нет ничего нового, — сказал он. — Основное разногласие между нами возникло с самого начала. Суть его заключается в том, что мы, с Экзотики, верим в то, что человек постоянно улучшается и особенно быстро это происходит в юных парах. Наш же друг Марк утверждает, что Землянин — Базовый Человек — уже само совершенство, но его способности еще не раскрыты, и он, соответственно, не может ими пользоваться.

Я кивнул головой.

— Но что же в конечном итоге произошло со мной? Что это за голоса?

— На этот вопрос вряд ли кто ответит, кроме вас!

— Но я же не знаю!

— Возможно. Мы увидим... — с этими словами священник протянул вперед руку и выставил в сторону указательный палец. — Ты видишь этот палец, Там?

Я посмотрел на руку священника, и внезапно что-то ворвалось в меня. Настушила тьма. Вокруг меня засверкали молнии, и вновь голоса миллионов и миллионов людей взорвались в моей голове. Каждый голос боролся с молнией, пытаясь отвести ее в сторону, но не каждому это удавалось. Я почувствовал, что могу легко манипулировать этими сверкающими стрелами. Отклонять их в сторону, тушить, собирать в пучки и бросать в темноту. Многие голоса звали меня, говорили что-то мне, предлагали не бороться в одиночку, а объединиться с ними в общем усилии и привести всю битву к какому-то обоюдному согласию. Они призывали меня упорядочить этот хаос. Но что-то во мне сопротивлялось их призыву.

Я достаточно долго был скован и поработен тьмой Матиаса Олина. Теперь же я победил. Я упивался своим могуществом и не желал мира. Злость клокотала в моей груди. Я был свободен! Я — Мастер! И никто не сможет сковать меня снова...

Внезапно я вновь очутился в кабинете Марка Торра.

Старик — его морщинистое лицо стало подобно дереву — напряженно вглядывался в меня. Побледневшая

Лиза тоже во все глаза смотрела в мою сторону. Едва я посмотрел на Ладну, как он отвел свой взгляд от меня и пробормотал:

— Нет! Я думаю, что он ничем не может помочь Проекту!

Лиза вскрикнула — небольшой вскрик, подобный крошечному крику боли, но он утонул в «хрюканье» Марка Торра, «хрюканье» недовольного медведя, который медленно обернулся к потревожившему его человеку.

— Не может? — переспросил старик у священника и, подняв свою огромную руку, он с размаха опустил ее на пульт управления. — Он должен... Он вынужден будет! За последние двадцать лет никто не прошел испытания Индекс-комнатой! А я старею!

— Он всего лишь слышал голоса, но они не оставили в нем даже искры, даже искры, — печально произнес Ладна. — Ты же ничего не почувствовал, Марк, когда коснулся его!

Он говорил очень печально, отрешенно закрыв глаза. Слова вылетали одно за другим из его горла, словно марширующие в строю солдаты.

— Это потому, что у него ничего нет! Нет сходства с другими слышащими. У него только признаки, но если нет сопереживания — нет и источника могущества.

— Но мы же не можем научить его, черт возьми! — прогремел Марк Торр. — Вы ведь не сможете его вылечить у себя на Экзотике!

Ладна отрицательно покачал головой.

— Нет, — сказал он. — Никто не сможет помочь ему, кроме него самого. Он вовсе не болен. Ему просто не удалось развиваться надлежащим образом. Скорее всего, в юности он глубоко ушел в себя и сейчас, когда его уединение стало еще глубже, никто уже не сможет ему помочь. Вся беда еще не только в том, что он не подходит нашему Проекту, а в том, что он не примет нашего предложения работать здесь. Взгляните же только на него!

Все это время он даже не открывал своих глаз и ни разу не взглянул на меня, словно меня не было в этой комнате.

— Вы загипнотизировали меня, — крикнул я, обращаясь к нему. — А на это я не давал вам моего согласия. Я не давал разрешения подвергаться психоанализу!

Ладна открыл глаза, посмотрел на меня и покачал головой.

— Никто вас не гипнотизировал, — ответил он. — Я только открыл вам ваше внутреннее зрение. И я вовсе не занимался психоанализом!

— Тогда что же это было?.. — я замолк на полуслове, призывая себя к осторожности.

— То, что вы видели и слышали, было вашими собственными чувствами и знаниями, переведенными в присутствующие только вам символы. А на что это было похоже, я понятия не имею... и не смогу никогда узнать, если вы только не расскажете мне об этом.

— Тогда как же вы сделали такой вывод? Как вы пришли к такому решению?

— Я наблюдал за вами, ваш вид, ваши действия, ваш голос рассказали мне обо всем. И еще дюжина других, не так бросающихся в глаза, примет. Они-то и позволили мне сделать такой вывод.

— Я не верю этому! — вспыхнул я. Холодное бешенство вновь возникло во мне. — Я не верю этому! — вновь повторил я, чтобы хоть немного успокоиться и прийти в себя. — Вы наверняка руководствовались еще чем-то!

— Да, — согласился он. — Вы правы. У меня было время перед тем, как прийти сюда, послушать запись вашей жизни. Вы ведь знаете, что ваша биография, подобно всем землянам, хранится в Энциклопедии!

— Нет, — сказал я мрачно. — Было еще что-то, гораздо более высокое, что повлияло на ваше решение! Я уверен в этом!

— Да, — усмехнулся Ладна. — Вы очень проникательны. Я уверен, что вы научитесь всему достаточно быстро и без нашей помощи.

— Бросьте говорить загадками! — закричал я. Но странность его речи так поразила меня, что, когда он в ответ на мой возглас испытующе посмотрел на меня, я успел придать своему лицу безразличное выражение.

— Это случится, Там, — мягко сказал священник. — То, чем ты себя сейчас ощущаешь, мы называем обычно «изоляцией» — необычной центральной силой в изменяющейся модели человеческого общества на его пути к своему совершенству...

От его слов мои руки сжались в кулаки, и я, сдерживая дыхание, ждал продолжения. Но он не захотел продолжить свою мысль.

— Ну и что же, — пробормотал я нетерпеливо.

— Ничего! — усмехнулся Ладна. — Это все. Кстати, слышал ли ты когда-нибудь об онтогенетике? Надеюсь,

ты позволишь мне при обращении к тебе такую маленькую фамильярность, учитывая мой возраст?

— Как вам будет угодно,— сказал я,— но об этом нашем учении я ничего не слышал.

— Если говорить коротко, об этой теории можно сказать, что все длительно изменяющиеся события должны учитываться ею. В массе схваток и желаний индивидуумов, составляющих основу жизни, определяется направление роста модели человечества в будущем. Но в отличие от индивидуумов, которые сами учитывают свои желания всех людей, и чем совершеннее этот учет, тем лучше и точнее модель...

Он посмотрел на меня, как бы спрашивая, понял ли я его.

О, я понял. Но не дал ему увидеть этого.

— Продолжайте,— только я сказал я.

— В случае появления необычных индивидуумов,— продолжал Ладна,— мы получаем в модели особую комбинацию факторов. Когда это случается, как в твоём случае, возникает «изоляция», центральный характер, способный действовать, не ограничиваясь рамками модели...

Он снова остановился и испытующе посмотрел на меня.

Я глубоко вздохнул, чтобы унять биение сердца.

— Хорошо, я — «изоляция», но что же вы хотите от меня?

— Марк хочет, чтобы ты был возле него, как контролер строящейся Энциклопедии. Мы тоже помогаем ему. Но необходимо помнить, что, когда Энциклопедия будет завершена, только «слышащие» личности смогут с ней работать. В противном случае, земляни ожидает глубокое разочарование, моральное опустошение, деградация!

Он вздохнул и мрачно посмотрел на меня.

— Кроме того, Марк сейчас в затруднении. Если он не найдет немедленно последователей, то Энциклопедия никогда не будет завершена. А это, как я уже сказал, будет означать конец Земли. И если уйдут земляне, то человечество молодых миров перестанет быть жизнеспособным... Но это тебя не касается, не так ли, Там? Ты ведь один из тех, кто враждебно относится к молодым мирам, а?

Я отрицательно покачал головой, словно стряхивая с себя его вопросительный взгляд. Но где-то в глубине души я знал, что он прав! Я представил себя сидящим в кресле перед пультом, прикованным долгом на все остав-

шиеся мне дни к этой нудной работе... Нет! Я не хотел ни их, ни их работы на Энциклопедии!

Довольно долго и тяжело работать, чтобы избавиться от Матиаса, стать рабом этих беспомощных людей — всех тех в великой массе человеческой расы, кто был слишком слаб, чтобы подчинить себе молнии! Нужно ли мне отбросить перспективу своего могущества и полной свободы ради ТЕХ, кто не в состоянии оплатить эту свободу для себя? Как я оплатил свою? Нет, и еще раз нет!

— Нет! — произнес я с вызовом.

Марк Терр глубоко вздохнул.

— Нет? Вот видишь, Марк, я был абсолютно прав! — кивнул Ладна.

— Ты мой мальчик, не имеешь сочувствия.. не имеешь души.

— Что? Души? — переспросил я. — А что это такое?

— Могу ли я описывать цвет золота человеку, слепому от рождения? В одном могу тебя уверить — если ты найдешь ее, то сразу же узнаешь. Но это возможно только в том случае, если пробьешь себе дорогу через долину!

— Долину? Опять изволите говорить загадками? — начал было я снова распаляться. — Какая еще такая долина?

— Ты знаешь, про что я говорю, Там, — спокойно сказал Ладна. — Ты это знаешь лучше, чем я могу тебе объяснить. Это долина мозга и духа, куда возвращается все уникальное, созданное ими. Но оно искажается тобой и потому стремится к разрушению...

«РАЗРУШЕНИЕ»!

Это слово гремело в голосе моего дяди Матиаса, когда он читал Уолтера Бланта.

Внезапно, словно отпечатанное светящимися буквами на внутренней поверхности моего черепа, я увидел слово «ВЛАСТЬ» и понял возможности этой силы применительно ко мне.

И как будто долина раскрылась передо мной. Высокие черные стены высились по обе стороны от меня, теряясь где-то в тумане. Узкая тропинка вела во тьму, где меня поджидало что-то огромное, черное, шевелящееся...

Но даже после того, как я отшатнулся от ЭТОГО, от чего-то великого, черного и ужасного внутри меня, мысль, что я повстречался с ЭТИМ, наполнила меня радостью.

Где-то издалека, подобно звуку несильного колокола, донесся до меня голос Марка Торра, очевидно, обращавшегося к Ладне.

— Неужели нет никакого шанса? И мы так ничего и не сможем сделать? Что если он никогда не придет в Энциклопедию?

— Нам остается только ждать... и надеяться, — прозвучал в ответ голос Ладны. — Выбор остается за ним. Если он преодолеет себя, то сможет вернуться, а так... Его ждет или преисподняя... или небеса!

Подобно звуку холодного дождя, громяющего по крышам зданий, этот голос ничуть не тронул меня. Я почувствовал огромное желание покинуть эту комнату и, оставшись наедине, подумать.

Тяжело встав с кресла, я спросил, обращаясь к Марку Торру:

— Как мне отсюда выйти?

— Лиза, — обратился тот к девушке, которая тут же вскочила, услышав обращение старика, — проводи его.

— Прошу вас, — пробормотала девушка и повернулась к двери, через которую некоторое время назад вошел человек с Экзотики.

Она вывела меня во двор Проекта, где к этому времени уже собрались все члены нашего тура, и, не проронив ни слова, а только склонив голову в знак прощания, ушла. Но это меня уже не трогало. Я забыл о ней. Самое главное было сейчас разобраться во всем происшедшем со мной.

Глубоко погруженный в свои мысли, я не заметил, как попал в Сент-Луис, а затем в Афины. И только оказавшись в дядюшкином доме, я очнулся от своих дум. Прислуга сказала мне, что у нас гости, и я поспешил в библиотеку, где обычно Матиас принимал посетителей. Я был поражен — гости в нашем доме?

В комнате находился дядя, сидевший в своем большом высоком кресле с раскрытой книгой на коленях, моя сестра Эйлин, которая усмехнулась мне, когда я вошел, и... молодой темнокожий человек Его предки, несомненно, были барберами. Это было понятно любому, кто, подобно мне, изучал этнические различия людей в Университете. Он был одет во все черное. Мне показалось, что я узнал в нем того незнакомца, который был с Эйлин в Энциклопедии.

Короткий ежик черных волос и колючий, словно стальной клинок, взгляд его черных глаз выдавали в нем жителя молодых миров.

Я вновь почувствовал темную радость, испытанную мной в глубине «долины», — это был первый шанс испытать мое могущество!

ГЛАВА 4

Но Матиас помешал мне.

— ...еще раз повторяю тебе, Эйлин, — донесся до меня его голос, — что я не вижу причин для беспокойства. Я ведь никогда не ставил тебе ограничений. Делай как хочешь!

И его пальцы перевернули страницу книги.

— Но скажи мне, что делать? Как поступить? — закричала Эйлин. — Ведь я прошу у тебя совета? — В глазах ее стояли слезы.

— Я не знаю! Какая разница, как ты поступишь?

Он повернулся ко мне.

— А, с приездом, Там. Эйлин забыла вас познакомить. Этот молодой человек — мистер Джаймтон Блек с Гармонии.

— Офицер вооруженных сил Блек, — представился незнакомец, повернувшись ко мне и слегка наклонив голову. — Я исполняю на Земле обязанности военного атташе.

Теперь я окончательно определил его происхождение. Он был с тех планет, которые люди с других миров с кислым юмором называли Френдлиз (Дружественные). Религиозные, спартански воспитанные и отлично вышколенные фанатики составляли население планет Гармонии и Ассоциации. Меня всегда удивляло, что из сотен видов и типов человеческих обществ, наряду с солдатским Дорсаем, научным миром Нептуна и Венеры, философскими мирами Экзотики, выросло и процветало такое мрачное и фанатичное человеческое поселение.

Все остальные миры слышали и знали о них, как о солдатах. Но это были не те солдаты, что с Дорсая. Миры Френдлиз были очень бедны, и единственный «урожай», который они могли снимать на своих скудных каменистых почвах, не всегда был необходим другим мирам. Да и кому могло прийти в голову нанимать по контракту толпы евангелистов. Но френдлизцы умели стрелять и отлично подчинялись приказам... а это значит,

что они умели умирать! И кроме того, они были так бедны! Элдер Брайт, глава Совета Церквей, управляющий Гармонией и Ассоциацией, мог бы сбить цену на наемников любому правительству, но... па наемников с весьма низким уровнем военного искусства.

Дорсайцы были истинными мужами войны. Оружие шло к ним в руки, как ручные собачонки, и сидело в их руках, как перчатки. Солдат же Френдлиза держал винтовку, как топор...

Поэтому знатоки говорили, что Дорсай поставляет всем человеческим мирам солдат, а Френдлиз — пушечное мясо!

— ...офицер ВС Френдлиза мистер Блек, — продолжал Матиас, — слушает вечерний курс земной истории в том же университете, что и Эйлин. Они познакомились месяц назад. И теперь молодой человек пришел просить ее руки. Он предлагает ей выйти за него замуж и отправиться на Гармонию, куда его отзывают в конце этой недели.

— И...

— Вот я и говорю, что это ее личное дело. Пускай сама решает! — закончил свою речь наш дядя.

— Но я хочу, чтобы кто-то помог мне, помог мне решить, как поступить! — воскликнула в слезах Эйлин.

Матиас покачал головой.

— Я уже говорил тебе, — сказал он, — что здесь нечего решать. Что эти решения могут дать? Я представил тебе полную свободу действий и настоятельно прошу избавить меня от участия в этом фарсе.

И он снова склонился над своей книгой.

— Но я... я не знаю, как мне поступить! — всхлипывала Эйлин.

— Тогда ничего не делай, — изрек наш дядя, переворачивая очередную страницу. — Значит, ты не готова к предстоящим испытаниям!

— О, боже, что же мне делать? — разобрал я бормотание сестры.

В комнате воцарилась на мгновение тишина.

— Эйлин, — прервал эту тишину голос Джаймтона Блека. Сестра с готовностью повернулась к нему. — Ты же говорила мне, что хочешь выйти за меня замуж и сделать своим мой дом на Гармонии! — Он говорил размеренным, низким и приятным голосом.

— О, да! Да, Джимми! — воскликнула Эйлин. Но Блек не подошел к ней, и тогда сестра воскликнула вновь:

— Но я не уверена, что это верное решение! Я ведь хочу как лучше!

Она повернулась ко мне.

— О, брат, что мне делать? Как я должна поступить?

Ее голос резко звучал в моей голове, словно голоса, слышанные мною в Индекс-комнате. Обстановка в библиотеке, необходимость решить сложную проблему все это отбросило меня назад в то состояние, из которого я вернулся не так давно.

Внезапно я понял Матиаса. Понял так, как никогда прежде не понимал! Он хорошо знал, что если скажет «останься», то сестра сделает наоборот. Он был бесподобен в своем дьявольском или богоподобном безразличии и, конечно, был уверен, что я поддержу решение сестры уехать из этого мрачного дома. Это решение его вполне устраивало.

И все же дядюшка ошибся. Он не увидел, что изменения коснулись меня. Для него «РАЗРУШЕНИЕ» было простым звуком. Но я теперь в этом слове увидел оружие, которое могло быть повернуто против этих суперменов из молодых миров.

Я взглянул на Джаймтона Блека и не испугался, как в свое время перед Ладной. Противоборство началось.

— Нет,— сказал я спокойно.— Не думаю, Эйлин, что тебе следовало бы бежать из дома.

Слова убеждения очень легко складывались в моей голове.

— Гармония — это не место для тебя. Ты же знаешь, как эти люди отличаются от нас, землян. Ты будешь выбита из колен. Их взгляд на окружающий мир не совсем согласуется с твоим. А кроме того, этот человек — офицер...— Я сделал паузу и с симпатией взглянул на Блека. При этих словах он повернул свое умное лицо ко мне.— Ты ведь знаешь, что означает «офицер» в мирах Френдлиз? В любой момент его контракт может быть продан на сторону, и его пошлют туда, куда ты не сможешь за ним последовать. Он, может быть, будет отсутствовать долгие годы... или вообще будет убит. Неужели тебя это устраивает? Ты уверена, что достаточно сильна, чтобы подвергать себя такой эмоциональной пытке? Я знаю тебя уже много лет и не вполне уверен в твоих силах! Тебе не следует уезжать с ним.

Я перевел дух и кинул быстрый взгляд на дядю. Матиас внимательно слушал меня, но ничего не сделал, чтобы вмешаться в разговор. Это был хороший признак.

Что же касается Эйлин, то она благодарно кивнула мне головой.

Джаймтон Блек подошел к ней и мягко, почти ласково сказал:

— Так ты не поедешь со мной, Эйлин?

Она покачала головой и отвернулась.

— Я не могу, Джимми, — прошептала она. — Ты слышал, что сказал мой брат. Я хочу, чтобы ты ушел!

— Это неправда! Что значит — ты не можешь? Скажи, что ты хочешь, и я уйду!

Он ждал. Но она молчала и смотрела в сторону, боясь поймать его взгляд. Затем снова покачала головой.

Блек глубоко вздохнул и, не глядя ни на кого, вышел. На его лице не было заметно ни боли, ни ярости.

Эйлин в слезах выбежала из комнаты. Я взглянул на Матнаса — он продолжал внимательно читать библию, не глядя на меня.

Он никогда после не упоминал об этом инциденте и о Джаймтоне Блеке.

Эйлин тоже.

Прошло всего полгода, Эйлин подписала контракт с Кассидой и уехала на работу в этот мир. Через несколько месяцев после этого она вышла замуж за уроженца этой планеты Дэвида Лонт Холла. С этого времени мы перестали получать от нее хоть какие-то известия.

Но я в это время был так же мало огорчен этим, как и Матиас, меня захватили мои успехи в словесном воздействии на других людей. Новое восприятие все больше проникало в меня, помогая совершенствовать свои возможности. Я был на верном пути к своей цели — власти и свободе!

ГЛАВА 5

События, происшедшие в библиотеке, надолго оставили след в моей памяти. За те пять лет, в течение которых я продвигался по служебной лестнице в «Ньюс Сервис», я не получал ни единой весточки от Эйлин. Несколько писем, которые были отправлены ей, остались без ответа.

Постепенно я начал понимать, что остался один-единешек в целом мире. Что из всех людей, которых я знал, ни один не мог бы назвать себя моим другом!

Вскоре тихо и неожиданно умер наш дядя Матиас. И я, связавшись с Кассидой, отыскал, наконец, Эйлин для того, чтобы обговорить права наследования. Все осложнилось тем, что только правительства и крупные промышленные и торговые фирмы могли переводить планетную валюту на другие планеты.

Встретив сестру и вдоволь наговорившись, я с сожалением узнал, что ее муж, Дэвид Холл, находится в рядах кассидиан, участвующих в заварушке на Новой Земле. Это послужило одной из причин того, что я оказался в скором времени в районе Сириуса. Меня, как корреспондента «Ньюс Сервис», направили освещать войну, вернее ход боевых действий между Северным и Южным Разделенным Онтландом.

Только ядро войск Севера и Юга составляли уроженцы Новой Земли. Более 80 % войсковых формирований мятежного Севера составляли наемники с Френдлиза. В частях Юга было собрано около 60 % кассидиан, нанятых по контракту с Кассидой правительством Новой Земли. Среди кассидиан, участвовавших в этой нелепой войне, был и молодой офицер Дэйв Холл, муж моей сестры.

Моим проводником был назначен один из солдат Южных Сил. Не кассидианин, а уроженец Новой Земли, он, с высоты моего понимания людей, не представлял из себя ничего ценного. Мы уже минут десять шли по горному склону, на котором еще несколько часов назад гремело эхо войны. Войдя в расположение войск южан, мы проделали довольно длинный путь по лабиринту защитных сооружений и пришли, наконец, в командный пункт.

— Комендант Хал Фрейк, — представился мне офицер лет сорока с тяжелой челюстью и темными кругами под глазами. — Ваши документы?

Я протянул удостоверение. Кассидианин рассматривал его с изменяющимся выражением лица.

— О? — поднял он брови. — Кадет?

Такой вопрос был равносителен оскорблению, ведь это было не его дело — полноправный ли я член «Гильдии» или всего лишь Подмастерье! Он посчитал, что я еще достаточно «зеленый» и поэтому представляю для него и его людей здесь, на линии фронта, серьезную опасность. Тем не менее, он не знал, что в моей защите гораздо меньше уязвимых мест, чем в его.

— Верно, — сказал я, беря назад документы. Необходимо было сразу же держать его на дистанции. — Что-то

я слышал в штабе о присвоении ряду офицеров очередных званий...

— Что? — сразу встал в стойку офицер. — Про что вы слышали? Присвоение?

Он посмотрел на меня. Тон его голоса изменился. Я всегда был убежден, что главная слабость, да и самый верный путь, которым люди предают себя, — это их голос. Сказался мой почти пятилетний опыт на подобные вещи.

— Что-то я слышал о присвоении какому-то коменданту Фрейку звания майора, — сказал я с легкой усмешкой. — И я подумал... — Но тут я оборвал себя и с интересом посмотрел на стоящего рядом офицера. — Но скорее всего, я ошибся. Похоже, та фамилия была не Фрейк... а что-то вроде... — я опять оборвал фразу и стал с любопытством рассматривать странную обстановку блиндажа.

— Что вы слышали о моем повышении в звании? — потребовал кассидианин.

Настало время отхлестать его.

— О, вы что-то сказали? Да, да... Вы же знаете, что наши источники информации очень ненадежны. Но это было так давно, вчера утром, по-моему, не думаю, что могу вспомнить такую мелочь. К тому же, где и что я слышал — это мой секрет! Не прошу же я вас, военных, разглашать мне свои секреты!

Он привстал на каблуках. Лицо его побагровело. Но ему вовремя пришла на ум одна мысль — ведь я не был его подчиненным! У него не было права приказывать говорить мне то, что я не хочу. Подобно большинству людей, он полагал, что если «Ньюс Сервис» что-то знает, так это уже суцая правда. Он понимал, что, если он хочет что-то узнать, ему необходимо сменить железные перчатки на бархатные.

В одно мгновение я оценил весь ход его мыслей.

— Да, — сказал он, улыбаясь, насколько мог. — Да, конечно, секрет есть секрет! Извините меня. У меня здесь недавно было очень «жарко». Что мы можем сделать для вас, Ньюсмен?

— Не могли бы вы немного рассказать о себе, — проговорил я, делая вид, что колеблюсь. — Думаю, мог бы получиться неплохой репортаж о войне с точки зрения опытного офицера-фронтовика...

Он все понял.

— Почему я? Разве не мог подойти любой другой офицер рангом повыше и покрасноречивее? — казалось,

спрашивал его взгляд. Но вслух он этого не произнес. Его тайные надежды сбывались. Если он удачно будет описан в такой заметке, то, вполне вероятно, не будет больше прозябать в действующих войсках, где все возможно...

Все эти мысли ясно проявились в его манере держаться, выражении лица, изменении интонации. Повышение в чине вплоть до ранга майора было пределом его мечтаний. Больше денег, долгосрочный контракт и меньшая вероятность быть убитым в какой-нибудь заварушке — разве это так плохо?

— Вы знаете, у меня есть идея, — сказал я. — Что, если мне взять себе помощника из числа ваших подчиненных?

— Из моих людей? — изумился офицер.

— Да. Я хотел бы взять себе сообразительного парня, который мог бы во всех подробностях описать ход кампании и постоянно держать меня в курсе всех военных новостей.

— Я все понял, — лицо офицера прояснилось. — Мы здесь всегда рады помочь «Интерстеллар». Я сейчас выпишу соответствующее распоряжение.

— О, не беспокойтесь, — проговорил я, доставая из кармана свой пропуск. — Вы можете вписать сюда имя. Думаю, что ваш представитель понадобится мне на день или два.

— Но кто бы вам подошел? — задумался Фрейк.

Я отлично понял его. После недели сражений личный состав его отряда сократился чуть ли не в половину, и отдать сейчас хорошего, умного офицера значило сделать брешь в обороне.

— Может быть... — начал было он. Но я перебил его.

— Думаю, что я с вами вполне соглашусь Дэйв Холл вполне бы мне подошел.

На его лице отразилась целая гамма чувств, которую я постарался побыстрее привести в порядок.

— Я заметил это имя в списках личного состава вашего отряда еще в штабе, перед тем, как отправиться сюда. Но, по правде говоря, есть и другая причина... — Я умышленно сделал паузу, чтобы заострить его внимание. — Мы с Холлом находимся в некотором родстве, и я подумал, что одним выстрелом мог бы убить двух зайцев.

Фрейк подозрительно посмотрел на меня.

— Но, впрочем, — заметил я, — если уж он вам так необходим, то...

— Кто? Холл? — изобразив в голосе изумление, переспросил офицер. — Ну, что вы, я вполне могу сделать для вас такую любезность.

Он позвонил по телефону и приказал кому-то, чтобы нашли Холла и передали ему, что его ждут на командном пункте.

— Через несколько минут он будет здесь, сэр, — повернувшись ко мне, «доложил» комендант Фрейк.

ГЛАВА 6

Дэйв никогда не видел меня прежде, но, очевидно, Эйлин говорила ему обо мне. И когда Фрейк представил меня, он сразу все понял.

По пути в штаб я имел довольно много времени, чтобы изучить его. Он не слишком вырос в моих глазах. Невысокий, выглядевший несколько моложе своих лет, он, очевидно, был не слишком умен. Его лицо, манера держаться — все ясно указывало на то, что он относится к тому типу слабых натур, которые знают, что они слишком слабы, чтобы бороться за свои права, и поэтому пытаются делать лучшее, что могут, — ни во что не вмешиваться и зависеть от доброй воли других.

Как я узнал из расспросов, он был обычным программистом, когда Эйлин вышла за него замуж. Он работал, а вечером учился в кассидианском университете по курсу прикладной механики. Ему оставалось учиться еще три года, когда на проверочных экзаменах он оказался ниже семнадцатипроцентного уровня знаний. Это было несчастьем, так как в это время Кассида поддержала Новую Землю и направила свои войска на борьбу с мятежниками Севера. И вот так Дэйву пришлось надеть форму.

Когда мы, наконец, добрались до Касинэйта, города, в котором находился штаб соединения, Дэйв попытался поблагодарить меня.

— Оставь! — прервал я его. — Это не составило мне никакого труда. Помни, что твоя основная задача — сопровождать меня в моих «прогулках» по обе стороны от линии фронта. Об одном только я хочу тебя попросить — не подавай виду, что ты не любишь Френдлиз. Я понимаю, очень нелегко быть безразличным к тем, кто только сегодня утром убивал твоих друзей, но все же постарайся. Я очень прошу тебя!

Побывав в штабе и позвонив в пресс-центр «Ньюс Сервис», мы направились в гостиницу. Оставив Дэйва в своем номере и объяснив ему, что утром вернусь, я отправился в путь для дальнейшего выполнения намеченного плана.

Новая Земля и Фриленд — планеты-близнецы Сириуса. Поэтому перелет с одной планеты на другую занимал не более полутора часов.

И вот через два часа я находился уже у входа в апартаменты Хендрика Галта, Первого Маршала вооруженных сил Фриленда. Я хотел присутствовать на вечере в честь одного человека, который только начал входить в зенит своей славы. Это был дорсаец (так же, как, впрочем, и Галт). Командующий Космическим Патрулем по имени Донал Грим. Сегодня он давал свою первую пресс-конференцию.

Только что он совершил смелое нападение на планетарную оборону Нептуна с малой горсткой кораблей, и это очень подняло его в глазах «заинтересованных» лиц.

И, кроме того, мне было необходимо встретиться здесь, на вечере, с кое-какими влиятельными людьми.

Особенно мне необходимо было встретиться с шефом отделения «Интерстеллар Ньюс Сервис» на Фриленде и согласовать с ним документы Дэйва.

Я нашел его, представительного приятного землянина по имени Най Спелинг, без труда и получил от него заверения в том, что Дэйв будет пользоваться временной опекой Гильдии.

— Подготовьте какие надо документы, я подпишу, — любезно пообещал мне Спелинг и повернулся к человеку в голубых одеждах Экзотики, в котором я с изумлением узнал священника Ладну.

— Преподобный отец! — слова сами выпрыгнули из меня. — Что вы здесь делаете?

— Я бы желал спросить тебя о том же, Там! — несколько не обидевшись столь бесцеремонному вопросу, ответил священник.

Я тут же начал отступление.

— Извините меня, сэр. Я иду туда, где пахнет новостями. Это моя работа.

— С этой же целью и я здесь, — улыбнулся Ладна. — Помнишь, я говорил тебе о модели общества? Сейчас это место и момент времени являются локусом*.

* Локус — геометрическая точка пересечения траекторий.

Я не понял, что это означает, но, начав беседу, я уже не мог остановиться.

— Локус? Что это такое? Надеюсь,— при этом я широко усмехнулся,— никакого отношения ко мне не имеет?

— Не беспокойтесь,— так же лучезарно засмеялся священник.— Это связано с Доналом Гримом.

— Ну и отлично,— сказал я, пытаюсь сообразить, как бы побыстрее кончить разговор и уйти.— Кстати, а как та девушка, которая привела меня к Марку Торру в тот день? Как она себя чувствует? Э... Лиза Кант, кажется?

— Да,— проговорил Ладна, цепко впиваясь в меня глазами.— Она здесь, со мной. Я взял ее к себе личным секретарем. Ты что, поссорился с ней тогда? Она была так заинтересована тогда в твоём спасении.

— Спасении? — вмешался в разговор Спелинг. В его голосе мелькнул неприкрытый интерес.— В спасении от чего?

— От себя,— коротко произнес Ладна.

— Думаю, что будет лучше, если я увижу ее и сам все выясню,— проговорил я, поворачиваясь.

Встреча с этой странной девушкой совершенно не входила в мои планы. Правда, вот уже пять лет время от времени меня охватывало беспокойство, желание вернуться назад в Анклав и увидеть Лизу. Это желание будоражило меня, как страх. Глубоко во мне было чувство — я сознавал это,— что к этой девушке я смогу применить свою власть над людьми.

Двигаясь в толпе людей, приглашенных на этот вечер, я совершенно не заметил, как поднялся по лестнице и оказался на небольшом балконе с несколькими креслами вокруг небольшого круглого стола. Я хотел еще увидеть Элдера Брайта — Главу Объединенного Совета Церквей. Брайт был воинствующим монахом — одним из тех, кто свято верил, что только сила войны может привести в лоно истинной церкви всех еретиков.

Его подпись на паспорте Дэйва была бы лучшей защитой, чем пять батальонов вооруженных до зубов касидиан.

Перегнувшись через перила балкона, я начал рассматривать толпу гостей в надежде увидеть отца Брайта. Через мгновение я увидел его фигуру. Он стоял ко мне спиной, разговаривая с каким-то седым человеком, по виду похожим на веперианина. Мне очень часто приходилось видеть Элдера Брайта в выпусках новостей, но то, что я увидел во плоти, потрясло меня. Он довольно стран-

но выглядел для священника. Гораздо выше меня, с плечами, подобными амбарным дверям, одетый во все черное, он стоял, немного расставив ноги, словно тренированный боец, равномерно распределяющий свой вес на обе ноги. В этом человеке чувствовалась такая сила, что я начал жалеть, что хочу встретиться с ним. Не было сомнений, что обманывать этого человека, как Фрейка, путаницей слов не удастся.

Но отступать было некуда. У меня должна была быть гарантия безопасности Холма.

Я собрался было уже идти, как случай остановил меня. Если только это был случай.

Повернувшись, я внезапно оказался шагах в десяти от небольшой группки людей, что-то горячо обсуждавших между собой. Среди них был принц Уильям, глава правительства огромной торговой планеты Сета, вращающейся вокруг звезды Тау Кита. Рядом с ним стояла высокая красивая блондинка — Анеа Марлевана, избранная из Культиса, главная драгоценность нынешнего поколения, воспитанного Экзотикой. Кроме них в этой группе был Хендрик Галт, очень внушительно выглядевший в своем маршальском мундире, и его жена Элами. Последним человеком в этой компании мог быть только Донал Грим.

Это был юноша в мундире начальника субпатруля — темнолицый дорсаец со странной стремительностью движений, которая обычно характеризует людей, рожденных для войн. Он поймал мой взгляд, брошенный в их сторону, и внимательно посмотрел на меня.

На секунду наши глаза встретились. Мы были достаточно близко, так близко, что я вполне смог разглядеть цвет его глаз. И это остановило меня.

Эти глаза были то серыми, то зелеными, то голубыми, в зависимости от того, откуда вы смотрите на них. Только мгновение мы смотрели в глаза друг другу. Грим тут же отвернулся, продолжая что-то доказывать Галту, но я еще долго удерживал в своей памяти эти страшные глаза.

Когда я очнулся от транса и взглянул назад, где видел отца Брайта, то увидел, что седого человека уже с ним нет, а он говорит с кем-то, чья фигура была мне до странности знакома.

Что-то обсуждая, они продвигались к выходу. Поняв, что я рискую совсем потерять его, я повернулся и...

Но мой путь был перекрыт!

Мгновение встречи с Доналом Гримом все изменило. Когда я обернулся, чтобы пробежать по ступенькам, то увидел, что меня поджидает Лиза Кант!

ГЛАВА 7

— Там! — крикнула она. — Подожди! Не уходи!

Я остановился, по инерции продолжая оглядываться в сторону Брайта. Мне уже все стало ясно. Мне не догнать его. Он только что вышел из зала и сейчас, вероятно, вполне мог направиться к транспортной стоянке. Если бы не эта задержка с Гримом, я успел бы поймать преподобного отца. Не появление Лизы, а моя собственная нерасторопность была всему виной.

Я посмотрел на девушку. Она действительно поймала меня, и мы встретились лицом к лицу.

— Как ты узнала, что я здесь? — потребовал я.

— Ладна сказала, что ты избегаешь меня. Вот я и подумала, что только здесь, на таких укромных балконах, ты мог бы спрятаться от меня. А если честно, то я увидела, как ты кого-то сверху разглядываешь в толпе гостей, — засмеялась Лиза.

Она немного задыхалась, поднимаясь по лестнице, и поэтому смеялась с придыханием.

— Верно, — кивнул я головой. — Но что тебе нужно от меня?

Она была красива, этого я не мог отрицать и поэтому старался говорить как можно резче.

— Там! Марк Торр хочет поговорить с тобой!

В ее словах, ее взгляде чувствовалась какая-то убежденность, какое-то страстное, завуалированное желание. Будто бы кто-то «поработал» с ней и заставил встретиться со мной. Здесь была опасность! Я должен был как можно быстрее покинуть ее. Но она преграждала мне путь.

— Что еще ты хочешь?

— Марк...

И тут я увидел путь, при помощи которого можно было бы отвести ее атаку. Я засмеялся.

Она недоуменно посмотрела на меня.

— Извини, — сказал я, перестав смеяться. — Что еще может Торр мне сказать, кроме того старого дела? Разве ты не помнишь, что сказал тогда Ладна? Я ориентирован на... РАЗРУШЕНИЕ!

— Ты нисколько не изменился, Там! — ласково и печально сказала она.

— Нет! Изменился! — зло выкрикнул я. — Почему вы все время за мной охотитесь? Как ты узнала, что я буду здесь, а? Отвечай! Я требую!

— Мне сказал Ладна...

— Нет, вы заранее знали, что я буду на этом вечере, — перебил я ее.

— Ладна знал, что ты будешь здесь! Он говорил, что это будет твой последний шаг... Он вычислил его! Ты помнишь, что он говорил об онтогенетике?

Я на секунду посмотрел на нее и засмеялся.

— Эти с Экзотики — самые обыкновенные люди, такие же, как и ты! И меня не обмануть разговорами, что они могут вычислить будущее любого человека, живущего на каждом из четырнадцати обитаемых миров!

— Не любого! — гневно воскликнула она. — А только тебя и нескольких подобных тебе. Ты — создатель, ты сам можешь управлять людьми в рамках модели, и поэтому тебя можно относительно легко вычислить. Управляя людьми, ты можешь легко воздействовать на события в будущем и легко их предсказывать.

— И что же?

— О, Там, — в отчаянии простонала Лиза. — Разве то, чего ты достиг за эти пять лет в «Гильдии» не подтверждает моих слов? Разве это не очевидно?

— Конечно, ты, может быть, и права, я никогда не делал секретов из своих желаний. Я понимаю, еще можно как-то объяснить мое появление на Новой Земле. Война между Севером и Югом, новости с линии фронта, мне, как корреспонденту, представляется возможность утвердить себя в «Гильдии» оперативным описанием военных действий. Но как же можно вычислить, что я буду на этом вечере, на Фриленде?

На мгновение Лиза заколебалась.

— Ладна... говорил, что это место — локус, и ты просто обязан был здесь присутствовать.

— Но это же локус Донала Грима! Неужели Ладна скрыл от меня, что это и мой локус? Но почему и зачем?

— Я не знаю, Там. Не думаю, что он хотел чего-то плохого.

— И вы явились сюда только ради меня? Зачем? — Я наступал на нее, как лис на дрожащего кролика.

— Ладна, — выдавила она, — Ладна провел новые вычисления на Экзотике. И результаты показали, что Про-

ект никогда не сможет быть завершен, если только не принять срочных мер.

— Что еще за меры?

— Не знаю. Это тайна Ладны, а он...

— Хорошо! Что еще?

— Думаю, что Ладна получил данные, что твоя власть, как разрушительная, постоянно растет. Пять лет назад он еще не мог учесть всех взаимосвязей. Он мне говорил, что еще можно все повернуть вспять, если ты все бросишь и возвратишься в Энциклопедию. Но надо прямо сейчас!

— Прямо сейчас? Ну, вы и даете! Нет, это невозможно. И, кроме того, я вовсе не чувствую в себе все возрастающую власть разрушителя.

— Но это так, Там! Ты это не можешь почувствовать, но это в тебе, как ружье, постоянно готовое выстрелить. Только ты не должен дать ему стрелять! Ты можешь изменить себя, пока еще есть время. Ты можешь спасти себя и Энциклопедию.

Последнее слово отозвалось во мне миллионным эхом. Голоса, слышанные мною пять лет назад в Индекс-комнате. Подобно сверкающему факелу, они осветили тьму, лежащую между высокими, теряющимися во мраке, стенами, окружающими долину. И на мгновение я увидел себя, стоящего под дождем, Ладну, стоящего лицом ко мне, и мертвеца, лежащего между нами.

Но огромным усилием воли я заставил погаснуть этот факел и вновь окунулся в спасительную темноту. Чувство моей власти и силы снова вернулось ко мне.

— Я не пужаюсь в вашей Энциклопедии!

— Но ты должен помочь, Там,— заплакала девушка.— Ведь Энциклопедия — это надежда всего человечества. И только ты можешь сделать, чтобы эта надежда не угасла. Там, ты ДОЛЖЕН!

— Должен?! Я никому НИЧЕГО не должен,— со злостью сказал я.— Не смей смешивать меня в одну кучу с этими темными земными червями. Может быть, им и нужна ваша Энциклопедия, но только не мне!

Я прошел мимо нее, с силой отстранив ее в сторону. Она звала меня, что-то кричала, но я закрыл свой мозг для ее слов и быстро спустился по лестнице в зал.

Как и следовало ожидать, Брайта там уже не было. Швейцар сказал, что он уехал. Я больше не пытался отыскать его. Он вполне мог быть уже на Гармонии.

Оставалось только одно. Добраться до Новой Земли

и попытаться заполучить подпись на документе Дэйва от командования соединениями френдлизцев на Северной территории.

К середине ночи я был уже в районе Главного Штаба Северных Сил Новой Земли. Мой паспорт ньюсмена легко позволил мне проникнуть через боевое охранение, и угрюмый человек с оружием на изготовку провел меня в приемную комнату штаба.

В маленькой комнате находился лейтенант ВС Френдлиза, который сидел за столом и что-то писал.

Когда я вошел в комнату, он оторвал глаза от бумаги и вопросительно посмотрел на меня.

— Я ньюсмен из «Интерстеллар Ньюс Сервис»... — начал было я.

— Документы!

Меня оборвали грубо и нетерпеливо. Черные глаза на костистом лице в упор смотрели на меня. Хриплый голос неприязненно отозвался в моей голове. Он разглядывал документы словно лев, намеревающийся обрушиться на жертву.

Я никогда прежде не сталкивался с френдлизцами лицом к лицу. А этот лейтенант, очевидно, принадлежал к той породе людей с Гармонии или Ассоциации, которые проповедывали отказ от всего лишнего.

Это был один из тех аскетов, которые упорно избегали любых радостей в жизни. Его жизнь была очерчена его обязанностями по службе и службой Господу. Он считал жителей других планет еретиками, а подобных себе — избранниками Божьими.

Я тщательно присмотрелся к нему, ища хоть какое-нибудь слабое место. Кто мог бы узнать это лучше, чем я? Не может быть, чтобы человек, который вознес себя так высоко, не имел бы никаких слабостей! Его самонадеянность о себе вызвало у меня смех, но я не мог заставить свои губы разжаться хоть в малейшей усмешке.

— Твои документы в порядке, — отодвигая на столе документы в мою сторону, изрек он.

— Что это? — спросил он тут же, увидев, что я протягиваю ему паспорт Дэйва.

— Документы моего помощника. Видите ли, мы будем передвигаться вдоль линии фронта и...

— За нашей линией нет необходимости в паспортах, достаточно документов «Гильдии», — бросил он.

— Но у моего помощника, — я постарался сохранить свой голос на прежнем уровне, — нет документов ньюсме-

на. Я взял его себе только вчера днем и не имел времени позаботиться о соответствующих документах. Мне необходим временный пропуск, выданный одним из ваших штабных офицеров.

— Так твой помощник не нюсмен?

— Официально нет. Но...

— Тогда ему не будет позволено пересекать наши боевые порядки. Пропуск не может быть выдан!

— Не знаю даже, что и делать,— сказал я, испытывая разочарование.— Дело в том, что я собирался попросить Элдера Брайта об этом. У нас с ним была назначена встреча на Фриленде, но его куда-то позвали, прежде чем я успел перемолвиться с ним парой слов.

Сказав это, я замолчал и стал внимательно следить за реакцией офицера.

— Брат Брайт,— сказал тот после недолгого молчания,— не мог подписать пропуск какому-то неизвестному и тем самым позволить возможному шпиону проникнуть в наше распоряжение на радость нашим противникам.

Теперь мне необходимо было сыграть просто уж отменно.

— Если вы не возражаете,— произнес я,— я хотел бы обсудить этот вопрос с кем-нибудь из высших офицеров.

— Я не могу беспокоить командиров ради такого пустякового дела,— сказал офицер, подавая мне назад паспорт Дэйва.— Можете быть уверены, что они скажут вам то же самое.

Мой план потерпел полный провал. Я ничем не мог пронять этого фаната, а потому повернулся и вышел.

ГЛАВА 8

Когда дверь за мной закрылась, я взобрался на вершину близлежащего холма и, усевшись на пенек, постарался обдумать свои дальнейшие действия. Что же предпринять? Мною было потрачено слишком много времени, чтобы так легко сдаться. Должен же быть какой-то выход.

И внезапно я понял, что делать. Это было так очевидно, что я даже не обратил на это внимания.

Во-первых, незнакомец, который разговаривал с Брайтом на вечере. Еще тогда фигура его показалась мне подозрительно знакомой.

Во-вторых, неожиданный отъезд Элдера Брайта после разговора с этим человеком.

И, наконец, малочисленность окружавших штаб людей и отказ дежурного вызвать ко мне какого-нибудь высшего офицера.

Или сам Брайт, или присутствие его ближайших помощников подстегивало фрейндлизцев к активности в районе боевых действий. Внезапный удар крупных сил Френдлиза на ничего не подозревающих кассидиан приведет к полному разгрому и деморализации противника и, в конечном итоге, к быстрой и окончательной победе в этой войне. А это будет лучшим козырем для Брайта, который попытается тут же всучить своих наемников правительству других миров.

Таким образом, намечается крупная боевая операция, назначением которой будет добиться превосходства в этой войне.

Я быстро прошел к своей летающей платформе и набрал номер телефона. На экране появилось хорошенькое личико юной блондинки-секретаря отделения «Ньюс-Сервис» на Новой Земле.

Я дал ей номер своего видео и сказал:

— С вами говорит ньюсмен Там Олин, индекс 124136. Мне необходимо срочно переговорить с Джаймтоном Блеком. Он офицер ВС Френдлиза, здесь, на этой планете. Его звание? Может быть, форс-лидер.

— Хорошо, сэр. Подождите минутку. Я сейчас посмотрю.

Я сел в кресло платформы и стал ждать. Менее чем через сорок секунд раздался телефонный звонок.

— Я выполнила вашу просьбу, — сказала девушка. — Вас должны сейчас соединить. Подождите.

Через мгновение на экране возникло столь знакомое мне лицо.

— Здравствуйте, форс-лидер Блек, — изобразив радость встречи, проговорил я, отметив про себя, что начало хорошее — ведь звание я все-таки отгадал. — Вы, конечно, помните меня? Я — Там Олин. Вы прежде знали мою сестру Эйлин.

Его глаза уже сказали мне, что я узнан. Думаю, что все эти пять лет он не забывал меня. Сам он изменился — постарел, но не настолько, чтобы стать неузнаваемым. Напивки его мундира еще не успели потускнеть, значит, звание «форс-лидер» он получил совсем недавно.

— Чем могу быть вам полезен, мистер Олин, — сухо

спросил он. Голос его по-прежнему был холоден и глубок.— Оператор сказала, что я вам необходим.

— В некотором роде, да,— сказал я твердо.— Мне не хотелось бы отрывать вас от работы, по сейчас я нахожусь возле вашего штаба, у стоянки платформ, и мне действительно необходимо с вами срочно переговорить. Конечно, если ваши обязанности...

— Мои обязанности в данный момент могут немного подождать,— сказал он, растягивая последнее слово.— Так вы у стоянки?

— В платформе УП-23, зеленой, с закрытым верхом.

— Я спущусь к вам, мистер Олин.

Экран погас.

Удача не изменила мне. Блек служил в штабе!

Через несколько минут отнюдь не спокойного ожидания в платформе из дверей штаба вышел человек. Я открыл дверь и, когда Блек подошел поближе, передвинулся на другое сиденье.

— Мистер Олин? — спросил подошедший офицер, взглядываясь в темноту кабины.

— Да, садитесь.

— Благодарю.

Он сел на сиденье, оставив дверь открытой.

— Зачем я вам нужен?

— Мне нужен пропуск для помощника...— Я описал ему положение вещей, упустив только одно: что Дэйв — муж Эйлин.

Когда я закончил, он долго сидел молча, словно прислушиваясь к звукам теплой почвы Новой Земли.

— Если ваш помощник не ньюсмен, мистер Олин,— наконец проговорил он,— то я ничем не могу вам помочь.

— Он ньюсмен. По крайней мере, в этой компании у него есть такие документы, я уже договорился на Фриленде. Но пока они еще не подготовлены. Но вы понимаете, что у нас нет времени. Я отвечаю за него, и «Гильдия» охраняет его сейчас так же, как и меня. Ньюсмены нейтральны!

Блек покачал головой.

— Если он окажется... шпионом, то вы просто можете сказать, что он обманул вас.

Я отвернулся.

— Нет, не скажу. Он не шпион. Я могу сказать вам, что это муж Эйлин. Взяв его в помощники, я хочу убе-

речь его от передовой. Мне надо спасти его жизнь для Эйлин, и поэтому я прошу вас помочь мне в этом деле.

Джаймтон Блек окаменел. Мне даже показалось, что он перестал дышать. В темноте я не смог увидеть выражения его лица, но был почему-то совершенно уверен, что оно и сейчас ничего не выражало. Спартанское воспитание должно было сказаться и в этом случае. Но если он любил Эйлин, пусть это было и давно, пути назад у него не было. Не такой он низкий человек, чтобы его любовь перешла в ненависть, если девушка отказалась выйти за него.

Блек все еще сидел молча в кресле.

— Давайте документы, — наконец выдал из себя. — Я посмотрю, что можно будет для него сделать.

И, взяв паспорт Дэйва, он поспешно выбрался из платформы.

Но уже через пару минут я увидел, что он возвращается.

— Вы не сказали мне, — произнес он тихим голосом, — что вам уже было отказано в выдаче пропуска!

— Кем? Тем лейтенантом? — удивился я. — Но ведь он только младший офицер! Что он может решать?

— Это сейчас не имеет значения, — холодно проговорил форс-лидер. — Отказ уже дан. И я не могу изменить уже принятого решения. Мне очень жаль, поверьте мне, но получить пропуск для вашего шурина невозможно.

Я уже это понял, и бешеная ярость закипела во мне.

— Так вот чего вы хотите! — чуть ли не закричав, проговорил я. — Вы жаждете смерти мужа Эйлин! И не думайте, что я не вижу этого, Блек!

Его лицо было в темноте, но ответил он тем же ровным тоном.

— Вы смотрите на это, как ЧЕЛОВЕК, а не как Слуга Божий, мистер Олип. Мне больше нечего сказать вам. Я должен вернуться к своим обязанностям. Доброго утра.

Он закрыл за собой дверцу платформы и скрылся в темноте. Я сидел, уставясь немигающим взглядом в его невидимую спину.

Я потерпел полное поражение!

Ярость вновь охватила меня. Тут же, сидя в своей служебной платформе, я дал клятву: «Дэйву не понадобится пропуск! Я не отпущу его от себя, и он не будет участвовать в сражении. Мое присутствие даст ему необходимую защиту и безопасность!».

ГЛАВА 9

Было уже 6.30 утра, когда я, наконец, попал в гостиницу. Чувствовал я себя преотвратно: сказались бессонная ночь и чувство, что в следующие 24 часа меня ожидает то же самое. Кроме того, у меня было постоянно ощущение, что в ближайшие дни произойдет что-то необычное.

Проходя мимо дежурного, я увидел в ящике с ключами от моего номера что-то белое. Я подошел и вытащил конверт. Это было письмо от Эйлин. Разорвав конверт и вытащив письмо, я начал его читать.

«Дорогой Там!

Твое письмо о планах вытащить Дэйва с передовой и взять себе в помощники я получила. Не могу даже выразить словами, как я счастлива. Никогда бы не подумала, что ты удосужишься что-то сделать для нас. Очень прошу тебя простить меня за столь долгое молчание. Я, наверное, очень плохая сестра. Но это лишь потому, что я знала, насколько я бесполезна и беспомощна. Еще тогда, когда я была девочкой, уже тогда я знала, что ты стыдишься меня и поэтому избегаешь. Когда ты сказал мне, в тот день, в библиотеке, что я не могу выйти замуж за Джимми Блека... я знаю, что это была истинная правда... но я возненавидела тебя за это. Мне показалось, что вы с дядей были очень горды тем, что сумели убедить меня отказаться от Джимми. Но я была не права, и ты не можешь себе представить, как мне сейчас стыдно. Ты был единственным, кого я любила после смерти мамы и папы, но мне всегда казалось, что ты любишь меня не больше, чем дядя Матиас. Я так рада, что все изменилось с тех пор, как я встретила Дэйва и вышла за него замуж. Ты обязательно должен приехать к нам, в Альбам, на Кассиду, и увидеть наш дом. Мы были бы очень счастливы встретить тебя. Это ведь мой, по-настоящему МОЙ, дом, и думаю, ты будешь удивлен тем, каким мы его сделали. Дэйв тебе расскажет, если ты его попросишь. Не правда ли, он великолепен и очень подходит мне! Он такой же, как я! Еще раз благодарю тебя, Там, за то, что ты делаешь для Дэйва. Вся моя любовь отдана вам обоим. Скажи Дэйву, что я ему тоже написала. Но как всегда, армейская почта работает не так быстро, как хочется.

Со всей любовью, твоя Эйлин.

Р. С. Извини за некоторую грубость при нашей встрече на похоронах Матиаса.»

Я сложил письмо, сунул его в конверт и поднялся к себе в комнату. Все ее благодарности были не заслужены мною. Все, что я делал, было из чисто профессиональных соображений. Она считала, что я стыжусь ее. Какой абсурд! Но, может быть, в доме Матиаса и не могло быть по другому...

Дэйв был уже одет и ждал меня, сидя в кресле.

— Я получил письмо от Эйлин, — сказал я, махнув рукой, чтобы он сидел. — Она написала и тебе, но твое письмо еще в пути.

Он кивнул, и мы пошли завтракать. Пицца помогла мне окончательно прогнать сон. Позавтракав, мы отправились в штаб. Дэйв взялся нести мой магнитофон, он не был тяжел, но такая помощь позволила мне лучше сконцентрироваться на предстоящем репортаже.

В транспортном отделе Штаба кассидиан нам дали платформу на воздушной подушке, и только я собирался было попросить повесить на ее борта опознавательные знаки Гильдии, как в комнату вошел высокий стройный человек в форме полевого командира. Я тут же хотел взять у него интервью, но остановился. Это был не простой офицер. Это был темнолицый дорсаец! И форма на нем была голубоватого оттенка и являлась идентичной форме ВС Экзотики. Экзотика, богатая и могущественная, не скупившаяся на расходы и нанимавшая лучшие войска среди звезд. В ее рядах было больше всего дорсайцев. По крайней мере, все офицеры ВС Экзотики были дорсайцами. Но что тут мог делать этот дорсайский командир, тут, в штабе кассидиан? Похоже, это еще раз подтверждало мое предположение о грядущих событиях. Значит, кассидиане догадываются о предстоящем наступлении Френдлиза?

— Стой здесь, — посоветовал я Дэйву, а сам медленно направился к дорсайцу. Но в это время открылась дверь, и какой-то сержант-кассидианин выглянул из нее и крикнул, обращаясь к командиру:

— Вас ждут, сэр. Машина здесь.

Офицер кивнул и стремительно вышел. Я бросился из комнаты вдогонку, но смог только увидеть, как дорсаец сел в боевую амфибию, а несколько высших офицеров-кассидиан и новоземельцев разместились в другой машине. Вопросы было задавать некому, так как эта в высшей

степени странная группа тот час же тронулась в путь.

Подождав, пока один из солдат подгонит нашу платформу, я вскоре был в курсе всего происходящего. Полевой командир, как я узнал, был дан взаймы Южным Силам Новой Земли вчера вечером по приказу преподобного отца с Экзотики по имени то ли Катма, то ли Ладна. Кроме того, этот офицер является родственником того самого Донала Грима, на чьем вечере я вчера присутствовал.

— Его имя Кейси Грим,— сказал солдат, немного подумав.

— У него, кажется, есть брат-близнец? Неужели он тоже здесь? — спросил я, наблюдая, как Дэйв усаживается на заднее сиденье платформы.

— Не знаю, сэр,— пожал плечами солдат.— Не думаю, что другой остался на Культисе. Я слышал, что они почти неразлучны, и даже в одном и том же звании.

— А как зовут другого? — поинтересовался я.

— Не помню, сэр... Какое-то короткое имя... кажется, Ян.

— Спасибо,— сказал я и, усевшись на место пилота, поднял машину вверх.

Мы находились в сотне футов за окнами кассидиан. И хотя мы летели над нейтральной полосой, это меня не беспокоило. На нашей машине довольно явственно были различимы цвета «Ньюс Сервис». А кроме того, я вывесил флаг и включил прибор, подающий радиосигнал на несущей частоте. Все было спокойно, и я начал внимательно осматривать боевые позиции враждующих сторон.

Главный вопрос, который меня сейчас волновал,— это, что собираются предпринять френдлизцы?

К северу от меня равнина нейтральной полосы переходила в холмистую, поросшую огромными 40—60-футовыми деревьями, местность. Непрерывной позиции войск Юга и Севера там, соответственно, не могло быть. Вполне возможно, в тени этих деревьев могли скрываться ударные силы Френдлиза. И, может быть, сейчас они уже готовятся к предстоящей операции!

Я опустил свой аэрокар на вершину какого-то холма, расположенного среди лесного массива. И тут я увидел то, что с воздуха увидеть было трудно. Я находился возле боевого поста южан. Маскировка оружейных позиций произведена настолько тщательно, что только сейчас, па-

ходясь всего в нескольких шагах от нее, я заметил торчащие вверх стволы акустических пушек.

— Есть ли данные о продвижении войск Френдлиза? — спросил я у подбегавшего к нам старшего сержанта, уроженца Новой Земли.

— Все спокойно, сэр. Мы ничего не заметили. — Это был стройный молодой человек, его форменная куртка была застегнута всего на две пуговицы. Было жарко. — Патрули расставлены!

— Хм-м. Вы не возражаете, если я прогуляюсь немного в этом направлении, — неопределенно взмахнув рукой, проговорил я и, взлетев на несколько дюймов от поверхности земли, влетел в лес. Пролетев футов двести, мы были задержаны патрулем кассидиан. Его члены расположились на деревьях, и мы заметили их только тогда, когда были остановлены. Лейтенант с каской в руке перегнулся в кабину и крикнул:

— Какого черта вы здесь делаете?

— Я ньюсмен! Вы что, не видите наши опознавательные знаки? У меня есть разрешение находиться здесь и пересекать боевые порядки воюющих сторон. Предъявить?

— Знаете, что можете сделать со своим разрешением? Учтите, что это не пикник на лоне природы! Френдлиз что-то замышляет!

— Что вы говорите? Неужели? — невинно спросил я. — А откуда вы это взяли?

— Мы получили данные разведки. У нас рация, и штаб проинформировал нас об усилении наблюдения. Вы знаете, что передовые посты неприятеля покинуты. А кроме того, если воткнуть в грунт щуп, то можно через несколько секунд услышать гул танков, находящихся на расстоянии не более 15—20 километров. Это вас не убеждает?

— А это не ваши танки?

— Нет, сэр. Не наши. Если вы хотите немного прогуляться в том направлении, — офицер кивнул в сторону Френдлиза, — то пожалуйста. Но хочу предупредить вас, что, если начнется «заварушка», ваши шансы выжить будут равны нулю!

— Спасибо за заботу, лейтенант. Мы постараемся быть очень осторожными.

Мы медленно двигались через лес и маленькие поляны часа полтора. Внезапно раздался резкий звук, несущийся

пийся от приборной панели, что-то взорвалось перед моими глазами, и я потерял сознание.

Очнулся я, лежа на траве возле упавшей платформы. Дэйв склонился надо мной, но, когда я открыл глаза, он с облегчением выпрямился.

— Что это? — пробормотал я, но Дэйв не обратил на мой вопрос никакого внимания. Открыв фляжку, он жадными глотками пил воду.

Через мгновение я уже был на ногах и постарался сориентироваться.

Мы, очевидно, наскочили на вибрационную мину. Конечно, платформа, как и всякая боевая машина, обладала чувствительными датчиками для обнаружения этой пакости, но эта мина взорвалась еще тогда, когда мы были в дюжине футов от нее.

Но кар все же был выведен из строя. К моему удивлению, я разбил головой панель управления, ухитрившись не свихнуть при этом себе шею.

— Что же нам делать, — загрустил Дэйв.

— Пойдем к позиции Френдлиза пешком. Они уже недалеко, — сказал я бодро... — Не забывай, что мы находимся здесь для того, чтобы добывать **НОВОСТИ!**

Я повернулся и заковылял прочь от кара. Вероятно, вокруг было много вибрационных мин, но, продвигаясь пешком, мы могли не бояться их. Через мгновение Дэйв присоединился ко мне, и мы в мертвом молчании поплы по мшистому ковру между необычными стволами деревьев вперед, к позиции Френдлиза. Когда я оглянулся через несколько минут, аэроплатформа была уже не видна.

И только сейчас я вспомнил, что забыл сверить свой ручной указатель направления с индикатором аэрокара. Мой компас определил позиции Френдлиза впереди, и если он сохранял корреляцию с индикатором в разбитом каре, то все будет хорошо! Но если нет... Тогда среди этих неприветливых деревьев можно было брести с одинаковым успехом в любую сторону. Я еще раз посмотрел на свой компас и со вздохом двинулся в правильном (?) направлении.

ГЛАВА 10

В полдень, обессиленные, мы присели на поляне перекусить. На всем протяжении нашего пути мы никого не видели, и поэтому, едва отдышавшись, Дэйв пошутил:

— Может быть, эти вояки убрались домой? Я имею в виду Френдлиз.

Но мне было не до шуток.

— Прекрати болтать,— прервал я его.— Сейчас меня одно только заботит — почему до сих пор мы не встретили ни одного мятежника?

— Т-с-с,— прошептал вдруг Дэйв и протянул руку. Я обернулся в том направлении, в котором протянулась его рука, и прислушался. Приглушенное дребезжание, гул, еще что-то, что было трудно разобрать, доносились из-за кромки леса.

— Боже! Они таки начали свое наступление,— вскричал я, вскакивая на ноги. Остаток сэндвича вылетел у меня из руки.

— Нам необходимо обязательно посмотреть, что там происходит. Это не более, чем в двухстах метрах от нас...

Фразу я не успел закончить. Внезапно громовой раскат ударил в меня, и я провалился в темноту.

Когда я пришел в себя и с трудом встал на негнущиеся ноги, то увидел Дэйва, лежащего в пяти метрах от меня на земле. И метрах в десяти от нас дымилась воронка с наваленными на нее стволами деревьев.

— Дэйв,— позвал я. Он не отозвался. Я, шатаясь, подошел к нему. Он дышал, и глаза его были открыты. Его лицо было залито кровью, которая хлестала из разбитого носа.

— Дэйв! Артналет! Необходимо встать и как можно быстрее уносить отсюда ноги. Ты слышишь меня, Дэйв?

Медленно поднявшись, он оперся на меня, и мы двинулись с максимально возможной для нашего состояния скоростью в сторону предполагаемого расположения касидиан.

На всем протяжении нашего «бегства» мы непрерывно слышали глухие раскаты от взрывов акустических снарядов продолжающегося огневого налета.

Через некоторое время в лесу наступила гнетущая тишина. Мы остановились, и я сказал Дэйву:

— Нам необходимо переждать здесь. Артналет перенесен в глубь территории противника, и сейчас начнется наступление. Пойдут войска при поддержке танков. С пехотой мы еще могли бы договориться, но с артиллерией и с танками — пустое дело. Поэтому я предлагаю немного отдохнуть, а потом продвинуться вдоль этого склона.

Возможно, там мы наткнемся на кассидиан или на первую волну наступающих френдлизцев.

Тут я увидел, что Дэйв с каким-то непонятным выражением лица смотрит на меня. Через мгновение, к моему стыду, я понял, что это восхищение.

— Ты спас меня! — воскликнул он.

— Не говори ерунды. Ты просто был контужен, вот и все.

— Но ты принял верное решение и не подумал только о себе. Ты подождал, пока я очнусь, и помог мне выбраться из этого ада.

Я покачал головой. Что ж, пусть считает, что это правда. Он наверняка думает, что я отношусь к тем полубезумным героям, которые в любых условиях выполняют свои обязанности, и это его умилило. Ну и черт с ним. Переубеждать его я не был намерен.

— Я хочу сказать, — начал было он опять, но я перебил его:

— Приди в себя, Дэйв. Хватит трепаться, нам необходимо идти.

Мы двинулись в путь, стремясь обходить многочисленные лесные полянки, залитые ослепительными лучами солнца. Только сейчас у меня возникло чувство, что мы найдем передовые подразделения кассидиан гораздо раньше, чем подойдет первая волна наступающих френдлизцев. И это спасло бы нас. Находиться в гуще боя, среди наступающего противника, даже для члена «Гильдии» — положение, хуже не придумаешь. Правда, моя одежда ньюсмена, несмотря на изменившийся цвет, ясно отличала меня от военных, но Дэйв, одетый в серую полевую форму кассидиан, хотя и без знаков различия, мог послужить отличной мишенью для разъяренных мятежников.

Счастье не изменило нам. Внезапно, с вершины одного из деревьев что-то сорвалось, пронеслось в воздухе и взорвалось ярко-желтым пламенем в дюжине футов от нас. Я инстинктивно толкнул Дэйва на землю и, падая, прокричал:

— Не стреляйте! Здесь ньюсмен!

— Вижу, вижу, что ты чертов ньюсмен, — прозвучал сзади меня ехидный голос. — Шагом марш ко мне, и не болтать!

Поднявшись с травы и пройдя в направлении голоса несколько футов, мы оказались лицом к лицу с офицером

кассидиан, тем самым офицером, с которым я имел счастье разговаривать днем.

— О, опять вы? — удивился я.

Но офицер не обрадовался нашей встрече. Низким хрипловатым голосом он начал говорить все, что думает о таких, как я. Свою речь он закончил риторическим вопросом о том, что не знает, что с нами делать.

— Ничего не надо делать. Это наша работа — рисковать собой ради сносшибательного репортажа. И если мы лезем в самую гущу боя, то это касается только нас. Скажите, куда нам надо идти, чтобы не путаться у вас под ногами.

— Черт побери! — рассмеялся лейтенант. — Ладно, идите вот в этом направлении и побыстрее.

— Хорошо! Но, перед тем как уйдем, ответьте нам, лейтенант, на один вопрос. Чем вы сейчас занимаетесь?

Офицер посмотрел на меня долгим внимательным взглядом, а затем, чеканя каждую букву, сказал:

— Закрепляемся!

— Вы, патруль, собираетесь удерживать эту позицию? Ведь у вас даже нет дюжины человек. Если Френдлиз начнет наступление, вас сметут в одно мгновение.

Я немного подождал, но он ничего не сказал в ответ.

— Вы что, сумасшедшие? — начал я опять, но тут лейтенанта прорвало.

— Вот что, мы не дураки, как кажется некоторым! Но мы попробуем. Мы не собираемся удирать перед черными сутанами.

Тут он обернулся, подозвал какого-то солдата и что-то ему передал.

— Отнесите это в штаб, — услышал я. — И скажите, что с нами пара ньюсменов.

В это время начался артналет, и мы с Дэйвом вслед за кассидианином бросились в укрытие.

Из наших окопов мы могли прекрасно видеть поросшую лесом низину в направлении предполагаемых позиций френдлизцев. Деревья необыкновенно желтого цвета покрывали соседний холм и тянулись за него. Затем следовали небольшие полянки и опять заросли, за которыми наверняка находились акустические орудия Божьих Сынов.

Это было мое первое хорошо просматриваемое поле генерального сражения. Я тщательно рассматривал его в бинокль, пока, наконец, не заметил едва уловимые при-

знаки движения. На сцене, разворачивающейся передо мной, появлялись передовые отряды мятежников.

Вскоре между обеими сторонами завязалась ожесточенная перестрелка, которая, правда, вскоре кончилась так же внезапно, как и началась.

ГЛАВА 11

В этом не было ничего странного. Войдя в соприкосновение с противником, передовое охранение френдлизцев несколько отошло назад, чтобы дожидаться подхода главных сил. Их делом было прощупать позиции кассидиан, не входя при этом в активное сопротивление.

Это была очень старая тактика, применявшаяся еще со времен Юлия Цезаря — могучего полководца древнейших времен.

Передышка позволила мне немного оценить ситуацию. Эта война представляла собой партию двух шахматистов. С одной стороны, несомненно, был Элдер Брайт со своей компанией, который добивался только одной цели — вывести своих легионеров на межзвездный рынок наемников. Брайт, как шахматист, делал ставку на победу одним стремительным ударом.

Но этот удар мог удасться, если не был вычислен его противником. А этим противником мог быть только Ладна с его соотечественниками.

Если Ладна мог определить, что я буду на приеме Донала Грима, то таким же образом он мог вычислить, что Брайт хочет нанести сокрушительный удар по кассидианам. И эти расчеты, наверняка, заставили его послать сюда лучшего тактика вооруженных сил Экзотики — Кейси Грима — для того, чтобы разрушить планы Брайта. Но меня в этом столкновении интересовало еще и другое — почему Ладна противостоит Брайту? Ведь Экзотика не должна была вмешиваться в эту гражданскую войну на Новой Земле, хотя это и была достаточно важная планета среди четырнадцати человеческих поселений под звездами.

И ответ мог лежать только в контрактных отношениях, которые контролировали обмен специалистами.

Вероятно, Экзотика, будучи «свободным» миром, автоматически противостояла «жестким» мирам Френдлиза. Но это не могло быть единственной причиной. Могли существовать секретные соглашения о контрактном балансе

между Экзотикой и Френдлизом, но об этом я ничего не знал. Тем не менее, мне было трудно понять позиции Ладны в текущих делах.

И второе, что меня сейчас заботило. Даже для такого гражданского человека, как я, было совершенно ясно, что защита этого холма дюжиной людей — полная бессмыслица.

У меня даже возникло мимолетное дружеское чувство к лейтенанту. Это, похоже, был настоящий солдат, отлично знающий свое дело и презирающий смерть.

Но каков мог бы получиться репортаж!

Можно было бы отлично подать безудержную храбрость горстки кассидиан, цветисто расписать их безуспешную попытку защитить эту позицию без всякой надежды на поддержку своих частей. Долина смельчаков — против целой армии фанатиков Френдлиза.

Дэйв толкнул меня в бок и оторвал от приятных размышлений.

— Взгляни туда... вот туда... — выдохнул он мне в ухо.

Я посмотрел.

Между деревьями, приблизительно в километре от нас, происходила перегруппировка основных сил френдлизцев. Тут и там мелькала черная униформа противника, но это было для меня не в диковинку.

Я недоуменно посмотрел на Дэйва. Он понял и опять показал мне на что-то рукой.

— Вот там, возле горизонта.

Я посмотрел и увидел. Из-за деревьев, граничащих с кромкой неба, на расстоянии не более десяти километров от нас возникли какие-то светлые блики. Есть очень мало предметов на свете, которые могли бы создавать такое явление.

— Танки! — закричал я.

— Похоже, что они движутся сюда, — добавил Дэйв, напряженно всматриваясь в эти вспышки света, выглядывавшие на таком расстоянии вполне безобидными. Но мы отлично знали, что это были прожигающие клинки света с температурой 40 000 градусов, которые могли сбить огромные деревья, окружающие нас, так же легко, как лезвие бритвы срезает волоски на лице человека.

Эти танки были неуязвимы для пехоты, вооруженной игольчатыми акустическими ружьями. Управляемые снаряды — классическое противотанковое оружие — вышли из употребления еще лет сто назад, когда противоракет-

ная защита этих мастодонтов достигла своей высшей точки. Правда, это сделало танки очень медленными. Но куда спешить? Пехота могла идти в наступление и шагом.

Наше положение становилось смехотворным. Я услышал какой-то шум справа от себя и увидел, как некоторые солдаты начали вылезать из траншей.

— Ни с места! — раздался зычный голос командира. — Мы обязаны удерживать эту позицию и если вы ее...

Но он не успел закончить: разрыв оружейного залпа подбросил его высоко вверх, и он упал на бруствер окопа, залитый кровью.

Началась атака противника.

Ни о каком бегстве теперь не могло идти и речи. Хотя кругом рвались снаряды и наступающая пехота открыла ожесточенную пальбу, я не смог заметить среди защитников ни одного, кто был бы парализован страхом и не открыл огонь по противнику из ручных орудийных установок или личного оружия.

Френдлизцы получили свое. Первая волна атакующих так и не смогла достичь вершины холма — в мгновение ока она была сметена залпами огня. Откатившись к подножию холма, «монахи» залегли. Снова наступила недолгая тишина.

Я выскочил из окопа и подбежал к лежащему лейтенанту. Это было, конечно, глупо с моей стороны, независимо от того, был ли я одет в форму пьюсмента или нет. У отброшенных назад френдлизцев, конечно, осталось очень много друзей, лежащих на этом холме. Как всегда, я оказался прав! Что-то впилося мне в правую ногу, и я упал лицом вниз.

Очнулся я в окопе рядом с телом залитого кровью лейтенанта. Возле меня сидели два сержанта. Немного поодаль сидел и Дэйв.

— Вот что, — начал было я и попробовал встать на свою левую ногу. Тупая боль пронзила мое тело, и я вновь потерял сознание.

Меня привел в чувство голос одного из сержантов.

— Пора отсюда сматываться, Эйк. В следующий раз они сомнут нас или же пойдут танки!

— Нет! — прохрипел за моей спиной офицер. Я думал, что он мертв, но когда повернулся, то увидел, что он сидит, прислонившись к стене окопа. На его лице, залитом кровью, застыла судорожная гримаса боли. Он умирал, это было ясно по его глазам.

Сержант проигнорировал его.

— Послушай, Эйк,— продолжал он снова, обращаясь ко второму солдату, выглядывавшему из окопа.— Теперь командир — ты! Прикажи отступить!

Сержант Эйк сел на дно траншеи с растерянными глазами.

— Я — командир,— захрипел вновь лейтенант.— Я приказываю вам...

Но тут ужасная боль пронзила мое колено, и я вновь погрузился в небытие.

— Там, Там, пу, очнись же, наконец,— донесся до меня голос Дэйва.

Я открыл глаза и увидел его, склонившегося надо мной.

С его помощью я осторожно сел, вытянув раненую ногу. Офицер уже лежал рядом со мной. В его голове появилась новая рана от игольчатой пули, и он был мертв. Оба сержанта исчезли.

— Они ушли, Там,— ответил Дэйв на мой немой вопрос.— Нам тоже необходимо уходить. Френдлизцы решили, что мы не стоим их жизни, и просто обошли холм. Но их танки приближаются... Мы не можем идти быстро, потому что твое колено... Попробуй встать, я тебе помогу.

Я встал, это было ужасно больно, но я встал! Дэйв поддерживал меня, и мы начали спускаться по склону холма, прочь от танков.

Если раньше я с интересом наблюдал за окружающим лесом, размышляя о его красоте и таинственности, то теперь мне было не до этого — каждый шаг давался мне с трудом. Но это — самое удивительное — не отнимало у меня последних сил, а наоборот, подбадривало, придавало ясности. И чем сильнее была боль, тем больше было мое неистовство. Возможно, виной этому было некоторое количество крови древних берсерков, струящейся в моих ирландских венах.

Мы шли очень медленно, и танки вполне могли бы нас догнать. Но в своей слепой ярости я их не боялся. Может быть, где-то подсознательно я не сомневался в том, что моя одежда пьюсмента спасет меня. Я был почти мистически убежден в своей неуязвимости. Единственное, что меня сейчас беспокоило — это Дэйв. Его судьба и судьба Эйлин были мне далеко не безразличны.

Я кричал на него, гнал прочь, убеждал, чтобы он бросил меня и уходил, так как мне ничего не угрожало. Но он отвечал, что я не бросил его, контуженного, и поэто-

му он не может сейчас оставить меня одного. И кроме того, его долгом было помочь мне, так как я — брат его жены.

Обозвав его дураком и глупцом, я сел на землю и отказался идти дальше. Тогда он, без лишних слов, взвалил меня на спину и понес.

Вот это было уже совсем плохо. Он мог совершенно измучиться, неся меня. Я начал кричать на него, чтобы он немедленно бросил меня.

И вскоре это подействовало. Менее, чем через пять минут, он отпустил меня. Я поднял голову и увидел стоящих перед нами молодых френдлизских стрелков, очевидно, привлеченных к нам моими криками.

ГЛАВА 12

Я думал, что они обнаружат нас даже раньше, чем это произошло на самом деле. Насколько я знал, все вокруг кишело френдлизцами. Но, очевидно, боясь попасть под обстрел кассидиан, они старались обходить холм стороной.

Итак, перед нами стояли два френдлизца, два молодых парня. Сержант и рядовой. Насколько я понял, их задачей было обнаружение очагов сопротивления кассидиан и, не вступая с ними в перестрелку, наведение на них основных сил наступающих. Думаю, что они уже давно обнаружили нас, но подходили очень осторожно, опасаясь засады. Похоже, что я разгадал ход их мыслей. Кричал один человек. Солдат Господа не стал бы этого делать ни при каких обстоятельствах, особенно на поле боя! Тогда зачем же кассидианину надо так громко кричать в районе боевых действий? Это было непонятно, а потому требовало повышенной осторожности!

Но теперь они увидели, кто был перед ними — Ньюсмен и его помощник. Оба гражданские.

— Что такое, сэр? — спросил меня сержант.

— Черт вас побери, — крикнул я. — Разве вы не видите, что мне необходима медицинская помощь? Доставьте меня в один из ваших полевых госпиталей, да побыстрее!

— У нас нет приказа, — немного поколебавшись, произнес сержант, — возвращаться с поля боя. — Он посмотрел на своего товарища. — Думаю, все что мы можем для вас сделать, это доставить на место сбора пленных, где наверняка есть врач. Это недалеко отсюда.

— Черт с вами, давайте!

— Гретен, возьми его, а я понесу твою винтовку,— приказал сержант рядовому. Солдат подхватил меня на спину, и мы двинулись в путь. Мы довольно долго пробирались через лес, то там, то здесь встречая следы недавнего сражения. С большими трудностями нам удалось, наконец, добраться до места назначения. Шесть вооруженных френдлизцев охраняли группу пленных.

— Кто из вас старший? — спросил их сержант, доставивший нас.

— Я,— вышел вперед один из френдлизцев. Это был обыкновенный полевой стрелок в звании младшего сержанта. Несмотря на столь малое звание, он был уже довольно пожилой — похоже, ему было уже за сорок.

— Этот человек — ньюсмен,— сказал сержант, указывая на меня винтовкой,— а — другой его помощник. Ньюсмен ранен, и, поскольку мы не можем доставить его в госпиталь, может быть, вы сможете вызвать ему врача по радио.

— Нет,— покачал головой младший сержант.— У нас здесь нет рации, а командный пункт метрах в двухстах отсюда.

— Мы с Гретом могли бы помочь вам, пока кто-нибудь сбегает туда.

— Это невозможно,— опять покачал головой командир охраны,— у нас нет приказа покидать этот пост.

— Даже в особых случаях?

— Такие не указаны!

— Но...

— Повторяю, сержант. Нам не было указано ни на какие исключения! Мы не сдвинемся с места, пока не появится старший командир.

— А как скоро он может появиться?

— Не знаю.

— Тогда я схожу сам. Подожди меня здесь, Гретен. Командный пункт в этом направлении? Спасибо.

Он закинул свою винтовку на плечо и исчез за деревьями. Больше мы никогда его не видели.

До этого момента я держался из последних сил, но тут уж можно было бы и дать себе слабину. Скоро будет помощь. Медленно, очень медленно, я погрузился в беспамятство.

Очнулся я от ужасной боли. Раненая нога ниже колена распухла, и малейшее движение вызывало судорожные боли, молотом отдававшиеся в голове.

Постаравшись придать положение, при котором боль хоть ненамного уменьшилась бы, я начал осматриваться.

Я лежал в тени деревьев на самом краю поляны. На другом ее конце находилась группа пленных и рядом с ними несколько охранников. Но большинство солдат располагались невдалеке от меня. Среди них я заметил новое лицо. Человек лет тридцати, в чине фельдфебеля, угрожающе размахивая руками, что-то говорил им.

Небо над нами отдавало красным. Это лучи заходящего солнца создавали удивительную картину. Его лучи падали на мундиры френдлизцев, создавая причудливую игру красок.

Красное и черное, черное и красное, — цвета зловеще отражались на кроне деревьев.

Я прислушался и услышал, о чем разговаривали солдаты.

— Ты мальчишка! — рычал фельдфебель. Он потряхивал головой, не в силах сдержать своих эмоций. Его лицо было красным в лучах заходящего солнца.

— Ты мальчишка! Сопляк! Что ты знаешь о борьбе за выживание на наших суровых, каменистых планетах? Что ты знаешь о целях тех, кто послал нас сюда защищать Слово Божье? Неужели ты не хочешь, чтобы наши дети и женщины жили и процветали, когда все вокруг хотели бы видеть нас мертвыми?

— Но кое-что я знаю, — ответил чей-то знакомый голос. — Я знаю, что мы правы. Мы во всем придерживаемся Кодекса Наемников.

— Заткнись! — рявкнул фельдфебель. — Что этот Кодекс перед Кодексом Всемогущего? Что значат эти клятвы перед клятвой Всевышнему. Элдер Брайт сказал, что мы обязаны победить! Эту битву должны услышать в будущем. Нам нужна только победа!

— Но я говорю...

— Молчи! Я не желаю слушать тебя. Я твой командир! И только я могу говорить Слово Божье! Нам приказали атаковать врага. Ты и еще четверо должны немедленно отправиться на командный пункт. Не мне тебе напоминать, к чему может привести неповиновение командиру.

— Тогда мы возьмем пленных с собой...

Фельдфебель вскинул винтовку и направил ее на спорящего с ним солдата.

— Так ты отказываешься подчиняться приказу?

Он немного отошел в сторону, и только тут я заметил, что неизвестный, чей голос показался мне знакомым, — рядовой Гретен.

— Всю жизнь я преклоняюсь перед Богом и мне не страшно умереть...

Я попытался привстать, но ужасная боль пронзила мое тело.

— Эй! Фельдфебель! — закричал я, превозмогая боль.

Тот быстро оглянулся, и ствол его винтовки холодно уставился мне в глаза. Ослабившись, он копящими шагами направился в мою сторону.

— О, ты уже очнулся, — поинтересовался он. Багровый отблеск заката играл на его физиономии. Его улыбка ясно показала мне, как отлично он понимал, что даже малейшее физическое усилие может меня прикончить.

— Очнулся достаточно, чтобы услышать кое-какие интересные вещи, — прохрипел я. В горле у меня пересохло, нога начала непроизвольно вздрагивать. Но неукротимая ярость наполняла мое тело невиданной силой. Казалось, еще немного, и она, вырвавшись, испепелит негодяя на месте.

— Разве ты не знаешь, что я ньюсмен? И все действия, которые могут причинить мне вред, — противозаконны! Вот мои бумаги.

Фельдфебель осторожно нагнулся, взял документы и начал внимательно их рассматривать.

— Все верно, — сказал я, когда он снова взглянул на меня. — Я ньюсмен. И я не прошу тебя, а приказываю! Мне необходимо срочно в госпиталь! И мой помощник, — я указал на Дэйва, — должен быть со мной.

Фельдфебель снова уткнулся в документы. Когда он снова оторвал от них взгляд, лик его был грозен. Это был лик фанатика.

— Я знаю тебя, ньюсмен, — заревел он. — Ты один из тех писак, которые в своих статьях чернят Слово Божье. Твои документы — халтура и бессмыслица. Но ты мне нравишься, так как уже успел получить свою долю справедливости. И поэтому я отправлю тебя в госпиталь, и ты напишешь историю нашей борьбы, историю торжества Бога и его последователей.

— Отправь меня немедленно! — приказал я.

— Успеешь! — махнув рукой, прервал он меня.

В тех документах, которые ты мне дал, я нигде не нашел сведений о твоём помощнике. На его документах нет ни одной подписи наших командиров о том, что он твой помощник. А что это значит? А? А значит это то, что этот человек — шпион! И поэтому место его с другими военнопленными! И он встретит то, что угодно будет Богу!

Бросив документы к моим ногам, фельдфебель повернулся и пошел прочь. Я закричал, требуя, чтобы он вернулся, но он не обратил на это внимания.

Но Гретен подбежал к нему, схватил его за руку и что-то зашептал на ухо, указывая на группу пленных. Фельдфебель грязно выругался.

Подойдя к солдатам, он закричал:

— Становись!

Стрелки поспешно бросились выполнять команду.

— Смир-но! Напра-во! Шагом марш! Рядовой Гретен! По прибытии на командный пункт доложите командиру, что я послал вас на помощь атакующим.

Фельдфебель немного постоял, глядя вслед удаляющимся солдатам, а затем, вскинув оружие на изготовку, медленно направился к пленным.

— Теперь, когда ваши защитники ушли, — угрюмо начал он, — все стало на свои места. Нас впереди ждет не одна атака, и оставлять вас, врагов, в нашем тылу я не могу. А тратить солдат для вашей охраны тоже невозможно, когда на счету каждый боец. Поэтому я посылаю вас туда, откуда вы уже не сможете больше повредить помазанникам Божиим!

И только сейчас я окончательно понял, что он задумал.

Крик боли и ненависти, вырвавшийся из моего горла, потонул в громе автоматических выстрелов.

ГЛАВА 13

Я мало что помню после этого. Помню, как фельдфебель направился ко мне после того, как перестали шевелиться тела. Он тяжело шел ко мне, держа свое оружие в одной руке.

Он стоял возле меня и долгим задумчивым взглядом смотрел мне в глаза.

Я попытался встать, но не смог.

— Не беспокойся, ньюсмен, я тебя не трону, — сказал он, глядя на меня. Его голос был глубок и спокоен,

но глаза были безумны. — Одного только прошу у тебя. Поспеш с этой историей. Ты будешь жить, чтобы всем рассказать о том, что здесь произошло! И пускай все узнают, как беспощадны могут быть Божьи воины к нечестивцам! Может быть, я скоро паду в штурме, в этом или в следующем, но я рад, что исполнил волю того, кто только что управлял моими пальцами! Твоя писанина ничего не значит для тех, кто читает только писание Бога Битв!

Он отступил назад.

— А теперь оставайся здесь, ньюсмен, — усмехнулся он одними губами. — Не бойся, они найдут тебя и спасут. — Фельдфебель повернулся и ушел. Я смотрел на его черную спину, таящую в темноте, до тех пор, пока не остался один в темном лесу, один на один с трупами.

Не знаю, как я добрался до них, как нашел Дэйва. Он был залит кровью, я чувствовал ее. Я приподнял его голову и поставил рядом горящий фонарь.

— Эйлин, — внезапно спросил он, когда луч света упал ему в глаза. Но глаз он так и не открыл. Я начал тормозить его, что-то говорить, что-то очень странное.

— Она скоро будет здесь, — пытался я его успокоить.

Он ничего больше не сказал, а только тяжело дышал.

Отчаяние разрывало мне сердце. Я не обращал внимания на боль, терзавшую мое тело. Все мои мысли были заняты Дэйвом. Я что-то говорил, плакал, молил бога о помощи, но все было зря.

Внезапно я заметил, что Дэйв открыл глаза. Я наклонился и вдруг увидел на его лице счастливую улыбку.

— О, Эйлин, ты наконец пришла! — еле слышно произнес он.

Я не знал, что сказать, и только слезы капали из моих глаз.

Дэйв еще что-то прошептал и вдруг замолчал на полуслове. В это время взошла одна из лун Новой Земли, и при ее свете я увидел, что мой шурин мертв.

ГЛАВА 14

Меня нашли вскоре после восхода солнца, но не френдлизцы, а кассидиане. Кейси Грим ударил во фланг наступающим войскам Севера, опрокинул их и начал преследовать по всему фронту. И всего за сутки отряды Френдлиза, полностью обескровленные, вынуждены бы-

ли капитулировать. Гражданская война между Севером и Югом Новой Земли была закончена полной победой кассидиан.

Но меня это не беспокоило. В полубессознательном состоянии меня доставили в Блаувеин, в госпиталь. Излечение мое несколько затянулось, так как рана оказалась запущенной, и я потерял много крови. Положение еще ухудшилось моим ужасным моральным состоянием.

Чтобы немного привести меня в чувство, врач сказал мне, что фельдфебеля, который совершил то гнусное убийство, взяли в плен и после недолгого разбирательства расстреляли за нарушение Кодекса Наемников. Но что это могло изменить? Ведь я не смог уберечь Дэйва!

Я чувствовал себя, как часы, которые только недавно сломались. Они уже не могут показывать точного времени, но если их поднести к уху и немного потрясти, то можно было бы что-то и услышать. Я сломался, сломался внутренне. И даже известие, пришедшее из «Интерстеллар Ньюс Сервис» о моем зачислении полноправным членом «Гильдии» не могло ничего изменить в моей жизни. И тогда меня послали на Культис, на одну из двух планет Экзотики, для лечения.

На Культисе мне пообещали быстрое излечение, если удастся выбрать способ, которым меня можно будет вылечить. Дело в том, что они не могли в моем случае применять свою власть. Основная их философская концепция заключалась в том, что они не могли использовать силы их собственных личностей для проникновения в психику других индивидуумов. Они могли только предлагать идти по тому пути, который был бы желателен для успешного излечения.

И инструмент, который они выбрали в качестве указателя направления, был достаточно могуществен. Это была Лиза Кант!

— Но ты же не психиатр! — изумился я, когда она впервые появилась передо мной. Определенно, в ее присутствии я глупел, говорил резкости и легко раздражался.

— Но откуда тебе известно, кто я? — усмехнулась она. — Ведь с нашей последней встречи на Фриленде прошло столько лет, а ты даже не спросил, чем я занималась все это время. Так вот, знай, все это время я была студенткой и изучала психологию в одном из Университетов Культиса.

— Знаешь, ты в самом деле психиатр?

— И да, и нет! — спокойно ответила она. Внезапно она улыбнулась мне. — В любом случае, как мне кажется, психиатр тебе не нужен.

Когда она сказала это, я понял, что это была моя мысль, мысль, которую я всячески старался от себя прогнать. «Но если она это поняла так быстро, значит, она может все знать обо мне!»

— Может быть, это и правда, — усмехнулся я. — Может быть, мы сможем немного поболтать!

— Не возражаю, — просто сказала она.

— Почему Ладна думает, что ты... что ты могла... в общем, что ты должна была навестить меня?

— Не просто навестить тебя, а работать с тобой, — поправила она меня.

Она была одета не в одежду Экзотики, а в простое белое платье. Ее голубые глаза показались мне гораздо более голубыми, чем я помнил. Внезапно она метнула в меня свой взгляд, как отточенное копьё.

— Потому что он верит, что я — единственный человек, кого ты можешь послушать.

Взгляд и слова потрясли меня. Я понял, что эта девушка что-то для меня значит в жизни.

Прошло несколько дней. К этому времени я, пробудившийся и настороженный, использовал свою способность смотреть и увидел, что делали со мной люди Экзотики. Я постоянно жил как бы под тенью, искусно сплетенной общим давлением, давлением, которое не предназначалось для управления моим поведением, но которое постоянно вынуждало меня самому держать рукоять своего существования и направлять свою жизнь в определенную сторону. Вероятно, на структуру, которая составляла мою сущность, влияло окружение — стены, люди и все, что угодно. Все это вынуждало меня жить... не просто жить, а жить активно, полно и радостно.

И Лиза была частью этого.

Я начал замечать, что я пробуждаюсь от депрессии, не только благодаря всему окружающему, но и ее голосу, смеху, запаху. Все это оказывало максимальное давление на мои развивающиеся чувства. Я не думаю, что Лиза воспринимала себя как часть обстановки, продублировавшей ожидаемый эффект. Я думаю, что Лиза, как и я, была влюблена.

Женщины не представляли для меня сложностей с того момента, как я покинул дом дяди и осознал свою

власть над умом и телом. Особенно красивые, в которых был часто какой-то голод в любви и которые очень часто покидали меня, так и не поняв, что их ко мне притягивало.

Но до Лизы они все, красивые или нет, немного поломавшись, уходили, ничего не знача для меня. Это было так, словно они были певчими птичками, но стоило им только провести у меня ночь, как они превращались в обыкновенных воробышков, а их необыкновенное пение превращалось в обычное чириканье. Но потом я понял, что здесь была моя ошибка. Это я делал их такими. Благодаря мне, моим словам, они мгновенно вспархивали, и мы парили вместе в чудесном замке, построенном из света и воздуха, обещаний и красоты. Им всегда правился мой замок. Они прибывали туда радостными, на крыльях моего воображения, и я сам верил, что мы будем вечно парить вместе. Но позднее, в свете дня, я приходил к выводу, что свет, померк, а наша песня — нудна! Женщины уже не верили в мой замок. Они находили, что это безумие с их стороны — предаваться моим мечтам. Возможно, они были такими же сухими логиками, как и мой дядя Маттас.

Но Лиза не оставляла меня, как другие. Мы постоянно сталкивались с ней на протяжении недолгого времени. Она парила со мной и парила сама. И тогда, впервые, я узнал, почему она не падает на землю, подобно другим. Это потому, что у нее был свой собственный воздушный замок, и она не нуждалась в моей помощи, чтобы оторваться от бременной земли. Она летала сама, при помощи своих собственных крепких крыльев.

Конечно, ее замок отличался от моего, но я решил идти с ней до конца жизни. Но она остановила меня.

— Нет, Там,— сказала она.— Еще нет.

Ее «нет» могло означать «не в данный момент» или «не завтра». Но, взглянув в ее изменившееся лицо, в ее глаза, я увидел, что что-то похожее на закрытые ворота стояло между нами.

— Энциклопедия? — спросил я.— Ты хочешь, чтобы мы вернулись и работали там. Правильно? Попроси меня снова.

Она отрицательно покачала головой.

— Нет,— сказала она изменившимся голосом.— Там, на вечере Донала Грима, я поняла, что ты никогда не придешь в Энциклопедию, если я буду тебя просить.

И если бы я попросила тебя об этом сейчас, ты бы и теперь сказал «нет!» Разве не так?

Рот мой открылся и тут же закрылся снова. Потому что, подобно каменной руке небесного бога, на меня обрушилось то, что оставили мне Матианс и фельдфебель, вырезав мою душу и выбросив ее прочь.

Между мной и Лизой пробежал холодок.

— Верно, — согласился я. — Ты права. Думаю, что и сейчас я сказал бы «нет».

Я взглянул на Лизу, сидевшую на обломках нашей мечты.

— Когда ты впервые сюда пришла, — медленно и осторожно говорил я, поскольку она была снова почти врагом мне, — ты говорила, что Ладна говорил о каких-то двух путях, по которым я мог бы идти. Тогда я не спросил тебя о том, что это за дороги. И если я сейчас двигаюсь по одной из них, то что представляет собой другой путь?

Внезапно посмотрев на меня довольно странно, она произнесла:

— Не хочешь ли ты увидеться со своей сестрой?

Эти слова обрушились на меня как брусок железа. Это было то, чего я подсознательно боялся и от чего постоянно старался избавиться.

— Я не способен... — начал я, но мой голос подвел меня. Что-то сжало мое горло, и я стал лицом к лицу со своей собственной душой, с сознанием своего малодушия.

— Вы известили ее! — закричал я, с ненавистью обрушиваясь на Лизу. — И она знает все, что случилось с Дэйвом?

Лиза молчала и только смотрела на меня. И я понял, что она больше ничего не скажет мне, не больше того, что ей поручили передать эти господа с Экзотики.

Дьявол вполз в мою душу и стоял на другом берегу реки, смеялся, махая мне рукой, приглашая присоединиться к нему.

Я повернулся и, ни слова не говоря Лизе, ушел во тьму.

ГЛАВА 15

Как полноправный член «Гильдии» я получал достаточно денег, чтобы удовлетворить малейшее свое желание. Но хоть здесь и не было моего желания, билет на рейсовый звездолет Культис — Кассида я достал без тру-

да. И вот теперь, когда наш корабль совершил очередной временной прыжок и после паузы еще один, воспоминания мелькали передо мной, воспоминания об Эйлин.

Это не были неприятные воспоминания. Это были воспоминания о подарках, которые она дарила мне. Очень часто она оказывала мне посильную помощь или своим присутствием снимала то давление, которое Матиас оказывал на мою душу. Я вспомнил множество случаев, когда она игнорировала собственные заботы, чтобы помочь мне, и ничего, ничего я не мог вспомнить о том, когда бы я мог позабыть свои дела, чтобы помочь ей.

Все это пришло на ум мне, обдав холодом, придавив чувством вины и несчастья. В одном из перерывов между прыжками я попытался отбросить эти воспоминания, но это было превыше меня.

В таком состоянии я и приземлился на Кассиде.

Более бедная, более маленькая планета, чем Культис, Кассида была планетой-близнецом Нептуна, с которым она образовывала, наряду с двенадцатью другими планетами, систему вокруг звезды Альфа Центавра. Кассида остро нуждалась в научных кадрах, которые ей обычно поставлял значительно ранее заселенный Нептун.

Из столичного космопорта Моро я долетел до Альбани, где размещался университетский городок, основанный Нептуном. Здесь работали Эйлин и Дэйв, вернее, раньше работал Дэйв.

Это был отличный многоуровневый город. Земли было мало, а нептунинские кредиты еще более скудны, и строители застроили маленькую площадку, собрав многие объекты на различных уровнях.

Я сел в такси и назвал адрес Эйлин. После бесчисленных вертикальных и горизонтальных туннелей мы достигли нижнего уровня. Перед тем как войти в нужную дверь, я замешкался. Сцена гибели Дэйва возникла перед моими глазами. Я нажал кнопку звонка.

Дверь открыла женщина средних лет.

— Эйлин... — пробормотал я. — Я имел в виду... миссис Холл? Она дома? — Но тут мне в голову пришла мысль, что эта женщина меня не знает. — Я ее брат... с Земли. Ньюсмен Там Олин.

Я был в своей гильдийской форме, и это достаточно говорило обо мне. Но в тот момент я совершенно не подумал об этом. Хотя, может быть, она никогда раньше и не видела гилдсменов.

— Миссис Холл переехала, — сказала женщина. — Эта квартира была слишком велика для нее одной. Она живет несколькими ярусами ниже и севернее. Подождите, я дам сейчас ее адрес.

Она ушла и через некоторое время вернулась.

— Вот. Я здесь написала, как туда добраться. На такси туда можно попасть очень быстро.

— До свидания.

Затем было долгое ожидание в такси и совсем уже непереносимое у двери.

— Там! — только и сказала она, открыв двери на мой звонок.

Она совершенно не изменилась. И у меня возникла надежда, что все будет в порядке. Но она стояла и молчала. Я тоже молчал.

— Входи, — наконец сказала она ровным голосом. Она отошла в сторону, и я вошел. Дверь медленно закрылась за мной.

Я огляделся, ошеломленный. Комната, не больше моей каюты первого класса, в которой я имел «счастье» добраться сюда. Стены безликого серого цвета.

— Почему... ты живешь здесь? — недоуменно выдавил я из себя.

— Эта комната очень дешева, — сказала она равнодушно.

— Но ты же можешь не экономить деньги! То, что ты получила в наследство от дяди... Постой, постой... Я одного не могу понять, — зачем ты живешь в такой дыре? Разве тебе не хватает денег?

— Мне хватает, — спокойно сказала она. — Но надо еще заботиться и о семье Дэйва.

— Что? Какая семья?

— Младшие братья Дэйва еще учатся в школе.

Она все еще стояла и не приглашала меня сесть.

— Что ты хочешь, Там? Зачем ты пришел сюда?

Я взглянул ей в глаза.

— Эйлин, — сказал я, с трудом подбирая слова, — если у вас все же есть какие-то проблемы, то я как полноправный член «Гильдии» мог бы кое в чем помочь. Я могу обеспечить вас всем необходимым.

— Нет.

— Но почему? Я тебе говорю, что в средствах я не ограничен!

— Я не хочу от тебя ничего, Там. Благодарю, но нам и так хорошо. Кроме того, у меня хорошо оплачиваемая работа.

— Эйлин!

— Я спросила уже у тебя, зачем ты пришел? Это была не та Эйлен, которую я знал прежде.

— Увидеть тебя,— сказал я.— Думаю, ты хотела бы знать...

— Об этом я все и так знаю. Мне все рассказали. Они сказали также, что ты был ранен. Но теперь у тебя все в порядке, Там? А теперь уходи! Я это делаю только для безопасности семьи Дэйва. Если я дам тебе возможность прикоснуться к братьям Дэйва, ты их уничтожишь.

Она замолчала. Я молчал, не зная, что сказать. Мы молчали и смотрели друг на друга.

— Лучше уходи, Там,— наконец сказала она.

Ее слова вернули меня к действительности.

— Да...— пробормотал я.— Думаю, что это будет лучше.

Я повернулся и пошел все время ожидая, что она позовет меня. Но она не позвала. Она не двинулась с места, пока я не сел в такси.

И я уехал! Я вернулся в космопорт один.

Один, один, один...

ГЛАВА 16

Я сел на первый же звездолет, отлетающий на Землю, и, закрывшись в своей каюте, начал размышлять о создавшемся положении. Безусловно, влияние Матисаса не могло не сказаться на мне. Даже воспоминания о руинах Парфенона, куда мальчишкой я часто бегал от дяди и его мрачного дома, были связаны у меня с Матисасом. Мой юношеский ум старался здесь, в старых развалинах греческой цивилизации, найти опровержение идей дядюшки. Я находил их тогда, но было ли это опровержением? Разве руины Парфенона не были ярким доказательством идеи об упадке и разрушении Земли под влиянием более великих представителей молодых миров? В молодости мы с сестрой... Сестра? Эйлин! Разве мог я представить себе, сколько боли мне принесет то, что она забыла меня? Разве я виноват в смерти Дэйва? Разве обязательно должно быть РАЗРУШЕНО все, к чему только я прикоснусь? Лиза упоминала, что у меня есть

два пути. И один из этих путей была она. Ее любовь сможет увести меня с того пути, на котором я сейчас нахожусь!

Любовь? Эта смертельная болезнь, которая высасывает из человека все жизненные соки!

Ха-ха-ха!

Находясь в таком расположении духа, я внезапно захотел напиться. По пути на Кассиду я бы не смог этого сделать из-за чувства вины и надежды. Но теперь! Я засмеялся. Сейчас я уж смогу залить свой мозг, как обыкновенный нормальный человек. Заказав бутылку виски, стакан и лед, я вскоре уже чокался с собой о зеркало каюты.

— Будь здоров, Там Олин!

Шотландские и ирландские предки в моем генеалогическом древе начали требовать, чтобы их выпустили на волю. О, как я хотел надраться.

Хороший ликер струился по моим жилам, согревая и успокаивая. Воспоминания о молниях, возникших под гипнотическим взглядом Ладны, вернулись ко мне.

Более того, я сейчас почувствовал ту же силу и ярость, которые тогда бушевали во мне. И теперь я понимал, каким слабым стоял перед ними, боясь использовать эти молнии.

Сейчас я увидел, как можно использовать могущество УНИЧТОЖЕНИЯ! Возможности, которыми обладал когда-то Матиас, казались мне сейчас детской забавой.

Я пил, мечтая о могуществе. Я спал и мечтал о могуществе. И пока я спал, способы осуществления моей мечты прошли передо мной. Это была мечта, с которой я проснулся.

Возможно, я действительно был там. В том месте, на каменистом склоне горы, между взгорьем и морем, в маленьком каменном домике с многочисленными щелями, замазанными дерном и грязью.

В том маленьком однокомнатном доме без камина, но с примитивным очагом у стены, запачканным копотью, и дырой в крыше для дыма. На стене возле костра на двух деревянных колышках висела моя драгоценная собственность!

Это было фамильное оружие, настоящий старинный палаш — «великий меч»! Более четырех футов длины, с обеих сторон заточенное широкое лезвие, ни пятнышка, ни ржавчины. Его эфес имел только простую поперечину. Хотя это и был двуручный меч, тщательно смазан-

ный жиром и хранящийся у огня, ножен для него не было.

Во время сна я снял его и пошел к берегу моря. Отыскав большой серый камень, я два дня точил на нем лезвие. В течение всего этого времени стояла чудесная погода, светило яркое солнце и было тепло. Но на утро третьего дня пошел дождь и поднялся холодный ветер. Я поспешно прервал работу, обернул лезвие мешковиной, которую снял со своих плеч, и бегом бросился домой. И там, сидя возле жаркого огня, закутанный в толстую войлочную накидку, я любовался игрой огненных зайчиков, отражающихся от костра на лезвии меча. Свиренная ярость переполняла меня. Ярость, которую я раньше никогда не испытывал. Сейчас, сидя у этого костра, я чувствовал себя волком, только что досыта напившимся крови.

И тут я проснулся.

Яркий свет все еще заливал мою каюту. На столике сиротливо стояли две пустые бутылки. Тяжелое чувство, знакомое всем, хотя бы раз очнувшимся после ужасной пьянки, владело мной. Но радость этого странного сна все еще была со мной.

Облегченно вздохнув, я снова погрузился в сон.

Но сейчас мне уже ничего не снилось.

Когда я проснулся, то не почувствовал необходимости в похмелье. Мой мозг был холоден, чист и свободен. Я помнил все, происшедшее со мной за эту странную воображаемую жизнь. Сейчас как никогда ясно я увидел путь, по которому мне предстояло идти.

Я решительно отбросил любовь! Вместо этого я открыл в себе эту странную радость мести. Я вспомнил, как фельдфебель перед тем, как покинуть меня, говорил, указывая на убитых пленных:

«То, что я написал на этих телах, не в силах стереть никто!»

Да, это была правда. Но я... один среди человечества четырнадцати миров, способен был стереть гораздо больше, чем это. И я сотру инструменты, которые создали это писание. Я, наездник и хозяин молний, клянусь в этом. Ими я уничтожу культуру людей двух миров Френдлиза. И я уже видел способ, которым будет это осуществлено.

К этому времени звездолет достиг Земли. Основные контуры моего плана были, по существу, уже нарисованы!

ГЛАВА 17

Я принял решение вернуться на Новую Землю, где в это время Элдер Брайт начал выкупать своих солдат, попавших в плен к Кейси Гриму.

Френдлизцы, выкупая пленных, немедленно размещали их вблизи столицы северян, города Мортонга, словно это были оккупационные силы. Френдлиз требовал от нового правительства Севера обещанную плату за наем солдат. Эта плата была обещана Френдлизу ныне несуществующим правительством мятежников. Но в требовании Элдера Брайта не было ничего необычного. Такие вещи случались и ранее.

А всему причиной был тот особый обмен специалистами, который установился между мирами уже более ста лет назад. И тут не было различия между научным работником и наемным солдатом.

Задолженность одного мира перед другим должна была быть погашена и не зависела от смены правительств. Правительства можно было легко менять, если бы их сменила воля на оплату межпланетного долга. В том же случае, если конфликтующие стороны призывали помощь со стороны, вступал в действие закон: «Победитель оплачивает все!»

И вот сейчас случилось следующее: Френдлиз, не получив в свое время обещанной платы от бывшего правительства мятежного Севера, объявил «войну» Новой Земле до тех пор, пока долг не будет выплачен. Правительство Новой Земли, в свою очередь, направило протест в Совет Миров с целью вывода войск Френдлиза с территории планеты.

Вопрос ставился таким образом: только после полного вывода наемников с Новой Земли возможно начало обсуждения вопроса о долге. А тем временем, пока войска Френдлиза находились на территории суверенной планеты, можно было бы говорить о некоторой победе мятежников...

Да, здесь могла бы получиться отличная серия статей. Вот почему через восемь месяцев после того, как я оставил планету, я снова рвался на Новую Землю.

Но для того, чтобы осуществить эту затею, мне необходимо было уладить несколько вопросов.

Как полноправный член «Гильдии» я обладал очень широкими правами и не имел прямых начальников, кроме пятнадцати членов Совета, которые следили за соблю-

дением членам «Гильдии» Кредо Беспристрастности, а также за разработкой политики, которой должны были придерживаться все члены «Интерстеллар Ньюс Сервис».

Договорившись встретиться с Пирсом Лифом, председателем Совета, я уже на/ следующий день, ярким апрельским утром, прибыл в Сент-Луис и направился в величественное здание «И. Н. С.».

— Ты прошел очень длинный путь на удивление быстро для такого молодого человека,— начал мой шеф, когда мы, обменявшись обычными приветствиями, уселись друг против друга за широкий дубовый стол.

Пирс Лиф был маленьким сухоньким человечком в возрасте за 50, который никогда в жизни не оставлял Солнечной Системы и очень редко — Землю, из-за пристального внимания общественности к его особе.

— Не говори мне только, что ты все еще не удовлетворен! Неужели тебе еще чего-то не хватает?

— Я хочу места в Совете!

Лиф медленно приподнялся. Его острый, как у сокола, взгляд пронзил меня.

— И скажу вам, почему,— продолжал я.— Должно быть, вы заметили, что у меня особое чутье на различные сенсационные новости.

Лиф сел и радостно усмехнулся.

— Именно поэтому, Там, ты и носишь сейчас нашу форму. А своевременно информировать читателя о событиях в цивилизованном мире — наша святая обязанность.

— Да,— сказал я,— но мне кажется, что я обладаю небольшим отличием от рядовых членов «Гильдии».

Глаза шефа поползли вверх.

— Я вовсе не претендую на роль провидца, но думаю, что подобная возможность у меня более развита, чем у кого бы то ни было из членов Службы новостей.

Лиф покачал головой.

— Я знаю,— продолжал я,— что это похоже на хвастовство. Но думаю, что я имею все основания утверждать это. Полагаю, что вскоре мой талант может понадобиться «Гильдии» для принятия кое-каких политических решений... Сейчас я сделаю предсказание. Пророчество... И если оно окажется верным и повлечет за собой изменение политики «Гильдии», то...

— Хорошо,— прервал меня Лиф.— Пророчествуй, оракул.

Мой шеф слегка улыбнулся. Думаю, эта ситуация показалась ему очень смешной.

— Экзотика стремится уничтожить Френдлиз!

Улыбка исчезла. Он пристально посмотрел на меня.

— Что тебе известно? — потребовал он. — Думаешь, что говоришь! Экзотика не может желать чьей-либо гибели. Это противоречит их заявлениям и всему тому, во что они верят. А кроме того, никто не может уничтожить два процветающих мира, заселенных людьми. Поэтому я спрашиваю, что ты подразумеваешь под словом «уничтожить»?

— Только то, что вы сами понимаете под этим словом, — кивнул я головой. — А именно: стереть культуру Френдлиза как теоретическую, подорвать экономику этих двух миров, оставить одни лишь каменистые планеты, заставив население эмигрировать в другие миры.

Лиф молча рассматривал свои руки, лежащие на столе.

— Что заставило тебя сделать такое фантастическое предположение?

— Не знаю, как это объяснить... Просто я суммировал ряд фактов. А самый главный из них — это то, что в самый последний момент кассидианские войска возглавил Кейси Грим! Дорсаец! Переданный Новой Земле Экзотикой по приказу преподобного отца Ладны.

— Ну и что, — изумился Лиф. — Такого рода вещи случаются в каждой войне, но во всяком случае, очень часто.

— Не совсем то, — отрицательно покачал головой я. — Кейси Грим возглавил кассидиан именно в тот момент, когда Френдлиз намеревался начать активные действия против Юга.

Шеф потянулся к видеофону, но я упредил его.

— Не стоит. Я уже это проверил. Решение послать Кейси было принято еще до начала активных действий Френдлиза. Думаю, что Экзотика предугадала это.

— Тогда это просто совпадение. А может быть... Всем же известны выдающиеся способности дорсайцев.

— А не кажется ли вам, что эти выдающиеся способности дорсайца Грима были использованы несколько поспешно? А что касается совпадений, этого просто не может быть! Слишком крупная идет игра!

— Тогда что же? — пожал плечами Лиф. — Как ты объяснишь все это?

— Я уже объяснил это, сэр. Думаю, что Экзотика предусмотрела выпад Френдлиза. Мы знаем о военных талантах дорсайцев, но что мы знаем о психологических способностях уроженцев Экзотики?

— Да, но... — Пирс внезапно задумался. — Все же это слишком фантастично. Как ты думаешь, если все это окажется правдой, что нам следует предпринять?

— Полагаю, что предварительно вы должны разрешить мне покопаться в этом деле. Если я окажусь прав, то в течение нескольких ближайших лет мы станем свидетелями схватки вооруженных сил Френдлиза и Экзотика. И это будет не простая схватка наемников, а настоящая война между планетами! И если я окажусь прав, смогу ли я надеяться на то, что, когда освободится место в Совете, вы выдвините мою кандидатуру?

Последовало длительное молчание. Маленький сухонький человек пристально разглядывал меня.

— Там, — сказал он наконец. — Я не верю ни одному твоему слову. Но занимайся этим столько, сколько найдешь нужным. Я сообщу на Совете обо всем этом... и если что-нибудь подобное произойдет, приходи, мы поговорим снова.

— Отлично, — сказал я, улыбаясь.

Он кивнул головой, сидя в кресле, но ничего больше не сказал.

— Надеюсь, что мы не надолго прощаемся, сэр, — сказал я и вышел.

Теперь с надлежаще оформленными документами я смог вновь возвратиться на Новую Землю в качестве официального корреспондента «Ньюс Сервис».

Я прибыл в расположение войск Френдлиза и с ближайшего командного пункта позвонил в штаб и договорился с командующим Весселем о встрече.

Хотя при разговоре френдлизец мне не «тыкал», а обращался на «вы», судя по его тону, он не был рад моему появлению. Но все же, соблюдая приличия, он согласился тут же принять меня. Узнав, где я нахожусь, Вессель сказал, что тут же пришлет за мной амфибию.

Когда мы остались с ним наедине в штабной палатке, он с угрюмой улыбкой на лице пытался изобразить радужного хозяина.

— Очень рад вас видеть, ньюсмен... Садитесь, пожалуйста, ньюсмен Олин... Я так много слышал о вас.

Это был человек 40—50 лет с коротко остриженными, слегка седыми волосами. Тяжелая челюсть, выдающаяся немного вперед, придавала его лицу мрачное выражение.

— Думаю, что вам и следовало обо мне много слышать, — немного резко сказал я, садясь в предложенное

кресло.— Поэтому-то с самого начала я хотел бы напомнить вам, командующий, о беспристрастности членов «Гильдии» «И. Н. С.».

Командующий откинулся на спинку кресла.

— Мы знаем, что члены «Гильдии» дают клятву беспристрастности. Но, думаю, что в вашем случае, ньюсмен, у вас нет повода даже в душе упрекать нас в том, что случилось. Поверьте, я очень сожалею о смерти вашего шурина и вашем ранении. Но мне все же хотелось бы указать, что Служба Новостей послала вас, члена «Гильдии», написать серию статей о нашем нынешнем положении...

— Дайте мне кое-что уточнить,— бросил я ему.— Я сам попросил об этом назначении.

Лицо Весселя стало напоминать морду бульдога, которого чем-то сильно раздражили.

— Я вижу, вы не понимаете, командующий,— выдавливая слова металлическим тоном, продолжал я,— что такое Кредо Беспристрастности членов «Гильдии».

Он продолжал мрачно смотреть на меня.

— Мистер Олин,— немного спустя произнес он.— Вы намерены написать ряд статей, чтобы доказать то, что у вас нет предубеждений против нас?

— Да, против вас у меня нет ничего, ни хорошего, ни плохого,— кивнул я головой.— В соответствии с Кодексом Ньюсмена эта серия статей послужит доказательством нашей беспристрастности и, следовательно, принесет еще большую пользу тем, кто носит нашу форму.

Думаю, что даже тогда он не поверил мне. Его здравый смысл предостерегал от всего того, что я ему сейчас плел, и искренность моей речи не поколебала его осторожного отношения к чужаку, к нефрендлизу.

Но под конец нашего разговора я уже заговорил его языком. Стремление обелить свою профессиональную принадлежность не могла ему не импонировать. Ведь с чувством уважения к своему рангу и профессии он прожил всю жизнь.

— Ну, ньюсмен. Я не стану говорить, что мы рады видеть вас здесь, даже теперь. Но мы будем сотрудничать с вами столько, сколько это будет возможно. Хотя любой репортаж, отражающий факт, что мы здесь являемся непрошенными гостями, может нанести вред...— сказал он и, встав, протянул мне руку. Я тоже поднялся.

— Я так не думаю,— коротко сказал я и пожал протянутую руку. Вессель ответил таким же крепким пожатием и с интересом посмотрел на меня.

— Спокойной ночи, сэр,— сказал я и вышел, услышав за спиной его ответное «спокойной ночи».

И все же я знал, как он удивился, когда первые мои статьи начали появляться в выпусках «И. Н. С.».

В своих репортажах я начал показывать солдат Френдлиза незаслуженно обманутыми прежними правителями мятежного Севера. За последние годы это было впервые, когда солдат Френдлиза не критиковали в прессе. Их, кто не признавал полумер и не желал быть аутсайдерами. Когда была опубликована половина серии, я был так близко к сердцу Весселя и его солдат, как вообще может быть близок Чужак.

Конечно, репортажи вызвали вой среди новоземельцев, которые кричали, что их положение замалчивают. И вот очень хороший журналист, Моха Сканоски, был откомандирован «Гильдией» на Новую Землю для выяснения претензий аборигенов.

Я давно уже знал, что в словах заключена некая магия. И вот когда я уже почти закончил серию, то почувствовал вдруг нечто вроде симпатии к этим неуступчивым людям с их мрачной спартанской верой.

Но моя душа была окружена изрезанной, шершавой, каменной стеной, которая препятствовала проникновению туда какой бы то ни было слабости.

ГЛАВА 18

После моего возвращения на Землю среди почты я обнаружил записку от Пирса Лифа.

«Дорогой Там!

Твоя серия статей восхитительна. Но, возвращаясь в мыслях к тому, о чем мы беседовали с тобой в последний раз, я думаю, что простое изложение фактов принесло бы большую пользу для всех нас, чем твое копание в материалах подобного рода.

С наилучшими пожеланиями

П. Л.»

Через несколько дней я получил письмо из Совета, предлагавшее мне отправиться на Святую Марию. Именно в это время Донал Грим, который был Главкомом ВС

Френдлиза, совершил свой потрясающий — военные историки потом скажут: «Неправдоподобно блистательный!» — рейд на Ориенте, небольшую необитаемую планетку, находящуюся в той же звездной системе Проциона, что и миры Экзотики. В результате этого рейда он принудил флот Экзотики капитулировать и совершенно подмочил таким образом репутации Женестье Бар Колмейна — командующего сухопутными и космическими силами Экзотики.

Все население 14 миров моментально подняло дружный вой в защиту Экзотики, направив свой справедливый гнев на Френдлиза. Это привело к тому, что о моей недавней серии статей никто не захотел больше вспоминать. А этому я был, пожалуй, только рад. То, чего я хотел добиться своей писаниной, я приобрел сполна — ослабление враждебности и подозрительности ко мне со стороны командующего Весселя и его подчиненных.

В письме мне предписывалось немедленно отправляться на Св. Марию, планету системы Проциона, в которую входили также планеты Коби, Культис, Мара и Ориенте. Официальной целью визита было выяснение последствий военной катастрофы планет Экзотики для этой окраинной планеты с преимущественно католическим населением. В силу своего местонахождения Св. Мария зависела от более крупных и более могущественных миров Экзотики. Поскольку Св. Мария пользовалась благорасположением и подачками своего соседа, то ее положение во многом зависело от политических и экономических успехов Экзотики. Для общественности на всех заселенных людьми планетах было бы интересно знать, как повлияло военное поражение Экзотики на внутривнутриполитическое положение Св. Марии.

Как оказалось, положение было напряженным. После нескольких дней ожидания я наконец получил интервью у Маркуса О'Дайна — политического лидера так называемого Голубого Фронта, оппозиционной партии Св. Марии. Не понадобилось и нескольких минут разговора, чтобы убедиться в том, что он переполнен неудержимой радостью.

— Это должно будет их разбудить! — О'Дайн бурно дышал. — Наши люди спали, успокоенные этими дьяволами с Экзотики. Но дело на Ориенте должно разбудить их. Оно заставит их раскрыть глаза!..

— Как я понял из ваших высказываний, — прервал

я его, — вашей целью является свержение правительства, которое сейчас полностью подчиняется Экзотике.

— Что? Правительство? Какое правительство? Это камарилья недалеких политиков, мистер Олин. Называйте их просто Зеленым Фронтом, каким они и являются на самом деле. Они говорят, что представляют всех людей Св. Марии? Ха! Они... вы знаете, ньюсмен...

— Думаю, что за то время, пока я здесь, — опять прервал я его, — мне удалось кое-что выяснить. Согласно вашей конституции вся планета разбита на ряд районов, которые выдвигают по два представителя в планетарное правительство. И, как я понял, ваша партия требует, чтобы в выборной системе был отражен рост населения городов. Весь город, подобный вашей столице Клаувенту, город с пятисоттысячным населением, выдвигает в правительство не больше представителей, чем сельский район с населением в две-три тысячи.

— Точно! — согласился О'Дайн. — Необходимо внести изменения в выборную систему в соответствии с изменившимися историческими условиями. Но согласится ли Зеленый Фронт добровольно лишиться власти? Ничего подобного! Только дерзкий удар, только решительная революция может заставить их передать власть в руки нашей партии, представляющей рядовых избирателей, угнетенных, лишенных всевозможных прав людей города!

— Вы полагаете, что такая «решительная революция» возможна в настоящее время? — удивился я и незаметно включил магнитофон.

— До событий на Ориенте я бы сказал — нет! И это несмотря на то, что я постоянно надеялся на подобное. Но после этих событий... — он остановился и триумфально посмотрел на меня.

— После Ориенте? — пробормотал я, понимая, что молчание О'Дайна не изобразишь на бумаге. Этот человек оказался достаточно опытным политиком.

— После Ориенте, — заговорил снова О'Дайн, — любой думающий человек на нашей планете начнет понимать, что Св. Мария обязана проводить свою независимую политику и обходиться без этой паразитической руки Экзотики. Он мог бы спросить: «А где те люди, которые должны встать у кормила власти?» И я отвечаю: «В городах! В рядах тех из нас, кто всегда боролся за права простого человека. В рядах Голубого Фронта!»

— Понимаю вас, — кивнул я. — Но мне также ясно, что изменение избирательных прав у вас на планете не

предвидится. И в ходе выборов вы никак не сможете победить!

— Совершенно верно! — рявкнул он. — Вы это точно подметили, Ньюсмен.

— Но я тогда не вижу, каким же образом может произойти эта «решительная революция»?

— В наше время все возможно, — загадочно произнес лидер Голубого Фронта. — Для простого человека нет ничего невозможного. Соломинки летят по ветру, а ветер очень часто меняет свое направление. Кто может что-нибудь возразить против этого?

Я выключил магнитофон.

— Так мы с вами ничего не выясним, мистер О'Дайн. Может быть, продолжим наш разговор без записи?

— Без записи? Ну конечно! — радостно заблестел глазами хитрец.

— Кстати, — кивнул я головой. — Что это вы говорили здесь о каких-то соломинках?

Он наклонился ко мне и понизил голос.

— Существуют... волнения, даже в сельских районах. Соломинки устали — это все, что я могу сказать! И если вы спросите меня о каких-либо именах, я не смогу вам ничего сказать!

— Вы оставляете меня без конкретных фактов, сэр. Что я могу сделать стоящего из того, что узнал от вас? НИЧЕГО!!!

— Да, но... — его могучая голова опустилась. — Я не могу рисковать...

— Вижу, — согласился я.

После долгой паузы он открыл было рот, чтобы произнести что-то, но тут же захлопнул его, словно боясь, что слова помимо его воли вырвутся на свободу.

— Но может быть, — начал я, — я смогу быть вам в чем-то полезен в свою очередь?

— И вы поделитесь со мной своими сведениями? — О'Дайн подозрительно посмотрел на меня.

— А почему бы и нет? — усмехнулся я. — В «Ньюс Сервис» мы имеем собственную информацию, из которой обычно строим картину того или иного события, даже если имеем только кое-какие фрагменты. Рассмотрим гипотетическую общую картину событий на Св. Марии. Неспособность к управлению, волнения и недовольство... можно сказать, марионеточным правительством.

— Очень хорошее слово, — подхватил О'Дайн. — Это просто то, что надо! Марионеточное правительство!

— В то же время, как мы уже обсудили, — продолжал я, — это правительство способно справиться с местными неприятностями и удержать власть на планете. К тому же мы с вами пришли к тому выводу, что конституционного пути для смены власти нет. Высокоспособные лидеры, которые смогли бы стабилизировать положение, находятся в Голубом Фронте...

— Верно! — прошептал он, не отрывая от меня глаз.

— Теперь остается решить, кто смог бы возглавить новое правительство? Для этого требуется храбрая, сильная личность, способная сохранить контроль над будущими событиями. В противном случае может возникнуть много непредвиденного...

О'Дайн смотрел на меня, его губы беззвучно шевелились.

— Короче, — вел я дальше свою мысль, — переворот, точно рассчитанные действия — и о плохих вождах больше никто никогда и не вспомнит! Теперь мы знаем...

— Подождите, — прошептал мой собеседник. — Я хотел бы предупредить вас, ньюсмен, что мое молчание не должно рассматриваться вами как согласие со всем тем, что вы только что тут наговорили. Вам не удастся использовать ссылки на меня в своих спекулятивных целях!

— Безусловно, — прервал я его. — Все это чисто теоретическое построение. Дальше, для того, чтобы совершить «решительную революцию», должны быть люди.

— Нас поддерживает обыватель!

— Конечно, — кивнул я головой. — Но когда необходимо прервать существующий «статус кво», необходимы решительные люди. А под этим термином я понимаю военных людей, способных обучить ваших обывателей или самим принять участие в...

— Мистер Олин, — воскликнул О'Дайн. — Я протестую. Я отказываюсь беседовать с вами на подобные темы! Я должен... — Он засмеялся. — Я должен отказаться выславливать ваши инструкции!

— Извините, — согласился я. — Но как я ранее упоминал, это только гипотетическая ситуация. Точка зрения, которую я пытаюсь...

— Она неприемлема для нас, эта ваша точка зрения, — замахал руками лидер Голубого Фронта.

— Я и говорю, что она неприемлема для вас! Конечно, пока что эта точка зрения неприемлема!

— Почему же? — подозрительно вскинулся О'Дайн.

— Все дело в перевороте! Ведь это так очевидно. Та-

кие вещи требуют помощи извне. А именно, хорошо обученных военных. Такие военные поставляются некоторыми мирами, но эти миры, очевидно, не захотят вмешиваться в политическую ситуацию на вашей планете, мистер О'Дайн. Тем более, оказывать помощь оппозиционной партии!

Я позволил себе расслабиться и развалился в кресле. Добрых двадцать секунд мы сидели молча, изучая друг друга.

— Очевидно, — наконец не вытерпел я, — что мы не будем свидетелями смены правительства, поддерживаемого Экзотикой. Ну, что ж, очень сожалею, что... — Я встал и протянул собеседнику руку, — что интервью было очень коротким. Теперь мне надо быть у Президента, чтобы дополнить картину политических событий на Св. Марии, но уже с другой стороны. И только после этого я смогу с чистой совестью возвращаться на Землю.

Он автоматически пожал мне руку. Я повернулся и был уже возле двери, когда его голос заставил меня остановиться.

— Ньюсмен Олин...

Я обернулся.

— Да?

— Я чувствую, что должен спросить вас. Это мой долг перед Голубым Фронтом, перед моей партией! Я хочу потребовать от вас, чтобы вы передали мне все слухи, которые вы получаете с других планет... о людях, готовых прийти к нам... на помощь... к нам, к настоящему правительству Св. Марии. И мы, ваши читатели, ньюсмен, мы спрашиваем у вас, не слышали ли вы на некоторых мирах, возможно, слухов о той помощи, которую могли бы оказать движению «обывателей» на Святой Марии кое-кто из Сильных Мира Сего, которые были бы заинтересованы в сдерживании могущества Экзотики среди звезд?

Я помолчал секунду или две.

— Нет.

Он стоял неподвижный, словно мои слова приковали его к месту.

— Очень сожалею, — покачал я головой. — Прощайте.

Вскоре я имел уже двадцатиминутное интервью с Шарлем Перини — Президентом Святой Марии. Затем, проделав путь в космопорт, я сел на космолайнер, отправляющийся на Землю.

На Земле я просмотрел полученную почту и тут же вылетел на Гармонию — главную планету Френдлиза. Пробыв пять дней в состоянии полной неизвестности, я на шестой день все же добился того, чтобы командующий Вессель заплатил мне долг.

На шестой день я был приглашен в здание Совета. После обыска в поисках оружия — существовали некоторые различия между церковными группировками на мирах Френдлиза, которые даже для ньюсмана были трудно различимы, — я был препровожден в комнату с низким потолком и голыми стенами. Там стояло лишь несколько черных кресел, пол был выложен черно-белой плиткой. За тяжелым столом сидел человек, одетый в черное.

Белыми у него были только лицо и руки. Глаза его были закрыты, но когда он открыл их секундой позже после моего появления в этой комнате, колющий взгляд его черных глаз пронзил меня.

Человек встал и протянул мне руку. Наши руки встретились. Человек пожал руку не крепко, но так, что мои пальцы почувствовали его силу.

Передо мной был человек, который управлял Объединенными Церквями Гармонии и Ассоциации. Его звали Элдер Брайт, и он был Первым среди френдлизцев.

ГЛАВА 19

— Вас рекомендовал командующий Вессель, — сказал он, предложив мне сесть. — А это довольно необычно.

В этом человеке чувствовалась власть. До этого только у одного человека я встречал такой же всеподчиняющий взгляд. Его глаза были глазами Торквемады, главы Инквизиции в древней Испании.

В первый момент я растерялся. Точно так же, как и тогда, когда очнулся после обморока в Индекс-комнате. У этого человека не было видно слабостей, и у меня мелькнула мысль о поражении, если я попытаюсь управлять им.

Но так как каждое из тысячи интервью, которые я брал, было рискованно, и я уже свыкся с такой опасностью, мой язык начал автоматически:

— ...в величайшем сотрудничестве с командующим Весселем и его людьми на Новой Земле, — сказал я. — Я оценил его...

— Я тоже,— перебил меня резко Брайт. Его глаза сжигали меня.— В противном случае, вы не получили бы аудиенции. Работа Правителя оставляет мне очень мало свободного времени. Ну, что же вас интересует?

— Я хотел бы,— начал я,— представить Фрепдли в наилучшем свете перед человечеством 14 миров.

— Чтобы доказать еще раз вашу лояльность Кодексу?

— В общем-то, да. Знаете, я очень рано осиротел и моей сокровенной мечтой было работать в Службе Новостей...

— Не тратьте моего времени, пьюсмен! — тяжелый голос Брайта прервал меня на середине предложения.— Что ваш Кодекс для меня, который движется по пути божественного слова?

— Каждый из нас движется по своему собственному пути,— возразил я.

Он застыл, придвинувшись ко мне.

— Если бы не мой кодекс, я не был бы здесь,— продолжал я.— Возможно, вы не знаете, что случилось со мной и моим шурином на Новой Земле?

— Знаю,— это было сказано без признаков милосердия.— Вы, пьюсмен, были наказаны за свою самонадеянность.— Его губы растянулись в кривой усмешке.— Насколько мне известно, пьюсмен Олин, вы не принадлежите к Помазанникам Божиим?

— Нет!

— У тех из нас, кто следует божественному слову, есть немало причин совершить какое-нибудь действие из ненависти, невзирая на собственные интересы. Ну, а в безбожниках какая может быть ярость, кроме как на самих себя?

Я растерялся.

— Вы надсмехаетесь над наших Кодексом Ньюсмена, потому что он не ваш? — выпалил я через мгновение.

Усмешка исчезла с лица священника.

— Бог не выбрал бы дурака Старейшиной наших Церквей. Ты должен подумать об этом, перед тем как ехать на Гармонию. Но в любом случае, пьюсмен, теперь ты это уже знаешь.

Я взглянул на него, почти ослепленный озарившим меня пониманием. Я понял, как можно использовать этого человека. Его слабостью была его же сила. Тот софизм, который вывел его в правители этих людей. Тот фанатизм, который наносил так много ему вреда во встречах с лидерами других миров, поскольку из-за него он во

все вмешивался. Хотя недобрые яростные глаза, сверкающие на фоне черной одежды, различали всего лишь два цвета — черный и белый, тем не менее их владелец претендовал на роль политика. И поэтому я решил действовать с ним, как с политиком.

Как политика, я мог вынудить его совершить политическую ошибку.

— Думаю, что мне здесь делать больше нечего, — сказал я растерянным тоном. — Полагаю...

— Уходите? — голос священника прозвучал, как выстрел. — Но разве я сказал вам, ньюсмен, что интервью закончено? Садитесь!

Поспешно сев, я постарался выглядеть бледным и думаю, что преуспел в этом, так как все время понимал, что, хотя я и разгадал этого человека, это все же был лев, в клетке которого я продолжал находиться.

— Теперь, — сказал он, взглядываясь в меня, — что вы в действительности хотите получить от нас?

Я поджал губы.

— Говорите! — приказал Брайт.

— Совет... — пробормотал я.

— Совет? Совет наших Старейшин? Что ты хочешь, ньюсмен, знать о нашем Совете?

— Вы меня... не так поняли, сэр, — выдавил я из себя, глядя в пол. — Я имел в виду Совет Ньюсменской Гильдии. Я хотел бы получить там место... И вы, френдлизцы, можете стать причиной, из-за которой мне откроется дверь. После того, что случилось с Дэйвом, моя совместная работа с Весселем доказала, что я могу действовать без предубеждений... А если я и в дальнейшем буду придерживаться такой линии, то...

Я умолк и медленно взглянул на Преподобного Брайта. Он смотрел на меня с жесткой улыбкой.

— Ну что ж, твоя исповедь мне понравилась, — сказал он. — Думаю, что мы поможем тебе, — его глаза Торквемады мимолетной улыбкой приветствовали меня.

Внезапно на столе раздался зуммер видеофона. Элдер Брайт нажал кнопку и повернулся к экрану, на котором возникло лицо пожилого человека.

— Вы приказали мне выяснить, Старейшина... — начал было он, но Брайт жестом остановил его и, посмотрев на меня, указал на дверь кабинета. Я встал и вышел в приемную. Минут через пять секретарь снова пригласил меня зайти. Брайт стоял за столом.

— Ньюсмен, — сказал он грубо, — меня предупредили, что члены Совета вапшей «Гильдии» после событий на Ориенте настроены враждебно к нам, людям миров Френдлиза. И, скорее всего, ваши репортажи могут и не увидеть свет! А если это так, то какая же нам от вас, ньюсмен, польза?

— Но я... я не говорил, что буду восхвалять ваш народ, сэр. Мне достаточно объективно осветить жизнь простых тружеников, простых людей ваших миров!

— Да, — кивнул он головой. — В этом что-то есть! Тогда пойдем и посмотрим на наших людей.

Брайт вышел из комнаты и по эскалатору провел меня в гараж. Мы сели в машину и куда-то поехали.

— Смотрите, — сказал священник, когда мы проезжали через какой-то небольшой городок. — Мы с муками выращиваем на наших каменистых почвах всего один урожай в год. И для того, чтобы наш народ не голодал, мы вынуждены закупать продовольствие на других планетах. А для того, чтобы достать на это деньги, мы вынуждены продавать своих юношей в солдаты. А что обезображивает их юные души, когда они отправляются на другие миры, чтобы принять участие в чужих войнах?

Я повернулся и увидел, что его глаза впились в меня.

— Отношение... к ним, — сказал я как можно растеряней. Брайт рассмеялся.

— Отношение?! Оставь простые слова, ньюсмен! Не отношение, — нет... — гордость! ГОРДОСТЬ!!! Худые, искусные лишь в труде и владении оружием — они для тех, кто их нанимает, всего лишь грязный убойный скот! И я тебя спрашиваю, ньюсмен, что им остается? Им остается только гордость, чтобы защищать себя!

Он печально улыбнулся.

— Вот что ты можешь увидеть здесь! Но что ты сможешь сделать своими статьями на других мирах? Научить скромности и гостеприимству тех, кто нанимает Детей Божьих?

Он вновь насмеялся надо мной. Но я уже изучил его достаточно, чтобы не обращать внимания на это.

— Думаю, сэр, что если бы миры внезапно узнали, что ваши люди, Старейшина, более терпимы — не интересны, нет, а просто терпимы, то отношение к ним могло бы в корне измениться, — сказал я и посмотрел прямо в глаза старику.

Брайт отвел свой взгляд и, посмотрев в окно, вдруг приказал водителю:

— Остановись!

Мы находились в маленькой деревеньке. Одетые в черное люди двигались между одноэтажных бараков, сделанных из резины, — временных строений, которые на других мирах теперь уже редко использовались.

— Где мы? — поинтересовался я.

— Этот город называется «Понимание Господа», — ответил Брайт и открыл дверцу машины. — Кстати, ньюсмен, к нам направляется тот, кто очень хорошо вам знаком!

Действительно, фигура в военной форме приближалась к нам. Когда она подошла к машине и остановилась, я узнал в ней Джаймтона Блека.

— Здравствуйте, сэр, — приветствовал он отца Брайта.

— Да снизойдет на тебя благословение Господа нашего, — сказал в ответ Глава Объединенных Церквей. И не поворачиваясь ко мне, произнес:

— Надеюсь, ньюсмен, что вы узнали этого человека? Так вот, я хотел бы... Форс-лидер, — обратился он к Блеку, — вы видели этого человека дважды. Первый раз, когда просили руки его сестры, и еще раз, на Новой Земле, когда он хотел получить пропуск для своего помощника. Что вы можете сказать о нем?

Глаза Джаймтона сузились, вглядываясь сквозь полумрак кабины в меня.

— Только то, что он любил свою сестру и хотел для нее лучшей жизни, чем бы я мог ей предложить, — спокойным, как и его лицо, голосом произнес офицер. — Он хотел спасти своего шурина... — Джаймтон повернулся к Брайту и сказал: — Я верю, что он честный человек, Старейшина.

— Я не спрашиваю вас, во что вы верите, — взорвался Брайт.

— Как хотите, — пожал плечами Джаймтон.

Я почувствовал ненависть к этому человеку. Ненависть, которая вот-вот разорвет меня, несмотря на такие неподходящие обстоятельства. Ярость к этому спокойному человеку. Не только потому, что он только что рекомендовал меня, как честного и хорошего человека, но и потому, что в его лице было еще что-то, чего я никак не мог разобрать. Но тут я понял — он не боялся Брайта! А я — боялся! Хотя я и был ньюсменом с авторитетом «Гильдии» за плечами, а он — простой офицер перед своим главнокомандующим, верховным военным вождем двух миров... Как он мог? И затем я вновь понял это.

И сцепил свои зубы от ненависти и раздражения. Джаймтон ничем не отличался от того лейтенанта, который оказался выдать пропуск Дэйву. Тот офицер готов был повиноваться Брайту, который был Старейшиной, но ни в грош не ставил Брайта как человека.

Таким же образом Бrait держал жизнь Блека в своих руках, но держал только меньшую ее часть.

— Ваш отдых здесь окончен, форс-лидер, — резко сказал Бrait. — Скажите своей семье, чтобы отправили ваши вещи в столицу, и присоединяйтесь к нам. Я назначаю вас в помощь этому ньюсмену. Мы присваиваем вам чин капитана, чтобы сделать эту должность более привлекательней.

— Сэр! — безэмоционально произнес Джаймтон, четко щелкнув каблуками и наклонил голову.

Когда мы возвратились, Бrait приказал Джаймтону ознакомить меня с ситуацией на Френдлизе и достопримечательностями этих двух планет. После короткого осмотра столицы я вернулся в отель. Это требовало выдержки — видеть постоянно возле себя Блека, официально поставленного, чтобы помогать мне, а неофициально — чтобы шпионить. Тем не менее, я ничего не сказал об этом, а Джаймтон тоже молчал. Это странное соседство двух людей, прогуливающих по городу и не говорящих друг с другом, было вполне объяснимо, поскольку между нами стояли Эйлин и Дэйв.

Тем не менее, меня время от времени приглашали к Брайту. Он встречал меня более или менее приветливо, интересовался, как я вхожу в курс событий, и вообще, он выглядел все более и более доброжелательным. Я понимал его. Он хотел как можно полнее использовать меня, ньюсмена, в деле рекламы своего народа.

День за днем, интервью за интервью, он становился в беседах со мной все доверчивее и мягче.

— Что любят больше всего читать на других планетах, ньюсмен? — спросил как-то Бrait. — Точнее, о чем они больше всего любят слушать?

— О героях, конечно, — ответил я. — Вот почему Дорсай имеет такую популярность... И вот почему другие миры, и в том числе Экзотика, так охотно панимают их.

Днем позже он снова вернулся к этому разговору.

— Что делает людей героями в глазах общественности?

— Обычно это происходит на войне. Вот, например, если равное количество ваших солдат встретится с тем же числом дорсайцев и разобьет их, то...

Наступила тишина, так как меня остановил взгляд Элдера Брайта.

— Ты что, считаешь меня дураком? — рывкнул он. — А может быть, ты сам дурак? — он долго смотрел на меня. Я молчал. Наконец, он кивнул головой и тихо, как бы про себя, произнес: — Все верно... этот ньюсмен — глупец!

Затем Глава Объединенных Церквей встал и указал мне на дверь. На этом наше интервью закончилось.

Не думаю, что он посчитал меня дураком. Все было гораздо сложнее. Это был момент, когда я сделал свое предложение. Но я так и не понял, что означала эта его такая необычная реакция. И это беспокоило меня. Мое упоминание о дорсайцах не могло быть таким впечатляющим. Я хотел было спросить об этом Джаймтона, но решил, что мудрее будет немного подождать.

Наконец настал тот день, когда Брайт задал вопрос, который он рано или поздно обязан был задать.

— Ньюсмен, — сказал он, — ты как-то говорил, что героями становятся, победив прежних, признанных героев. Ты упомянул при этом, как пример, прежних героев в общепринятом мнении: Дорсай... и Экзотику.

— Да, Старейшина.

— Но эти безбожники с Экзотики, — медленно выговаривал он слова, будто пробуя их на язык, — они ведь используют наемные войска. А что толку разгромить наемников? Даже если это легко и возможно!

— Но почему бы вам не рискнуть? — спросил я. — Такого рода победа могла бы создать вам благоприятное общественное мнение. Правда, для встречи с Дорсаем Френдлиз еще не вполне подготовлен...

Он тяжело взглянул на меня.

— А с кем мы могли бы рискнуть? — потребовал он.

— Ну... всегда есть небольшие группы людей, которые хотят что-то изменить. Скажем, если небольшая инакомыслящая группа наймет ваших солдат для свержения конституционного правительства... Конечно, я не хотел бы, чтобы повторилась ситуация с Новой Землей...

— Мы получили деньги, и нас не касается, кто выиграл в той грязной войне, — раздраженно бросил Брайт. — Разве мы не придерживались Кодекса Наемников?

— Да, но силы противников на Новой Земле были примерно равны. И вот, если бы вы оказали помощь крохотному меньшинству против всей государственной машины... Скажем, что-то подобное борьбе шахтеров Коби против шахтовладельцев!

— Что? Коби? — Брайт в задумчивости начал мерить шагами свой кабинет. — Как ни странно, ньюсмен, но я уже получил подобную просьбу о помощи, причем на совершенно выгодных условиях, от группы...

Он снова сел за стол и внимательно посмотрел на меня.

— От группы, подобной Коби? — сказал я невинно. — Уж не сами ли шахтеры призывают о помощи?

— Нет, не шахтеры!

Брайт помолчал, затем встал и подошел ко мне.

— Мне сказали, что вы собираетесь покинуть нас, ньюсмен.

— Я?

— Не думаю, что меня неправильно проинформировали, — почти весело проговорил он. — Мне сказали, что сегодня вечером вы улетаєте на Землю. Вы что, уже купили билет?

— В общем... да, — кивнул я головой, изображая растерянность. — Как это я мог запомнить? Неужели я не сказал вам об этом, сэр?

— Доброго пути, ньюсмен, — протянул мне руку Брайт. — Я очень рад, что мы смогли достичь с вами понимания. Можете рассчитывать на меня в будущем. Думаю, что в следующий ваш приезд на Гармонию мы лучше встретим вас.

— Благодарю, — просял я.

— До свидания, ньюсмен.

Мы снова пожелали друг другу всего наилучшего, и я отправился в отель. Мои вещи были уже упакованы. На столе лежал билет на вечерний лайнер.

И вот, пятью часами позже, я находился уже в космосе, на пути к Земле.

А еще пятью неделями позже движение «обывателей» на Святой Марии, тайно обеспеченное людьми и снаряжением с Френдлиза, совершило быстрый и кровопролитный переворот, заменив законное правительство лидерами Голубого Фронта.

ГЛАВА 20

На этот раз я не просил встречи с Пирсом Лифом. Он сам вызвал меня. Когда я шел по коридорам «И. Н. С.» и подымался по эскалатору к его кабинету, головы одетых в гильдийскую униформу людей поворачивались, провожая меня взглядом.

За три года, прошедшие после того, как лидеры Голубого Фронта захватили власть, многое изменилось для меня.

Я получил свой час мучений встречи с сестрой. И каждый раз, когда я вспоминал про это, с новой силой вспыхивала боль и сожаление. Чтобы отомстить за все, я предпринял два действия — на Святой Марии и на Гармонии. Я привел свою месть в движение. Эти три года действительно изменили меня. Поэтому-то Пирс Лиф и вызвал меня. За эти три года сила моего знания стала полной в такой мере, что по сравнению с ней та, что была у меня, когда я говорил с Брайтом, казалась мне слабой, хрупкой, словно только что родившейся. Я грезил местью, клинком в руке, который вершит правосудие. То, что я сейчас в себе ощущал, было неизмеримо сильнее, чем какое бы то ни было прежде чувство, сильнее, чем желание есть и пить, чем желание любить или жить.

Тупицы те, кто думает, что человека удовлетворит здоровье, женщины или горячительные напитки. Эти вещи мелки по сравнению с величайшей из страстей, которая поглощает все силы, надежды, страхи и мечты, которая, не найдя выхода, иссушает мозг. Эта страсть — жажда мести! Глупцы, кто думает иначе. Ни живопись, ни музыка, ни молитва не могут доставить такой радости, как свершение этой страсти. Пожалуй, с ней можно было бы сравнить радость тех, кто строил Парфенон или сражался, защищая родной дом в Фермопилах. Владеть собой — использовать себя как оружие в собственных руках — и так создавать или разрушать, как никто больше не сможет воздвигнуть или разрушить — это и есть величайшее удовольствие, которое доводилось знать только богам и демонам!

Это и вошло в меня за эти два или чуть более года.

Я грезил держать молнии в руках над 14 мирами и подчинять их своей воле. Теперь я держал их! Мои возможности усилились. Я предугадывал поступки таких людей, как Уильям с Сеты, Блейк с Венеры и Сэйона, преподобный отец с миров Экзотики — всех тех, чьи дви-

жения и колебания делали межзвездную политику, — и шептал их результаты совершенно ясно. И с этим знанием я направлялся туда, где эти события ожидались. И описывал их, словно они уже случились, хотя все еще было впереди. Поэтому-то мои коллеги по «Гильдии» и считали меня полудьяволом или полупророком.

Но я ничего не говорил им. Свои секреты я держал при себе, согреваемый предвкушением мести, чувством клинка, сжатого в руке, — инструмента моего РАЗРУШЕНИЯ!

И вот кабинет Пирса Лифа. Сам он стоял у двери, ожидая меня, хотя я был только еще на подходе. Шеф пожал мне руку, провел к столу и усадил. Затем налил в стаканы виски и произнес:

— Ты слышал, Там, что Морган Шу Томпсон умер?

— Да, — кивнул я. — И место в Совете освободилось!

— Да, — подтвердил Лиф. И добавил, отвернувшись от меня: — Он был моим старым другом.

— Я знаю это. Думаю, что это был очень тяжелый удар для вас, сэр.

— Мы одногодки... — устало проговорил Лиф и немного виновато улыбнулся мне. — Я полагаю, ты ожидаешь, что я выдвину твою кандидатуру в Совет?

— Ожидаю, сэр, — сказал я, — но думаю, что члены «Гильдии» могут сделать это, даже если вы этого и не захотите!

Лиф кивнул головой.

— Около трех лет назад, — сказал он, — ты приходил сюда с предсказанием. Ты помнишь это?

Я улыбнулся.

— Ты мог бы забыть это... — покачал головой старик. — Ну, уж ладно, Там... — он остановился и тяжело вздохнул. Он, казалось, подыскивал слова. Но я был уже достаточно умудрен опытом. Я просто ждал. — Мы оба наблюдали события, и мне кажется, что оба были правы... и не правы!

— Не правы? — удивился я.

— Да, — сказал шеф. — Это была твоя теория, что Экзотика намерена разрушить культуру Френдлиза. Но взгляни, как все сейчас повернулось.

— Как? Например?

— Ну, — удивился Лиф, — неужели тебе не ясно, что фанатизм Френдлиза — своего рода защитная реакция на отношение к ним тринадцати миров, населенных человечеством. Это должно быть понятно. Но любой здравомыс-

лящий человек не стал бы обвинять Экзотику в разжигании этих предубеждений против Френдлиза. Не так ли?

— Целиком с вами согласен, сэр.

— Когда ты пришел ко мне и сказал, что Экзотика намерена стереть с лица земли культуру Френдлиза, я сначала тебе не поверил. Но после того, как Френдлиз поддержал войсками и снаряжением переворот на Святой Марии, вотчине Экзотики, я понял, что между этими мирами что-то происходит.

— ???

— Но Голубой Фронт продержался недолго...

— Хотя и казалось, что его поддерживают массы, — вставил я.

— Да, да, — Пирс не осудил мое нетерпение. — Дело в том, что лидеры Голубого Фронта оказались недалеко-видны. Все дело было основано только на глотках активистов Голубого Фронта. Оказалось, что Св. Мария не может развиваться самостоятельно. Она финансово, да и рядом других пут, связана с богатыми мирами Экзотики. И как только Экзотика перестала оказывать помощь Св. Марии, Голубой Фронт пал!

— Это сейчас понятно любому, — согласился я.

— Но вы знали это еще раньше, — воскликнул Лиф. — Не говорите мне, что вы предвидели это с самого начала, Там. Но то, что я не предвидел... и вероятно не предвидели и вы, это оккупацию Св. Марии войсками Френдлиза с требованием законному правительству оплатить услуги и помощь, предоставленные в свое время Голубому Фронту. Но между Святой Марией и Экзотикой существует договор, а это значит, что Экзотика должна заступиться за свою союзницу.

— Я предвидел и это...

Он недоверчиво взглянул на меня.

— Предвидел? Тогда как вы могли подумать, что Экзотика что-то затекает против Френдлиза? Похоже, что Френдлиз постоянно вступает в конфликт с Экзотикой. Вспомни, как и со Св. Марией, у Экзотики был договор о взаимной помощи с Новой Землей. Поэтому-то она и вступила в тот конфликт.

Лиф встал и посмотрел в окно.

— Сейчас на Св. Марии зима. Но весной многотысячный экспедиционный корпус с Экзотики высадится на этой планете. Думаю, что начнется резня. Брайт не пошлет оккупационным войскам подкреплений. То, что Экзотика спустила на Новой Земле, того она не спустит

у себя под боком, в своей звездной системе. А это значит, что Брайту ничего не останется делать, как обратиться за помощью к Сете, Нептуну и всем другим «жестким» мирам, чтобы как-то противостоять Экзотике. И что ты сейчас скажешь на это? Ты понимаешь, что я имел в виду, когда говорил, что ты был прав и не прав одновременно?..

Лиф в волнении даже не заметил, как перешел на «ты». Но я его не перебивал.

— ...ты был прав в предсказании вендетты между Френдлизом и Экзотикой... и не прав... ты видишь, почему, ПОЧЕМУ ты был не прав?

Я свободно откинулся назад, прежде чем ответить.

— Да, — кивнул я. — Вижу. Это не Экзотика хочет уничтожить Френдлиз. Это Френдлиз хочет уничтожить Экзотику!

— Точно! — воскликнул Лиф. — Здоровые и узкоспециализированные знания Экзотики олицетворяют миры свободных контрактов, которые имеют равновесие, действуя в союзе со всеми свободными мирами, образуя снопы пшеницы, которые «жесткие» миры не могут сломать! Если Экзотика будет разгромлена, баланс сил между этими двумя группировками будет нарушен. Только такое равновесие позволило стоять нашей старушке-Земле в стороне от обеих групп. Хотя мы и тяготеем к мирам свободного контракта, это для непосвященного наблюдателя не так заметно. Теперь же мы будем вынуждены официально примкнуть к одной из групп и таким образом поставим нашу «Гильдию» под ее контроль. А это будет означать, что придет конец беспристрастности «Ньюс Сервис».

Он умолк и выжидательно посмотрел на меня.

— Ты знаешь, что за группа достанется нам, если победит Френдлиз? — спросил он. — Группа «жесткого» контракта! Поэтому я хотел бы посоветоваться с тобой... что мы в «Гильдии»... должны сейчас предпринять?

Я взглянул на него и задумался. Но в действительности в это время я упивался своей местью. Здесь была цель, которую я вынашивал, лелеял, и вот настало время «Гильдии» всем своим авторитетом и влиянием стать на мою сторону! Я дал шефу немного подождать моего ответа и медленно произнес:

— Если Френдлиз может уничтожить Экзотику, то возможно, что и Экзотика может уничтожить Френдлиз! В любой ситуации, подобной этой, поражение каждой из

сторон равновероятно. Теперь же без компромисса с нашей беспристрастностью я мог бы полететь на Святую Марию для разведки, что позволило бы нам глубже проникнуть в ситуацию. Это поможет сделать выбор!

Пирс взгляделся в меня, его лицо побледнело.

— Что ты подразумеваешь под словами «сделать выбор»? Мы не можем сейчас открыто встать на сторону Экзотики! Мы ведь об этом?

— Нет! Просто я мог бы выяснить кое-какие детали, которые позволили бы нам занять в этом конфликте преимущественную позицию. Я ничего не вижу ясно в этом конфликте, а вы ведь спросили меня, сэр, что нам необходимо предпринять?

Он заколебался. Его руки немного дрожали. Это позволило мне догадаться о том, что он думает. Это было колебание между двумя поступками: беспристрастностью «Гильдии» и необходимостью поддержать «свободные миры» в их борьбе с «жесткими».

Внезапно раздался зуммер, и Лиф нажал кнопку видеодфона. На экране возникло лицо Тома Лассери, его секретаря.

— Сэр, — сказал Том, — вызов с Окончательной Энциклопедии. Для ньюсмена Олина. От мисс Лизы Кант. Она говорит, что дело чрезвычайно важное.

Пирс вопросительно посмотрел на меня, и я кивнул головой.

Тогда шеф переключил какой-то тумблер, и на экране видео возникло лицо Лизы.

— Там! — воскликнула она без приветствия. — Там, приезжай быстрее! Марк Торр ранен убийцей! Он умирает и хочет поговорить с тобой... с тобой, Там. О, Там, поспеши!

— Еду! — воскликнул я.

И я вышел. Не было времени спрашивать себя, почему я откликнулся на ее вызов. Звук голоса этой девушки оторвал меня от кресла. И я... пошел на ее зов.

ГЛАВА 21

Лиза меня встретила у входа в Окончательную Энциклопедию, там же, где я впервые увидел ее. Она провела меня в комнату Марка Торра, по пути рассказывая подробности.

Существовала постоянная угроза для работников Энциклопедии со стороны фанатически настроенных людей не только Земли, но и остальных миров, которые утверждали, что Окончательная Энциклопедия может стать великим Умом, который возьмет под контроль волю всего человечества. И вот один из них, наконец, добрался до Марка Торра. Бедняга параноик, который тщательно скрывал свою болезнь от семьи, который взлелеял в своем больном воображении мысль, что только он является освободителем человечества. Мы прошли мимо его окровавленного тела, долговязого белокурого, с приятными, мягкими чертами лица, со лба на щеку которого стекала кровь.

— Он совершил ошибку, — говорила мне Лиза. — Он дважды выстрелил в Марка и один раз себе в лоб. Но, несмотря на два ранения, Марк Торр еще жив, а вот бедняга сумасшедший убит наповал.

Лиза провела меня в старцу, лежащему на кушетке. Всю его грудь обтягивали бинты. Его глаза были прикрыты. Создавалось впечатление, что черты его лица вырезаны из мрамора — я понял, что смерть медленно, но верно, перетягивает его в свое царство.

Но это было не лицо, которое я видел прежде. Я внезапно вспомнил свое детство и историю об умирающем президенте Аврааме Линкольне, лежащем, раненом, с трудом дышащем...

Я огляделся. В комнате было много людей, но они уже начали покидать комнату по какому-то знаку Лизы.

Она наклонилась к телу умирающего и тихо позвала его.

— Марк! Марк...

Несколько секунд я не верил, что старик ответит. Но тут глаза открылись, удивленно присматриваясь к девушке.

— Я привела Тама, Марк, — сказала она тихо. — Наклонись, Там. Подойди поближе.

Я придвинулся и наклонился. Старик улыбнулся мне одними глазами, и его губы медленно зашевелились.

— Там...

— Да, — сказал я, машинально взяв его руку. Она была безжизненна и костиста.

— Сыи... — прошептал Марк так слабо, что я ее слышал его. Вся моя плоть застыла и похолодела от этого слова. Я застыл, словно превратился в лед. Ярость медленно наливалась во мне.

Как он посмел? Как он посмел назвать меня «сыном»? Ведь я не остался в этой Энциклопедии и не имею к ней никакого отношения! Он это твердо знал. Меня, который не имел с ним ничего общего, как он посмел назвать меня «сыном»? Старик все еще что-то шептал. Я разобрал слово, которое еще больше разожгло во мне ненависть.

— ...прими...

Затем его глаза закрылись, а губы перестали двигаться, хотя медленное, очень медленное дыхание свидетельствовало о том, что он еще жив. Я отпустил его руку и вышел из спальни в кабинет. Здесь я остановился.

— Там,— Лиза взяла мою руку своей. Но я не обратил на это внимания. Я думал о том, что сказал мне Марк. Он не просил меня принять руководство над Проектом, он просто СКАЗАЛ мне об этом. Но слова не дошли до меня. Мой рот был открыт, но не мог произнести ни слова. Впервые я не знал, что мне предпринять.

И тут сигнал вызова видеофона вырвал меня из оцепенения. Лиза стояла рядом и автоматически нажала кнопку включения экрана.

— Здравствуйте,— произнес голос из прибора. Я не мог видеть экран, так как стоял в неудобном положении.— Есть здесь кто-нибудь? — продолжал голос.— Мне необходим ньюсмен Там Олин. Это срочно. Эй! Есть здесь кто-нибудь.

Я узнал голос Пирса Лифа. Обогнув стол Марка Торра, я подошел к телефону.

— А, это ты, Там,— сказал с экрана Лиф.— Послушай, мальчик, я думаю, тебе не стоит больше тратить время... Мы посоветовались здесь и решили. Тебе нужно срочно отправиться на Святую Марию. Ты понял?

Внезапно жажда мести вновь вспыхнула во мне, смыв те сомнения, которые только что начали появляться во мне под влиянием слов Марка Торра.

— Когда надо отправляться?

— Думаю, сейчас же. Билет тебе куплен...

— Пусть его вместе с вещами доставят в космопорт.

Я обернулся и поглядел вновь на Лизу. Ее взгляд мог бы потрясти меня, как это случилось прежде, но сейчас я был гораздо сильнее...

— Как выйти отсюда? — потребовал я.— Я уезжаю!

— Там,— заплакала девушка.

— Я должен уехать, разве ты не понимаешь, что меня направляют на Святую Марию. Это вещь моя работа,— крикнул я.— Где выход? Где...

Она прошла мимо меня и нажала выступ в стене. Дверь открылась, и я медленно прошел в нее.

— Там!

Ее голос остановил меня и я оглянулся.

— Ты вернешься, Там,— сказала она сквозь слезы.— Вот увидишь, ты вернешься!

Что-то в моей душе шевельнулось, но тут же спряталось, подавленное могущественной силой мести. Я прошел дальше.

— Я вернусь,— не оборачиваясь, громко сказал я.

Это была легкая, простая ложь. Затем дверь за мной закрылась.

ГЛАВА 22

Когда я выходил из космолайнера на Святой Марии, легкий ветерок, из-за разницы атмосферного и корабельного давлений дувший мне в спину, был похож на руку темноты, подталкивающую меня в хмурый дождливый день. Но это меня не трогало. Я был как обнаженный палаш моей мечты, завернутый и упрятанный в плед, отточенный на камне и песущийся сейчас на встречу, которую он ждал все эти долгие три года.

Встречи в холодном дожде вечны. Они надолго оставляют свой след в вашей душе. Я чувствовал холод, как старую кровь на руках. Небо было низким, облака тянулись на восток. Дождь падал размеренно. Звук дождя, казалось, достиг своего апогея, когда я начал спускаться по трапу. Создавалось впечатление, что космопорт и город попали под ошеломляющий камнепад, который разнесет их на куски.

Это был такой же дождь, который обычно падал на развалины Афин, на мрачный, несчастливый дом Матиса, на руины Парфенона, какими я их обычно видел из окна своей спальни.

— Ваш багаж, сэр? — раздался возле меня голос.

Я вздрогнул и очнулся от своих дум. Ко мне обратился офицер корабля. Его приветливая, дружеская улыбка окончательно вернула меня в этот мир.

— Пошлите его в лагерь Френдлиза,— улыбнулся я в ответ.— Я хочу зарегистрировать удостоверение личности.

Я прошел по эскалатору, миновав вертушку, и оказался перед человеком в форме диспетчера, сидевшем за стеклом у стола.

— Имя, сэр? — спросил он. — Что вас привело на Святую Марию?

Он сделал вид, что не узнал меня, и это меня развеселило.

— Ньюсмен Там Олин, — сказал я. — Представитель «И. Н. С.», уроженец Старой Земли. Я здесь для того, чтобы осветить для печати конфликт между Экзотикой и Френдлизом.

Я открыл свой портфель и достал документы.

— Прекрасно, мистер Олин, — сказал мой «знакомый», возвращая мне паспорт и указывая на машину с автопилотом. — Следуйте по шоссе прямо в Джозеф-таун. Там вы и найдете лагерь Френдлиза.

— Спасибо, — поблагодарил я. — Одну минуту!

Он вышел из-за ограждения и ждал, что я скажу.

— Сэр.

— Помогите мне дойти до машины...

— О! Извините, сэр. — Он быстро подскочил ко мне. — Я не заметил, что ваша нога...

— Совершенно запемела, — закончил я.

Когда я уселся, он собрался, было уходить, но я его остановил.

— Погодите, милейший. Вы — Уолтер Имер, не так ли?

— Да, сэр, — медленно произнес он.

— Послушайте, у вас нет никакой информации для меня?

Он медленно опустил голову.

— Нет, сэр.

— Ну, что ж, — усмехнулся я. — Все равно я получу информацию из других источников, а они решат, что ее дали вы.

Маленькие усики человека задрожали.

— Послушайте, об этом нельзя нигде сообщать... Вы не понимаете меня... ведь у меня семья, дети...

— А у меня нет! — отрезал я.

— Но ведь они убьют меня. Те, из Голубого Фронта. Что вы хотите знать о них? Я не понимаю, откуда вы знаете меня?

— Когда-то я был знаком с вашим шефом и, кроме того, у меня отличная память на тех людей, кто возле него тогда болтался.

— Подождите, — сказал быстро Имер. — Я помогу вам. Поезжайте в Новый Сан-Маркос. На проспект Золото-

искателей. Это сразу же за Джозеф-тауном, где лагерь Френдлиза,— он сжал зубы.— Вы расскажете обо мне?

— Да,— бросил я и посмотрел на него.— Солдаты Френдлиза здесь уже два года. Любят ли их люди?

Он улыбнулся.

— О, как любого пришельца.

Я почувствовал боль в левой ноге.

— До свидания,— прервал я разговор и тронулся в путь.

На приборной панели автомобиля я нашел медаль Святого Христофора. Очевидно, один из солдат Френдлиза забыл ее здесь. И для меня было особым удовольствием застать ее здесь. После развенчанных иллюзий детства, когда ничего не оставалось, кроме несоблюдения обязанностей, тоже доставлявших удовольствие... Ведь фанатики, когда все сделано и сказано, ничем не лучше, чем бешеные псы. Но бешеные псы должны уничтожаться, чтобы не заражать других, здоровых...

Всю дорогу, пока я добирался до Джозеф-тауна, меня не покидали такие чувства.

И вот, наконец, френдлизский сержант остановил мою машину у ворот города и открыл дверцу.

— Что тебе здесь нужно?

Его голос был резким и скрипучим. Его нашивки фельдфебеля оттенялись черным цветом униформы. На вид ему было не более тридцати.

Я открыл портфель и протянул часовому документы.

— Мое удостоверение ньюсмена,— сказал я.— Мне необходимо видеть вашего командира, полковника Джаймтона Блека.

— Тогда подвиньтесь,— сказал солдат.— Я должен провезти вас. Сами вы не найдете дороги.

Я подвинулся.

Он сел за руль, и мы поехали по аллее. Проезжая, я вслушивался в лающие, отрывистые слова команд, доносившиеся ко мне через открытое окно. Вскоре мы подъехали к одноэтажному зданию, и фельдфебель, остановившись, попросил меня подождать несколько минут и скрылся влутри.

Невдалеке проходила колонна солдат, во все горло распеваяющая свой боевой гимн «Солдат, не спрашивай!».

Я сидел, пытаюсь заблокировать свои уши. Не было никакого музыкального сопровождения, только луженые мужские глотки, да мерное топанье башмаков.

Фельдфебель, сопровождаемый офицером, подошел

к моему автомобилю. Присмотревшись, я узнал в офицере Джаймтона Блека.

Я находился в маленькой, плохо освещенной комнате. Протянув офицеру свои документы, я, пока он их рассматривал, попытался немного рассмотреть его, как-никак, мы не виделись с ним почти три года. Я заметил, что в его лице появился тот же фанатизм, что и у фельдфебеля, который расстрелял на Новой Земле пленников. Это особенно подчеркивалось усталыми глазами с тенями под ними. Прямая линия рта и нахмуренная бровь говорили о его намерении быть со мной строгим.

Джаймтон держал мои документы перед собой, возвращая их мне.

— Несомненно, мистер Олин,— сказал он,— у вас в другом кармане разрешение, выданное руководителем Экзотики для интервьюирования наемных дорсайцев, входящих в экспедиционный отряд... дорсайцев, которые противостоят нам, Избранныкам Бога, в этой войне!

Я улыбнулся. Его суровость возбудила во мне желание уничтожить его.

ГЛАВА 23

Фельдфебель на Новой Земле тоже называл себя Избранныком Божиим!

— Но вы же знаете, полковник, что люди «Гильдии» беспристрастны. Мы не придерживаемся никакой из сторон.

— Да,— усмехнулся губами Джаймтон,— вы поддерживаете правду!

— Конечно,— подтвердил я.— Только бывает так, что очень трудно определить, где правда, а где ложь! Сейчас вы здесь, на планете, которую ваши предки никогда не осваивали. И вам противостоят наемные войска двух миров, принадлежащих этой же звездной системе Порциона, частью которой является и Святая Мария. Я не уверен, что правда на вашей стороне.

Он покачал головой.

— Мы не ожидаем понимания от неизбранных.

— Не возражаете, если я сяду,— вставил я.— У меня болит нога.

— Пожалуйста,— поспешно сказал Джаймтон и подвинул мне стул.— Я решил встретиться с вами и помочь вам в вашей работе. Нужен ли вам автомобиль и водитель?

- Спасибо,— поблагодарил я его.— У меня все есть.
- Как хотите. Фельдфебель!
- Сэр!
- Поставьте на постой одного гражданского. Подготовьте пропуск для этого человека.
- Сэр! — голос солдата констатировал желание немедленно выполнить данный приказ.
- Полковник,— говорил я, вкладывая свои документы обратно в портфель.— Два года назад ваши Старейшины Совета Объединенных Церквей Гармонии и Ассоциации обвинили планетарное правительство Св. Марии в невыполнении долговых обязательств, поэтому-то вы и оказались здесь, чтобы взыскать соответствующую плату. Меня в первую очередь интересует такой вопрос: а много ли у вас людей и снаряжения?
- Это, мистер Олин, военная тайна.
- Тем не менее,— я закрыл портфель,— вы, в чине полковника, командуете оккупационными силами. Насколько мне объяснили, здесь, по меньшей мере, должен быть офицер со званием на пять рангов выше, чем ваше. Может быть, такой офицер прибудет, чтобы сменить вас?
- Почему бы вам, ньюсмен, не задать этот вопрос в штаб-квартире, на Гармонии?
- Но вы ожидаете подкрепления?
- Если это и так,— его голос был спокоен,— то это военная тайна.
- Но может быть, вы знаете, что ваш Генеральный Штаб на Гармонии решил, что эта экспедиция на Св. Марию обречена?
- Ничего не могу вам сказать, ньюсмен.
- И у вас нет комментариев,— пытался я хоть как-то растормошить его.
- Не стоит повторять сплетни, мистер Олин.
- Тогда последний вопрос. В случае весеннего наступления Экзотики вы планируете отступление на Запад? Или...
- Избранники никогда не отступают в войне,— перебил он меня.— Они никогда не покинут позиции и своих братьев во Господе.
- Джаймтон встал.
- У меня есть неотложная работа, мистер Олин.
- Я тоже встал.
- Думаю, мы переговорим еще раз, когда у вас будет больше времени.
- Конечно, фельдфебель, проводите ньюсмена.

По дороге к выходу фельдфебель выписал мне пропуск.

— Благодарю, — сказал я, беря этот документ. — Вы, случайно, не знаете, где находится штаб сил Экзотики?

— По нашим сведениям, они километрах в ста к востоку отсюда. Новый Сан-Маркос!

— Сан-Маркос, — повторил я. — Полагаю, вы осведомлены, что вам не пришлют подкрепления с Гармонии?

— Нет, этого я не знал, — сказал он невыразительным голосом. — Что-нибудь еще хотите узнать, сэр?

— Нет. Благодарю.

Он проводил меня к машине и остался стоять, пока я не тронулся. Мой путь лежал в Новый Сан-Маркос. За час я проделал три четверти пути. Но ехал я не в штаб Экзотики. Сейчас я ловил другую рыбу.

Это был проспект Золотоискателей. Я увидел сквозь стеклянную стену на первом этаже пожилого мужчину и зашел внутрь.

— Сэр? — спросил человек, когда я приблизился к нему.

— Думаю, вы поняли, кого я представляю, — сказал я. — Все миры знают Службу Новостей. Мы не поддерживаем местных политиков.

— Сэр?

— Вы хотите знать, как я вас нашел? — я улыбнулся. — Меня направил диспетчер космопорта Имер. За это я обещал ему свое покровительство. Мы оценим это, если с ним будет все в порядке.

— Боюсь, — его руки лежали на столе у меня на виду, — я вас не понимаю. Вы желаете что-то купить?

— Если это информация...

— Сэр, — вздохнул человек. — Боюсь, вас ввели в заблуждение и вы попали не в тот магазин.

— Напротив, — возразил я, — меня направили правильно, и я сейчас говорю с членом Голубого Фронта.

Человек покачал головой.

— Неужели вы не знаете, сэр, что Голубой Фронт — это пелегальная организация? До свидания, сэр!

— Минутку, я еще не кончил.

— Тогда извините, но если вы не хотите ничего купить, то я вас покину. Пока вы находитесь в этой комнате, сюда никто не войдет!

Он поклонился и вышел. Я оглядел пустую комнату.

— Хорошо, — сказал я громко. — Полагаю, что я дол-

жен говорить это стенам. Уверен, что они смогут услышать меня. Я — журналист, и все, что может интересоваться меня — это информация! И мы получили сведения, что командование Френдлиза вступило в контакт с Голубым Фронтом. Убийство вражеских командиров противоречит Кодексу Наемников и Уставу Ведения Войны... но ведь гражданские личности могут сделать то, чего не могут солдаты...

Стояла тишина.

— Как представитель Службы Новостей, я придерживаюсь правила беспристрастности, — продолжал я дальше. — Вы знаете, как высоко чтим мы наше кредо. Я только хочу задать вам несколько вопросов. Я клянусь, что ответы будут сохранены в тайне.

Некоторое время я ждал, но ответа не последовало. Тогда я повернулся и вышел.

Мой путь лежал в лагерь Экзотики.

Он был городом. Капитан по имени Джекол Марат встретил меня. Он привел меня в здание штаба. Здесь стояла деловая атмосфера. Солдаты были хорошо вооружены и обучены. Особенно это бросалось в глаза сразу же после того, как я побывал у френдлизцев. Я не преминул сказать об этом Джеколу.

— Наш командующий — дорсаец, думаю, что этим все сказано, — улыбнулся он. — И это делает всех нас оптимистами.

Я улыбнулся в ответ.

— Меня многое интересует. Все, что вы будете рассказывать, мне будет интересно!

— Ну... — заметил офицер, — думаю, что вы можете упомянуть в своих репортажах тот факт, что наши наниматели на Экзотике достаточно щедрь, когда надо платить за людей и снаряжение. И кроме того, посол Экзотики на Св. Марии, преподобный отец, вы знаете...

— Знаю.

— Он стал преподобным отцом здесь три года назад. Как мне говорили, он — что-то особенное, даже для представителя миров Купьтис и Мара. Он эксперт в каких-то онтогенетических вычислениях. Если только это что-нибудь вам говорит: для меня это пустые слова.

— Как зовут вашего командующего? — поинтересовался я.

— А вы разве не знаете? — удивился Джекол. — Его зовут Кейси Грим!

— Грим? Знакомая фамилия...

— Вы, наверное, слышали о другом члене их семьи,— пояснил Джекол.— О Донале Грима. Он племянник Кейси Грима. Однако Кейси не так известен, как юный Грим. Но думаю, что дядюшка вам больше понравится, чем племянник. Должен вам еще сказать, что у Кейси есть два обличья,— загадочно улыбаясь, проговорил капитан.

— Что вы имеете в виду? — изумился я.

— У Кейси есть брат-близнец — Ян Грим. Поэтому мы и шутим, что у Кейси два обличья. Кстати, Яна Грима можно встретить в Блаувейне. В посольстве Экзотики.

— Я не могу его знать, так как встречал очень мало дорсайпев.

— О, тут я ничем не могу помочь вам, ньюсмен, я тоже не слишком близко с ними знаком. Дорсай — небольшой мир, и те, что живут до старости...

Джекол остановился возле какого-то капитана, сидевшего за столом.

— Старик свободен, не знаешь? Позволь тебя познакомиться, Гарри, с ньюсменом из Службы Новостей.

— Думаю, что старик свободен,— проговорил офицер. Он нажал кнопку на приборной панели и через несколько секунд: — У него преподобный отец. Но сейчас он уходит, так что входите.

Джекол повел меня между столами. Но прежде чем мы вошли, перед нами открылась дверь, и я оказался лицом к лицу с человеком в голубых одеждах Экзотики. Его глубокие, коричневые глаза встретились с моими.

Это был Ладна.

— Сэр,— сказал Джекол,— это...

— Там Олин. Я его знаю,— медленно проговорил Ладна. Он улыбнулся нам и сказал: — Мне было больно слышать о вашем горе, Там.

— Моем горе? — удивился я.

— Да, о вашем шурине. О том молодом человеке, убитом у Кастлмейна, на Новой Земле.

— О,— только и мог я промывать сквозь зубы.— Я удивлен, что вы знаете об этом случае.

— Я знаю это из-за вас, Там,— коричневые глаза Ладны излучали свет.— Вы забыли? Я же рассказывал вам об оптогенетике, с помощью которой мы рассчитываем возможности человеческих действий в настоящем и будущем. Вы — важный фактор в этих вычислениях. Вот поэтому я и ожидал, что встречу вас на Святой Марии. Как видите, пока что вы входите в мою схему, Там,—

с этими словами Ладна рассмеялся громким счастливым смехом.

— Так вы знаете, что я делаю здесь, — взъерился я.

— У нас есть вычисления, — мягко сказал Ладна. — Но цели... пока что они скрыты. Кстати, заезжайте ко мне в Блаувеин, Там, я кое-что могу вам показать.

— Хорошо.

— Мы будем вам очень рады, — кивнул Ладна и пошел дальше.

— Сюда, — показал Джекол, и я двинулся за ним. — Командующий здесь.

Когда мы вошли в комнату, командующий стоял. Я ожидал увидеть хмурого темноволосого здоровяка, каким и были в целом дорсайцы, но передо мной стоял худощавый высокий мужчина в полевой форме. Передо мной был человек с ширококостным, но открытым улыбающимся лицом под темными, слегка вьющимися волосами, которое так редко встречается у дорсайцев.

Он крепко пожал мне руку.

— Входите, — сказал оп. — Ваши документы, ньюсмен. — Кейси сразу оценил мою униформу и понял цель моего визита. — Джекол, — обратился он к офицеру, — приготовь нам пока что-нибудь выпить, а потом, думаю, мы с ньюсменом сами разберемся, что к чему.

Джекол приготовил виски, отдал честь и вышел. Я присел с Гримом у маленького бара у стола. Впервые за три года под влиянием магии этого необычайно жизнерадостного человека немного мира вошло в мою душу. С таким человеком я не мог проиграть!

ГЛАВА 24

Пока мы сидели за рюмками с дорсайским виски, Кейси не спеша просмотрел мои документы. Наконец, он протянул их мне назад и спросил:

— Вы остановились в Джозеф-тауне?

Я кивнул и заметил, что он присматривается ко мне.

— Вы не любите Френдлиз? — заметил Кейси.

Его слова заставили мое сердце забиться сильнее. Я собирался откровенно поговорить с этим человеком. Но такой разговор начался слишком внезапно. Я отвернулся. Мне не хотелось отвечать прямо на поставленный вопрос. Я просто не мог. Нужно было рассказать слиш-

ком многое, и все равно это было слишком мало. Тогда я выдавил из себя:

— Если я сделаю что-нибудь значительное за оставшиеся мне годы — все это будет для того, чтобы устроить Френдлиз из общества цивилизованных человеческих существ.

Кейси молча рассматривал меня. Наконец, он покачал головой и пробормотал:

— Жесткая точка зрения, не так ли?

— Не жестче, чем их!

— Вы так думаете? — удивился командующий. — Я бы этого не сказал.

— Думаю, вы единственный человек, который побеждал их, — постарался я направить разговор в другое русло.

— Ну, да, — слегка улыбнулся генерал. — Но не забывайте, ньюсмен, что мы солдаты, хотя и воюем на разных сторонах баррикады. Поэтому я привык уважать своего противника.

— Не думаю, что они придерживаются того же мнения.

— Что вас заставляет так говорить?

— Я видел их, — ответил я. — Я был в полосе боевых действий под Кастлейном три года назад. Вы помните тот конфликт на Новой Земле? — я потерял свое колено. — Я был тогда подстрелен и не смог сориентироваться. Кассидиане вокруг нас отступали...

Я умолк и взял рюмку виски. Грим сидел и ждал моего продолжения.

— У меня был помощник, молодой кассидианин, — продолжал я. — Моя младшая сестра за два года перед этим уехала по контракту на Кассиду и вышла за него замуж. Этот помощник был моим шурином. — Грим взял у меня пустую рюмку и снова наполнил ее.

— Он не был военным. Он изучал механику в университете и ему предстояло учиться еще три года. Но он не очень удачно сдал экзамен, когда Кассида должна была поставить по контракту войска Новой Земле. — Я перевел дыхание. — Ну, укоротим историю. Он погиб на Новой Земле. Я думал, что спасу его, если возьму себе в помощники.

Я сделал глоток.

— Но мы попали в зону боев. Меня ранило, двинулись танки Френдлиза, и стало очень «жарко». Все стали

бежать, а Дэйв попытался помочь мне. Он думал, что танки раздавят меня, прежде чем заметят, что я ньюсмен... Потом нас взяли в плен, и фельдфебель, один из этих фанатиков, приказал сам себе от имени Бога разделаться с пленными. Как будто это были низшие существа, которых можно и нужно было убивать. И он их убил! Я сидел под деревом и смотрел, как этот фанатик расстреливает их. Я сидел там и видел Дэйва, видел, как он падает под градом пуль.

Я никогда никому не рассказывал этого, но что-то в Грime располагало к нему и вызывало доверие.

— Да,— сказал офицер.— Это очень плохо. А того фельдфебеля нашли?

— Его расстреляли, но что толку...

Он кивнул и, не глядя на меня, сказал:

— Они не все такие, поверьте мне.

— Таких вполне достаточно, чтобы создать репутацию всем.

— К несчастью, да. Поэтому в этой компании,— улыбнулся Грим,— мы постараемся уберечься от подобных вещей.

— Скажите мне,— сказал я, поставив рюмку на стол,— как бы вы поступили, если бы подобное произошло с вами? Так же?

Наступила тишина. Она казалась мне томительно долгой в ожидании ответа. Я чувствовал, как мое сердце медленно отстукивает удары. Наконец, Грим сказал:

— Нет! Я бы так не поступил!

— Но почему нет? — вскричал я.

В комнате возникло напряжение. И я понял, что слишком поторопился. Я говорил с ним, как с человеком, и позабыл, кем он был еще. Я отбросил свое впечатление о нем, как о человеке, и стал думать, как о дорсайце — личности, тренировавшейся всю жизнь. Эта тренированность передавалась из поколения в поколение и превратила этих людей в настоящих бойцов. Кейси не изменил тона своего голоса, когда заметил, что я делаю что-то не то. Он не изменил тональности, но у меня создалось впечатление, что расстояние между нами увеличилось.

Я вспомнил, что рассказывали о его народе. О народе с небольшого, холодного и гористого мира. Если бы дорсайцы отказались паниматься на другие миры, а бросили бы им вызов, то не было бы такого мира, который смог бы устоять перед ними. Никогда прежде я не верил этому. Никогда я не думал об этом. Но сидя здесь, после

того, что здесь произошло, это стало для меня реальностью. Я уже знал, что то, что он сейчас скажет, будет сущей правдой.

— Я не поступлю так, — повторил Кейси Грим не спеша, — потому что это будет противоречить второй статье Кодекса Наемников.

Он резко улыбнулся и предложил пойти пообедать в офицерскую столовую.

Мы обедали вместе. Еда была очень хорошей. Кейси предложил мне остаться на ночь, но я не мог лишиться себя удовольствия отправиться в тот холодный, безрадостный лагерь вблизи Джозеф-тауна, где были мои враги.

Я вернулся.

Было около 23 часов, когда я проехал створ ворот и припарковался у входа в штаб. Площадка перед ним была освещена слабо. Возле стены я увидел какие-то сумеречные очертания. Приглядевшись, я обнаружил, что это Джаймтон.

Он находился не так далеко от меня. Я вышел из машины и подошел к нему.

— Мистер Олин, — ровным тоном сказал он, — рад вас видеть.

В темноте я не мог видеть выражение его лица.

— У меня к вам несколько вопросов, — улыбнулся я.

— Уже довольно поздно отвечать на вопросы, — начал уклончиво френдлизец.

— Но это не займет слишком много времени, — я старался увидеть его лицо, но оно продолжало находиться в тени. — Я посетил лагерь Экзотики. Их командующий — дорсаец. Думаю, вы знаете об этом.

— Да.

Я почти разглядел движение его губ.

— Я хотел бы задать вам всего один вопрос, полковник. Вы приказываете своим людям убивать пленных?

Между нами возникло короткое напряженное молчание. Затем Джаймтон ответил:

— Убийство или нанесение вреда военнопленным запрещены второй статьей Кодекса Наемников.

— Но вы ведь не относитесь к наемникам? Разве не так? Вы же находитесь на службе Френдлиза?

— Мистер Олин, — говорил он, пока я безуспешно пытался разглядеть эмоции на его лице. Слова доносились до меня ровно, спокойно, несколько растянуто. — Мой Господь приказал мне быть его Слугой и вождем

людей войны, и ни в одной из этих задач я не подведу его.

И не добавив больше ничего, Блек повернулся и ушел.

Я возвратился в свою комнату, разделся и лег на жесткую, узкую кровать которую они предоставили мне. Накрапывающий снаружи дождь прекратился. Через открытое окно я мог разглядеть звезды.

Я лежал, пытаюсь заснуть, но события дня так взволновали меня, что сна не было. Встреча с Ладной неожиданно удивила меня. Я почти забыл, что он может вычислять действия такого человека, как я, и обдуманно искать встречи со мной при помощи своей науки онтогенетики.

Поэтому мне необходимо было начать первому!

Никто, думаю, не придет к фантастической мысли, что один человек, даже такой, как я, может уничтожить культуру двух человеческих миров Френдлиза. Но Ладна может прийти к такому выводу... Он вполне может прийти к этому своими вычислениями и помешать мне. Я обязан быть первым!

Новый ветер дул между звездами. Четыреста лет назад мы все были людьми Земли — Старой Земли, материнской планеты, которая была моей родиной. Мы были одним народом!

Но с переселением на новые миры человеческая раса «распалась», если использовать термин Экзотики. Каждый маленький социальный обломок и психологический тип развивался отдельно и прогрессировал в создании определенных социальных групп. Мы имели уже полдюжины специализированных обществ — военных на Дорсае, философов на Экзотике, ученых на Нептуне, Кассиде, Венере...

Изоляция подстегивала специализацию типов. Но наряду со специализацией начали расти связи между мирами. Изолированные миры, не признающие другие сообщества людей, просто-напросто вымирали. Торговля между мирами стала торговлей квалифицированными кадрами. Ценившиеся генералы с Дорсаа обменивались на психологов с Экзотики, коммуникационники со Старой Земли, подобные мне, обменивались на конструкторов космических кораблей с Кассиды. Это продолжалось уже больше ста лет. Но эта торговля начала опять спланивать миры. Экономика, зиждущаяся на связях между планетами, начала спланивать расу в единое целое. И тут

возникло противоречие: наряду с единством миров каждая планета боролась за то, чтобы идти своим собственным путем!

Необходим был компромисс — не жесткая и суровая религия Френдлиза, отвергающая всякое соглашение и поэтому приобретающая много противников. На других мирах общественное мнение было настроено против Френдлиза. Дискредитировать их, унижить, вымазать грязью, показать всю их несостоятельность в деле ведения войн — вот что стало моей задачей. После этого они никогда уже не смогут сдавать впаяем своих солдат. Таким образом, нарушится равновесие в торговле с другими мирами. Они не смогут больше нанимать квалифицированных специалистов с других планет для того, чтобы их два мира могли хотя бы сносно существовать! И тогда наступит смерть. Они умрут. Как умер молодой Дэйв. Медленно, в темноте...

Я лежал в лагере Френдлиза, не в силах заснуть, и вспоминал. И слушал топот марширующих солдат, который не утихал здесь даже ночью. «Солдат, не спрашивай...» — этот гимн определенно начинал действовать мне на нервы. Но при мысли о том, что ему недолго осталось звучать в этом мире, я успокоился. Начал пакрапывать дождь, своим мерным шепотом убаюкивая меня...

ГЛАВА 25

В день моего приезда на Святую Марию шел дождь. Но больше уже дождей не было. День за днем поля подсыхали и вскоре уже наверняка смогли бы выдержать вес танков. Тем не менее, и Экзотика, и Френдлиз не спешили с военными действиями, продолжая тренировки своих солдат.

За все время, пока я находился на этой планете, я ничего не слышал о Голубом Фронте, хотя, выполняя работу журналиста, имел много контактов с местными жителями. Но одно все же я узнал — ювелирная лавка, которую я посетил в первый же день по приезде, оказалась покинутой. Этого мне только и надо было.

После этого я установил наблюдение за Джаймтоном Блеком, и к концу недели мои ожидания оправдались.

В девять часов, в пятницу, наблюдая за штабом Блека, я заметил, что трое гражданских вошли в штаб Френдлиза. Они оставались там чуть больше часа. Когда

они ушли, я отправился спать. Сны в эту ночь меня не беспокоили.

Следующим утром мне принесли письмо из Службы Новостей с личной благодарностью за подробные репортажи о событиях на Св. Марии. Три года назад это меня здорово бы обрадовало. Но только не сейчас. Совет почему-то решил, что я привлек огромное внимание человечества на всех мирах к событиям на Св. Марии, и поэтому решил помочь мне, прислав несколько помощников. Но я не мог позволить, чтобы персонал «И. Н. С.» видел то, чем я здесь занимаюсь.

Я сел в автомобиль и направился в Новый Сан-Маркос, намереваясь посетить штаб Экзотики. Но километрах в двадцати от Джозеф-тауна я был неожиданно остановлен патрулем Френдлиза. Они узнали меня.

— Ради бога, мистер Олин, — сказал один из них, подбежавший ко мне ближе всех, — вам нельзя дальше ехать!

— Не возражаете, если я спрошу — почему?

Солдат повернулся и указал на небольшую долину между двумя поросшими лесом холмами.

— Тактический смотр, сэр.

Я посмотрел в предлагаемом направлении. В небольшой долине между двумя холмами было всего ярдов сто ширины. На поросших лесом склонах виднелись проплешины сиреневых кустов. Они расцвели всего лишь несколько дней назад. Сам луг был зеленым и хорошо контрастировал с кустами цветущей псевдосирени. За «дубами», составляющими основную массу деревьев, я заметил черную форму солдат Френдлиза. А в середине всего этого, в самом центре луга, рассыпались цепью фигуры в черном и какие-то движущиеся устройства. Высокая трава, поднимаемая ими, оставляла хорошо различимый след.

Я оглянулся на юнца-солдата.

— Похоже, что вы уже готовы разгромить Экзотику?

Он посмотрел на меня, словно не почувствовал irony в моих словах.

— Да, сэр, — сказал он серьезно.

— И у вас не возникло ни тени сомнения? У вас не возникло и мысли о том, что вы можете проиграть?

— Нет, мистер Олин, — солдат отрицательно покачал головой. — Человек, который идет в бой руководствуясь повелением Господа, не может проиграть, — он увидел мою усмешку и решил, что меня необходимо еще убедить. — Господь простирает длань над своим Воинством

и все делает для того, чтобы оно победило... или погибло с честью! А что есть смерть?

Я ответил за него, что есть смерть, но он этого не услышал.

Смертью был фельдфебель, убивший пленных. Вот что такое смерть!

— Позовите-ка мне офицера,— попросил я солдата.— Мои документы позволяют мне передвигаться здесь.

— Сожалею, сэр,— отозвался еще один из патрульных.— Но мы не имеем права оставлять наш пост без приказа офицера. А он вскоре должен подойти. Так что подождите или возвращайтесь назад!

Я подумал, что это «вскоре» скорее всего будет не скоро!

Так оно и оказалось. Наконец, ближе к полудню, к нам подошел лейтенант и разрешил мне следовать дальше.

Когда я попал в штаб Грима, солнце уже садилось, отбрасывая на землю длинные тени от деревьев. Казалось, лагерь уже спал. Но не нужно было обладать большим опытом, чтобы понять, что силы Экзотики уже выступили против солдат Джаймтона. Я нашел капитана Джекола.

— Могу ли я видеть командующего Грима,— поинтересовался я у него.

Капитан покачал головой.

— Сейчас нет, к сожалению.

— Джекол,— напирал я,— поймите, что мне надо! Это не блажь репортера. Дело идет о жизни и смерти. Я ДОЛЖЕН видеть Кейса Грима.

— Подождите,— согласился все же капитан. Он вышел из комнаты и вернулся через пять минут.

— Прошу вас, ньюсмен,— пригласил он меня следовать за ним.

Мы оказались в небольшой комнате, которая одновременно служила и спальней, и кабинетом и в которую сразу же вошел Кейси Грим, одетый в полевую форму. Он насмешливо посмотрел на меня и, отослав капитана, обратился ко мне:

— В чем дело, ньюсмен? Зачем я вам так срочно понадобился?

— Я знаю, что вы готовы выступить против Экзотики, если уже не выступили.

Грим с усмешкой посмотрел на меня и начал рассматривать убранство своего помещения. Глядя на него,

я почувствовал в нем какой-то особый, неуловимый признак дорсайца. Это не были его физические параметры или же сила. Это не было даже то, что его с детства тренировали для войны, как и всех рожденных для быта. Нет, это было что-то жизненное, но непередаваемое. Какое-то неуловимое отличие, характерное для дорсайцев. Похожее можно было сразу же уловить у выходцев с Экзотики, Нептуна или же Кассиды. Что-то общее было в каждой группе людей определенного мира. Я мысленно сравнил Кейси с Джаймтоном, и мысль о какой-либо победе Френдлиза стала смешной.

Но угроза существовала.

— Я расскажу вам, сэр, для чего я пришел, — не вынес я молчания. — Ко мне поступили сведения, что Блек вошел в связь с Голубым Фронтом. Прошлой ночью трое из этого тайного общества посетили его.

Кейси внимательно посмотрел на меня.

— Я знаю!

— Вы что, не понимаете? — удивился я. — Это же убийцы. Убийство — их ремесло. И встреча с Джаймтоном не случайна.

Кейси все еще внимательно смотрел на меня.

— Я знаю. Их задача — свержение нынешнего правительства, но пока мы здесь, это бесполезно.

— Согласен, сэр, — сказал я. — Это было бы верно, если бы они не имели поддержки Джаймтона!

— А они ее имеют? — оживился Грим.

— Положение Френдлиза на этой планете безнадежно. Даже если Гармония придет к выводу, что подкрепления необходимы, Джаймтон все равно проиграет, ибо он знает, что вы уже выступили против него. А помощь попросту не успеет подойти... Убийства запрещены Кодексом Наемников и Уставом Ведения Войн, но вы не знаете Френдлиза!

Кейси странно взглянул на меня.

— Вы?

Я поймал его взгляд.

— Ньюсмен, — продолжал Кейси, — моя профессия требует, чтобы я знал тех людей, с которыми воюю. Но что вас заставляет знать их?

— Моя профессия, сэр, — сказал я. — Может быть, вы забыли это, но я ньюсмен! Мое дело — изучение людей, чтобы предугадать их поступки!

— Это больше похоже на задачи психологов, — весело рассмеялся Грим. — И что же вы нашли, изучая людей?

— О, я видел людей. Видел торговца с Сеты — он ищет свою максимальную прибыль, но продолжает оставаться человеческим существом. Видел нептуняна и венериан, витающих в заоблачных высях, но если вы вернете их к действительности, оторвете от науки, то увидите, что они ЛЮДИ! Видел уроженцев Экзотики, подобных Ладне, с их умственными фокусами и видел фрилендеров с их тесной сплоченностью. Видел я все миры и все народы и скажу вам, что есть нечто, характерное для них всех. Все они — ЛЮДИ! Любой из них — ЧЕЛОВЕК. Только они специализируются в разных, присутствующих только им областях.

— А Френдлиз нет?

— Фанатизм, — покачал я головой. — Разве это ценность? Что хорошего в слепой, глупой, тупой, бездушной ненависти, которая лишает людей всего человеческого без надежды на исправление. Что хорошего в том, что такая культура существует на свете?

Кейси Грим покачал головой.

— Вы что-то говорили, пьюсмен, о Голубом Фронте?

— Да, — кивнул я головой. — Я пришел сюда предложить вам следующее, командующий. Докажите, что Френдлиз нарушает Кодекс Наемников и Устав Ведения Войн тем, что нанимает Голубой Фронт для политических убийств, может быть, даже и вашего, тем самым вы одержите победу на этой планете без единого выстрела.

— Но как мне это доказать?

— Думаю, что я смог бы быть вам полезным, командующий. У меня есть кое-какие подходы к Голубому Фронту. Если вы дадите мне все полномочия, то я пойду и перебью цену Джаймтопа. Думаю, если вы предложите признание их нынешним правительствам, они успокоятся и отвернутся от Френдлиза. Ладна и Святая Мария будут признательным вам, если удастся так легко очистить планету от фанатиков.

Ни один мускул не дрогнул на лице дорсайца.

— А что я должен купить у них? — спросил он.

— Свидетельство под присягой, что их наняли, чтобы убить вас, сэр.

— Но ни один межпланетный суд не поверит таким людям, — возразил Кейси.

— Ох,— вздохнул я и не мог не улыбнуться.— Они поверят мне, как представителю «И. Н. С.», когда я подтвержу их слова.

Опять повисло молчание. На его лице не возникло никаких эмоций.

— Вижу,— сказал он, наконец, затем встал и прошел в прихожую.— Джекол,— позвал он.

На пороге возник капитан.

— Сэр?

— Мистер Олин остается здесь до дальнейших распоряжений.

— Хорошо, сэр.

Грим кивнул мне и вышел.

Я стоял, окаменевший, не в силах произнести ни слова. Я не мог верить, что он арестовал меня, чтобы предотвратить тем самым кое-какие мои дальнейшие действия. Я повернулся к Джеколу. Он следил за мной с сочувствующим выражением лица.

— Его преподобие в лагере? — спросил я.

— Нет,— Джекол прошелся передо мной.— Ладна вернулся в посольство в Блаувейн. Будьте хорошим парнем, ньюсмен, и сидите смирно. А то в течение нескольких последующих часов вы можете оказаться убитым.

Мы стояли лицом к лицу и, недолго думая, я ударил его в солнечное сплетение.

В университете я немного занимался боксом. Упоминаю не для того, чтобы вы считали меня мускулистым героем, а только для того, чтобы объяснить, каким образом я освободился из-под опеки Грима.

Джекол упал на пол и лежал без чувств. Я перешагнул через него и вышел.

Лагерь был пуст, и поэтому никто не остановил меня. Я сел в свой автомобиль и уже через пять минут мчался по дороге в Блаувейн.

ГЛАВА 26

От Нового Сан-Маркоса до Блаувейна было 1400 километров. Обычно в хорошую погоду такая поездка заняла бы у меня часов шесть, но поскольку было уже темно и опустился туман, до посольства Ладны я добрался лишь через четырнадцать часов.

Я позвонил и, когда привратник открыл дверь, поинтересовался, здесь ли преподобный отец Ладна.

— Мистер Олин? — заинтересовался охранник. — Преподобный отец давно ожидает вас.

Привратник улыбнулся, но я не обратил на его слова никакого внимания. Я был слишком рад, что Ладна не успел еще уехать.

Мужчина, который открыл мне дверь, провел меня через коридор внутрь дома, и я предстал перед молодым симпатичным парнем, уроженцем Экзотики, который представился мне личным секретарем Ладны. Он встал из-за стола и вновь повел меня куда-то в глубь дома. Перед какими-то дверьми юноша остановился и, сказав, что эта дверь — вход в личный кабинет его шефа, удалился. Я открыл дверь и переступил через порог. Но оказался не в кабинете, а в другом каком-то коротком коридоре. И тут я увидел что-то невероятное. Ко мне приближался Кейси Грим. Но к моему удивлению он только бегло взглянул на меня, кивнул и прошел мимо. Тогда я понял, кто это был. Конечно же, это был не Кейси. Передо мной только что прошел его брат-близнец — Ян Грим — командующий гарнизоном войск Экзотики в Блауейне. Я никак не мог предполагать, что братья так похожи, хотя неоднократно слышал, что они близнецы. Ведь Джекол не раз говорил мне об их диаметральной противоположности. Если Кейси, когда военные дела не занимали его, был подобен лучу солнца, то Ян, его физический близнец, скорее напоминал Одипа, был подобен тени. Казалось, древняя дорсайская легенда возвратилась к жизни. Передо мной только что прошел мрачный человек с железным сердцем и темной одинокой душой. В могучей крепости своего тела он был как отшельник в хижине среди гор. Это был неистовый и одинокий горец из древней сказки, вновь возвращенной к жизни. Если верить слухам, то чернота, которую излучал Ян, иногда рассеивалась в присутствии Кейси. Но, несмотря на столь удивительное различие, в военном смысле оба брата были великолепными образцами дорсайских офицеров.

Все эти мысли невольно вылетели у меня из головы, когда я, пройдя через маленький коридор, толкнул дверь и оказался в помещении лицом к лицу с Ладной.

— Входите, мистер Олин, — сказал священник, вставая, — и идите за мной.

Он повернулся и вышел. Я последовал за ним и оказался на открытой площадке у припаркованного автомобиля. Ладна сел за пульт управления и жестом пригласил меня садиться на заднее сиденье.

— Куда это мы направляемся? — подозрительно поинтересовался я.

Священник, коснувшись кнопки автопилота, поднял аппарат в воздух. Затем, повернувшись ко мне с креслом, он произнес:

— В полевой штаб командующего Грима! — Его глаза были все того же коричневого цвета, но они испускали какой-то лучистый свет, который не позволял мне изучать выражение его лица.

— Понятно... — протянул я, — но надобно вам знать, преподобный отец, что мой статус ньюсмена защищает меня не только от Френдлиза, но и от Экзотики. Произвол с ньюсменом даже на такой планете, как Экзотика, не может пройти даром. Учтите это, святой отец.

Ладна сидел лицом ко мне. Его руки были сцеплены вместе. Бледные руки на фоне голубизны одежды загипотизировали меня.

— Вы находитесь здесь в соответствии с моим решением, а не с приказом Кейси Грима.

— Я хотел бы знать, почему? — спросил я с нажимом.

— Потому что вы очень опасны!

Он выпрямился в кресле, не отрывая от меня взгляда. Я ждал, что он будет продолжать, но Ладна молчал.

— Опасен? — удивился я. — Опасен для кого?

— Для нашего будущего. Вы, ньюсмен, опасны для всех нас. Будущее человечество...

— К черту его! — воскликнул я.

Священник покачал головой. Его глаза неотрывно следили за мной.

— Хорошо, — согласился я. — Объясните мне тогда, почему это я опасен?

— Потому что вы хотите уничтожить жизнеспособную часть человеческой расы. И вы знаете как!

Наступило короткое молчание. Автомобиль беззвучно скользил над полями.

— Что за странные инсинуации, сэр? — спросил я спокойно. — Хотелось бы знать, почему они у вас возникли? На основании чего?

— Из наших онтогенетических вычислений, — произнес Ладна таким же спокойным тоном. — И это не выдумки, Там, а обоснованные вычисления.

— Опять эти ваши ученые, святой отец, стоят на моем пути, — рассмеялся я через силу. — Чего вы конкретно сейчас хотите от меня?

— Я предлагаю вам, ньюсмен, выслушать меня.

— Выслушать? Ну, конечно! Ведь это моя обязанность — выслушивать людей. Рассказывайте.

Ладна поправил что-то на пульте, потом опять повернулся ко мне.

— Человеческая раса раскололась эволюционным взрывом, когда межзвездная колонизация стала практически решенным делом. Это произошло из-за расового инстинкта, от которого в полной мере мы не избавились до сих пор.

Я достал блокнот.

— Мне надо кое-что записать.

— Если желаете, — беззаботно согласился Ладна. — После этого взрыва начали развиваться человеческие культуры, основанные на отдельных качествах человеческой личности. Борющейся, сражающейся ветвью человечества стал Дорсай. Ветвью, которая паделаила индивидуума верой и кое-чем другим, стал Френдлиз. Философская и культурная ветвь — это Экзотика, к которой принадлежу и я. Мы называем такие миры «осколочными культурами».

— Мне об этом известно, — кивнул я.

— Вы знаете о них, Там, но вы совсем не знаете их!

— Что? Почему это?

— Потому что вы, как и все наши предки, — с Земли! Вы представляете ствол, который включает все ветви человечества. «Осколочные» люди эволюционно изменились по отношению к вам.

Я почувствовал легкую боль, пронзившую все тело. Эти слова пробудили во мне эхо голоса Матиаса.

— О? Боюсь, что я не замечаю этого.

— Потому что вы не хотите замечать этого. Если бы вы допустили, что они отличаются от вас, то должны были бы судить их уже по другим нормам.

— Отличаются от меня? Но в чем?

— Они отличаются от вас, людей Старой Земли, чувством, общим для всех индивидуумов «осколочных» миров, — понимать и совершать поступки инстинктивно, в то время как вы экстраполируете свое воображение. Поймите, Там, отличие заключается в том, что вместо всех сторон его умственных и физических способностей представитель «осколочной» культуры имеет одну, в крайнем случае, несколько необыкновенных способностей, остальные же игнорируются и атрофируются. Эти способности развиваются вместо атрофированных настолько сильно, что создается новая личность, и в этом случае мы имеем не

больного, неполноценного человека, а здоровую, духовно богатую личность, сильно отличающуюся от нас.

— Здоровую? — удивился я, мысленно увидев френдлизкого фельдфебеля, убивающего Дэйва у меня на глазах.

— Да! Мы можем получить здоровых людей. Здоровых, как культуру, а не как единичных представителей этой культуры.

— Извините, — покачал я головой. — Но этому я не верю.

— Вы верите, Там, — мягко проговорил Ладна. — Хотя неосознанно, но вы этому верите. Поэтому-то вы и намерены воспользоваться слабостью этой культуры, чтобы уничтожить ее.

— Что еще за слабость?

— Обычная слабость, в которую превращается любая сила. Должен вам заметить, Там, что «осколочные» культуры из-за своей узкой духовной специализации нежизнеспособны.

Я постарался выглядеть опарашенным. Буквально опарашенным этими словами.

— Нежизнеспособны? Вы хотите сказать, что они не могут жить сами по себе?

— Думаю, что вы, ньюсмен, об этом уже сами догадались, — холодно заметил Ладна. — В связи с распространением в космосе человеческая раса изменяется под воздействием окружающей среды, пытаюсь адаптироваться в ней. Эти изменения затрагивают все элементы личности. Теперь, в наше время, эти элементы — «осколочные» культуры — выжили и приспособились. И вскоре должно наступить время для взаимослияния ветвей, взаимопроникновения культур с целью создания более совершенного, всесторонне развитого человека.

Аэромобиль начал снижаться. Мы прибыли к цели нашего назначения.

— Если же вы разрушите одну из «осколочных» культур, — продолжал Ладна, — то в итоге не получится Человек, впитавший в себя все осколочные ветви. А это будет означать смерть для человечества. Потому что его целое один ценный элемент его «души», будет безвозвратно утерян.

— А может, это не будет потерей?

— Это будет жизненной потерей, — покачал головой Ладна. — И я могу доказать это. Вы представитель «столовой» культуры, имеет в себе все элементы «осколочных»

культур. Когда вы убьете часть себя, как вы будете выглядеть?

Аппарат коснулся земли. Дверь открылась. Я выглянул и увидел поджидающего нас Кейси. Он стоял, рослый и жизнерадостный, почти на две головы выше Ладны и выше меня тоже. Когда мы встретились с ним взглядом, на его лицо проступило неудовольствие.

— Я — ньюсмен, — с вызовом глядя на него, произнес я, выпрыгивая из машины. — Не забывайте этого, генерал. Я делаю то, что хочу делать!

Кейси передернул плечами, но ничего не сказал.

Ладна поздоровался с Гримом за руку и пошел внутрь здания. Мы с Кейсом последовали за ним. Среди офицеров, выстроившихся в штабе, очевидно, был и Джекол, но я его не заметил.

На столе Грима лежало что-то, что он поднял и передал мне.

Это была мнемозапись от Элдера Брайта к командующему обороной X-Центра на Гармонии. Она была двухмесячной давности. Меня удивило это, так как общеизвестно, что мнемозапись невозможно перехватить и расшифровать.

«Во имя Господа нашего!

Да будет вам известно, генерал, что с тех пор, как наши войска на Святой Марии не добились мгновенного успеха, не следует больше оказывать им никакой помощи. Мы будем продолжать боевые действия на этой планете без расширения нашего вмешательства. И если случится, что, исполняя ЕГО волю, мы не добьемся успеха, тогда было бы верхом безбожия продолжать попытки нарушить это святое желание. Наши братья на Св. Марии должны знать, что помощи им ждать неоткуда, что им придется продолжить борьбу своими силами, с верой в Господа и Непобедимость Святой Церкви. Внемлите этому приказу во имя Господа нашего!

По приказу того, кого зовут
Старейшим среди избранных
Элдер Брайт»

Я оторвался от мнемо. Грим и Ладна следили за мной.

— Как вы достали это? — изумился я. — Впрочем, нет, все равно вы не скажете правды. Еще я хотел бы спросить вас, господа. То, что здесь написано, уже давно известно. Так вот, почему вы позаботились познакомить меня с этим документом?

— Думаю, что это могло бы помочь вам переменить свой взгляд на кое-какие вещи. Думаю...— медленно говорил Ладна.

Но я перебил его:

— Каким образом?

— Если бы вы внимательно прочли это донесение и действительно поняли бы, о чем упоминает Брайт, то вы смогли бы понять и отдельно каждого из френдлизцев. Вы могли бы изменить свое предубеждение против них.

— А я так не думаю!

— Позвольте мне сделать еще кое-что,— сказал Ладна.— Возьмите мнемо с собой.

Я застыл на мгновение.

— Хорошо. Я возьму его с собой на квартиру и подумаю. Поблизости есть автомобиль? — я посмотрел на Кейси.

— Метрах в двухстах отсюда,— ответил он.— Но я вам не советую пользоваться им. Френдлиз уже маневрирует у наших позиций.

— Возьмите мой аэромобиль,— предложил Ладна.— Флаг посольства поможет вам пересечь линию фронта.

— Спасибо.

Мы направились к аэромобилю. Сев за пульт управления, я заинтересовался у священника:

— А как мне вернуть вам машину?

— Вы можете послать мобиль назад автопилотом, Там,— предложил Ладна,— когда он вам уже не понадобится.

Я согласно кивнул.

Закрыв дверцу, я взлетел.

В полете я вытащил мнемо из кармана. Моя рука задрожала. Это был рычаг. Архимедов рычаг, с помощью которого я смогу сокрушить Френдлиз!

ГЛАВА 27

Меня уже ждали. Как только я приземлился в расположении войск Френдлиз, четверо человек окружили мою машину, держа винтовки наперевес. Я знал этих солдат. Один из них был фельдфебель, которого я встретил в свое первое посещение лагеря, трое остальных — солдаты караульной роты. Похоже, что френдлизцы и меня узнали, так как стрельбы не последовало.

— Мне нужен полковник, ребята, — крикнул я, открывая дверцу машины.

— Почему вы находитесь в этой машине, ньюсмен, — подозрительно спросил фельдфебель. — Этот аэромобиль не должен находиться здесь!

— Я должен видеть полковника Блека немедленно. Поэтому-то я и воспользовался аэромобилем Экзотики.

Они не могли не понять, что я должен был видеть Блека по очень важной причине, и я знал это. Они немного потянули время, но уступили.

Я нашел Джаймтона в его кабинете. Он был в полевом снаряжении, как и Кейси. Но если на том оружие и снаряжение выглядели, как игрушки, то у Блека они были тяжеловаты на вид.

— Добрый день, — поздоровался офицер.

Я прошел через комнату и достал мнемо из кармана. Джаймтон нервно перебирал пальцами свое снаряжение.

— Вы выступили против Экзотики, полковник?

Он кивнул. Никогда прежде я не был так близок к нему и не видел его так отчетливо. Если раньше он виделся мне монументом, изваянным из камня, то теперь я увидел вместо каменной неподвижности печать усталости духа на его бледном лице. Под глазами у него были темные круги. Уголки рта опустились.

— Это мой долг, мистер Олин.

— К черту долг, — вскричал я, — если ваши лидеры на Гармонии вычеркнули вас из своих списков!

— Я уже говорил вам, мистер Олин, — сказал он спокойно. — Избранные не предадут Господа и тем более друг друга!

— Вы уверены в этом, полковник?

Он слегка усмехнулся.

— В этом предмете я более сведущ, чем вы.

Я посмотрел в его глаза. Они были усталыми, но спокойными. Я взглянул на фото в солидографе на столе, где на фоне церкви стояли пожилые мужчина и женщина, а также юная девушка.

— Ваша семья, Блек?

— Да!

— Вы вспоминаете их сейчас?

— Я очень часто думаю о них!

— И в то же время собираетесь убить себя?

— Вы ничего не понимаете, Там.

— О, я отлично вас понимаю. Понимаю всех вас, френдлизцев! Вы так красиво лжете, так хорошо, что сами

верите в свою ложь. Потому что, если вы ее отбросите, вам ничего не останется! Не так ли? Поэтому вы скорее погибнете теперь, чем допустите совершение самоубийства, которое не является самой величественной вещью во Вселенной! Вы скорее умрете, чем допустите прощение долгов или чего-либо еще...

Блек не двигался.

— Кто вы, делающие глупость? — продолжал я дальше. — Я изучал вас, как это делают люди на других мирах. Я знаю, что за мумбо-юмбо ваша Объединенная Церковь! Я утверждал, что тот путь, о котором вы гнусавите на всю Вселенную, не есть тот, о котором вы мечтаете! Я знаю вашего Брайта — этого узко мыслящего старика, который возглавляет мировую тиранию и не верит в то, о чем сам говорит. Я уверен, что ты знаешь это!

И я ткнул ему под нос мнемо.

— Читай!

Он взял. Я отступил назад, чтобы лучше видеть выражение его лица.

Блек просмотрел документ и вернул его мне. Выражение его лица не изменилось.

— Могу я помочь вам встретиться с Гримом, полковник? — поинтересовался я официальным тоном. — Вы могли бы передать ответ через линию фронта в посольском аэромобиле. Вы сможете капитулировать прежде, чем начнется стрельба!

Джаймтон отрицательно покачал головой.

— Вы отказываетесь? — вскричал я.

— Вам лучше переждать здесь, — тихо проговорил Джаймтон. — Даже с посольскими флагами мобиль может быть обстрелян над боевыми порядками наших войск. — Он отвернулся от меня, словно собирался уходить.

— Куда ты? — закричал я, протягивая ему мнемо. — Поверь, это действительность!

Он остановился и внимательно посмотрел на меня. Затем подошел и сжал своими пальцами мою руку с зажатым мнемо. Я не ожидал, что в нем столько силы.

— Поверь мне, Там, что я все знаю... И еще, я хотел бы предостеречь вас, мистер Олин, чтобы вы не вмешивались больше ни во что! Мы выступаем.

Блек повернулся и...

— Ты лжец! — я должен был остановить его и поэтому, схватив со стола солидограф, пхвырнул его на пол.

Френдлизец повернулся, как кот, и бросился к моим ногам собирать осколки.

— Вот что вы делаете! — крикнул я, указывая на них. Он посмотрел на меня так, что я замср.

— Если бы не мои обязанности, то...

Он умолял. Я увидел его глаза, вшившиеся в меня. Это был убийца!

— Ты... — спросил я медленно. — Ты не веришь мне?

— Что заставило тебя думать, что мнемо принудит меня изменить свои убеждения?

— Прочти! — прорычал я. — Брайт написал, что помощи не будет! И вам ничего не сказали из опасения, что вы капитулируете!

— Вот что ты понял!

— А как же еще? Что же другое можно было прочитать в этом приказе?

— Так, как там написано, — он встал прямо, сверля меня глазами. — Вы прочитали это без веры, пьюсмен, отбросив имя и Волю Божью. Старейшина Брайт не писал, что мы покинуты. Он вверяет нас в руки нашего Бога! А если нам не сообщили об этом, то только для того, чтобы никто не суеился и не падевал на себя венец мученика. Взгляните, мистер Олин, это написано черным по белому!

— Но он не это имел в виду. Не это! Кроме того, ведь он сам приказал, чтобы вам сообщили о прекращении поддержки. Но вам никто ничего не говорил. Значит, в его окружении...

— Мистер Олин, — покачал головой Блек, — я не могу оставить вас в таком заблуждении.

Я всмотрелся в его лицо и заметил искры симпатии к себе.

— Это ваша собственная слепота, — пачал он, — сбивает вас. Вы ничего не видите и поэтому верите, что человек не может видеть. Наш Бог — не имя. Вот почему в наших церквях нет украшений, которые создавали бы экран между нами и нашим Богом. Послушайте меня, мистер Олин. Церкви сами по себе ничего не значат. Наши Старейшины и Вожди, хотя и Избранные и Посвященные, являются не более чем простыми смертными. Никто не может поколебать нашу веру, ни люди, ни вещи, ни обстоятельства. Даже если бы то, что вы сейчас говорите, и имело место и наши Старейшины и были бы горсткой тиранов, то вы не можете этого доказать! Допустим, это даже вам удалось бы каким-то пемыслимым образом, но веру и надежду в наших сердцах вам так и не удалось бы убить! И даже если бы против нас выступили все легионы Вселенной,

я все равно повел бы солдат на них и ничто не смогло бы остановить меня!

Он умолк и отвернулся. Постояв минуту, он вышел из комнаты.

Я стоял, не зная, что предпринять. Выбежав из комнаты, я уже не смог догнать Джаймтона.

Военный броневедомитель уже трогался с места.

— Это верно для вас, ну, а для ваших людей? — закричал я ему вдогонку.

Они могли и не услышать меня. Неудержимые слезы побежали из моих глаз. Но я продолжал кричать, что есть мочи:

— Ты убиваешь своих людей, чтобы доказать свою правоту! Ты убиваешь беспомощных людей!

Взлетающий броневедомитель направлялся на юго-запад к ожидавшим его войскам. И мои слова только глухим эхом отразились от пустых зданий и деревьев.

ГЛАВА 28

Мне следовало бы уехать в космопорт, но я снова сел в аэромобиль, перелетел через линию фронта и оказался в штабе войск Грима.

Я совершенно не заботился о своей жизни. Здесь мы, вероятно, были похожи сейчас с Джаймтоном. Думаю, что меня по крайней мере дважды обстреляли, несмотря на посольские флажки, пока я пересекал линию фронта.

Незнакомые люди окружили меня, когда я посадил машину возле командного пункта Грима. Пришлось предъявить им свои документы.

Меня провели к опушке небольшой дубовой рощи, и здесь, в тени огромного дуба, я увидел небольшую группу людей. Грим, Ладна и офицеры штаба наблюдали по приборам за перемещением своих войск и отрядов противника. Но громкая речь была вызвана поступающими данными из центра связи, находящегося тут же, невдалеке.

Солнце едва просвечивало сквозь густую крону деревьев. Был почти полдень, день стоял ясный и теплый. Никто не обратил внимания на меня. И только Джекол бросил холодный взгляд, продолжая заниматься своим делом. Но, должно быть, выглядел я довольно паршиво, потому что, оторвавшись от компьютера, он предложил мне стаканчик дорсайского виски.

— Спасибо,— поблагодарил я его после того, как одним махом опорожнил запотевшую рюмку.

— Не стоит,— капитан опять занялся своим делом.

— Джекол,— попросил я,— расскажите мне, что происходит.

— Смотрите сами.

— Я ничего не понимаю. Извините меня за то, что я предпринял против вас. Но ведь это моя работа — добывать новости. А меня хотели оградить...

— Мне запрещено болтать с гражданскими,— начал было капитан, но тут его лицо просветлело.— Так и быть, ньюсмен. Я согласен, но только потому, что вы хороший боксер. Ваш «хук» правой был великолепен. Пошли.

Он подвел меня к смотровому экрану, где стояли Ладна и Кейси, рассматривая непонятные линии и значки.

— Это,— указал Джекол,— перед вами, ньюсмен, карта местности, на которой будут разворачиваться боевые действия. Вот это,— палец показал на две извивающиеся линии,— реки Макинток и Сарай. Там, где они сходятся, в десяти милях отсюда, находится Джозеф-таун. Вот эти холмы, как вы видите, как раз между реками. Хорошая позиция, чтобы обороняться, и плохая, чтобы наступать.

— Почему?

— Если вы туда попадете, то увидите, что здесь,— палец опять показал на извилистые линии рек,— высокие обрывистые берега, на которые нелегко взобраться, но откуда очень легко отбить любой десант. Кроме того, прямо перед холмами открытая ровная местность, хорошо просматриваемая. И так до самого Джозеф-тауна. С другой стороны также довольно открытая местность и, проводя атаку, придется очень долгое время находиться под огнем противника. Поэтому-то мы и не спешим. Мы занимаем лучшую позицию, лучше вооружены и превосходим противника численностью.

В голосах людей, стоящих вокруг нас, что-то изменилось. Мы повернулись. Все всматривались в экран видеофона. Мы протиснулись между двумя офицерами и увидели на экране лужайку, поросшую травой, на небольшом холме. В центре холма возле длинного стола развевался френдлизский флаг. Возле стола было много стульев, но сидел лишь один френдлизский офицер.

Местность была довольно живописна. Лужайка, поросшая по краям цветущими кустами псевдосирени, окаймленная высокими темно-зелеными «дубами», выглядела на экране очень красиво.

— Я знаю это место,— начал было я объяснять Джеколу.

— Тихо,— приказал он.

И тут я услышал, что перед нашей группой говорил только один голос.

— ...стол переговоров.

— Они вызвали? — слышался голос Кейси.

— Нет, сэр,— произнес первоначальный голос.— Они просто передали в эфир этот видеосюжет без комментариев. Похоже, что это все же «стол переговоров».

— Похоже! — согласился Кейси.

— Придется идти.

Я протиснулся через толпу и, увидев уходящих Кейси и Ладну, бросился вдогонку. Послышался крик Джекола, но я не обратился на него никакого внимания. Я был уже возле них, когда, услышав крики, они обернулись.

— Я пойду с вами,— предложил я без всяких предисловий.

— Если так хотите,— согласился сразу же Кейси,— то пожалуйста... Оставьте его нам, Джекол,— сказал он подбежавшему капитану.

— Есть, сэр,— только и мог сказать капитан Марат.

Когда мы остались втроем, Кейси повернул ко мне голову и спросил:

— Почему вы хотите идти со мной, мистер Олин?

— Моя работа требует от меня смелости, командующий.

— Тогда пошли,— усмехнулся тот и повернулся к Ладне: — Надеюсь, ваша работа не требует от вас смелости?

— О, нет,— серьезно проговорил священник.— Мне, пожалуй, лучше будет остаться.— Ладна повернулся ко мне.— Удачи вам, мистер Олин,— сказал он и ушел.

Мы проделали недолгий путь до холма на бронированной платформе. Возле возвышенности нас остановил патруль Экзотики. Кейси вылез из вездехода и ответил на приветствие начальника патруля.

— Вы видели стол переговоров, лейтенант? — задал вопрос Грим.

— Да, сэр. Тот офицер все еще там.

— Хорошо. Будьте здесь со своими людьми. Мы с ньюсменом пойдем и посмотрим.

Мы пошли, продираясь сквозь кусты и деревья, пока не оказались ярдах в пятнадцати от фигуры в черном.

— Что вы думаете обо всем этом? — спросил Кейси, взглядываясь в происходящее на лужайке.

— Почему его не подстрелят?

Он посмотрел на меня свысока.

— Чтобы его застрелить, много ума не надо. Но меня интересует другое. Вы ведь совсем недавно видели командующего Френдлиза. Если это настоящий стол для переговоров, тогда я спрашиваю вас — Блек готов капитулировать?

— Нет! Он был против капитуляции.

— М-да... — покачал головой Кейси.

— Но почему вы думаете, что Блек готов капитулировать, сэр? Когда я был в расположении войск Френдлиза...

Кейси знаком руки остановил меня.

— Стол переговоров обычно служит для проведения разговора об условиях сдачи!

— Но они же не просили вас о переговорах! Они просто передали эту картинку в эфир!

— Да, — согласился генерал. — Но могло же быть так, что просьба о помощи противоречит его принципам... А так может получиться, что мы случайно обнаружили друг друга за столом переговоров.

Он повернулся и сделал знак рукой. Лейтенант, ожидавший нас поблизости, тут же оказался рядом.

— Сэр?

— Поблизости есть френдлизцы?

— Четверо. Наши приборы различают их довольно четко. Да они и не пытаются прятаться. Больше никого.

— Лейтенант, будьте так добры, подойдите к этому френдлизцу и спросите его, что ему надо.

— Слушаюсь, сэр.

И он побежал к центру лужайки.

Они стояли лицом друг к другу и о чем-то разговаривали. Затем лейтенант повернулся и пошел к нам.

Он встал перед Кейсом и отдал честь.

— Командующий, — проговорил он. — Командующий изbranными войсками Господа желает встретиться с вами для обсуждения условий капитуляции.

— Благодарю, лейтенант, — кивнул Грим. — Думаю, мне надо сходить. Вы, — обратился он к патрульному, — держите здесь своих людей наготове. Если Блек хочет сдаваться, я буду настаивать, чтобы он немедленно явился на встречу.

— Слушаюсь, сэр, — лейтенант снова отдал честь.

— Возможно, он захочет, чтобы сведения о капитуляции немедленно дошли до его солдат...

— Сэр,— подал я голос.— Но Блек не собирается сдаваться! Ведь я только недавно беседовал с ним об этом.

— Мистер Олиц,— повысил голос Грим.— Полагаю, что вам лучше вместе с лейтенантом остаться здесь. Отсюда вы все равно все увидите.

— Ну, нет, генерал,— усмехнулся я.— Я иду с вами. Если это настоящие переговоры, там не будет опасно. Если же это не так, то зачем же вам туда идти?

Кейси странно посмотрел на меня.

— Хорошо. Пошли.

Мы вышли из-под деревьев. Когда мы подошли к столу, там уже были четыре фигуры в дополнение к уже бывшему там прежде офицеру. Очевидно, это были те, о ком лейтенант говорил, что они находятся под прикрытием деревьев. Там же находился и Джаймтон.

Генерал и полковник приветствовали друг друга.

— Полковник Блек? — спросил Грим.

— Да, командующий Грим,— отозвался френдлизец.— Я пригласил вас для встречи.

— С удовольствием принимаю ваше предложение, полковник.

— Я желал бы обсудить условия сдачи,— медленно произнес Джаймтон.

— Я могу предложить вам,— начал Кейси,— обычные условия, оговариваемые Кодексом Наемников...

— Вы не поняли меня, генерал,— перебил его Блек.— Я пришел сюда, чтобы обсудить вашу капитуляцию.

Флаг, развевающийся возле стола, затрепетал.

Внезапно я обратил внимание на угрожающую неподвижность черных фигур.

— Боюсь, что вы ошибаетесь, полковник,— усмехнулся Грим.— Я занимаю более выгодную позицию, и ваше поражение неизбежно.

— Так вы отказываетесь капитулировать?

— Да! — строго ответил Кейси.

И в этот момент я увидел, что ровная линия черных фигур сломалась.

— Осторожней,— крикнул я, но было уже слишком поздно.

И тут я впервые увидел в деле человека с Дорсая.

Реакция Кейси была такой быстрой, что казалось, будто он читал мысли Джаймтона. Когда руки френдлизцев еще только тянулись к кобурам, Грим уже летел над столом с пистолетом, зажатым в руке. Казалось, он вонзился в первого френдлизца — они оба кубарем полетели на землю. Но если Кейси поднялся и продолжил свое стремительное движение, его противник так и остался лежать на земле. Не обращая внимания на пораженного противника, он с ходу выстрелил и, упав, покатился по земле.

Френдлизец справа от Джаймтона упал. Блек и еще двое попытались перехватить Кейси, но их оружие еще не было нацелено на дорсайца. Кейси резко остановил свое дыхание, словно наткнулся на каменную стену. Он вскочил на корточки и этим напомнил мне напряженного дикого зверя, уже готового к прыжку. На какую-то долю секунды он замер и дважды выстрелил. Еще двое френдлизцев, нелепо взмахнув руками, попадали в траву.

Теперь Джаймтон стоял лицом к лицу с Кейси с навешенным на того оружием. Он выстрелил, и воздух пронзила голубая вспышка. Но Кейси успел в последнее мгновение прыгнуть в сторону. Лежа на боку в траве, он еще дважды успел выстрелить из своего пистолета.

Бластер Блека в его руке поник. Джаймтон повернулся, покачнулся и попытался свободной рукой ухватиться за край стола. Он попытался овладеть непослушным оружием, но не смог, и бластер бесшумно упал в траву. Пытаясь перенести вес своего тела на руку, которая опиралась на край стола, Блек повернулся ко мне лицом. Он все еще владел своей мимикой, но в его глазах уже возникло какое-то непередаваемое выражение, которого я никогда прежде не видел. Что-то подобное тому, что появляется на лице триумфатора, который только что одержал победу и которому больше уже ничто не угрожает! Слабая улыбка пронзила кончики его губ. Улыбка внутреннего триумфа...

— Там, — прошептал он. Затем жизнь ушла из его лица, и он рухнул на стол.

Близкий взрыв потряс землю. С вершины холма патрульный лейтенант, которому Кейси приказал быть поблизости, выстрелил дымовой шашкой, которая, взорвавшись, скрыла нас от наблюдения врагов. Дымовая завеса плыла в голубом небе, и под ее защитой мы с генералом начали отходить. Все закончилось. Но мне навек запомнилась мертвая слабая улыбка на лице Джаймтона.

Я наблюдал церемонию капитуляции войск Френдлиза. Их командование пришло к выводу, что даже Старейшие не могли бы упрекнуть офицеров в принятии такого решения. Даже Блек не мог уже приказать им умереть, так как их командующий погиб. Командующий, который досконально знал тактическую ситуацию. Войска лишились управления, головы, и при превосходстве противника по всем параметрам их смерть в глазах всего человечества была бы совершенно бессмысленна. Но этому я не радовался. Для меня уже ничего не оставалось. НИЧЕГО!

Если бы Джаймтон преуспел в деле убийства Кейси — даже если бы в результате этого он добился капитуляции войск Экзотики, — я мог бы кое-что получить из этого эпизода. Но он только попытался и... погиб.

Я отправился назад на Землю в пространии, непрерывно мучая себя вопросом «почему?».

Вернувшись, я сказал своим коллегам, что болен. Они лишь взглянули на меня и сразу поверили. Я бросил работу и засел в библиотеке Службы Новостей, изучая редкие материалы из истории Френдлиза, Дорсая и Экзотики. Для чего? Я не знал. У меня было чувство солдата, приговоренного к смерти за невыполнение боевого задания. В одной из сводок новостей я неожиданно наткнулся на заметку, в которой сообщалось, что тело Джаймтона отправлено на Гармонию для погребения, и я внезапно понял, что ожидал этого! Противоестественного чествования фанатика фанатиками. Фанатика, который с четырьмя подручными пытался подло убить вражеского командира, убить, прикрываясь парламентским флагом. Об этом можно было бы и написать...

Я наскоро собрал документы и вылетел на Гармонию.

По пути мне пришло поздравление Пирса Лифа в связи с избранием меня в Совет «Гильдии» — и это привело меня в отличное расположение. Оказывается, не все так плохо, как могло показаться на первый взгляд.

Через несколько дней я был уже в том самом городишке — Поминание Господа, — в котором я уже имел счастье встречать Блека.

Я направился в церковь, куда двигались все люди в темных скорбных одеждах. Интерьер церкви был бедным, лишенным каких-либо украшений: без окон и каких-либо архитектурных излишеств. Через простое, круглой формы отверстие в потолке свет падал на тело Джаймтона, ко-

тёрбе лежало на площадке, очевидно отведённой для подобных случаев. Тело до подбородка было накрыто темным полотенцем. Я пристроился за линией людей, медленно двигавшихся, чтобы проститься с телом. Справа и слева от цепочки людей стояли в мрачном молчании служки. Было довольно тепло. Музыки не было, лишь тихий шепот молящихся голосов нарушал однообразную тишину. Как и Джаймтон, люди здесь были смуглыми. Темные в темном, они двигались и исчезали в темноте.

Наконец, я очутился возле Блека. Он выглядел так, как я его помнил. Казалось, смерть не имела власти над ним. Он лежал на спине, его руки были сложены по бокам, губы были плотно сжаты. Только глаза были закрыты.

Несмотря на темноту, в тот момент, когда я отходил от тела, я вдруг почувствовал, что за мной наблюдают. Резко повернувшись, я встретился глазами с девушкой, которую однажды уже видел... видел в солидографе Джаймтона. На мне не было гильдийской формы — не имело смысла АФИШИРОВАТЬ СЕБЯ В ЭТОМ МИРЕ. В тусклом блеске свечей, стоящих у изголовья гроба, лицо девушки напоминало мне древний лик с иконы Старой Земли.

— Вы были ранены, — обратилась она ко мне мягким голосом, — вы, должно быть, один из тех наемников, которые знали брата еще по Нептуну, перед тем, как его отозвали на Гармонию. Мои родители были бы рады встретиться с другом их сына... Это их утешит, хотя...

Ветер пронесся между нами, и ледяной холод пробрал меня до мозга костей.

— Нет, — пробормотал я, — нет, я не знал его. Я никогда не знал вашего брата.

Резко повернувшись, я направился к выходу. Я почти бежал. Но, пройдя футов пятьдесят, внезапно понял, что обращаю на себя взгляды. Замедлив шаг, я оглянулся. Девушка уже потерялась в черноте тел. Подойдя к выходу, я отошел в сторону и стал внимательно разглядывать толпу людей в черных одеждах со склоненными головами, медленно выходящих из церкви и непрестанно шепчущих молитвы тихими голосами. Я стоял, и голоса медленно убавкивали мой разум.

Внезапно в мой мир ворвался взволнованный голос девушки:

— ...он отрицал, что был знаком с братом. Думаю, что

это один из тех паемников, которые были с Джаймтоном еще на Нептуне...

Я очнулся и увидел стоящую в несколько футах от меня девушку, обращавшуюся к какому-то мужчине. Она повернула голову и... наши взгляды опять встретились.

— Нет,— почти прохрипел я.— Я же сказал, что не знал его. Я не понимаю, о чем вы говорите.

Почти ничего не соображая, я бросился вон, расталкивая толпу людей.

Пробежав порядочный отрезок, я немного успокоился, не слыша за собой шум погони. Я остановился и огляделся.

Я был один. Дождь, который едва накрапывал, когда я только заходил в церковь, теперь стал сильнее. Стало темно. Я не заметил, как возле меня остановился автомобиль.

— Итак,— раздался голос за моей спиной.— Вы не знали его?

Эти слова парализовали меня. Как затравленный волк, я захрипел:

— Да, я знал его! Что вы еще хотите от меня — я обернулся.

Передо мной стоял Ладна в своей голубой одежде, так и не тронутой, казалось, дождем. Его руки, никогда не знавшие оружия, были сжаты перед собой. Но моя волчья сущность знала, что он охотник и очень хорошо вооружен.

— Вы? Что вы здесь делаете?

— Наши вычисления показали, что вы будете здесь, Там,— мягко сказал Ладна.— Поэтому-то я и приехал сюда. Но почему вы здесь? Среди этих людей, где найдется по крайней мере несколько фанатиков, слышавших лагерные сплетни о вашей причастности к смерти Блека и капитуляции Френдлиза?

— Слухи? Кто распространяет их?

— Вы своими действиями на Св. Марии сделали все для того, чтобы... Разве вы не знали, как рискованно для вас приезжать сюда?

Я открыл было рот, но тут же закрыл его, так как понял, что он все знает.

— Что если кто-то скажет им, что Там Олин, журналист, освещавший события на Св. Марии, присутствует здесь инкогнито?

Я мрачно посмотрел на священника.

— Но если вы это делаете, то как же ваши принципы? — усмехнулся я.

— О, можете не беспокоиться!

Но мне уже не было страшно, лишь какое-то тяжелое чувство тяготело надо мной.

— Зовите их,— захохотал я.

Ладна странно посмотрел на меня.

— Если бы я этого хотел, то зачем бы мне было сюда приезжать? Достаточно было бы одного только слова!

— Но почему же вы тогда здесь? Какое вам и всей вашей Экзотике дело до меня?

— Мы заботимся о каждом индивидууме,— сказал Ладна.— Но больше всего мы заботимся о всей расе. А вы все еще опасны для нее. Вы, непреубежденный идеалист, Там, наделенный разрушительной способностью, которая в полной мере проявилась на Святой Марии. Что если повернуть вашу способность против вас же, чтобы убедить всю расу людей?

Я рассмеялся и услышал горечь в своем смехе.

— Что вы намерены делать?

— У меня есть для вас новость, Там. Кейси Грим — мертв!

— Мертв?

— Его убили трое из Голубого Фронта пять дней назад.

— Убили? — прошептал я. — Почему?

— Потому что война была закончена,— пояснил Ладна.— Потому что смерть Джаймтона и капитуляция войск Френдлиза устранили обычные тяготы войны, лежащие на плечи гражданского населения, и тем самым лишили Голубой Фронт возможности получить всеобщую поддержку населения Св. Марии. Голубой Фронт надеялся, что убийство Кейси Грима повлечет за собой действия со стороны его солдат против гражданского населения этой планеты, а это в свою очередь повысит престиж этой оппозиционной партии.

Я смотрел на священника.

— Все вещи взаимосвязаны,— продолжал Ладна.— Если бы вы не вошли в конфликт с Блеком на Святой Марии и он не проиграл бы, Кейси остался бы жив!

— Что? Что вы такое городите?

— Это показывают наши вычисления, Там!

— Джаймтон и я? — в горле у меня стало сухо.

— Да,— кивнул головой Ладна.— Вы стали фактором, который помог Джаймтону Блеку принять решение.

— Я... помог ему? Я?

— Он все понял благодаря вам. Он все увидел сквозь призму вашего желания отомстить. Разрушительная сущность ваших мыслей, Там, настолько глубоко укоренилась в вас, что даже ваш дядя вряд ли смог бы искоренить ее.

Дождь гремел вокруг нас. Но каждое слово Ладны четко доносилось до меня.

— Я не верю вам! — закричал я. — Я не верю, что это я толкнул его на убийство!

— Говорю тебе, — покачал головой Ладна, — что ты не вполне представляешь себе эволюцию наших «осколочных» культур. Вера Джаймтона не была разновидностью чего-то такого, что можно было бы легко разрушить каким-то внешним вмешательством! Если бы ты излагал факты, как твой дядя Матиас, Джаймтон даже не прислушался бы к тебе. Он бы просто начал избегать тебя, как бездушного человека. Но на самом же деле он начал прислушиваться к тебе, как к человеку, говорившему голосом Сатаны!

— Я не верю этому! — завопил я.

— Поверишь! У тебя нет другого выхода. Слушай дальше, мальчик. Джаймтон только так мог найти решение!

— Решение?

— Это был человек, способный умереть за веру. Но, как командир, он решил, что слишком тяжело заставлять своих подчиненных умирать по той же причине. Но ты предложил ему то, что он распознал как «выбор дьявола». Что значила бы его жизнь в этом мире после капитуляции его веры и людей? Он уклонился от конфликта, разрешением которого могла стать смерть его или его подчиненных!

— Что за безумец выдумал все это?

— Не безумец, Там, отнюдь не безумец. Когда он понял это, его ответ стал очевиден. Все, что он должен был сделать, — это отвергнуть предложение Сатаны. И он пришел к абсолютной необходимости своей смерти.

— Я спрашиваю вас, преподобный отец, о решении, но разве оно было единственным?

— Да, это было единственное решение, — кивнул Ладна. — Он пришел к выводу, что только одно может заставить его людей капитулировать, и вы это знаете!

Эти слова повергли меня в шок.

— Но ведь он не собирался умирать!

— Он отдался в руки своему Богу. Он понимал, что только чудо может спасти его.

— Что вы песете? — возмутился я бессильно. — Он предложил переговоры и взял четверых...

— Разве он давал вам сообщение о переговорах? А его люди были мучениками!

— Он взял четверых, — захлебываясь, орал я. — Четыре и один — пять! Пятеро против одного Кейси! Одного! Я стоял и все видел. Пятеро против...

— Там!

Простое слово остановило меня. Внезапно я испугался. Я ничего больше не хотел слышать об этом. Я боялся, что он может еще что-то сказать мне. Я знал, что это будет, и только сильное нежелание знать это заставило меня перечить ему.

Голос Ладны приглушенно дошел до меня.

— Неужели ты мог подумать, что Блек за минуту поглупел? Он был продуктом «осколочной» культуры. Он распознал в Кейси другого ее представителя. Неужели ты думаешь, что он верил, будто чудо свершится? Что он, даже с четырьмя пистовыми фанатиками, сможет захватить врасплох и убить вооруженного, настороженного и готового ко всему человека с Дорсая... Убить, когда их оружие не было даже наведено на него. Пойми, что они сами себя убили! Они сами пошли на это!

Сами... сами... сами...

Я не замечал ни дождя, ни грома. Но вот я очнулся и вспомнил.

С самого начала я внутренне понимал, что фанатик, который убил Дэйва, не был обобщенным экземпляром всех френдлизцев. Джаймтон не был обычным убийцей, хотя и пытался убедить себя в противоположном. Но теперь ложь рассыпалась! Джаймтон не был обычным фанатиком, так же как Кейси не был обычным солдатом, а Ладна — философом. Они были чем-то большим, чем людьми в земном смысле этого слова. Вот почему, когда я пытался навязать им свою волю, это у меня не получилось.

Высокогорная, каменистая земля Дорсая, Френдлиза, да и других миров, была землей, взрастившей их всех, не знавших прямой лжи и метаний.

Они были отлиты из чистого металла «осколочных» культур. И их сила шла от этого металла. Они не знали ошибок. И это искусство ума и тела делало их непобедимыми. Людей, подобных Кейси, никто не мог победить. Никто не мог сокрушить веру людей, подобных Блеку. Даже если бы армия отступила, Кейси остался бы на

своим посту и исполнял бы свой долг до конца. Он дрался бы один с целой армией. Она могла бы убить его, но не победить!

Они шли вверх по этой горной каменистой земле — все: Дорсай, Френдлиз, Экзотика... И я был достаточно глуп, чтобы попытаться остановить их. Не удивительно, что я потерпел поражение, как всегда и предсказывал Матиас. У меня никогда и не было надежды победить...

Поэтому я возвращался назад, к действительности, как человек, колени которого гнутся под собственным весом.

— Дайте мне уйти, — промямлил я.

— Куда?

— Куда-нибудь, — пробормотал я. — Я уйду... куда-нибудь, только бы уйти...

— Это нелегко, — покачал головой Ладна. — Ты не можешь уйти отсюда сейчас. Ты можешь только поменять сторону.

— Сторону? — переспросил я. — Что за сторона?

— Сторону, которая заставляет человека идти против своей эволюции, — сторону твоего дяди. Поменять на эквивалентную сторону, которая является нашей. Должен тебе сказать, что полотно человеческого будущего должно быть соткано, и этому необходимо помочь. Тебе следует поменять русло, Там, — не препятствовать эволюции, а помогать ей.

Я покачал головой.

— Нет, — пробормотал я. — Ничего не выйдет. Вы видели, что я двигал небеса и землю, двигал политиков всех четырнадцати миров против Джаймтона — а он победил! Я больше ничего не хочу делать. Оставьте меня!

— Даже если я оставляю тебя, все равно ничего не изменится, — ответил Ладна. — Открой глаза, Там, и посмотри на вещи так, как они есть. Послушай. Силой, которая вмешивалась в естественный ход событий на Святой Марии, был ты! Ты был блокирован направлением приложения собственных усилий, но концентрированная энергия не может быть блокирована. Когда ты попытался изменить ход событий и противостоять Джаймтону, твоя сила не была уничтожена. Она трансформировалась в другого индивидуума, тоже понесшего тяжелую утрату.

Я сжал губы.

— Кто это?

— Ян Грим! Он нашел убийц своего брата, скрывавшихся в одном из отелей Блаувейна, и убил их голыми ру-

ками. Этим он успокоил паемщиков и сорвал плапы Голубого Фронта. Затем Ян разорвал контракт с Экзотикой и вернулся домой на Дорсай. Он сильно изменился. Его гложет горечь тяжелой утраты, как и тебя, наверное... Теперь Ян Грим обладает огромным потенциалом. Как это отразится на модели будущего, мы еще увидим.

Ладна снова внимательно уставился на меня.

— Видишь, Там, никто кроме тебя не может так влиять на ткань событий! Повторяю, ты можешь и должен измениться! Так же, как Джаймтон изменил ход событий на Святой Марии и тем самым спас своих людей.

Все было верным. Я не мог отрицать этого. Джаймтон отдал свою жизнь за веру. А я верил лишь в свои планы!

— Это невозможно,— начал я слабо протестовать,— у меня нет сил сделать что-либо. Я же говорил вам, преподобный отец, что все силы противопоставил Джаймтону, а он победил.

— Но Джаймтон был искренен в своей вере, а ты сражался против своей натуры, думая, что борешься с ним. Подумай хорошо, мальчик, и ты поймешь, что у тебя нет другого пути.

Я смотрел в его магнетические глаза.

— Мы вычислили эту возможность. Поэтому-то я здесь. И все еще жду вас, мистер Олин. Вспомните, как в кабинете Торра вы попали под мой гипнотический взгляд.

Я кивнул.

— Но это был не гипноз,— объяснил священник.— Или, скорее, не совсем гипноз. Я просто пытался помочь вам открыть канал между двумя частями вашего «я». Той, что вы знаете, и той, что скрыта от вас завесой. Хватит ли у вас, мистер Олин, мужества помочь мне сделать это еще раз?

Его слова витали в воздухе. Я увидел солнце, пытавшееся пробиться сквозь облака. Только небольшой коридор света пробивался сквозь них. Казалось, что это был путь для нас. События последних лет промелькнули передо мной. Я думал о молниях, которые видел в тот раз, и слабость просачивалась в меня, пробуждая чувство безнадежности. Я не был достаточно силен, чтобы повторить еще раз этот эксперимент. Может быть, и никогда не смогу...

— ...он был солдатом народа, который является Народом Бога и Солдатом Господа,— донесся до нас голос из храма,— и все, что ему приказывал Господь, он выполнял искренне и изо всех сил, полагаясь при этом лишь на

одного Господа и его Мощь! И теперь он уходит в Его обитель, где найдет вечный покой и радость...

Внезапно и странно я захотел домой, на Землю. И это было таким сильным чувством, что я забыл обо всем. Слова навевали на меня какой-то гипноз, и я стал двигаться в такт им, подчиняясь ритму толпы, выходящей из церкви.

— Вперед! — услышал я.

И увидел Его палец, направленный на меня.

И я упал в темноту — в темноту и ярость. Упал в пропасть, где ничего не было. Но постепенно я начал различать, что темнота затянута пеленой темных клубящихся облаков. Тут царил настоящий хаос, завесы облаков, которые окружали меня, дико вращаясь...

Это был мой внутренний шторм, шторм моего сознания. Это была внутренняя ярость нетерпения, жажды мести и разрушения, которые я нагромождал в себе все эти годы. И как я направлял силы эти против других, так они вливались в меня, обращаясь против меня же, толкая меня все ниже и ниже, все дальше в темноту от света. И чем ниже я опускался, тем эта сила становилась больше, чем моя. Я падал все ниже и ниже, становясь все слабее. Но что-то во мне препятствовало этому, заставляло бороться и сопротивляться. И я понял, что это.

Это было то, чего Матиас не мог убить во мне, даже когда я был ребенком. Это была вся Земля и ее страдающее и борющееся человечество. Это был Леонид и его три сотни спартанцев, это были отважные израильтяне, перед которыми расступилось Красное море. Это был Парфенон и мрачная темнота дома моего дяди. Все это было во мне — мятежный дух всех людей Земли. Внезапно мой размазанный по истории дух, погруженный во тьму, собрался для дикой ярости. Потому что я увидел выход для себя. Тот высокогорный каменистый островок, где воздух чист и свеж, — во мне возрождалась вера.

В результате своего поражения я перестал верить в свои силы. Но поражение еще не означало, что мои силы иссякли. Они были во мне, прятаясь, укрываясь, но они были!

Теперь я видел это совершенно отчетливо. И звон, подобный колокольному, звучащий когда-то в голосе Марка Торра, привел меня к триумфу. И голос Лизы, которая, как я видел теперь, понимала меня лучше, чем я сам. Я знал, что она никогда не покинет меня. И как только я подумал о ней, я стал слышать их всех.

Миллионы биллионов галдящих голосов — с тех пор, как первый человек встал и пошел на подгибающихся ногах. Они были уже вокруг меня в тот день, в точке Перехода Индекс-комнаты. И они подхватили меня, как крылья, неся, придавая мужества, которое было родственно мужеству Кейси, возвращая веру, родственную вере Джаймтона, раскрывая мудрость, родственную мудрости Ладны.

Вместе с ними страх и подозрительность, привитые Матнасом, оставляли меня раз и навсегда. Корень рода, базовый род, земной человек, к которому принадлежал я, был частью их, на молодых мирах. Поэтому я вырвался из темноты на свет — в место молний, закончивших свою битву искренних людей против древней, враждебной темноты, которая сохранилась в нас от животных.

И я увидел Ладну, источавшего свет и обращавшегося ко мне.

— Теперь ты видишь, почему Энциклопедия нуждается в тебе! Только Марк Торр был способен вести ее дальше, и только ты сможешь закончить его работу, потому что большая часть землян не в состоянии видеть будущего. Ты своим видением проложишь мостик меж молний, мостик между Основной Столбовой Культурой и Осколочными Мирами! Ты поможешь «осколочным» культурам вернуться назад и на основе базового создать нового, более совершенного человека.

Взгляд Ладны стал мягче. Он слегка улыбнулся.

— Ты увидел больше, чем я, Там. А сейчас, прощай.

И тут без какого-либо предупреждения я увидел это. Увидел Энциклопедию и понял, что только это является единственной реальностью. Знания об этом стали возникать у меня в голове. Формы и методы, которыми я буду руководствоваться, будут в корне отличаться от применявшихся Марком Торром. Я уже знал это. Я сохраняю его имя, как наш символ, и буду продолжать следовать его плану. Сам же стану лишь одним из Руководителей Проекта и таким образом освобожусь от необходимости находиться в помещении Марка Торра. Я останусь свободным, передвигаясь по Земле, даже руководя борьбой, борьбой против тех, кто попытается помешать нам. Я уже видел, в каком направлении необходимо двигаться.

Но Ладна собирался уезжать. Я не мог позволить ему уйти. С усилием оторвавшись от будущих планов, я сказал:

— Подождите!

Священник остановился и повернулся, ожидая, что я скажу.

— Вы... — голос мой сорвался. — Вы не отказывались... Вы верили в меня все это время?..

— Нет, — покачал он головой. — Я всегда верил результатам своих вычислений. — Ладна слегка улыбнулся. — А мои вычисления не оставляли надежды для вас. Даже в геометрическом месте точек на вечере Донала Грима на Фриленде возможность вашего спасения была ничтожной. Даже на Маре, когда вы были там, вычисления не предоставляли вам ни единого шанса.

— Но... вы... оставались...

— Не я. И никто из нас. А только Лиза. Она никогда не отказывалась от вас, Там. Даже после того, как вы оттолкнули ее на вечере у Грима. И когда вы появились на Маре, она настояла, чтобы мы эмоционально привязали ее к вам.

— Привязали? — это слово не имело смысла.

— Она связана с вами эмоционально. Это не влияет на вас, но если она потеряет вас, эта потеря будет для нее невосполнимой. Больше, чем потеря Кейси для Яна Грима.

— Я не... понимаю... Это совсем... Будьте добры, тогда...

— Никто не мог предугадать такого хода событий. Только Лиза сможет сказать вам что-либо по этому поводу.

Ладна повернулся, дошел до машины, сел и, повернувшись ко мне, попрощался.

— До свидания, — сказал он и уехал.

Я шел и хохотал, потому что понял, что я мудрее его. Никакие расчеты не могли сказать ему, почему Лиза привязала меня к себе и тем самым спасла меня.

Я вновь почувствовал свою любовь к ней. А для спасения этой любви я должен был жить.

Почему я не пошел, когда она звала меня?

Сейчас ничего не изменилось вне меня. Изменился я сам! Я снова громко расхохотался. Сейчас я видел цель, которой раньше так не доставало.

«РАЗРУШЕНИЕ — СОЗИДАНИЕ»

СОЗИДАНИЕ — ясный и четкий ответ, который я искал все эти годы. Теперь, подобно одному чистому куску металла, откованного и свободного от примесей, я ясно представил себе истинную цель жизни.

Я сел в автомобиль, набрал код космопорта и, открыв

окно для того, чтобы ветер обдувал мое разгоряченное лицо, тронулся в долгий путь. Уже отъезжая, я услышал песню. Это был Боевой Гимн Солдат Френдлиза. Хотя я уносился прочь, голоса, казалось, преследовали меня.

«Солдат, не спрашивай, как и что,
Там, где война, твое знамя вьется.
Легионы Безбожников брошены на нас,
Смелее воюй — и фортуна тебе улыбнется!»

Но на далеком расстоянии голоса стали постепенно глхнуть. Облака впереди меня рассеивались, и робкие лучи солнца все смелее и смелее проглядывали сквозь них. Облака напоминали мне знамена армий, марширующих вперед...

Я следил за ними все это время... и вспоминал их во время всего космического рейса.

До тех пор, пока в один солнечный день не увидел ожидавшую меня Лизу.

ДИКИЙ ВОЛК

ФАНТАСТИЧЕСКИЙ РОМАН

Часть первая

1

Бык не желал нападать.

Джеймс Кейл выставил ногу и закричал, но зверь остался недвижим, хотя должен был бы нападать. Вернее, на этой стадии боя у него должно было еще остаться немного сил.

Ничего нельзя было сделать. Самые точные физические опыты не могли измерить вероятной выносливости и храбрости быка. Этот устал. Значит, Джиму надо было заколоть его сейчас.

Он двинулся к быку и вновь выставил ногу вперед и закричал, подбивая усталого зверя к атаке. Когда рог промелькнул мимо, скользнув по бедру и талии, он быстро втянул живот, чувствуя невольный холодок, пробежавший по его спине.

Как и у быка, у него была своя программа, и, пока они действовали по этой программе, он находился в безопасности. Но он стал тореадором только после шести месяцев усиленной тренировки, и у него была свободная воля — то, чего не было у быка, а свободная воля давала ему возможность нарушать программу и делать ошибки.

Если он сделает ошибку, этот бык убьет его.

И поэтому он был осторожен — даже сейчас. Силы быка были на исходе. Он сделал еще несколько осторожных пассов и выхватил шпагу, вонзив ее между рогов.

Бык споткнулся и упал на колени, заваливаясь на бок, когда Джеймс уже вытащил клинок. Пока он бесстрастно смотрел на агонию животного, перед упавшим быком на песке арены появилась женщина.

Он повернулся к ней. Это была принцесса Афуан, из рода Высокородных и глава делегации Высокородных, ко-

торые занимали официальную ложу у края арены. Вокруг них теснились аборигены Альфы Центавра.

Афуан была высокого роста, кожа ее была кристально белой, одета она была, если можно было назвать это одеждой, в своеобразное подобие белого облака. Руки ее оставались обнаженными, но от плеч до щиколотки все тело было закрыто, и ноги ее обрисовывались только при ходьбе. Над этим облаком одежды виднелась белая кожа, но отнюдь не такая белая, как у землянина Джима.

Кожа Афуан была цвета слоновой кости, и Джим мог легко видеть ее синие вены, чуть пульсирующие у основания шеи. У нее было узкое лицо и огромные глаза неожиданно желто-лимонного цвета под белыми веками и ресницами, и их разрез чем-то напоминал кошачий, хотя в ее облике не было ничего восточного. Как скульптура она была бы прекрасна, и ее рост ничуть не уступал росту Джима — шесть футов и шесть дюймов.

— Очень забавно, — сказала она, обращаясь к Джиму на языке Империи, с неуловимым шипящим акцентом. — Да, мы, конечно, возьмем тебя с собой, ах... Как тебя зовут в мире, Дикий Волк?

— Я — землянин, Высокородная, — ответил Джим.

— Да, да... приходи к нам на корабль, землянин, Тронный Мир будет рад твоему присутствию, — сказала она.

Афуан бросила мимо него взгляд на остальных членов квадрильи.

— Но этих твоих помощников ни к чему брать на корабль. Как только ты прибудешь в Тронный Мир, мы предоставим тебе все, что необходимо.

Она стала поворачиваться, чтобы уйти, но в это время Джим заговорил:

— Извини меня, Высокородная, — сказал он. — Ты сможешь дать мне новых помощников, но ты не сможешь дать мне боевых быков. Они были генетически отобраны в течение ряда поколений. Здесь в стойлах осталось шесть быков. Я хотел бы взять их с собой.

Она вновь повернулась и посмотрела на него. Лицо ее оставалось совершенно бесстрастным. На мгновение Джиму показалось, что он рассердил ее своей речью и сейчас рухнет пятилетняя кропотливая работа, и она не возьмет его с собой. Но тут Афуан заговорила:

— Очень хорошо, — сказала она. — Кто бы ни взял тебя на борт корабля, скажи ему, что надо погрузить этих животных. Так я сказала — быть по сему!

Она вновь повернулась, уже окончательно, и уставилась на мертвого быка. Как будто ее движение было сигналом, рядом возникли остальные члены ее свиты и тоже стали разглядывать быка, и даже костюмы, и вооружение тореро.

Рост женщин был не более чем на дюйм или два меньше, чем у Афуан, рост высоких, ловких белокожих мужчин измерялся примерно от шести футов десяти дюймов до семи футов.

В отличие от Высокородных женщин мужчины носили короткие юбки и туники. Почти во всех случаях цвет их одежд был белым, за исключением полосок, нашитых спереди или сзади на туники.

Никто не выразил желания осмотреть Джима, все они рассматривали остальных членов квадрильи. Он повернулся и пошел прочь, пряча шпагу в ножны. Он прошел по песку арены мимо трибун в широкий проход, стены которого светились сами по себе, — одно из удивительных изобретений Империи, которыми пользовались гуманоиды Альфы Центавра, они даже не понимали, как это происходит.

Он открыл дверь своей комнаты. Он был у себя в раздевалке, там не было ни одного окна, но зато целых два происхождения...

Первым происшествием был Макс Холланд, человек из специального комитета при ООН. Вторым событием были два чемодана, которые он запаковал заранее в надежде, что его мечта о путешествии в Тронный Мир станет реальностью. Но сейчас эти чемоданы были раскрыты, а их содержимое разбросано по всей комнате.

— Что это? — спросил Джим, останавливаясь и глядя на маленького человечка сверху вниз.

Лицо Холланда потемнело от злости.

— Не думайте, — начал он ломающимся от ярости голосом, но тут же взял себя в руки и заговорил спокойно. — То, что Афуан согласилась взять вас с собой, еще не значит, что вы возьмете в Тронный Мир все эти вещи!

— Значит, вы уже знаете, что я приглашен? — спросил Джим.

— Я хорошо умею читать по губам, — самодовольно ответил Макс, — и я смотрел за вами в бинокль с самого начала боя быков.

— Вы решили наведаться сюда раньше меня и осмотреть мой багаж? — спросил Джим.

— Вот именно! — заявил Холланд.

Он резко обернулся и взял в руки две вещи, лежавшие на кровати: шотландскую юбку, у пояса которой в ножнах висел небольшой кинжал, и рубашку с пистолетом сорок пятого калибра под мышкой. Макс начал трясти этими вещами перед самым носом Джима.

— Вы отбываете в Тронный Мир человеческой Империи, цивилизации которой сотни тысяч лет. Мир, где все эти примитивные орудия применялись так давно, что о них, вероятно, уже ничего не помнят.

— Именно поэтому я и беру их с собой,— сказал Джим.

Он быстро забрал юбку и рубашку с пистолетом из рук Макса, и тот на секунду даже не понял, куда они делись. Джим отнес все обратно на кровать. Затем он принялся аккуратно запаковывать вещи.

— Зачем это?! — взревел позади него Макс. — Джим, по-моему, вы иногда считаете, что, кроме вас, в проекте никого не существует! Разрешите мне напомнить вам: потребовалась работа тысячи специалистов, несколько миллиардов долларов и разрешение ста шестидесяти двух правительств, чтобы подготовить из вас тореадора для ублажения Тронного Мира.

Джим, не отвечая, сложил юбку и положил ее в один из открытых чемоданов.

— Послушайте меня! — закричал Макс за его спиной. Он схватил Джима и попытался повернуть его. Джим послушался. — Говорю вам, вы не возьмете с собой эти штуки.

— Возьму, — спокойно сказал Джим.

— А я говорю, что нет! — заорал Макс. — Кого вы из себя корчите? Вы всего-навсего человек, которого Земля выбрала для того, чтобы он отправился в Тронный Мир и наблюдал. Вам понятно?! *Наблюдал!* Не резал бы людей ножами или убивал их из револьвера... или делал бы вещи, которые могут привлечь большее, чем следует, внимание Империи к Земле. Вы — антрополог, играющий тореадора, а не шпион с ножом в зубах!

— Я — и то, и другое, и третье, — ответил Джим коротко.

Лицо Макса медленно побледнело.

— Боже! — сказал маленький человечек. Он убрал руку с плеча Джима. — Десять лет назад мы не подозревали о существовании огромной Империи, в составе которой тысячи обитаемых миров — от Альфы Центавра до самого галактического центра. Пять лет назад вы были еще име-

нем в длинном списке. Я мог вычеркнуть вас карандашом, и вас бы здесь не было. Даже год назад я мог бы поднять вопрос, и я его поднял! Ваши тренировки... Но именно тогда вы показали себя с лучшей стороны и никто меня не послушал, а сейчас оказывается, я был прав. Империя тысячи миров и крохотная Земля. Они когда-то позабыли о нас, и они могут забыть о нас снова — но только в одном случае: если человеком, который отправится туда для наблюдения, будете вы. Но вы решили действовать с Высокородными так, как считаете сами... — он поперхнулся и замолчал. Потом глубоко задышал и выпрямился. — Ладно, забудьте это, — спокойно сказал он. — Вы никуда не едете. Я отменяю приказ на свою собственную ответственность. Земля может сделать со мной что угодно после того, как их корабль улетит.

— Макс, — почти нежно сказал Джим, — сейчас вам поздно останавливать меня. Я был приглашен принцессой Афуан. Ни вам, ни проекту, ни даже всей Земле не разрешат вмешаться в это приглашение. Неужели вы думаете, что она разрешит вам это?

Макс стоял, глядя на Джима, и глаза его наливались кровью. Он не ответил.

— Мне очень жаль, Макс, — сказал Джим, — но мы должны были прийти к этому рано или поздно. Сейчас мне нет ровно никакого дела до проекта. С этой секунды я буду руководствоваться только собственными суждениями.

— *Вашими суждениями?* — вместе с этими словами холодное дыхание коснулось шеи Джима. — Вы так уверены в своих суждениях? По сравнению с такими Высокородными, как Афуан, вы так же невежественны, так же примитивны, так же дики, как и все остальные земляне. Возможно, Земля их забытая колония. Или вдруг это совпадение, что мы принадлежим к той же самой расе — так же как аборигены, обнаруженные нами на Альфе Центавра. Кто знает? Я не знаю, ни один землянин не знает. И вы тоже не знаете! Джим, не говорите мне о своих суждениях, когда все будущее Земли зависит от того, что вы сделаете, оказавшись там, в Империи!

Джим пожал плечами. Он опять почувствовал, как его руку с силой сжали, когда вновь начал укладывать вещи. Макс попытался повернуть его к себе. На этот раз Джим быстро и бесшумно повернулся. Он освободился от захвата, слегка ударив ребром ладони по кисти Макса, а его правая рука была уже на плече Холланда — большой па-

лец мягко упирался в шею Макса чуть ниже подбородка.

Холланд побледнел, он судорожно начал хватать воздух ртом и, коротко вздохнув, попытался отступить назад, но Джим легко удержал его на месте.

— Вы... вы дурак! — прохрипел Макс. — Вы меня убьете...

— Если придется, — спокойно сказал Джим, — и поэтому я именно тот человек, который должен туда ехать.

Он отпустил Макса, отвернулся, захлопнул чемодан, в котором лежали шотландская юбка, рубашка и пистолет, и поднял два увесистых чемодана. Затем он повернулся и вышел из комнаты.

Автомобиль ждал его на улице. Он слышал, как кричит кто-то ему вслед. Обернувшись, он увидел Макса.

— Наблюдайте! — изо всех сил кричал Макс. — Если у Земли возникнут неприятности с Высокородными, мы убьем вас, как бешеную собаку!!!

Джим не ответил. Он вышел в яркий солнечный день Альфы Центавра и сел в открытую, похожую на земной джип, машину, которую прислали за ним Высокородные.

2

Шофер был членом земной торговой делегации. На Альфе Центавра были еще две торговые делегации с других планет, и они стремились показать Высокородным Империи свои достижения. Каждая делегация таила надежду, что Высокородные обратят внимание именно на нее. Но у Земли было немного больше шансов заинтересовать Высокородных, ведь эта планета, когда-то потерянная и вновь найденная, — часть Империи. Теперь Высокородные предпочтут отвезти такую новинку искусства, как бой с быками.

Шофер вез Джима и его багаж через весь город к открытому космодрому — бескрайней гладкой площадке. Уже был виден похожий на гигантское яйцо корабль Высокородных. У звездолета автомобиль остановился.

— Вас подождать? — спросил шофер.

Джим вежливо отказался. Он вытащил из машины свои чемоданы и подождал, пока шофер не развернул машину и не умчался обратно в город. Постепенно автомобиль превратился в миниатюрную игрушку и вскоре исчез совсем.

Джим поставил чемоданы и повернулся к кораблю. Он удивился: не было видно ни одного отверстия. Казалось, что никто на борту не заметил Джима. Он уселся на один из чемоданов и решил ждать.

Примерно в течение часа ничего не происходило. Затем внезапно, все так же сидя на чемодане, он очутился не на бетонной площади, а в полукруглой комнате с зелеными стенами, темно-зеленым ковром и подушками всех цветов и размеров — от шести дюймов до шести футов в диаметре. Рядом с Джимом стоял его другой чемодан.

— Ты долго ждал, Дикий Волк? — спросил приятный женский голос. — Извини. Я возилась с другими приемами.

Он встал и заметил ее. По стандартам Высокородных она была небольшого роста, не больше пяти футов десяти дюймов. Ее кожа, хоть и напоминала белизну оникса, как у принцессы Афуан, была все же темнее — почти незаметного коричневого оттенка. Примерно как кожа индейца по сравнению с кожей белого.

Глаза у нее были темно-золотыми с красными искорками, а не желто-лимонными, как у принцессы. Лицо ее не было так вытянуто, как у Афуан. Она улыбалась так, как никогда бы не позволила себе гордая принцесса Высокородных. И когда она улыбалась, маленькие морщинки-лучики появлялись на ее щеках. Волосы ее, наконец, распущенные, как у всех Высокородных, были с желтым оттенком, а не кристально-белые и уложены не прямо, а завивались и струились густыми волнами.

Улыбка внезапно исчезла, и лицо потемнело от прилившей крови. Она просто покраснела, и Джим с изумлением наблюдал это на одной из Высокородных.

— Гляди на меня, сколько хочешь! — страстно сказала она. — Мне нечего стыдиться!

— Стыдиться? — спросил Джим. — Чего?

— То есть как... — внезапно она замолчала.

Краска отхлынула от ее щек, и она посмотрела на него с раскаянием.

— Извини. Ну, конечно, ведь ты — Дикий Волк. Ты даже не заметил разницы, верно?

— Очевидно, нет, — сказал Джим. — Но только потому, что я не понимаю, о чем ты говоришь.

Она засмеялась, слегка печально, как ему показалось, и неожиданно потрепала его по руке, легко, почти незаметно.

— Скоро ты узнаешь, — сказала она. — Даже если ты

и Дикий Волк. Видишь ли, я регрессивна. Какой-то из моих генов сохранил память о прошлом нашей расы... О, мой отец и мать были такими же Высокородными, как и все, не считая королевской линии, и Афуан никогда не выгонит меня из своего окружения. Но, с другой стороны, она почти не обращает на меня внимания. Вот и вожусь я для нее со всякими приемышами... Сейчас я привела на корабль тебя...

Она взглянула на чемоданы.

— Здесь твоя одежда и снаряжение? — спросила она. — Я перенесу их.

В ту же секунду вещи исчезли.

— Секундочку, — сказал Джим.

Она взглянула на него несколько изумленно.

— И ты не хочешь, чтобы их сейчас убрали?

И чемоданы уже стояли у ее ног.

— Да нет, — ответил Джим, — просто мне надо захватить с собой кое-что еще. Я сказал принцессе Афуан, что мне понадобятся быки — животные, с которыми я даю представление. В городе шесть быков. Она сказала, что я смогу их взять, и велела передать тому, кто примет меня на корабль, что она дала разрешение.

— О, — сказала девушка задумчиво. — Нет, не надо мне рассказывать. Просто представь себе это место, где они находятся.

Джим вспомнил место — стойла, которые находились позади здания Земной Торговой Делегации. Он почувствовал себя немного странно — как будто его оголенного мозга коснулось легкое перышко. И тут же вместе с девушкой оказался перед шестью большими клетками, в каждой из которых покоилось замороженное тело быка.

— Да, — сказала задумчиво девушка... и они перешлись.

Они стояли в гигантском помещении с металлическими стенами, у которых на одинаковом расстоянии стояли клетки, а в них замороженные быки. Джим нахмурился. Температура на складе была довольно высока — градусов двадцать.

— Эти животные заморожены, — сказал он, — и они должны оставаться...

— О, не беспокойся об этом, — прервала она его и улыбнулась, отчасти весело, отчасти извиняясь за то, что она его прервала. — Ровным счетом ничего не изменится. Я оставила задание механизмам корабля.

И она улыбнулась еще раз.

— Подойди,— сказала девушка,— протяни руку и убедись.

Джим подошел к ближайшей клетке. Никакого изменения температуры не было заметно, но, прикоснувшись к ней, он неожиданно почувствовал, как его пронзил холод... Холод не мог исходить из клеток — они были великолепно изолированы. Джим отдернул руку.

— Понятно,— сказал он.— Хорошо, я не буду беспокоиться о животных.

— Отлично.

В ту же секунду они переместились еще куда-то... Не в полукруглую комнату, а в другую, светлую; просторную, одна стена которой казалась сделанной из стекла, а за этой стеной был виден пляж... и прилив... и океан, расстилавшийся до горизонта. Но океан на борту звездолета не очень удивил Джима. Вещи, которые находились в этой комнате со стеклянной стеной, удивили его больше!

Здесь находились создания природы сотен миров — от маленькой рыженькой белочки до странного, высокого, покрытого мехом зверя, явно более высокоразвитого, чем обезьяна, но еще не человека.

— Это остальные мои приемыши,— услышал он голос девушки и взглянул в ее улыбающееся лицо.

— То есть, конечно, они принадлежат Афуан, я за ними только ухаживаю. Вот,— она приласкала маленькую белочку, которая изогнулась под ее рукой, как ангорская кошка. Животные не были ни к чему привязаны, их ничто, казалось, не удерживало, но тем не менее они держались друг от друга на расстоянии.

— Вот это,— проговорила девушка,— и фин.

Внезапно она замолчала и остановилась.

— Извини, Дикий Волк,— сказала она.— У тебя ведь есть имя? Как тебя зовут?

— Джеймс Кейл,— ответил он,— зови меня Джим.

— Джим,— повторила она, склонив голову и стараясь правильно выговаривать его имя. На языке Империи звук «м» звучал долго, и краткая форма от имени «Джеймс» получалась у нее более мелодичной и музыкальной, чем английская.

— А как твое имя? — спросил Джим.

Она вздрогнула и посмотрела на него с огромным удивлением.

— Ты должен звать меня Высокородной,— немного враждебно сказала она. Но в следующее мгновение поборола себя. Ее природная доброта взяла верх.— У меня,

конечно, есть имя. И даже не одно, а много, много имен. Но, как правило, у нас есть одно общепринятое имя. Меня обычно зовут Ро.

— Благодарю тебя, Високородная,— сказал Джим.

— О, ты можешь называть меня Ро...— Она вдруг замолчала, как будто испугалась своих слов.— По крайней мере, когда мы одни. Ведь ты же человек, Джим, хотя и... Дикий Волк.

— Это тоже придется объяснить мне, Ро,— сказал Джим.— Почему меня Високородные называют Диким Волком?

Она изумленно посмотрела на него.

— Но ведь ты... Ну, конечно же, ты — единственный человек, который этого не понимает!

Она еще раз покраспела, и Джим удивился. Такая реакция у взрослой женщины?..

— Это... не очень привлекательное имя. Оно значит... значит, что ты — человек, но затерянный когда-то в лесах и воспитанный зверями, и... это значит, что он не имеет никакого представления о настоящем человеке.

И она еще раз покраспела.

— Извини,— сказала она, глядя в пол.— Мне не надо было тебя называть так, но я не подумала. Я всегда буду звать тебя Джимом.

Джим улыбнулся.

— Это не имеет значения,— сказал он.

— Нет, имеет,— зло сказала она, быстро поднимая голову и в упор смотря на него.— Я знаю, что такое оскорбление, и не позволю называть Афуан моих... приемышей всякими кличками!

— Ну что ж, благодарю тебя,— нежно сказал Джим. Она ласково потрепала его по руке.

— Пойдем посмотрим на моих приемышей...

Джим пошел за ней. Все животные, казалось, были совершенно свободны, но не могли подойти друг к другу ближе чем на 5—6 футов. Их окружал невидимый барьер. Разумных существ не было. Любопытно, что все животные папоминали ему земных, как современных, так и вымерших миллионы лет назад. Это было интересно. Это, казалось, подтверждало теорию, что люди Империи и люди Земли одной крови, что когда-то люди Земли затерялись в дали веков и были снова найдены Тронным Миром на окраине Галактики. Но возможно, что планеты, населенные разумными существами, просто развивались параллельно. Да, могло быть и так...

Джим заметил нечто необычное с самой Ро. Почти все животные радовались, когда она заговаривала с ними или ласкала их. Она без колебания подходила к громадным хищникам. Правда, некоторые животные не обращали на ласки никакого внимания, но и не трогали Ро. Гибкое животное, ростом с ягуара и чем-то его напоминающее, — могучая бестия с массивной, похожей на лошадиную, головой — позволяло себя гладить, зевало и упорно не отвечало на заботу Ро. Обезьяноподобное существо, покрытое густыми черными волосами, наоборот, печально ластилось к ее руке и заглядывало в глаза Высокородной.

Когда они отошли от обезьяны, Ро повернулась к Джиму.

— Ты их всех увидел, — сказала она. — Может быть, ты иногда будешь мне помогать за ними ухаживать. Они требуют внимания. Афуан иногда месяцами не вспоминает о них. Но с тобой этого не случится... — она внезапно прервала свою речь. — Ты понимаешь? Ты дашь представление в Тронном Море для Императора, когда мы вернемся. И, как я уже сказала, ты не животное!

— Благодарю, — нехотя процедил Джим.

Она удивленно посмотрела на него и рассмеялась. Потрепав его по руке привычным жестом, она сказала:

— Сейчас ты увидишь свою комнату.

И они уже были в комнате, где до сих пор не были. Здесь была стеклянная стена, как в зоопарке, и за ней бушевал океан — волны бились о берега в 30 футах от Джима и Ро. Иллюзия это или реальность?

— Здесь ты будешь жить, — сказала Ро.

Джим огляделся. Дверей не было.

— Может быть, расскажешь бедному Джиму, — сказал тот, — как ему перебраться из одной комнаты в следующую?

— В следующую? — переспросила она, и внезапно Джим понял, что она восприняла его слова буквально.

— Прости, — сказал он. — Я хотел сказать — из этой комнаты в любую другую. Ну, если уж на то пошло, что находится за стеной? — Он указал на непрозрачную стену напротив стеклянной.

Она уставилась на стену, нахмурившись, и покачала головой.

— Но... я не знаю. — сказала она. — Какая разница? Ты можешь пойти, куда хочешь. И... знать, как расположены комнаты, незачем!

Джим запомнил это.

— Но мне надо знать, как перемещаться из комнаты в комнату.

— О,— сказала она.— Прости. Конечно же, ты не знаешь. Корабль делает все — тебе только надо наладить с ним контакт, и он исполнит любое твоё приказание.— Она вдруг улыбнулась.— Хочешь посмотреть, как выглядит корабль? — спросила она.— Я покажу тебе. А пока отдохни, освойся, разгрузи чемоданы. Когда мне вернуться?

Джим назвал ей время в единицах Империи — примерно через пятнадцать земных минут.

— Хорошо,— сказала Ро, улыбаясь.— Я приду.

И она исчезла.

Оставшись один, Джим осмотрел комнату. Везде лежали ковры и подушки всех размеров, как в комнате, где он впервые встретился с Ро. В углу стоял массивный куб четырех футов толщиной и восьми длиной. Джим решил, что это кровать. Вначале он никак не мог понять, где находится ванная, ничего похожего в комнате не было. Но как только он представил себе ее, секция стены послушно отъехала в сторону, открыв туалет и плавательный бассейн. Там были и другие приспособления, но Джим не знал их назначения.

Он отвернулся, и стена ванной тут же закрылась.

Джим поднял чемоданы и поставил их на куб, напоминающий кровать, открыл их. В тот же миг открылось небольшое помещение, которое можно было бы назвать стенным шкафом, если бы там были вешалки. Но их не было.

Он представил себе, что все его вещи висят в шкафу,— Джим уже чувствовал связь с кораблем. И все вещи внезапно очутились там. Висели они так, как он себе представлял, но только не на вешалках, а в воздухе, на чем-то невидимом.

Джим кивнул. Он был доволен. Он уже хотел закрыть шкаф, но передумал и взял с полки шотландский костюм с юбкой и кинжалом. Оделся. Повесил на пустующее место снятую одежду.

Шкаф закрылся, и Джим хотел отойти от него, когда в центре комнаты из небытия возник гость. Но это не была Ро. Это был мужчина-Высокородный, с белой, как оникс, кожей, семи футов росту.

— Вот ты где, Дикий Волк,— сказал Высокородный.— Пойдем, Мекон позвал тебя.

В тот же момент они переместились в комнату, которую Джим до сих пор не видел. Это был большой прямоугольный зал, и они стояли в центре. В дальнем конце зала, на невысоком ложе из подушек, лежало животное, похожее на кошку. Приемыш Ро?.. Когда они появились в центре комнаты, ягуар поднял голову и пристально взглянул на Джима.

— Подожди здесь, — сказал Высокородный. — Мекон присоединится к тебе через минуту.

Он исчез. И Джим остался наедине с огромной кошкой, которая лениво встала и медленно, через всю комнату, двинулась к нему.

Джим смотрел на ягуара. Раздался удивительно жалобный вскрик — звук настолько звонкий, что Джим никогда бы не поверил, что такой мощный зверь может издать подобный звук. Короткий хвост ягуара поднялся вертикально. Тяжелая голова опустилась, нижняя челюсть чуть не коснулась пола, пасть широко раскрылась, и обнажились огромные острые клыки.

Животное постепенно приближалось к Джиму. Мягко, почти неслышно, мощные лапы ступали по упругому ковру.

Вой не умолкал ни на минуту. С клыков стекала слюна. Визг становился все громче и громче, переходя в грозное пение.

Джим ждал.

Ягуар был уже совсем близко. В двенадцати ярдах от землянина он остановился и замер. Хвост бил по полу, как метроном, а рев, вырывающийся из глотки, заполнил всю комнату. Казалось, ягуар стоял очень долго. Джим ждал. Вдруг вой резко прервался, и гигантская кошка взвилась в воздух, прямо к горлу Джима.

3

Зверь мелькнул у его лица... и исчез. Джим так и не пошевелился. На мгновение он остался один в прямоугольной комнате, но через секунду рядом с ним стояло трое Высокородных. У одного из них на тунике был вышит дракон.

Второй был коротышкой по стандартам Высокородных — едва ли на три дюйма выше Джима. Третий мужчина был выше своих товарищей — гибкий, с благородной осанкой. Он смотрел на Джима и сочувственно улыбался.

— Говорю я тебе, что они храбры, эти Дикие Волки,— сказал самый высокий мужчина коротышке.— Твой трюк не сработал, Мекон.

— Храбрость! — зло сказал человек, которого называли Мекон.— Слишком уж это было гладко, чтобы быть правдой. Он даже не повернулся, можно подумать, что его...

Мекон осекся и торопливо взглянул на Оловиеля.

— Продолжай, продолжай, Мекон,— процедил Высокородный. В его тоне чувствовалась угроза.— Ты собирался что-то сказать. Может быть... предупредили?!

— Подождите. Мекон ведь не хотел сказать ничего плохого,— вмешался Трахи, вставая между Мекон и Оловиелем.

— Я бы хотел это услышать от него,— прошептал Оловиель.

— Я... ну, конечно, я вовсе не это имел в виду, я даже не помню, что я собирался сказать,— прошептал Мекон.

— Значит,— сказал Оловиель,— я выиграл? И один Пункт Жизни в мою пользу?

— Один...— признание буквально застряло у Мекона в горле. Его лицо потемнело. Он задыхался от ярости.— Один Пункт Жизни в твою пользу...

Оловиель рассмеялся.

— Не надо переживать, друг,— сказал он.— У тебя есть шанс отыгаться. Предложи что-нибудь благородное для спора.

Мекон опять покраснел.

— Ну, хорошо,— резко сказал он.— Я проиграл тебе Пункт. Но мне все-таки хотелось бы знать, почему Дикий Волк не шевельнулся, когда зверь бросился на него. Здесь что-то неестественное.

— Почему бы тебе не спросить его самого? — сказал Оловиель.

— Я его и спрашиваю! — заорал Мекон.

— Говори, Дикий Волк! Почему ты не испугался?

— Принцесса Ауфан взяла меня в Тронный Мир, чтобы показать Императору,— спокойно ответил Джим.— Сомневаюсь, что меня стоило показывать, разорванного на мелкие кусочки. Следовательно, кто бы ни был ответственным за эту приятную кошечку, он должен был позаботиться о том, чтобы я не пострадал.

Оловиель довольно расхохотался. Но Мекон рассвирепел.

— Вот как! — воскликнул он. — Ты думаешь, что до тебя и дотронуться нельзя, Дикий Волк? Сейчас!..

Внезапно между разъяренным Высокородным и Джимом появилась Ро.

— Что вы с ним делаете? — воскликнула она. — Ему велено находиться со мной! Он вовсе не для того, чтобы остальные играли с ним и...

— Еще и ты, грязнолицая! — взревел Мекон. Рука его потянулась к маленькой черной палочке, которая висела у него на поясе между двумя плетями. — Где моя трубка?

Он схватился за палочку. Ро тоже перехватила ее, и через мгновение трубка была выдернута из-за пояса, но Ро не давала Мекону прицелиться.

— Пусти, ты, маленькая...

Мекон поднял руку и, сжав пальцы в кулак, хотел ударить Ро, но Джим внезапно сделал шаг вперед. Высокородный взвыл, опустил трубку и схватился за правую руку. Начиная от предплечья и примерно до локтя на его руке появилась тонкая красная полоска, а кинжал Джима был уже в ножнах. И в комнате наступила мертвая тишина. Трахи, великолепно владеющий собой Оловиель и даже Ро стояли и смотрели на кровь, струившуюся по руке Мекона. Если бы стены корабля рухнули, они бы, наверное, меньше удивились.

— Он... Дикий Волк поранил меня, — прошептал Мекон, изумленно глядя на кровоточащую руку. — Вы видели, что он сделал? — Мекон пристально посмотрел на Трахи и Оловиеля.

— **ВЫ ВИДЕЛИ, ЧТО ОН СДЕЛАЛ?** — заорал Мекон. — Дайте мне трубку! Перестаньте стоять! Дайте мне трубку! — Трахи сделал едва заметное движение, как будто хотел приблизиться к Ро, у которой была трубка Мекона, но Оловиель удержал его.

— Нет, нет, — прошептал он. — Наша маленькая игра перестала быть игрой. Если ему нужна трубка, пусть ее берет сам! — Трахи остановился. Внезапно исчезла Ро.

— Проклятье! — крикнул Мекон. — Я припомню тебе все, Трахи! Я сказал: дай мне трубку! — Трахи медленно покачал головой. Он побледнел.

— Трубку — нет... Нет, Мекон! — сказал Высокородный. — Оловиель прав. Ты должен это сделать сам!

— Я убью его! — Мекон исчез.

— Я хочу тебе сказать: ты храбрый человек, Дикий Волк, — сказал Оловиель. — Разрешите мне дать тебе совет. Если Мекон предложит тебе трубку, не бери ее.

Трахи что-то хотел сказать, но Оловиель пристально посмотрел на него.

— Ты хотел возразить против того, что я советую Дикому Волку? — спросил он.

Трахи отрицательно покачал головой и неприязненно посмотрел на Джима.

Внезапно появился Мекон, рука его все еще кровоточила. Он держал две черные трубки. Одну из них протянул Джиму.

— Бери, Дикий Волк! — приказал он.

Джим отказался. В его руке сверкнул миниатюрный кипжал.

— Благодарю! — извинился он. — Я обойдусь собственным оружием.

Лицо Мекона посветлело от радости.

— Очень хорошо, — сказал он и бросил трубку, которую предлагал Джиму, через всю комнату.

— Для меня это не имеет значения.

— Но это имеет значение для меня!

Говорила женщина. Джим обернулся и отступил так, чтобы видеть всех, кто был в комнате. В комнате стояла Ро и еще одна Высокородная, в которой Джим узнал принцессу Афуан. За женщинами возвышался мужчина, который был, наверное, выше Оловиеля на дюйм или два.

— Ну? — спросила Афуан. — Разве все изменилось так, что ты решил уничтожить моих питомцев без ведома своей принцессы, Мекон? — Тот застыл на месте. Казалось, его парализовали слова принцессы. Ярость и изумление исказили его лицо.

Необычайно высокий мужчина ухмыльнулся. Его улыбка напоминала ленивую улыбку Оловиеля, но в ней были могущество и жестокость.

— Боюсь, что ты оскорбил ее Величество, Мекон, — сказал он. — Это обойдется тебе дороже, чем потеря нескольких Пунктов Жизни. Людей ссылали в колониальные миры и за меньшее.

— Но, пожалуй, не в таком деле, как это, — сказал Оловиель. — Дикий Волк первым напал на Мекона, и конечно, такой Высокородный, как Галиан, должен понять реакцию человека на подобный поступок.

Взгляды Оловиеля и Галиана скрестились. Они глядели друг на друга с некоторым изумлением.

«Когда-нибудь, — говорили эти взгляды, — мы поборемся, но не сейчас.»

Принцесса Афуан заметила ссору и немедленно перевела разговор на другую тему.

— Глупости,— сказала она,— это всего лишь Дикий Волк, в конце концов. Ты выглядишь омерзительно, *человек*! — последняя фраза была обращена к Мекону.— Залечись!

Мекон внезапно очнулся и поглядел на раненую руку. Джим увидел, как порез начал медленно затягиваться. Полторы секунды, и рана исчезла, на белой коже не осталось даже шрама, только высохшая кровь напоминала о случившемся... Но Мекон провел здоровой рукой по красной полоске, и кровь исчезла. Рука была чиста.

— Вот так-то лучше,— сказала Афуан. Она повернулась к Высокородному Галиану: — Займись этим делом. Пусть Мекон будет наказан.

Принцесса исчезла.

— Ты тоже можешь идти, девушка,— сказал Галиан, обращаясь к Ро.— Мне, к сожалению, не довелось видеть этого Дикого Волка на планете. После разговора с Мекон я хочу поговорить с ним.

Ро замялась. Она чуть не плакала.

— Иди,— мягко, но уверенно сказал Галиан.— Я не причиню твоему Дикому Волку вреда. Он скоро вернется к тебе.

Через секунду Ро переместилась, но в последний момент бросила на Джима умоляющий взгляд, предостерегая его от неосторожных поступков.

— Пойдем со мной, Дикий Волк,— сказал Галиан и исчез. Через секунду он снова появился, понимающе улыбаясь.

— Ведь ты не знаешь, как передвигаться по кораблю,— сказал Высокородный.— Очень хорошо, Дикий Волк. Придется мне взять тебя с собой.

И Джим очутился в большой овальной комнате с низким потолком и желтыми стенами, которая была похожа на рабочий кабинет. За каменными плитами, висевшими в воздухе, сидели служащие, не Высокородные, и занимались какой-то работой. Это были коричневые гуманоиды — они напоминали хорошо загоревших белых людей Земли. Они были не выше пяти с половиной футов. Но третий был гораздо выше и на сотню фунтов тяжелее, чем коричневые. Он был широк в плечах и силен. У маленьких людей были прямые белые волосы, почти как у Высокородных женщин, а высокий атлет был абсолютно лыс. Серая кожа туго обтягивала большой череп, который

был так велик, что рот, нос и уши казались точками. Как только появился Галиан, человек вскочил.

— Нет, нет, все в порядке, Реас,— сказал Галиан,— можешь спокойно работать.— Атлет, не возразив ни слова, сел и принялся изучать какую-то карту.

— Реас,— сказал Галиан, махнув в его сторону рукой и глядя на Джима,— нечто вроде моего телохранителя. Хотя мне совершенно не нужен телохранитель, не более чем любому Высокородному. Это тебя удивляет?

— У меня слишком мало знаний, чтобы удивляться или не удивляться,— ответил Джим.

Галиан кивнул Джиму, как бы соглашаясь с ним.

— Ну, конечно, нет,— сказал он и присел на ближайшую подушку.— Покажи мне свое оружие. Оружие, равнившее Мекону.

Джим вытащил кинжал и протянул его рукояткой вперед. Галиан осторожно взял нож, ухватив его большим и указательным пальцами, поднес кинжал поближе к глазам и нежно дотронулся до конца лезвия, а потом отдал его Джиму.

— Я думаю, что таким оружием можно убить обычного человека,— сказал он.

— Да,— подтвердил Джим.

— Очень интересно.— Он задумался на минуту. Потом уставился на Джима.— Я надеюсь, ты понимаешь, что тебе нельзя ходить по кораблю и причинять вред Высокородным.

Джим промолчал. Галиан усмехнулся как обычно — немного безразлично, немного жестоко.

— Ты заслуживаешь внимания, Дикий Волк,— задумчиво произнес он.— Да... Но ты, кажется, не понимаешь, что существуешь как насекомое в ладони любого из Высокородных. Тому же Мекону было достаточно сжать ладонь в кулак, и ты бы умер. Он, кстати, и хотел это сделать, когда я и Афуан остановили его. Но я не из тех Высокородных, к которым принадлежит Мекон. Я не похож ни на одного Высокородного, кроме Императора. Мы братья, и это не удивительно. А поэтому я не собираюсь сжимать руку в кулак, Дикий Волк. Я думаю поговорить с тобой, как с Высокородным.

— Благодарю,— сказал Джим.

— Тебе не надо благодарить меня, Дикий Волк,— мягко сказал Галиан.— Тебе не надо благодарить меня. Когда я говорю, ты должен слушать, только и всего! Когда я спрошу, ты должен ответить! А сейчас начнем. Как

ты попал в комнату, где были Трахи, Оловиель и Мекон?
Джим рассказал Высокородному все коротко и бесстрастно.

— Понятно, — сказал Галиан.

Он обхватил длинными руками колени и чуть откинулся на подушку, глядя Джиму прямо в глаза.

— Значит, ты полностью полагался на то, что принцесса решила показать тебя Императору и поэтому никто не осмелится причинить тебе вреда? Даже если так, Дикий Волк, ты проявил удивительное самообладание, ведь зверь прыгал тебе прямо в лицо.

Он замолчал, как будто предоставляя Джиму возможность что-нибудь сказать, но землянин не проронил ни слова. Галиан неодобрительно прошептал:

— Я разрешаю тебе говорить.

— Что я должен сказать? — спросил Джим.

— Да-а-а. Ты необычный Дикий Волк. Правда, я видел не так уж много Диких Волков, чтобы быть справедливым судьей в этом вопросе. Ты высок и крепок, почти как Высокородные. Скажи, остальной твой народ похож на тебя?

— В среднем нет, — сказал Джим.

— Значит, среди вас есть и более высокие мужчины?

— Да.

— Как Высокородные? — спросил Галиан. — Есть ли среди вас люди моего роста?

— Да.

— Но не много? — глаза Галиана сверкали. — Ведь их очень мало, не так ли? Это редкость?

— Это так, — ответил Джим.

— И, — продолжал Галиан, легко массируя свое колено, — чтобы быть абсолютно откровенным... Можно сказать, что они изгой?

— Приблизительно.

— Да, так я и знал. Видишь ли, Дикий Волк, мы — Высокородные — не изгой, не отщепенцы. Напротив, мы единственная аристократия Галактики. Мы превосходим все остальные расы во всем — и физически, и эмоционально, и умственно. Это факт, который ты еще, вероятно, не понял, и, естественно, жизнь предоставила тебе случай убедиться в этом, причем не безболезненно. Но я заинтересовался тобой.

Высокородный повернулся к Реасу.

— Принеси мне несколько трубок.

Мускулистый телохранитель оторвался от своей карты, пересек комнату и вернулся. Он нес две черные трубки, точно такие же, как трубки Ро и Мекона. Еще одна трубка висела у Реаса на поясе.

— Спасибо, — сказал Галиан, забирая оружие и поворачиваясь к Джиму.

— Я уже говорил тебе, что я не похож на остальных Высокородных. Я абсолютно свободен от всяких предрасудков по отношению к маленьким человеческим расам, но не потому, что я сентиментален, а потому, что я практичен. Ясно? А теперь я покажу тебе кое-что.

Он повернулся и сделал знак человеку с белыми волосами. Тот вскочил и подошел к Реасу. Галиан протянул ему черную трубку.

— Реас, как я уже говорил, не только специально подготовлен, он рожден быть телохранителем. А сейчас посмотри, как он управляется с трубкой по сравнению с соперником.

Реас и коричневый человек стояли друг против друга на расстоянии четырех футов.

— Я дважды хлопну в ладоши, — сказал Галиан. — Первый хлопок — сигнал для нападения, но Реас не затрагивается до своей трубки, пока не услышит второй хлопок. Смотри, Дикий Волк.

Галиан поднял руки и два раза мягко хлопнул в ладоши с интервалом примерно в полсекунды. После первого хлопка маленький человек выхватил трубку из-за пояса и уже направил ее узкий конец на Реаса, когда раздался второй хлопок и телохранитель неувловимым движением выхватил черную трубку.

В ту же секунду нечто среднее между дугой автогена и статического электричества вырвалось из оружия маленького человека. Пламя рвалось к груди Реаса, но не достигло цели. Трубка Реаса приняла нужное положение, и контрразряд встретил и обезвредил пламя так, что два разряда поднялись вверх.

— Очень хорошо, — сказал Галиан.

Огонь исчез. Два человека опустили оружие и повернулись к Высокородному. Галиан забрал у коричневого трубку и махнул ему рукой, приказывая вернуться на место и продолжать свою работу.

— А сейчас смотри внимательно, Дикий Волк, — сказал Галиан.

Он сунул черную трубку в петлю на поясе, и, как бы отвечая на невидимый сигнал, Реас сделал то же самое.

— А сейчас смотри,— мягко сказал Галиан.— Реасу разрешено стрелять в любое время, когда он захочет.

Телохранитель шагнул вперед и очутился на расстоянии вытянутой руки от Высокородного. Реас на мгновение застыл, чтобы потом бросить взгляд в противоположный угол комнаты, и его рука скользнула к поясу.

Короткий щелчок. Трубка Галиана касалась трубки Реаса, еще и наполовину не вытасченной из-за пояса. Высокородный довольно улыбнулся и отпустил Реаса. Потом он отдал ему оружие, и телохранитель отнес его в хранилище.

— Понял? Рефлексы любого Высокородного быстрее любого человека любой расы. Поэтому Мекон отправился за двумя трубками. Он хотел заставить тебя драться. У тебя не было шансов. Как я уже говорил, мы единственная настоящая аристократия Галактики. Но я не только быстрее Реаса. Моя память лучше, мой ум — изощреннее, мои чувства намного острее чувств любого из существующих людей... даже Высокородных. Несмотря на это, у меня служит больше низкорослых, чем у любого Высокородного. Они делают для меня очень много. Я заставлю их работать. Тебя не удивляет, зачем я это делаю, если все, что угодно, я могу сделать сам гораздо лучше?

— Я считаю,— сказал Джим,— по той простой причине, что ты не можешь находиться в двух местах одновременно.

Глаза Галиана сверкнули.

— Ты неплохо соображаешь, Дикий Волк,— сказал он.— Да, другие люди мне полезны, хотя они и ниже меня. И я подумал, что ты и твое маленькое оружие, ранившее Мекона, может быть, когда-нибудь мне пригодятся. Ты удивлен?

— Нет,— мягко ответил Джим.— Вы потратили на меня очень много времени.

Галиан откинулся на пуховую подушку, опять обхватив колено.

— Лучше и лучше,— прошептал он.— У этого Дикого Волка есть мозг — сырое серое вещество, не больше. Но тем не менее мозг! Я не ошибся. Да, возможно, ты годишься мне, Дикий Волк,— и знаешь, почему ты согласишься?

— Ты как-нибудь отблагодаришь меня? — сказал Джим.

— Точно,— прошептал Галиан.— Мы, Высокородные, не любим говорить, сколько лет мы прожили. Я просто

скажу тебе, что я не молод. Но я хорошо знаю, как подчинять себе людей иных рас. Я даю им желанное как награду или как законный заработок.

Он замолчал. Джим спокойно ждал.

— Ну, что ж, Дикий Волк, — сказал Галиан через минуту, — скажи, чего ты хочешь больше всего? Если бы ты не был Диким, я бы уже знал, чего ты желаешь. Но я плохо знаю Диких Волков. Что они ценят, как свою жизнь?

— Свободу.

Галиан усмехнулся.

— Ну, конечно. Все дикие звери хотят или думают, что хотят свободы. В твоём представлении свобода — это право уходить и приходить, куда захочешь и когда захочешь. Ведь так?

— Это основа.

— В особенности уходить... — прошептал Галиан, — Несомненно, ты никогда не задумывался над этим, Дикий Волк, но факт остается фактом. Если мы тебя взяли в Тронный Мир, ты уже не вернешься на родину. Понимаешь? Ты уже не вернешься!

Джим уставился на него.

— Черт возьми! Я думал, что я вернусь домой.

— У тебя нет выхода, — сказал Галиан, — но если ты будешь мне полезен, я смогу вернуть тебя на родину.

Галиан вскочил.

— Сейчас ты вернешься к Ро, — сказал он. — Пусть та мысль, которую я так старательно вложил в твой мозг, останется с тобой. Твоя последняя надежда на возвращение — я, Высокородный Галиан.

...И Джим оказался в комнате, где размещались питомцы принцессы.

Ро сидела в углу и плакала над телом гигантской кошки. Вторая жалобно выла. Тело ягуара раскроила почти надвое молния.

4

Джим направился к девушке. Она не подозревала о его присутствии, пока он не подошел и не обнял ее. Она испуганно вздрогнула, обернулась и, увидев землянина, прильнула к нему.

— С тобой все в порядке? Хотя с тобой все в порядке... — прошептала она сквозь слезы.

— Откуда? — спросил Джим, указывая на мертвую кошку.

Ро горько заплакала, потом она рассказала ему все, что произошло. Этот ягуар — подарок Афуан Мекону. Мекон научил его нападать по приказу...

— Но когда я видел эту кошку в последний раз, она была жива, — сказал Джим. — Как и почему ее убили?

— Разве ты не слышал? — спросила девушка. — Афуан велела наказать Мекона. Галиан решил, что наказанием будет...

Она всхлипнула и указала на животное.

— Страшное наказание, — сказал Джим.

— Страшное? — удивилась Ро. — Ведь от Галиана ничего другого и нельзя было ожидать! Он — дьявол! Кто-нибудь другой, если бы ему приказала принцесса, наказал бы Мекона лишением определенных ценных услуг. Но Галиан выбрал вместо этого несчастное животное. Потеряв подарок принцессы, Мекон теряет один Пункт. О, не Пункт Жизни! Галиан слишком умен, чтобы так сурово обойтись с таким человеком, как Мекон. Этот потеряет годовой Пункт. Но Мекон уже утратил многое... Он встревожен... Его могут изгнать...

— Изгнать?

— Конечно. Изгнание из Тронного Мира... — Внезапно она замолчала и вытерла мокрые от слез глаза, потом медленно встала и посмотрела на мертвую кошку. В то же мгновение тело ягуара исчезло. — Я все забываю, что ты ничего не понимаешь, — сказала она Джиму. — Я еще многому научу тебя. Все Высокородные играют в Пункты. Эту Игру не может запретить даже сам Император. Когда Высокородный теряет определенное число Пунктов, он покидает Тронный Мир навсегда. Подробности я тебе объясню позже. А пока я научу тебя перемещаться из комнаты в комнату. — Но слова Ро напомнили Джиму кое-что.

— Подожди минуточку, — сказал он. — Скажи мне, Ро, если бы я сейчас отправился в город по одному важному поручению, я смог бы выйти?

— Ну! — Ро печально покачала головой. — Я думала, ты знаешь. Наш корабль давно покинул колониальный мир. В Тронном Мире мы будем через три дня по корабельному времени.

— Понятно, — утрумо сказал Джим.

Вдруг Ро побледнела и схватила его за руки.

— Не смотри так! Что бы ни случилось — никогда не смотри так!

Джим с трудом подавил ярость, внезапно загоревшуюся в нем.

Ро все еще держала его руки.

— Ты странный, — сказала она. — Почему ты так посмотрел?

— Галиан просто кое-что сказал мне, — ответил Джим. — Он сказал, что я никогда не вернусь домой.

— Но... но ведь ты не собираешься обратно. — Ро искренне удивилась. — Ты не видел Тронного Мира. Еще ни один человек не захотел добровольно уйти оттуда. Там могут жить только Высокородные, не потерявшие много Пунктов в Игре, и слуги. Даже управляющие Колониальными Играми не могут так жить и если прибывают, то не надолго...

— Понятно...

Она нахмурилась. Сила его рук чувствовалась даже сквозь тонкую ткань рукавов.

— Ты почти такой же мускулистый, как Старкиен, — удивленно сказала она. — И ты слишком высок для Низкорослого. Все люди твоего мира похожи на тебя?

Джим горько рассмеялся.

— В десять лет я был таким же, — сказал он. Ро удивилась, и он добавил: — Это детский возраст, примерно половина до начала юности.

— И тогда ты перестал расти? — спросила девушка.

— Наши врачи провели на мне кучу опытов, — зло сказал Джим, — мой рост остановили, потому что я был слишком велик для 10 лет. Они не нашли никаких отклонений от нормы, но все же решили дать мне питуктарный экстракт гланд, и мой рост был остановлен... Я перестал расти! А в остальном я развивался как нормальный ребенок. Да это все не важно! — Джим резко оборвал разговор. — Ты хотела показать мне, как перемещаться из комнаты в комнату.

— Это... и еще кое-что!

Она вскочила и в эту минуту, как показалось Джиму, стала выше, и в глазах ее появился холодный оттенок.

— Они могут уничтожить моих животных, но тебе они не причинят вреда. Когда я обучу тебя, ты будешь знать достаточно... Ты выживешь! Может, моя кожа и темновата, но я такая же Высокородная, как и они! Даже Император не может изгнать меня из Тронного Мира без причины! Все, чем владеют Высокородные, — мое по

праву! Пойдем, я покажу тебе, что значит быть гражданином Тройного Мира!

Сначала Ро провела его в секцию корабля, в которой Джим еще не был. Огромный зал, высокий и просторный. Металлические стены, на одной из них играли лучи, переливаясь всеми цветами радуги. В зале находился только один маленький коричневый человек. Как потом узнал Джим, он управлял кораблем, вернее, он лишь стоял и наблюдал за работой механизмов, устраняя малейшие неполадки.

Корабль, по существу, саморегулировался. Он снабжал людей мощностью, необходимой для перемещения, исполнял любое желание. Как послушный пес, он подчинялся любому капризу принцессы и, хотя и в меньшей степени, готов был исполнять приказания других людей.

— Сейчас,— приказала Ро Джиму,— просто стой здесь и расслабься. Между кораблем и тобой наладится контакт.

— Он со мной? — переспросил Джим.

Он решил, что она говорит о телепатии, и попытался сказать ей это, но не нашел подобного значения в языке Империи. Ро, однако, поняла его и, удивляя Джима, стала подробно объяснять ему принципы действия корабля. Корабль изучал электрическую активность каждого мозга и основывался на этом при исполнении желаний человека. Мысли, которые вызывают достаточно яркие образы, говорила Ро, возбуждают моторную субъективность тела или, проще, физически отвечают им на определенном уровне воображения, как будто мысль человека исполнилась. Корабль сопоставляет желание человека с образом и перемещает его в то место, которое возникает в его воображении.

Процесс, с помощью которого корабль преодолевал световые годы за несколько дней, требовал много энергии. Корабль как бы перемещался в пространстве, подобно перемещению человека в корабле. Был предел расстояний, но количество перемещений было не ограничено, и парсеки не имели никакого значения.

— Корабль не движется, он изменяет свои координаты,— объяснила Ро... И она перешла к узкотехническим подробностям, и Джим опять ничего не понял.

После нескольких попыток разобраться в перемещениях у Джима возникло странное чувство — как будто легкое перышко гладит его обнаженный мозг. Сначала он переместился из одного угла в другой, потом он по-

чувствовал уверенность в своих силах и спокойно миновал комнаты, в которых уже побывал.

Ро пригласила землянина к себе и принялась обучать его социологии Тронного Мира. Джим был способным учеником, и это удивило Высокородную.

Джима поразило то, что Ро, правда, как и все Высокородные, обладает обширными знаниями. Никогда в жизни ей не приходилось стоять за приборной доской и следить за неполадками. Но в случае необходимости она могла бы сама построить межзвездный корабль, имея нужные орудия и материалы.

Ро, в свою очередь, долго не верила в способности Джима.

— Ты уверен, что все запомнил? — спросила она. — Только Высокородные могут запоминать все с первого раза.

Джим в ответ цитировал несколько параграфов, слово в слово. Опровергнутая, но не убежденная, она продолжала свои объяснения, рассказывая все больше и больше. И Джим запоминал все о Тронном Мире, обществе Высокородных и Империи.

Постепенно перед ним предстала яркая картина жизни Империи, как иногда при решении кроссворда несколько известных слов дают возможность отгадать другие, неизвестные.

Высокородные не были прямыми потомками людей, которые когда-то жили в Тронном Мире, создавали Империю и управляли ею. Те, кто сейчас властвовал над Галактикой, добились этого, будучи скорее слабыми, чем сильными.

Правда, в самом начале Тронный Мир пытался контролировать захваченные и колонизированные планеты. Но этот замысел вскоре провалился отчасти из-за того, что прошло много времени, отчасти из-за развития космических путешествий.

Новые миры стали независимыми, и экспансия человека продолжалась до тех пор, пока не были достигнуты границы Галактики. Тронный Мир был почти забыт, и о нем никогда не вспоминали иначе, как только о колыбели человечества.

Но вскоре колониальные миры поняли, что нужно централизованное управление общей организацией. Нужна была планета с номинальной властью, где концентрировались бы достижения науки и искусства. Тронный Мир вновь приобрел огромное значение и стал Вселен-

ской библиотекой и информационным центром. Все это — хотя тогда никто ни о чем не догадывался — дало начало новой династии Высокородных.

Тронный мир неизбежно отбирал у колониальных миров лучшие умы науки и искусства. Здесь сосредоточивалась интеллектуальная элита человеческой Вселенной. Здесь было наиболее выгодно жить людям творческого труда. Через тысячи лет, а это в масштабах Вселенной небольшой срок, иммиграция достигла такой высоты, что ее пришлось регулировать. Тем временем Тронный Мир, будучи источником самых последних научных и технических достижений, стал неизмеримо богаче и могущественнее прочих колониальных миров.

И вот за последние 1000 лет, когда Империя еще расширила свои границы, элита Тронного Мира превратилась в Высокородных. Специальный контроль рождаемости придал им физические признаки аристократии: белая, как оникс, кожа, лимонно-желтые глаза, белые волосы, брови и ресницы — это все, как узнал Джим, было специально генетически подобрано, чтобы жители колониальных миров чувствовали превосходство Высокородных.

Люди Тронного Мира еще искали гениев среди низших рас, но отбор был чрезвычайно строг, и сами отобранные не входили в элиту, а могли только надеяться, что в результате генетического отбора их дети станут белокожими, высокими и великими господами Империи.

— Видишь ли, — сказала Ро Джиму, когда корабль подошел к границе системы Тронного Мира. — Всегда есть шанс даже для такого Дикого Волка, как ты. О, они, конечно, попытаются разорвать тебя на мелкие кусочки, все эти Высокородные. Стоит им только заподозрить, что ты можешь присоединиться к ним. Но если ты образован и готов ко всему, они не смогут ничего сделать. Мы еще посмотрим, кто кого!

В ее глазах сверкнула искра торжества. Джим улыбнулся ей и переменял тему, спросив, когда остановят корабль. Ро помрачнела.

— Не знаю. Афуан ничего мне не сказала. Но я знаю, что она покажет тебя Императору как можно скорее.

После такого многообещающего разговора Джим был готов ко всему. Примерно через час после беседы с Ро корабль приземлился. Вскоре стены его комнаты исчезли, и он увидел арену. Чемоданы лежали у его ног, а перед

ним стояла вся квадрилья: бандерильерос, пикерос, лошади — точная копия квадрильи, с которой он работал на Альфе Центавра. Правда, люди были в костюмах и, в отличие от землян, все маленького роста и с коричневой кожей.

— Эти звери искусственные. — Он обернулся и увидел Афуан. — Ты будешь с ними тренироваться. Искусственные звери и искусственные люди должны повторить представление, которое ты дал на Альфе Центавра. Работай с ними, пока они не усвоят, что надо делать.

Принцесса исчезла. Вероятно, она решила, что сказала достаточно. Джим огляделся. Арена была точной копией арены, на которой он уложил быков перед Афуан.

Амфитеатры, которые там были сделаны из коричневого, похожего на бетон, материала, здесь блистали кристально белым мрамором. Все было белым, даже песок на арене выглядел как снег.

Джим наклонился, открыл чемодан и вытащил оттуда плащ, мулету и шпагу. Он не стал облачаться в боевой костюм. Потом отнес чемодан за барьер. Внезапно, как бы из воздуха, полилась музыка, и, двигаясь ей в такт, Джим пошел перед квадрилей, ведя ее до секции мест, обитых красным бархатом.

С точки зрения Джима это было почти невероятно: длинноволосые маленькие человечки двигались не только с профессиональной точностью, но и точно повторяли движения землян на Альфе Центавра. Были скопированы даже бесполезные детали. Очевидно, все запомнила Афуан или кто-то из ее окружения, и ими была создана программа, контролирующая людей в бою с быками.

Там, где человек прислонился к барьеру, чтобы отдохнуть, его дубликат повторял его движения с точностью до дюйма. Но когда Джим вышел на работу с плащом, он удивился еще больше. Высокородные представили ему быка, тоже запрограммированного, как и квадрилья, но они еще не знали, что программа получилась двойной. Первый бык был запрограммирован биологической наукой Земли на точно такие же движения. Джим усмехнулся.

Когда шпага вонзилась в спину быка, тот послушно рухнул, как и его собрат на Альфе Центавра. Джим посмотрел на своих помощников, думая, все это или не все, и не пора ли остановиться, но они, казалось, совершенно не устали.

Во время второй схватки Джим не столько работал с быком, сколько наблюдал за действиями квадрильи. Маленькие человечки двигались легко и уверенно. Но их жесты были несколько скованы. Их мускулы еще не привыкли к такой нагрузке. Но программу они старались выполнять добросовестно и хорошо.

Джим отрепетировал все представление еще два раза, прежде чем закончить тренировку. И хотя он давно уже отработал все до автоматизма, Джим сильно устал. Тем не менее следующие четыре дня он без устали повторял все снова и снова до тех пор, пока его помощники окончательно не усвоили все, что требовалось. У них появился опыт.

Во время тренировки он догадывался, что может управлять быком, представляя его действия, совсем как научила его Ро на корабле. Где-то в Тронном Мире был источник энергии, выполняющий все его приказания.

На шестой день он продемонстрировал своей квадрилье совершенно новый вариант боя. Все заключалось в том, что каждый из шести приведенных быков был запрограммирован по-своему, на всякий случай. Вдруг кто-то заподозрит, что они вообще запрограммированы. Джим знал все эти схемы и заставил своих помощников работать по программе быка в последней клетке, надеясь, что ему не придется с ним сражаться.

В его распоряжение предоставлено было несколько комнат в бесконечном одноэтажном здании. Эти комнаты имели двери и коридоры, и Джим мог ходить, куда вздумается. Но, хотя он осмотрел несколько комнат, двор и сады, он не встретил ни одного Высокородного. Здесь жили только слуги — мужчины и женщины.

Ро к нему не приходила. Несколько раз его навещала Афуан, коротко спрашивала, как идут тренировки, и вновь исчезала. Она не торопила его, но, когда Джим сообщил, что все готово, принцесса явно обрадовалась.

— Великолепно, — воскликнула она, — ты выступишь перед Императором... на днях! — Афуан переместилась, но на следующее утро она вернулась и объявила, что бой на арене начнется через... несколько имперских единиц времени, в переводе на земные — через сорок минут.

— Я не могу так быстро оживить быка! — возразил Джим.

— Об этом уже позаботились, — успокоила его Афуан и исчезла.

Джим стал торопливо натягивать боевой костюм. Теоретически ему требовался ассистент, но сейчас он не мог выбирать. Ему удалось наполовину одеться, когда юмор создавшегося положения заставил его рассмеяться.

— Почему тебя нет рядом, когда ты мне так нужна, Ро? — добродушно спросил он у белых стен комнаты.

И немедленно, как джинн из сказки, перед ним возникла Ро. Джим удивился.

— Что мне делать? — спросила девушка. Джим рассмеялся.

— Только не говори мне, что ты услышала.

— А как же иначе? — удивленно спросила она. — Я велела, чтобы мне дали знать, когда ты меня позовешь, но ты ни разу...

Он опять рассмеялся.

— Я бы позвал, если бы знал.

Ро покраснела.

— О, я хотела помочь тебе, — сказала она. — Но тебе, вероятно, не нужна моя помощь.

— Боюсь, что просить о помощи не в моих привычках.

— Хорошо, хорошо, но сейчас это не имеет значения, — энергично сказала она. — Чем я могу помочь тебе?

— Одеться...

Неожиданно она хихикнула, и Джим удивленно посмотрел на нее.

— Нет, нет, все в порядке, — произнесла Ро, — просто это работа слуг, людей низших рас. По-другому не бывает. — Она подняла его шляпу. — Это куда?

— Никуда пока что. Это в последнюю очередь. — Она послушно отложила шляпу и стала помогать ему. Когда Джим оделся, она с интересом взглянула на него.

— Ты выглядишь странно, но красиво, — сказала она.

— Разве ты не видела меня на Альфе Центавра?

Она покачала головой.

— Я была занята и к тому же не думала, что это будет даже занятно.

Ро удивленно посмотрела на Джима, когда он взял плащ и шляпу.

— Это зачем?

— Небольшие куски материи должны привлекать быка. Шпагой его убивают, — он немного вытащил ее из ножен и показал девушке обнаженный клинок, — в самом конце.

Ро побледнела и отступила назад. Глаза ее расширились.

— В чем дело? — спросил Джим.

Она пыталась что-то сказать, вскрикнула и нахмурилась.

— В чем дело? Что случилось? — потребовал ответа Джим.

— Ты мне не говорил... — она, наконец, справилась с волнением и заговорила, — что ты собираешься убить его!

Она всхлипнула, отвернулась и исчезла. Джим устал был на то место, где только что стояла Ро. Неожиданно раздался женский голос:

— Да!

Это была принцесса Афуан, и он, резко обернувшись, очутился с ней лицом к лицу.

— Оказывается, даже такие Дикие Волки, как ты, совершают ошибки. Я думала, что ты понимаешь: слабое место Ро — это животные.

Он холодно взглянул на нее.

— Ты права, — бесстрастно сказал Джим, — мне не следовало забывать об этом...

— Разве что... — сказала она, минуту помолчала, ее лимонно-желтые глаза встретились с его глазами. — Ты хотел вывести ее из себя. За такое короткое время ты стал думать о себе очень хорошо, Дикий Волк! У тебя появился такой верный друг, как маленькая Ро, но и такой могущественный враг, как Мекон. Тобой заинтересовался не только Оловиель, но и сам Галиан.

Афуан пристально посмотрела на него.

— Ты меня видишь?

— Конечно, — сказал Джим. И внутренне весь напрягся, хотя по лицу и фигуре этого не было заметно.

Афуан изменилась... И это даже нельзя было назвать изменением, ведь даже выражение ее лица осталось тем же. Но она стала совсем другой.

Внезапно эта высокая, с белой кожей, желтыми глазами и белыми волосами женщина стала привлекательной. Нет, не просто привлекательной, невыразимо желанной, и Джим с трудом сдержал себя. От нее исходила не просто чувственная привлекательность, она вся горела желанием...

Только долгие годы полного одиночества и полной изоляции помогли Джиму сопротивляться. Он понял, что она пытается пробить его защиту, заставить его предать все найденное в далеких исканиях души и ума, где ум

и душа никогда не бывали раньше, — только это помогло ему стоять равнодушно и спокойно.

И снова неожиданно, без физической перемены Афуан превратилась в холодную и далекую принцессу Высокородных, ошеломляющую, но не привлекательную по земным стандартам.

— Удивительно, — мягко сказала она, — просто невероятно, в особенности для Дикого Волка. Но я думаю, что ты теперь ясен мне, дикий человек. Что-то, когда-то давным-давно сделало тебя честолюбивым, и это честолюбие больше самой Вселенной.

Через секунду Джим был на арене. Когда он появился там, трибуны были уже заполнены одетыми в белое Высокородными. Даже за ограждением ложи Императора находилось шестеро мужчин и четыре женщины.

Зазвенела музыка, и Джим во главе квадрильи двинулся к ложе Императора. Когда он подошел ближе, то увидел там Афуан и Галиана, рядом с ними сидел широкоплечий пожилой мужчина с чуть желтоватыми бровями.

Но, приблизившись к ложе почти вплотную, Джим понял, что ошибся. Человек в центре только напоминал Галиана, но сходство было поразительным. Он вспомнил: Галиан — брат Императора. Землянин стоял перед властелином Империи.

Он был выше Галиана. Он возвышался над Высокородными, его взгляд ведал что-то необычное для Высокородных — был честным и открытым. Император улыбнулся Джиму, разрешая начать бой. Глаза Афуан довольно сверкнули.

Джим обычно посвящал убитого быка кому-нибудь из публики — убивая его прямо перед этим человеком. Он повернул квадрилью и повел в сражение. Его люди отлично работали, несмотря на то, что бык вел себя совсем не так, как искусственный. Вероятно, Афуан или кто-нибудь из ее свиты быка выбирали просто наугад. К счастью, каждый бык имел отличительный знак, и Джим имел возможность предвидеть движение быка, как только тот входил в круг.

Но несмотря на это, он должен был показать все, что умеет. К тому же его тревожили слова Афуан о честолюбии. У принцессы был трезвый и хитрый ум...

Бой близился к концу. Бык атаковал до последнего момента. Джим уложил его точно напротив императорской ложи. Вытащив шпагу, он повернулся и сделал несколько шагов к Императору. Во-первых, ему было интересно, как тот отреагирует, во-вторых, так требовал этикет — говорила Ро. Джим подошел к барьеру и посмотрел на Императора, который улыбнулся ему.

Улыбка Императора стала еще шире. Из уголка рта стекала тонкая струйка слюны. Он приоткрыл губы и обратился к Джиму:

— Уссууу,— произнес Император, улыбаясь,— уссуу...

Часть вторая

1

Джим застыл. По поведению окружающих он не мог понять, как поступать. А Высокородные в императорской ложе, как и все остальные Высокородные, видимо намеренно не обращали внимания на удар или припадок своего повелителя. Джим решил действовать подобно зрителям. Афуан и Высокородные, находящиеся в императорской ложе, спокойно сидели, как будто властелин вел с Диким Волком частную беседу. И все это как-то завораживало. Джим вспомнил о гигантском воздействии Афуан, но сейчас все пытались убедить не только землянина, но и самих себя, что ничего не произошло, что все в порядке.

...Внезапно все изменилось... Струйка слюны исчезла с челюсти Императора, стертая невидимой рукой...— более того, нам будет очень интересно узнать о тебе побольше,— вдруг неожиданно заговорил Император, как бы продолжая беседу.— Ты первый, Дикий Волк, которого мы видим на нашем дворе за долгие годы. Когда отдохнешь, приходи к нам, и мы побеседуем.

Улыбка Императора была открытой, искренней и дружелюбной.

— Благодарю тебя, Оран,— ответил Джим.

Еще Ро наставляла его, что при разговорах с другими нужно говорить в третьем лице — Император, но при личной встрече обращаться по имени.

— Буду очень рад тебя видеть,— сказал Император, весело улыбаясь. Он исчез и через секунду трибуны бы-

ли пусты. Джим представил свою комнату и перенесся в нее. Немного подумал, потом стал раздеваться. Он как раз снял тугой жакет, когда почувствовал, что сзади ему кто-то помогает... Оглянувшись, Джим увидел Ро.

— Я думаю, что это ужасно, — прошептала она, — но раньше я не понимала...

И она неожиданно посмотрела ему в глаза.

— Джим, этот зверь пытался *убить тебя*?

— Да, — сказал Джим, испытывая невольное чувство стыда — ведь бой был нечестным. — Так это и происходит...

— Как бы то ни было, — угрюмо и решительно сказала Ро, — если нам повезет, ты оставишь это занятие. Тебе повезло — Император сразу заинтересовался тобой. И... ну-ка, догадайся, в чем дело.

Она перестала помогать Джиму, и он, наполовину раздетый устоялся на нее.

— В чем? — спросил он.

— Я нашла тебе поручителя, — взволнованно выпалила она. — Оловиель! Ты ему тогда понравился... Он хочет иметь тебя среди знакомых. Ты понимаешь? Понимаешь, что это значит?

Ро замолчала и взглянула на него, требуя ответа. Джим покачал головой. На занятиях они этого не проходили.

— Ты уже не слуга! — воскликнула Ро. — Я очень надеялась найти тебе поручителя — но не так скоро. Я не хотела тебе всего рассказывать — ты мог бы разочароваться... Но Оловиель сам пришел ко мне.

— Да?

Джим насторожился, хотя в его лице ничего не изменилось. Он хотел, чтобы Ро не видела его беспокойства. Возможно, Оловиель поступил так из-за визита Афуан, возможно, он сделал это из-за разговора Джима с Галианом. Кто знает? Джим уже собирался спросить Ро, но в последний момент передумал. Он не хотел рассказывать Ро об Афуан и ее действиях, по крайней мере сейчас.

И тут он понял, что Высокородная почти раздела его. Вероятно, она не придавала этому никакого значения, и Джим тоже не придавал, но ему показалось, что Ро раздевает его совершенно безразлично, как богатый хозяин чистит свою лопадь перед выездом. К тому же Джиму нужна была помощь, а не забота и уход.

— Спасибо, — сказал он, отодвинувшись. — Дальше я справлюсь сам.

Он разделся, потом натянул шотландскую юбку и рубашку с короткими рукавами. Ро следила за ним с гордым обожанием.

— Расскажи мне о поручительстве, — попросил Джим. — Для чего оно служит?

— Ну как же, — удивилась Ро. — Конечно же, для усыновления Тронным Миром. Разве ты не помнишь? Я ведь говорила тебе, что даже сейчас иногда гениальным людям из колоний разрешают оставаться. Правда, они не являются истинными Высокородными, но могут надеяться, что их внуки или правнуки станут Высокородными. Это и называется — усыновление Тронным Миром. И начинается усыновление с поручительства.

— Ты хочешь, чтобы я стал Высокородным?

Ро буквально приплясывала от радости.

— Когда за тебя поручатся, начинается процесс усыновления. И ты находишься сейчас под защитой Императора, пока он не примет или не откажет тебе. И пока никому не отказывалось. Вряд ли ты станешь исключением. Вряд ли ты совершишь преступление, наказуемое изгнанием из Тронного Мира... Раз Оловиель поручился за тебя, ни один Высокородный не имеет права обращаться с тобой, как со слугой. Теперь твоя жизнь вне опасности. Даже Афуан и Галиан ничего с тобой не сделают. Им придется подавать жалобу на имя Императора, чтобы тебя убрать.

— Понятно, — задумчиво сказал Джим, — скажи, а мне надо говорить, что Оловиель поручился за меня, в разговоре с Императором?

— С Императором? — девушка засмеялась, похлопав Джима по плечу. — Извини, мне не стоило смеяться. Но дело в том, что ты можешь прожить всю жизнь и ни разу не поговорить с Императором.

— Тогда я должен буду умереть, — сказал Джим, — после боя быков Император пригласил меня к себе.

— Ты не понимаешь, Джим, — добродушно сказала она. — Он просто пригласил! Никто не приходит к Императору. Если Император действительно пожелает видеть тебя, ты внезапно предстанешь перед ним. А пока ты должен жить и ждать.

Джим нахмурился.

— Мне очень жаль, — сказала Ро, — ты этого не знал. Император часто говорит, что тут же забывает обо всем. Шутка или комплимент, понимаешь?

Землянин медленно улыбнулся и Ро побледнела.

— Не смотри так,— сказала она, схватив его за руки,— ни один цивилизованный человек не должен так смотреть!

— Не беспокойся,— ответил Джим.

И улыбнулся.

— Но боюсь, ты ошибаешься. Я повидаю Императора. Где он может быть сейчас?

— Во дворце Вотана, конечно... Но... Джим, ты действительно хочешь пойти туда? Ты не можешь...

— Объясни мне, как туда добраться.

— Нет,— решительно сказала Ро.— Он прикажет Старкиенам убить тебя! Возможно, они убьют тебя, не дожидаясь приказа.

— О! Интересно, зачем Старкиены будут убивать нашего дикого человека? — неожиданно послышался голос Оловиеля.

— После боя Император сказал ему, чтобы он отдохнул и пришел к нему,— объяснила Ро.— А сейчас Джим требует, чтобы я отправила его во дворец Императора! Я никогда не сделаю этого!

Оловиель рассмеялся.

— Почему? Пойти к Императору! — повторил он.— Пойти к Императору... Почему же ты не скажешь? Если ты не скажешь, скажу это я.

— Ты? — взъярилась Ро.— Ты сказал, что будешь его поручителем!

— Правильно,— согласился Оловиель.— Я так и сделаю. Я восхищен Диким Волком! О, какое лицо будет у Галиана, когда я расскажу ему все. Но если, как ты сказала, Джим желает во что бы то ни стало погибнуть, пока поручительство не оформлено, то кто я такой, чтобы вмешиваться в его дела?

Он взглянул на Джима.

— Ты действительно хочешь пойти?

Джим зло ухмыльнулся.

— Я — Дикий Волк,— сказал он,— и я не передумаю.

— Ладно,— согласился Оловиель, не обращая внимания на бешеные попытки Ро заставить его замолчать.— Я пошлю тебя к Вотану и Императору,— и как они поступят — ты увидишь сам!

И он переместил Джима. Огромный зал... прозрачный потолок, за которым плыли облака, и шестеро человек...

Увидев из воздуха возникшего землянина, Император прервал разговор и отвернулся от пожилого широкоплечего Высокородного, который сидел рядом с ним в амфи-

театре. Незвестный Джиму Высокородный обернулся посмотреть, что заставило самого Императора замолчать. Остальные трое, мускулистые, серокожие, были телохранителями — копиями телохранителя Галиапа. Набедренные повязки прикрывали их пах, у широких поясов висели трубки, а тело было покрыто чем-то, напоминающим металлические ленты, прилегающие так плотно, что Джим решил — эластичная ткань. Увидев землянина, они выхватили трубки и прицелились, но одно резкое слово Императора остановило их.

— Нет! Это...

Он уставился на Джима и вдруг радостно усмехнулся.

— О, да это Дикий Волк!

— Вот именно! — резко сказал старик. — И что ему здесь надо? Племянник, тебе лучше...

— О, — прервал его Император, направляясь к Джиму и улыбаясь. — Я пригласил его. Разве ты не помнишь, Вотан? Я пригласил его после смерти животного.

Теперь Император стоял между телохранителем и Джимом.

— Естественно, ты поспешил прийти к нам, не так ли? Ты не мог заставить нас ждать?

— Да, Оран, — ответил Джим.

Старик по имени Вотан, бывший, по-видимому, дядей Императора, подошел к ним и стал рядом с племянником. Из-под седых бровей сверкнули лимонно-желтые глаза.

— Племянник, ты должен наказать этого дикого человека за его проступок, — сказал он. — Если правила будут нарушены один раз, их нарушат тысячу раз!

— Ну, ну, Вотан, — сказал Император, улыбаясь старому Высокородному. — Разве в Тронном Мире много Диких Волков, знающих все эти правила? Нет, я пригласил его! Если же мне не изменяет память, я даже сказал, что хочу поговорить с ним, и я думаю сейчас, что я не ошибался! Садись, Дикий Волк, — продолжал Оран. — И ты, дядя, садись, и ты, Лорава.

Он взглянул на третьего Высокородного, молодого худощавого человека.

— Давайте все сядем и поговорим с нашим Диким Волком. Откуда ты, Дикий Волк? Верно, с края Галактики?

— Да, Оран, — ответил Джим.

Он уже сел и недовольный Вотан опустился на подушку рядом с Императором. Молодой Высокородный по имени Лорава торопливо пристроился около него.

— Забытая колония... забытый мир... — пробормотал Император. — Есть там дикие звери?

— Да, — сказал Джим, — на нашей планете еще много диких зверей, но люди любят убивать...

— Люди любят иногда убивать и зверей, — сказал Император. По его лицу скользнула тень, как будто вспомнил он печальную историю своей жизни. Джим осторожно наблюдал за ним. Трудно было поверить, что этот человек совсем недавно был перед ним на арене.

— А мужчины в твоём мире... и женщины похожи на тебя? — спросил Император, пристально посмотрев на Джима.

— Все мы отличаемся друг от друга.

Император засмеялся.

— Ну конечно! — сказал он. — И без сомнения вы, здоровые дикие люди, отмечая эту разницу, не пытаетесь уравнивать всех... Так же, как и мы, высшая нация, Высокородные Тронного Мира!

Ирония внезапно исчезла из его голоса.

— Как мы нашли вас через тысячи лет?

— Не вы нас нашли, — сказал Джим. — Наш корабль наткнулся на один из дальних миров Империи.

Все внезапно замолчали и вдруг Лорава рассмеялся.

— Он лжёт, — воскликнул юноша, — они нас нашли? Если они нашли, как же они могли потеряться?

— Молчать! — взревел Вотан. Он повернулся к Джиму. Лицо его было серьёзно. — Ты хочешь сказать, что твой народ забыл все Империи, вернулся в дикое состояние и прошёл путь цивилизации от начала до конца? Ты хочешь сказать, что вы способны совершать космические полёты?

— Да, — лаконично ответил Джим.

Вотан угрюмо посмотрел на Джима, потом вернулся к племяннику.

— Это дело требует расследования, племянник, — сказал он.

— Расследовать, да... — прошептал Император, но мысли его были далеко. Он смотрел сквозь Джима, на его лице появилось грустное выражение. Вотан взглянул на него и вскопчил, приказав Дикому Волку встать.

Джим поднялся с подушек. Вотан отвёл Императора и Лораву в дальний конец комнаты.

— Я позову тебя позже, Лорава, — нетерпеливо сказал он.

Высокородный кивнул ему и исчез.

Вотан повернулся к Джиму.

— Оловиель поручился за тебя,— коротко сказал Вотан,— к тому же, насколько мне известно, ты прибыл на корабле принцессы Афуан и на борту говорил с Галианом. Правильно?

— Да.

— Понятно...

Вотан на секунду задумался. И неожиданно его взгляд стал резким и пронзительным.

— Кто-нибудь предлагал тебе сейчас пойти к Императору?

— Нет,— ответил Джим. Он улыбнулся высокому широкоплечему старику.— Я решил пойти к Императору сам, потому что он меня пригласил. Я сказал об этом Оловиелю и Ро.

— Ро? — Вотан нахмурился.— А, маленькая девчонка Афуан. Ты уверен, что это не она предложила тебе пойти сюда?

— Абсолютно уверен,— сказал Джим.— Она не пускала меня. Что касается Оловиеля, когда я сказал ему, что собираюсь отправиться к Императору, он рассмеялся.

— Рассмеялся? — недоверчиво спросил Вотан.— Посмотри мне в глаза, Дикий Волк!

Джим взглянул в два лимонно-желтых глаза под густыми бровями, и они сверкнули невыносимо ярко и поплыли по лицу Высокородного, пока чуть не слились в один огромный глаз.

— Сколько у меня глаз? — услышал землянин грохочущий голос Вотана.

Два глаза плыли друг к другу, как два сверкающих солнца, пытались соединиться. Джим почувствовал такое же давление, как и тогда, перед боем быков... Он весь напрягся и глаза разделились.

— Два,— сказал он.

— Ты ошибаешься, Дикий Волк,— гремел голос,— один, только один.

— Нет,— сказал Джим,— два глаза так и не слились в один. Я вижу два глаза.

Вотан пробормотал что-то и его взгляд перестал жечь Джима, гипнотическое воздействие внезапно исчезло.

— Что ж, значит, я так и не добьюсь ответа,— сказал Вотан скорее себе, чем Джиму.— Но я полагаю, ты понимаешь, что мне очень легко узнать правду.

— Я в этом уверен.

— Да...— Вотан задумался.— Здесь что-то кроется...

Конечно, Император может просто общаться с тобой, как с человеком... другом Оловиеля. Но мне кажется, надо сделать кое-что... посмотри...— и Вотан резко приказал воздуху: — Лорава!

Возник молодой Высокородный.

— Император назначает этого Дикого Волка офицером Старкиенов. Его должны назначить на пост во дворце. Проследи! И пришли ко мне Мелиеса.

Лорава исчез. Через три секунды перед ними материализовался человек — худощавый, в обычной белой тунике и юбке, рыжеволосый. Кожа его была белой, но с желтоватым оттенком. Маленькие черные глаза смотрели хитро, очень хитро... Но он явно не был Высокородным, хотя от него исходили уверенность и властность. Он был уверен в себе больше, чем Старкиен.

— Мелиес,— сказал Вотан,— этот человек — Дикий Волк, который недавно устроил представление на арене.

Мелиес кивнул.

— Император назначает его офицером Старкиенов дворцовой охраны. Я приказал Лораве проследить за всеми формальностями; но ты должен объяснить ему все, и пусть его обязанности будут малы, насколько это возможно.

— Да,— голос у Мелиеса был сильный.— Я позабочусь о нем!

Он исчез. Вотан посмотрел на Джима.

— Мелиес — мажордом дворца,— сказал он.— Фактически, он господин всех Низкорослых Тронного Мира. Если у тебя возникнут затруднения, обращай к нему. А сейчас возвращайся. И жди, пока тебя не позовут.

Джим почувствовал, как его мозга касается легкое перышко. Он был в своей комнате. Они ждали его. Ро подбежала, как только увидела его, и бросилась ему на шею. Оловиель рассмеялся.

— Итак, ты вернулся,— медленно сказал он.— Я почему-то так и думал. Я даже предложил Ро поспорить на Пункт, но она не любит эту Игру. Что там случилось?

— Меня назначили офицером Старкиенов,— спокойно сказал он.— И Вотан сказал мне, что Император поддерживает твоё поручительство.

Ро вздрогнула и изумленно посмотрела на него. Оловиель с небольшим удивлением поднял брови.

— Джим,— недоуменно спросила девушка,— что случилось?

И он кратко рассказал все. Оловиель был восхищен.

— Извините, но у меня появился отличный шанс выиграть несколько маленьких споров, пока Тронный Мир не знает...

И Оловиель исчез. Джим заметил, что Ро обеспокоена.

— Джим, — неуверенно начала она. — Скажи, как обо мне спросил Вотан? Не я ли предложила тебе нарушить правила и пойти к Императору? Вопрос был задан после того, как он вспомнил, что я придворная Афуан?

— Да. Интересно, не правда ли? — Ро задрожала.

— Нет, — тихо сказала она, — недобрый знак! Я могла бы обучить тебя и помочь выжить, если бы все было нормально. Но в твою судьбу вмешиваются другие Высокородные... — она охрипла от волнения.

Джим молча смотрел на нее. Потом спросил:

— Ро, скажи мне, Император болен?

— Болен? Ты хочешь сказать, нездоров? — рассмеялась девушка. — Джим, ни один Высокородный никогда не болеет.

— Здесь что-то не так, я не думаю, что это секрет, если то, что произошло на арене, происходит так часто. Ты видела, как он изменился после того, как я убил быка?

— Изменился? — искренне удивилась девушка. — Изменился? Как?

— Разве ты не видела его лица и не слышала, как он выл? А, правда, ты сидела далеко.

— Но, Джим! — она привычно положила руку ему на плечо. — Вокруг арены установлены фокусирующие установки. Когда ты сражался, — девушка задрожала, но вскоре справилась с собой, — я видела, как ты стоял перед Императором, как говорил он с тобой, и если что-нибудь случилось бы, я бы заметила.

Он уставился на нее.

— Ты не видела? — недоверчиво спросил Джим после минутного молчания.

Ро честно выдержала его взгляд, но Джим понял, что она насторожилась и не хочет смотреть в глаза ему, хотя и не понимает этого.

Она говорила неправду, но что-то в ней сопротивлялось признанию, и Джим увидел это. Тянулись секунды, и внезапно он понял, что девушке плохо, Ро не могла нарушить молчания.

Джим отвернулся, и перед ним появилась фигура серокожего, бритоголового Старкиена.

Джим резко спросил его:

— Ты кто?

— Меня зовут Адок! Я — это ты!

Джим нахмурился и недовольно посмотрел на Старкиена.

— Ты — это я? — переспросил он. — Не понял.

— Ну, Джим, — вмешалась Ро. — Он заменяет тебя. Ты ведь не настоящий Старкиен. Взгляни на него и взгляни на себя.

— Высокородная совершенно права, — сказал Адок. У него был глубокий ровный голос, равнодушный. — Когда человек, по рождению и воспитанию не Старкиен, награждается офицерским чином — к нему всегда приставляют замену.

— Ты мой заместитель, да? — осведомился Джим. — Тогда кто же ты официально?

— Официально, я уже говорил. Я — это ты, — ответил Адок. — Официально меня зовут Джеймс Кейл, я — Диккий Волк с планеты... — язык Старкиена начал заплетаться и он не мог выговорить нужного слова... — Земля...

— Мне показалось, что ты назвал себя Адок-1, — сказал Джим.

Старкиен был так серьезен, что землянину страшно захотелось рассмеяться, но осторожность застыла на его лице.

— Неофициально для тебя, Джим, я — Адок-1. Твои знакомые, например, Высокородная леди, могут звать меня и Джеймс Кейл и Адок-1, — это не имеет никакого значения.

— Я буду звать тебя Адок-1, а ты можешь звать меня Ро, — сказала девушка.

— Я исполню, Ро, — сказал Старкиен, как будто повторил приказ.

Джим удивленно покачал головой и заговорил с охранником. Этот человек, казалось, не понимал юмора до тупости, был послушен и мог погибнуть за хозяина, в то же время он фамильярно называл Джима по имени. Адок-1 испытывал рядом с Джимом ощущение одновременно превосходства и неполноценности. Совершенно ясно было, что Старкиен ни на минуту не допускал, что землянин может выполнять свои обязанности. С другой стороны, он считал Джима хозяином.

«Однако исследовать характер Адока можно будет и позже, а пока надо заняться более важными делами», — подумал Джим.

— Хорошо, — сказал он. — И что же теперь с нами будет?

— Мы всегда будем вместе, Джим,— заявил Старкиен и взглянул на Высокородную.— Если Ро позволит, я немедленно начну инструктаж. Ты узнаешь, что буду выполнять я, а что придется делать тебе.

— Мне в любом случае пора к приемышам,— сказала Ро.— Я приду к тебе позже, Джим.— Она легко дотронулась до его плеча и исчезла.

— Ну хорошо,— сказал Джим, поворачиваясь к Адоку.— С чего начнем?

— Сначала посетим казармы твоих воинов,— сказал Адок.— Если ты разрешишь мне указать путь, Джим...

— Валяй,— и они внезапно очутились в бесконечной комнате с высоченными потолками.

— Где мы? — спросил Джим. Вдалеке виднелось несколько человек.

— Мы в зале парадов...— Губы Адока скривились и землянин неожиданно понял, что Старкиен удивлен.

— Мы под землей...— и Адок назвал несколько единиц измерения, около полумили по земному счету.

— Это тебя не тревожит? Все Высокородные беспокоятся, но слуги обычно ничего не замечают.

— Нет, меня ничто не тревожит.

— Если тебя что-то испугает, ты должен сказать мне. Можешь не говорить никому, но я должен знать все, чтобы защитить тебя и поддержать.

Джим усмехнулся, ему нравился Адок-1.

— Не беспокойся,— сказал он.— Обычно я ничего не боюсь. Но если что-либо произойдет, обещаю сообщить.

— Хорошо,— серьезно сказал Старкиен.— А сейчас я хочу тебе сказать, на парадах я не могу заменять тебя. Иногда мы будем вместе. Ты видел этот зал и можешь в любое время вернуться в него. А сейчас пойдем на склад, нам надо выбирать оружие, и ты запомнишь, где он находится.

Комната, в которую они переместились, была ярко освещена.

Узкий и длинный коридор. На стенах висели кожаные повязки и серебристые ленты. Старкиен выбрал для Джима несколько кожаных повязок и лент, но не предложил ему одеться. Вместо этого они переместились в казарму — ряды комнат, похожие на квартиру Джима, только поменьше.

Потом Адок показал своему подопечному классы обучения, обеденный зал, подземный парк, освещенный искусственным солнцем, и, наконец, торговый центр.

И внезапно, без предупреждения они перенеслись на поверхность земли в зал, подобный тому, что во дворце Вотана.

— Кто? — спросил было Джим, но прежде, чем он успел задать вопрос, перед ним появился господин слуг Мелиес и посмотрел не на землянина, а на Старкиена.

— Я все показал ему. Потом привел к тебе, как ты говорил.

— Хорошо, — сказал Мелиес. — Император принял поручительство для твоего дальнейшего усыновления.

— Благодарю вас, — сказал Джим.

— Я сказал это для того, чтобы ты понял свое положение. Как кандидат для усыновления, ты теоретически — вероятный Высокородный, следовательно, ты превосходишь меня. С другой стороны, как офицер Старкиенов низшего ранга — ведь ты не командир десяти полков — и потому, что ты — Дикий Волк, — я твой господин.

Джим молча кивнул головой.

— Надеюсь, — резко сказал Мелиес. — Здесь существует противоречие — своеобразное раздвоение личности. Итак, все твои действия, как Высокородного, мне не подлежат. В то же время, как офицер-Старкиен — ты подлежишь мне. Опять же, в личной жизни ты можешь быть и слугой, и господином, хотя я сомневаюсь, что ты выдержишь роль слуги.

— Я с вами согласен, — спокойно сказал Джим.

— Следовательно, — продолжал Мелиес, — у меня нет физической власти над тобой. Но если будет необходимо, я отстраню тебя от должности офицера-Старкиена и подам жалобу Императору. И я думаю, что Император обратит на нее внимание.

— Я понимаю.

Мелиес пристально взглянул на него и исчез.

— Джим, — сказал Адок, дотрагиваясь до его локтя, — если хочешь, вернемся в казарму, я покажу тебе, как пользоваться оружием.

— Хорошо.

И они вернулись в казармы. В одной из пустых комнат Старкиен падел на Джима все ленты и пояса, взятые на складе.

— Существует два вида оружия, — сказал Адок, когда Джим оделся. — Вот это... — он дотронулся до маленькой черной трубки, висевшей между петлями на поясе, —

имеет свой источник энергии и всегда используется охранниками в Тронном Море.

Он аккуратно прикоснулся к серебряной полоске, опоясывающей бицепс левой руки Джима.

— А вот это, так сказать, оружие второго класса. В данный момент оно абсолютно бесполезно, его надо подключить к общему источнику энергии. Каждая лента является одновременно оружием и усилителем...

— Усилителем?

— Да. Лента ускоряет твои реакции, увеличивает силы. Это очень важно для Высокородных. Позднее мы поработаем с оружием второго класса, когда тебе разрешат отправиться на полигон и испытать его.

— Понятно, — сказал Джим, ощупывая серебряные полосы. — Значит, эта штука делает меня чем-то вроде супермена?

— Обученный Старкиен при полном напряжении эффективного оружия второго класса является эквивалентом двух или трех частей армии колониального мира.

— Разве на колониальных мирах нет своих Старкиенов?

Адок был шокирован.

— Старкиены служат только Императору, только ему одному!

— На корабле я разговаривал с Высокородным по имени Галиан. И у него был телохранитель — по меньшей мере удивительно похожий на Старкиена.

— Все правильно. Император дает своим Старкиенов всем Высокородным, если они им требуются. Но они остаются слугами Императора и подчиняются только его приказам.

— Ну, хорошо, — сказал Джим, — а подземные помещения Тронного Мира занимают только слуги?

— Да.

— Раз уж я нахожусь здесь на экскурсии, я хотел бы увидеть побольше. Какова площадь всех подземных помещений?

— Под землей комнат столько же, сколько и наверху. Возможно, и больше. Я все не видел.

— Кто знает? — на секунду Джиму показалось, что Адокс пожмет плечами, но Старкиен удержался.

— Я не знаю... может быть... Мелиес.

— Да, — задумчиво сказал Джим. — Конечно, Мелиес.

Несколько раз в месяц Джим принимал участие в

подземных смотрах. Его обязанность заключалась в том, что он стоял перед отрядом в 78 Старкиенов.

Но первый парад запомнился ему на всю жизнь. Весь огромный подземный ход был забит полками безразличных, наголо бритых мускулистых людей.

Джиму казалось, что Старкиены составляли незначительную часть населения Тронного Мира. Впоследствии он произвел несложные вычисления с помощью Адока и установил, что на параде присутствовало двадцать тысяч человек.

А Старкиен сказал ему, что это всего лишь один из пятидесяти парадов.

Да, с такими войсками Высокородные действительно могли не опасаться нападения колониальных миров, даже объединенных.

2

Серебряные полосы пока не были для Джима оружием — он еще не видел их в действии. Но они действовали, как усилители. Адок давал командиру простые упражнения — бег, прыжки. После первой тридцатиминутной серии упражнений Старкиен нежно перенес Джима в казармы и заставил лечь на огромную подушку, которая служила постелью, осторожно снял ленты.

— А сейчас, — сказал он, — ты должен отдохнуть не менее трех часов.

— Зачем? — спросил Джим, с любопытством глядя на широкоплечего, мускулистого Старкиена.

— Эффект сначала не воспринимается телом. Помни, твои мускулы работали быстрее, чем обычно. Природа не подготовила их для таких усилий. Сейчас ты чувствуешь недомогание, но это ничто по сравнению с тем, что с тобой будет через три часа. Лучший способ свести к минимуму боль — спокойно пролежать некоторое время. Постепенно твое тело привыкнет к другому режиму. Тебе не придется отдыхать даже после долгой работы.

Адок выключил свет и исчез. Лежа в полумраке, Джим задумчиво изучал белый потолок. Он не чувствовал недомогания или усталости. Но, как сказал Старкиен, боль появится через три часа. Поэтому Джим пролежал положенное время, не шелохнувшись.

Но и потом он не почувствовал недомогания и запомнил эту особенность, как запоминал все, что касалось Тронного Мира.

То, что он узнал сейчас, не совсем вписывалось в картину загадочного общества. Но ему помогло то, что еще с детских лет, проведенных в молчании и одиночестве, он привык к безграничному терпению. Ему пока не удалось расшифровать все. Но когда-нибудь он узнает, а пока... Адок сказал, что через три часа усталость выведет его из строя.

Джим никак не мог понять, наблюдают за ним или нет. Поэтому он заставил себя лежать. И вскоре заснул.

Кто-то дернул его, и Джим проснулся. Перед ним стояла Ро.

— Галиан хочет, чтобы ты встретил одного человека. Он передаст это через Афуан. Ты должен встретить губернатора колониальных миров Альфы Центавра.

Минуту он смотрел на нее, растерянно моргая, но неожиданно осознав важность ее слов, сбросил сон.

— Зачем мне нужен губернатор Альфы Центавра? — Джим резко сел на кровати.

— Но ведь он твой губернатор, — сказала девушка. — Разве ты не помнишь? Любой новый колониальный мир отдается под власть ближайшего губернатора.

— Нет, — Джим встал. — Никто, никогда, ничего не говорил мне. Я должен выразить ему почтение?

— Видишь ли... — Ро заколебалась. — Теоретически он может забрать тебя из Тронного Мира в любой момент, ведь ты подчиненный. Но поручительство для усыновления уже утверждено Императором. Когда он узнает это, вряд ли он захочет ссориться с вероятным Высокородным. К тому же престиж его миров поднимается в несколько раз, если человек с одного из них остается в Тронном Мире. В общем, он не может причинить тебе вреда, ты же вежливо, но твердо можешь отказывать ему во всем.

— Понятно, — хмуро сказал Джим, — значит, они прислали тебя за мной.

Кивнув, Ро протянула руку и он взял ее в свою. Это был самый легкий путь переместиться в то место, где он еще не бывал. Его предупреждали раньше, что требуется большое умственное напряжение, чтобы переправить человека в то место, где он ни разу не был, для этого был нужен такой физический контакт с сопровождающим.

Адок, как раньше и Ро, вел себя исключительно корректно — он лишь слегка дотрагивался до плеча Джима,

но теперь, когда нужно было куда-нибудь попасть, землянин и девушка просто брались за руки.

В ту же секунду они очутились в небольшой комнате, похожей на рабочий кабинет Галиана.

За плавающими в воздухе досками сидели знакомые ему слуги, а рядом стоял все тот же Старкиен-телохранитель. Вместе с Высокородным Галианом стоял человек, одетый примерно как южно-американские индейцы — торжественный костюм жителей Альфы Центавра. Губернатор был высок — почти пять футов десять дюймов, на три-четыре дюйма больше, чем всякий абориген Альфы Центавра.

— Вот и ты, Джим, и ты, Ро, — повернувшись к ним, сказал Галиан. — Джим, я думал, тебе приятно встретиться с районным губернатором — Уик Веном с Альфы. Уважаемый Уик Вен, это Джеймс Кейл, за которого было предложено поручительство на Тронном Море.

— Хорошо, — сказал губернатор и улыбнулся. Он немного картавил. — Я хотел бы увидеть тебя и пожелать тебе... счастья. Твоя планета только вошла в наше управление и я очень, очень горд.

Уик Вен счастливо улыбнулся — казалось, он не замечал, что Ро недовольна, Галиан ухмыляется, а землянин не обращает внимания на его слова.

— Да... Я просто хотел поздравить тебя. Не буду больше занимать твое драгоценное время, — бойко выпалил Уик Вен.

Джим пристально посмотрел на него. Марионетка, которую дергают за ниточки веселья и гордости. Зачем же Галиан устроил эту встречу?

— Еще раз спасибо, — сказал Джим. — Сейчас же, к сожалению, мне надо идти к Старкиену-заместителю. Тренировка, — он взглянул на Ро.

— Рад был видеть тебя, — медленно сказал Галиан и его голос был похож на голос Оловиеля.

Было ясно, что, чего бы ни ожидал он от этой встречи, он получил все. Но не к чему выяснять отношения... Джим протянул руку девушке и они перепеслись в его комнату.

— Что это значит? — спросил Джим.

Ро недоуменно пожала плечами.

— Не знаю... А когда на Тронном Море происходят непонятные вещи, это опасно. Я постараюсь кое-что разузнать. До свидания.

Высокородная исчезла.

Оставшись один, Джим вспомнил сцену свидания с Уик Веном. Его испугала быстрота происходящих событий. Он уже просто не успевал следить за опасностью.

Землянин громко сказал в пространство:

— Адок?!

Через три секунды возник Старкиен.

— Как ты себя чувствуешь? — спросил он. — Тебе не...

— Ничего, — оборвал его Джим. — Скажи мне, под землей есть библиотека?

— Библиотека?.. А, ты имеешь в виду центр обучения. Да, я могу тебя туда переместить. Правда, я никогда там не был, но знаю, где он находится.

Адок дотронулся до руки Джима и они очутились в подземном парке, в котором были раньше. Старкиен задумался и свернул налево.

— По-моему, здесь, — сказал он.

Вскоре они подошли к широким каменным ступеням, ведущим в открытый холл. Было много людей — почти все слуги. Ни одного Старкиена. Землянин внимательно наблюдал за посетителями. И он был вознагражден. Когда они с Адоком поднимались в библиотеку, навстречу им шел черноглазый, желтокожий человек, похожий на Мелиеса. Он взглянул на темноволосого человека, который лениво положил ладонь на талию, чуть выше пояса. Не останавливаясь, желтокожий дотронулся двумя пальцами правой руки до бицепса левой.

И без единого слова, даже не посмотрев друг на друга, эти люди разошлись.

— Ты видел? — тихо спросил Джим Старкиена, когда они вошли в храм. — Жесты. Что они значат?

Адок долго молчал.

— Странно, — наконец сказал он сам себе. — Это уже было раньше. Немой язык...

— И что они сказали? — настаивал Джим. Адок покачал головой.

— Я не знаю. Древний язык. Высокородные узнали о нем только после первого восстания слуг, тысячи лет назад. Они его всегда использовали. Но нам, Старкиенам, никогда ничего не говорили, потому что мы всегда преданы Императору...

— Понятно, — Джим задумался.

Они вошли в зал, который был заполнен вращающимися шарами света. Адок остановился и указал на миниатюрное солнце.

— Это один из архивов. Они сконструированы не для нас, а для молодых Высокородных. Но справа есть комнаты, в которых ты можешь получить информацию. — Они вошли в маленькую комнату. Джим сел за стол, у самого края которого находилось несколько черных ручек. Адок дотронулся до одной из них и немедленно поверхность парты превратилась в белый экран, на котором было написано «Готов».

— Говори прямо в экран, — сказал Старкиен.

— Мне надо посмотреть документы о всех экспедициях Империи к Альфе Центавра.

Слово «Готов» исчезло с белого экрана, и появились строчки, медленно ползущие слева направо.

Джим стал читать, информация была не совсем той — общее представление об экспедициях в тот район, а он хотел найти открывшую Землю, если она была. Но для этого следовало просмотреть множество материалов, и он потратил бы на это много дней и недель...

— Скажи, можно ускорить это чтение?

Адок повернул ручку. Строчки задвигались быстрее. Старкиен убрал руку, но тогда Джим сам потянулся к рукоятке и начал поворачивать, пока она не остановилась, достигнув ограничителя. Адок был удивлен.

— Что с тобой? — спросил Джим.

— Ты читаешь, почти как Высокородный...

Джим не ответил. Он неотрывно смотрел на экран, не понимая, что прошло очень много времени. Но когда одна часть документов кончилась и перед появлением второй части наступил короткий перерыв, он убедился, что его мускулы затекли.

Он выпрямился, выключил на минуту машину и огляделся. Старкиен все еще неподвижно стоял позади него. Видимо, он за это время ни разу не шелохнулся.

— Ты ждал меня? — спросил Джим. — Долго я читал?

Адок назвал ему единицу имперского времени, равную четырем земным часам. Немного отдохнув, Джим опять сел за стол и включил экран, затребовав сведения по немому языку.

И на экране появилась информация не об одном немом языке, а пятидесяти двух. Вероятно, слуги восставали пятьдесят два раза.

Джим решил, что посмотрит сведения по этим выступлениям, когда снова придет в библиотеку. Видимо, после каждого восстания Высокородные проводили исследования, но к следующему разу все изменялось. Немой

язык служил комплексом разнообразных сигналов, например, поглаживание подбородка или скрещенные пальцы. Главное было — понять знак, а не увидеть его.

Джим выключил экран и встал.

Примерно час они ходили по улицам подземного города, заходили в магазины и всюду наблюдали за слугами. Джим видел множество сигналов, но ни один из них не напомнил ему предыдущих версий. Тем не менее, он запомнил все условия, при которых был подан тот или иной сигнал.

Потом Джим вернулся в свою комнату. Но он пробыл один не более пяти минут, когда появились Ро и Оловиель.

Джим отметил про себя, что необходимо будет спросить у Ро, как она узнала о его возвращении и существует ли система наблюдения.

Приветствуя гостей, он заметил, что девушка чем-то озабочена, а на лице Оловиеля застыла хмурая усмешка.

— Что-нибудь случилось? — осведомился Джим. — Или я ошибаюсь?

— Нет, не ошибаешься, — сказал Оловиель. — Император утвердил меня твоим поручителем и Галиан предложил устроить небольшой вечер в твою честь. Я и не подозревал, что он твой друг. Как ты думаешь, почему Галиан сделал это?

— Император будет присутствовать на вечере?

Оловиель нахмурился. Он явно был недоволен тем, что существо низшей расы задало ему не совсем понятный вопрос.

— Почему ты об этом спрашиваешь?

— Потому что Мелиес — очень умный человек.

3

Оловиель насторожился.

— Ну, хорошо, Дикий Волк! — ответил он. — Хватит, мы уже достаточно наслушались этих игр в вопросы и ответы!

— Джим... — предупреждающе начала Ро.

— Мне очень жаль, — твердо сказал Джим, — объяснение затрагивает интересы Императора. Поэтому я ничего не скажу. И вы не заставляйте меня. Во-первых, вам это просто не удастся, а во-вторых, это не вежливо с вашей стороны, ведь вы мой поручитель.

— Поверьте мне, — настойчиво сказал землянин, — если бы я мог вам ответить, я бы все рассказал. Вечером вы получите подтверждение от Императора или от Вота-на. Если же нет, то я отвечу на любой вопрос. Договорились?

Внезапно Оловиель расслабился, на его губах появилась ленивая улыбка.

— Знаешь, здесь ты поймал меня, Джим, — протянул он. — Я ведь действительно не могу устроить допрос с пристрастием человеку, за которого поручился. Тем более, что скрыть это все равно не удастся. Если тебя когда-нибудь усыновят, ты будешь отчаянно спорить на Пункты. Ну ладно, храни свой секрет... до вечера. — И Высокородный исчез.

— Джим, — сказала Ро, — я за тебя боюсь.

Ее слова прозвучали довольно серьезно и важно. Он быстро взглянул на нее и понял, в чем дело. Девушка сочувствовала ему как равному.

Он был глубоко тронут. Ни один человек — мужчина или женщина — не беспокоились о нем.

— Ну мне-то ты можешь сказать, почему Галиан решил устроить вечер только из-за того, что Мелиес очень умный человек? — спросила она. — Похоже, ты намекаешь, что брат Императора и господин всех слуг как-то связаны. Но этого не может быть. Высокородный и Низкорослый.

— Как и мы с тобой, — сказал Джим, вспомнив неожиданную потку в ее голосе. Ро покраснела, но потом он узнал, что для нее это ничего не значит.

— Я — это совсем другое дело, — сказала девушка. — Но Галиан — один из самых важных Высокородных высокопоставленных чиновников, как по рождению, так и по положению.

— Но он всегда любит говорить, что любит использовать людей низших рас...

— Верно... — девушка задумалась, потом посмотрела на него. — Ты еще ничего не объяснил...

— Здесь все просто, — сказал Джим, — кроме того, дело касается самого императора, а не меня. Я сказал, что Мелиес очень умный человек, так как люди ошибаются не только от лишней глупости, но и от лишнего ума, когда пытаются что-то скрыть. Адок привел меня к господину всех слуг, и тот попытался сделать так, чтобы я понял — он разъярен моим назначением.

— Зачем?

— Причины этому, конечно, есть, — сказал Джим. — Например, то, что я, Дикий Волк, нашел поручителя для усыновления, а такой человек, как он, не имеет ни единого шанса на это — слишком Мелиес хороший слуга. Но в то же время, Мелиес достаточно умен, чтобы скрыть злобу, зачем ему ссориться с возможным Высокородным?

— Тогда почему?

— Вероятно, он решил, что я шпион, которого Высокородным послали изучить мир слуг, и показал мне, что не доволен этим... скрывая карты...

— Но зачем тебе следить за ним? — спросила Ро.

— Еще не знаю.

— И ты думаешь, в этом замешаны Император и Галиан?

Джим улыбнулся.

— Ты много хочешь знать... Ты хочешь знать больше меня... А теперь, надеюсь, ты понимаешь, почему я не говорил при Оловиеле?

Ро серьезно посмотрела на него.

— Джим, — неожиданно спросила она. — Чем ты занимался? Я имею в виду на Земле, среди своего народа.

— Я был антропологом. Бою быков меня научили позднее.

Девушка недоуменно нахмурилась. Слова «антрополог», насколько он знал, не существовало в языке Империи и Джим просто перевел два латинских корня — «человек-наука».

— Я изучал прошлое человечества, примитивные культуры, их происхождение.

— А, ты говоришь о «.....», — Ро назвала слово, которое он не знал. Внезапно лицо ее смягчилось, и девушка прикоснулась к его руке. — Джим! Бедный Джим, не удивительно!

Он хотел улыбнуться, но сдержался — уж что-что, а бедным он себя не считал.

— Не удивительно?

— Я хочу сказать, что не удивительно, что ты всегда такой холодный и держишься на расстоянии от Высокородных. Империя и Высокородные положили конец всему, что ты изучал, да? И ты убедился, что люди твоей расы немного отличаются от обезьян? Твоя работа была напрасна?

— Не совсем.

— Джим, разреши кое-что сказать тебе. То же самое случилось и с ними — я говорю о нации Высокородных.

Мы думали, что произошли от аборигенов Тройного Мира, но в конце концов пришлось признать свои ошибки. Животные формы были схожи на всех планетах, освоенных нами. Это потомки настоящей флоры и фауны. Есть почти неопровержимые доказательства, что были разумные сверхсущества, превосходящие нас во всем и рассеявшие жизнь на тысячах планет. Видишь, и у нас были разочарования.

Джим позволил себе улыбнуться.

— Не беспокойся. Какой бы я шок ни получил, узнав об Империи, он уже прошел. — И Джим решил, что разубедил Высокородную.

Праздник поручительства Оловиеля должен был состояться через три недели. Это время Джим провел, осваивая с помощью Адока тактику и стратегию Старкиенов. Иногда он бывал в центре обучения.

Когда Джим был свободен, он бродил по подземному городу и запоминал тайные сигналы, составляя каталог, и постепенно расшифровывал их.

Ему помогли два обстоятельства. Во-первых, будучи антропологом, он знал, что любой знак развивается на примитивной основе простейших желаний. Как говорил его друг — чтобы жить среди эскимосов, не надо изучать их язык, он и так совершенно ясен. Угрожающий жест, призыв, знак голода — когда человек указывает сначала на рот, а потом гладит себя по животу — это ясно и понятно. Во-первых, язык сигналов с помощью руки ограничен. Послания на таком языке — это несколько фраз, заключенных в одном движении, а следовательно, основные знаки должны повторяться очень часто.

И в конце концов Джим добился успеха. Через две недели он уже знал знаки приветствия — большой палец дотрагивался до указательного. И тогда он начал постигать смысл других сигналов.

Но поиски в библиотечных архивах сведений об экспедиции, открывшей Землю, не увенчались успехом.

Возможно, они и были. Но метод исключения, которым приходилось руководствоваться Джиму, затрагивал огромное количество материала. Практически ему приходилось просматривать почти всю библиотеку.

— Кроме того, — сказал Адок, когда землянин рассказал ему о своих неудачах, — ты должен помнить, что можешь увидеть все доступные материалы и даже не найти упоминания об этой экспедиции.

Джим остановился и взглянул на Старкиена.

— То есть как это? — требовательно сказал он. — Ты, кажется, думаешь, что разрешают просматривать только часть данных.

— Извини, — сказал Адок, — я, конечно, не знаю, секретная ли это экспедиция, но, может быть, я прав...

— Да... я и не подозревал, что отдельные эпизоды истории Тронного Мира окутаны тайнами, — сказал Джим. Он секунду помолчал. — Как бы то ни было, скажи, кому разрешен доступ ко всей тайной информации?

— Всем Высокородным разрешен доступ к любой информации, и ты можешь пойти в Центр обучения наверху...

Неожиданно он замолчал.

— Нет, — тихо сказал Старкиен. — Я забыл, все равно это тебе ничего не даст.

— Ты хочешь сказать, что Высокородные не позволяют мне войти туда? — спросил Джим. Он уже давно наблюдал за телохранителем. На Тронном Море ни в чем нельзя быть уверенным, даже, казалось бы, в неподкупной честности Адока. Если Старкиен скажет сейчас ему, что запрещено использовать Центр обучения Высокородных, это будет уже вторым препятствием на его пути. Но Адок только покачал головой.

— Нет, тебя пропустят, — сказал он, — ты просто не сможешь пользоваться экранами наземных Центров — они приспособлены для молодых Высокородных, которые читают слишком быстро для обычного человека.

— Ты видел, как я читаю. Разве они читают быстрее?

— Намного быстрее. Намного, намного быстрее.

— Ладно, — сказал землянин, — ладно. Сведи меня в один из этих центров!

И они очутились в помещении, напоминающем греческий храм — крыша, пол и колонны. Между колоннами виднелись зеленые лужайки и светилось лазурное небо. Чуть возвышаясь над полом, на равном расстоянии друг от друга сидели на подушках дети Высокородных. Перед ними медленно плыли экраны. Как только ребенок менял позу, экран самостоятельно передвигался, так чтобы Высокородному было удобно.

Никто не обратил внимания на Джима и Адока. Их просто не заметили.

Землянин остановился за спиной десятилетнего мальчика, который уже был ростом с него, хотя и немного тоньше. Перед ним на экране бежали строчки, и Джим

пристально смотрел, пытаясь разделить их на отдельные слова.

Он не мог читать!

Джим разозлился. Ведь пока он делал все, что делали другие, и тело его не подводило никогда. Джим был уверен — он может различать слова в этой строчке, как и любой Высокородный! Но его мозг отказывался воспринимать так быстро поступающую информацию.

Последняя отчаянная попытка!

Вокруг него перестали существовать и колонны, и крыша, и пол, и даже мальчишка у экрана. Он полностью сконцентрировался на строчке, и только на строчке. Голова раскалывалась от напряжения. Давление на мозг возрастало все больше и больше...

И он почти добился своего. На секунду ему показалось, что строчки расслаиваются на символы и он понял, что речь идет об организации Старкиенов. И тогда он расслабился, его мозг и тело не могли долго выносить такого напряжения.

Внезапно мальчик-Высокородный заметил его. Ребенок перестал читать и уставился на Джима.

— Ты кто?

Землянин не ответил. Дотронувшись до руки Адока, он переместил себя и Старкиена в свою комнату.

Глубоко вздохнув, Джим сел на подушку и дал знак Адоку — отдыхай. Через минуту дыхание Джима стало ровным и он улыбнулся.

— Почему ты не скажешь: «Ведь я говорил»? — спросил он.

Адок покачал головой, совершенно ясно давая понять, что не его дело говорить своему хозяину такие вещи.

— Что ж, ты прав, но меня остановило то, что я плохо знаю язык Империи. На родном языке я прочел бы все. — Джим задумался и отвернулся от Старкиена, сказав в пространство: — Ро?

Но девушка не появилась перед ним. Это было не удивительно — ведь Ро — Высокородная, и у нее есть свои обязанности и занятия, совсем не так, как у Адока, который должен приходить по малейшему желанию Джима.

Землянин переместился в комнату Ро, никого не застал и оставил записку с просьбой прийти, как только она освободится.

Через два с половиной часа девушка возникла в комнате землянина.

— Вечер будет очень торжественный. Там будут все. Придется использовать зал Встреч. Должно быть, кто-то прослышал, что это будет не совсем обычный вечер и... — неожиданно она замолчала, что-то припоминая.

— Ах, да, я забыла. Ты хотел меня видеть, Джим?

— Да. Скажи, ты можешь установить у себя экран Центра Обучения?

— Что?.. Ну, конечно! Но если тебе он нужен, я попрошу его установить здесь.

— Я бы не хотел, чтобы было известно, что я им пользуюсь. Ведь... если ты поставишь его у себя — это вполне обычная вещь?

— Да, — сказала Ро. — Я все устрою. Но зачем?

Джим рассказал ей о своей неудавшейся попытке в Верхнем Центре, когда он попробовал читать со скоростью молодого Высокородного.

— И ты считаешь, что обучение повысит твои возможности? — спросила девушка и нахмурилась. — Я не думаю, что ты можешь особенно надеяться...

— А я и не особенно надеюсь... — сказал Джим.

Через полчаса экран был установлен в комнате Ро и теперь все свободное время, которое он раньше проводил в Центре Обучения под землей, Джим сидел у девушки.

Через неделю он добился определенного успеха, но дальше дело не продвинулось, и он забросил это занятие. Последние дни, оставшиеся до вечера, Джим бродил среди слуг вместе с Адоком, наблюдая за немим языком.

Он уже свободно понимал его, однако пока Джим слышал только сплетни и слухи. Но иногда и слухи бывают полезны...

Из последней такой экспедиции Джим вернулся примерно за час до начала вечера и увидел, что его ждет Лорава.

— Тебя хочет видеть Вотан, — сообщил Высокородный.

И Джима без предупреждения переместили. Рядом с ним стояли Адок и Лорава.

Вотан сидел на подушке перед невесомым пультом, касаясь цветных рукояток, как будто он небрежно играл, но лицо его было серьезно — он занимался чем-то важным. Тем не менее, при появлении гостей он встал и подошел к Джиму.

— Я вызову тебя позже, Лорава, — сказал он. Юноша исчез.

— Дикий Волк, на вечере будет сам Император.

— Я не верю, что вечер устраивается в мою честь. Пожалуй, это вечер Оловиеля.

Вотан недовольно махнул рукой.

— Причиной являешься ты, — грубовато сказал он. — И только из-за тебя там будет присутствовать Император. Он хочет поговорить с тобой.

— Императору для этого не нужен вечер, — сказал Джим. — Я могу прийти в любое время по его зову!

— Император блистает в обществе! — сказал Вотан. — Но это не так важно. Важно то, что на вечере Император обязательно заговорит с тобой. Он безусловно отведет тебя в сторону и задаст много вопросов.

Вотан заколебался.

— Я буду рад ответить на любой вопрос Императора, — сказал Джим.

— Да... именно так, — пробормотал Вотан. — О чем бы тебя ни спросили — отвечай! Понятно тебе? Он — Император, и даже если он не заметит твои ответы, говори, пока он не прервет тебя. Понятно?!

— Полностью, — сказал землянин, и его глаза на секунду встретились с лимонно-желтыми глазами Высокородного.

— Да... хорошо, — сказал старик, усаживаясь за пульт. — Это все. Уходи.

И Джим с телохранителем оказались в своей комнате.

— Какие ты сделал выводы? — спросил Джим Адока.

— Выводы? — удивился Адок.

— Да, — Джим внимательно взглянул на Старкиена. — Необычная речь, не так ли?

— Все, что имеет отношение к Императору, не может быть странным, — сказал Адок, но говорил он неуверенно. — Высокородный Вотан велел тебе отвечать на все вопросы Императора. Это все.

— Да, — произнес Джим. — Скажи, тебя ко мне приставили заместителем... Или ты продолжаешь принадлежать Императору?

— Как я уже говорил, все Старкиены всегда принадлежат Императору вне зависимости от того, где они находятся!

— Я помню.

Джим начал снимать с себя металлические ленты — оружие Старкиенов. Потом облачился в белый костюм мужчины-Высокородного, но без эмблемы, которую решил надевать только в определенных ситуациях.

Но как только он привел себя в порядок, появилась Ро, и Джим снова решил, что за ним следят. Но сейчас у него не было времени разбираться с этим.

— Надень, — задыхаясь, сказала девушка и протянула ему узкую белую ленту. Он заколебался, и тогда Ро просто обернула его левое запястье, не дожидаясь согласия.

— У меня то же самое, — сказала Выходородная.

На ее левой руке чуть пульсировала толстая белая полоска. Одета она была как всегда — белые облака окутывали ее тело.

— Что это? — спросил Джим.

— О... ну, да, ты не знаешь. Когда устраиваются вечера, особенно большие, люди перемещаются так часто, что за ними просто невозможно уследить. Но когда мы сверили сенсоры, ты можешь просто представить меня и тут же очутиться рядом. Ты увидишь...

Девушка рассмеялась.

— На таких вечерах всегда все путается!

И когда через несколько минут он и Адок переместились в Зал Встреч, Джим понял, что имела в виду Ро. Гигантский зал раскинулся по меньшей мере на шесть миль. Блестящий черный пол... Воздушные белые колонны... «Прекрасно» — подумал землянин.

Среди Выходородных снова слуги, разносившие напитки и еду. Все бесстрастно исчезали и вновь появлялись. У Джима даже рябило в глазах.

— Адок, — сказал он, поворачиваясь к Старкиену. — Я хочу, чтобы ты что-нибудь сделал. Попытайся найти слугу. Я не знаю, как он будет выглядеть, но, во-первых, он будет стоять не двигаясь, во-вторых, стоять так, чтобы его мог видеть любой слуга с любого конца зала. За ним будут всегда наблюдать. Ты не мог бы заняться сейчас поиском этого человека?

— Да, Джим, — сказал Старкиен и исчез.

— Зачем тебе какой-то слуга? — удивленно спросила Ро и прижалась к Джиму.

— Я скажу позже.

Он увидел, что девушка хочет задать ему несколько вопросов, но в этот момент появились Император и Вотан.

— А вот и мой Дикий Волк! — весело воскликнул Император, — подойди и поговори со мной, Дикий Волк!

Ро и другие придворные немедленно переместились, пока Джим, Вотан и Император не остались одни в центре круга примерно пятидесяти футов в диаметре, где

можно было спокойно говорить, их никто не мог услышать. Император повернулся и взглянул на старика Высокородного.

— Иди, повеселись хоть раз, Вотан. Со мной все будет хорошо.

Через секунду Вотан исчез.

— Ты мне нравишься... Как там тебя зовут, Дикий Волк? — спросил Император.

— Джим, Оран.

— Ты мне нравишься...

Император чуть наклонился и положил длинную руку на плечо землянина, опираясь на него, как усталый человек. Он медленно шагал назад и вперед, и Джиму приходилось идти рядом с ним.

— Джим, твой мир очень дикий?

— Примерно полвека назад он еще не знал цивилизации.

Они прошли вперед двенадцать шагов, потом столько же назад, и всю беседу Император и Джим так и ходили — двенадцать шагов вперед, двенадцать назад — как в клетке.

— Вы покорили мир за полвека? — спросил Высокородный.

— Нет, Оран. Мы покорили планету давно. Но за последние пятьдесят лет мы научились властвовать над собой.

— Да, человечность — самое трудное... — сказал Император как бы сам себе. — Знаешь, мой брат, Галиан, увидев тебя, немедленно бы подумал: «Какие прекрасные слуги из них получатся!» И, вероятно, он прав... но...

Они вновь повернули, и Император взглянул на него.

— ...я так не думаю. У нас слишком много слуг. — Оран перестал улыбаться. Минуту они молчали.

— У вас свой язык, — прошептал Император, — и искусство, и музыка, и история, и легенды?

— Да, Оран.

— Тогда вы заслуживаете большего, — Император ослепительно улыбнулся.

— Я знаю, что ты, по крайней мере, заслуживаешь большего. Я не удивлюсь, если когда-нибудь вдруг прикажу тебя усыновить.

Джим ничего не ответил. Через минуту, когда они вновь повернули, Император искоса посмотрел на него.

— Ты не хочешь стать Высокородным?

— Еще не знаю, Оран.

— Честный ответ,— прошептал Император,— да, честный ответ... Ты знаешь, вероятность говорит нам, что все события произойдут рано или поздно...

— Вероятность...

Но Император продолжал:

— Где-то должна быть вероятность, что ты — Император, а твой народ — Высокородные. А я — Дикий Волк, которого привезли, чтобы он показывал свое варварское искусство тебе и твоим придворным.

Он сильно сжал плечо землянина. Джим взглянул на него и увидел, что глаза Орана стали спокойными, как вода, хотя он и толкал его, сильно нажимая на плечо. Создавалось впечатление, что Император ослеп и хочет, чтобы его вели по дороге, по которой он недавно вел Джима.

— Ты когда-нибудь слышал о голубом звере?

— Нет, Оран.

— Нет... — прошептал Император. — Я тоже не слышал. Я просмотрел записи легенд всех народов — нигде нет упоминания о голубом звере. Но... если он никогда не существовал, почему я вижу его, Джим?

Его руки, словно тиски, сдавили плечо землянина, по голос оставался тихим, как будто он мечтал о чем-то вслух.

Для стоявших вдалеке Высокородных их беседа оставалась нормальной.

— Я не знаю, Оран.

— Я тоже не знаю, Джим,— сказал Император,— и я боюсь... Три раза он возникал в дверях, преграждая мне дорогу. Знаешь... иногда я возвращаюсь в этот мир... мой ум проясняется... Я чувствую острее, чем любой Высокородный. Я смотрел на тебя после боя с быком и внезапно все изменилось — ты уменьшился, но я видел множество деталей... их не видел никто... Ты можешь стать Высокородным, но можешь и отказаться, как хочешь. Это не имеет значения... Я видел это в тебе... Это не имеет значения!

Император толкнул Джима вперед.

— Вот так со мной всегда,— снова заговорил он,— все для меня ясно... иногда... и тогда я понимаю, что стою на шаг впереди остальных Высокородных. Мы стремились к этому многие поколения, но еще не в состоянии сделать шаг... Осознал?

— Да, Оран.

— Но иногда,— продолжал Император,— как только я пытаюсь взглянуть в мир — все расплывается и превращается в туман. И я теряю чувство... внутреннего зрения... и начинаются сны — днем и ночью. Три раза приходил Голубой Зверь...

Император остановился, и Джим подумал, что это остановка перед дальнейшей беседой, но внезапно рука Высокородного упала с его плеча. Джим остановился и повернулся. Оран весело улыбался.

— Ну что ж, я не должен задерживать тебя, Дикий Волк,— сказал Император совершенно нормальным голосом.— Вечер принадлежит тебе и ты — почетный гость! Познакомься, если хочешь, с кем-нибудь. Мне надо найти Вотана. Когда я один, он сильно беспокоится.

Император исчез.

Джим остался стоять. Постепенно его окружили Высокородные и слуги. Он оглянулся, но Ро нигде не было.

— Адок! — тихо позвал он. И Старкиен появился.

— Извини,— сказал он,— я не знал, что Император уже закончил аудиенцию. Я разыскал слугу.

— Перенеси меня так, чтобы я видел его, но он не мог видеть меня,— сказал Джим. И они очутились в полумраке, между двумя колоннами. Джим разглядел коричневого маленького слугу, который стоял между висящими в воздухе подпосами. Землянин и Старкиен расположились позади него.

Джим запомнил место это и перенес себя и Адока туда, где только что разговаривал с Императором.

— Слушай,— сказал он.— Я бы хотел все время видеть Императора. Ты же не должен терять меня из виду. Как только я исчезну, подойди к Вотану и передай ему, что он мне нужен, как важный свидетель. Потом перемести его поближе к подносам.

— Да,— бесстрастно согласился Старкиен.

— А сейчас — как мне найти Императора?

— Я могу отправить тебя к нему. Все Старкиены могут найти своего Императора в любом месте.

И они оказались рядом с Императором — всего в нескольких футах от него. Оран разговаривал и смеялся с двумя Высокородными. Около него, чем-то рассерженный, стоял Вотан.

Джим старался двигаться в тени так, чтобы находиться от Императора примерно на одном и том же расстоянии. Дважды Оран неожиданно исчезал и землянину

приходилось прибегать к помощи Адока и выбирать новую позицию для наблюдения. Высокородные не обращали на него внимания, они, казалось, не желали замечать Дикого Волка, в честь которого был устроен вечер, вероятно, просто принимали его за одного из слуг.

Время тянулось медленно. Джим уже начал сомневаться в своем плане, когда внезапно увидел то, что ожидал. Император застыл.

Джим торопливо шагнул в сторону, чтобы увидеть лицо Орана. Император смотрел мимо Высокородного, с которым только что разговаривал. Его взгляд был четким и ясным, но зрачки остановились, улыбка скривилась, и струйка слюны потекла из уголка рта...

И... никто ничего не заметил. Но Джим не терял времени даром. Он обернулся и увидел слугу с подносом, на котором лежало что-то похожее на пирожки. Слуга стоял совершенно спокойно.

И еще трое Низкорослых застыли, как статуи. Вероятно, Высокородные уже почувствовали что-то, но Джим не стал ждать, к какому мнению они придут. В ту же секунду он переместился к колоннам.

Человек с подносом...

Джим, согнувшись почти вдвое, бесшумно приблизился к слуге и схватил его — одной рукой за шею, возле самой головы, а второй — под мышкой.

— Одно слово — и я сломаю тебе шею, — прошептал Джим.

Человек пытался вырваться, но землянин успокоил его.

— А сейчас делай то, что я прикажу...

Джим оглянулся. В тени вырисовывались силуэты Старкиена и Высокородного.

— Положи два пальца левой руки на бицепсы правой, — прошептал Джим слуге.

Человек не двинулся. И тогда, прячась за его спиной, Джим хладнокровно надавил на его шею большим пальцем. Низкорослый немного сопротивлялся, потом резко, как робот, поднял левую руку и положил два пальца на бицепс правой.

Окаменевший слуга, который стоял ближе всех, внезапно ожил и пошел, увлекая за собой ничего не понимающих Высокородных. Джим быстро закрыл рот заговорщику и, чуть приподняв его, потащил в тень.

— А сейчас,— хмуро сказал Вотан,— я...

Но слуга захрипел, тело его бессильно повисло на руках Джима.

— Да, они не могли оставить этого слугу в живых,— сказал Вотан.— Я не сомневаюсь, что даже его мозговая структура разрушена.

Он взглянул на Джима. Высокородный уже многое понял.

— Ты знаешь, что здесь кроется? — Джим отрицательно покачал головой.

— Но ты все знал,— прошептал Вотан.— Ты был так уверен, что даже пригласил меня. Кстати, почему?

— Ты — единственный Высокородный, который понимает, что ум Императора затуманен.

Вотан побледнел. Только через несколько секунд мог он говорить.

— Как ты узнал об этом... этом... то, что задумали слуги?

— Я не мог знать все,— сказал Джим.— Но, изучив под землей немой язык слуг, я понял, что они что-то затевают. Вспомнив о вечере и... о рассудке Императора, я решил идти — игра будет разыграна только здесь. Адок напел то, что я подозревал. Дальше ты все знаешь.

При упоминании о «рассудке Императора» Вотан насторожился, но к концу речи Джима расслабился.

— Ты хорошо поработал, Дикий Волк,— сказал он.— С этого момента я займусь остальными. И нам лучше будет убрать тебя ненадолго с Тронного Мира, поручились за тебя для усыновления или нет,— Вотан задумался.— Император повысит тебя в чине. Раз уж твое поручительство подписано, и ты, возможно, станешь Высокородным. Он назначает тебя командиром полка и посылает на усмирение восстания на одном из колониальных миров.

Он отвернулся от Джима, Адока и мертвого слуги, вероятно, чтобы переместиться, но неожиданно изменил свое решение и, повернувшись, пристально посмотрел на землянина:

— Как тебя зовут?

— Джим.

— Джим... Ну что ж, ты хорошо поработал, Джим. Император оценит это. И я — тоже.

Вотан исчез.

Планета Атила, на которую послали Джима, Адока, десять частей Старкиенов и Гарна — настоящего командира полка — была населена маленькими коричневыми черноволосыми людьми. Губернатор — волосатый коротышка не говорил о восстании ни слова и настоял на том, что будут проделаны все церемонии приветствия, прежде чем начнется разговор о деле.

Он не мог вечно увиливать от объяснений. В конце концов, Джим, Адок и Гарн оказались в приемной губернатора. Коротышка приказал принести подушки и освежающие напитки, но Джим прервал его...

— Все это не имеет значения. Расскажите нам о восстании: где оно происходит, сколько людей принимают в нем участие, каким оружием они располагают?

Губернатор внезапно расплакался.

На мгновение Джим был ошеломлен. Он вспомнил, что мужчины всех обитаемых миров никогда при людях не ревели так громко, как сейчас плакал губернатор.

Джим немного подождал и снова повторил свои вопросы.

Коротышка попытался ответить.

— Я никогда не думал, что они пришлют не Высокородного. Я хотел отдаться на милость... Но ты не Высокородный...

Он чуть было снова не расплакался, и Джим заговорил с ним строго, чтобы привести его в чувство.

— Встать!

Губернатор повиновался.

— Да будет вам известно, что за меня поручились перед усыновлением Высокородные. Но не в этом дело. Кого бы ни прислал сюда Император — вы должны быть довольны!

— Я... я... — губернатор даже поперхнулся, — я... солгал. Это не просто восстание. Все семьи планеты объединились. Даже мой брат Клуф с ними. Признаюсь — он их главарь. Они собрались, чтобы убить меня и посадить его на мое место.

— Объяснить!

Джим знал, что колониальные миры скопировали со столицы Империи свою организацию. Элита этих миров состояла из самых благородных семейств, управляемых семьей губернатора, который являлся маленьким местным Императором.

— Как вы могли допустить такое? — сурово спросил Гарн. — Почему вы не использовали колониальные войска раньше, чтобы пресечь мятеж в зародыше?

— Я... я... — губернатор растерянно взмахнул руками.

У Джима не осталось ни малейших сомнений в том, что произошло. Занятия в подземном Центре Обучения и на экране Ро дали ему четкое представление не только об обществе Тронного Мира, но и о колониальных мирах.

Вероятно, губернатор позволил этому делу зайти так далеко, потому что был уверен в своих возможностях, но переоценил себя. Потом, когда мятеж перерос в революцию, он побоялся сообщить об этом в столицу и попросил меньшее число Старкиенов, чем требовалось. Возможно, губернатор предполагал, что восстание можно будет потушить, заключив какой-нибудь договор.

— Сэр, — сказал Гарн.

Они отошли в другой конец комнаты, где их не могли подслушать. Адок последовал за ними, и губернатор остался один.

— Сэр, — сказал Гарн, как только они отошли на достаточное расстояние — я настоятельно советую ничего не предпринимать и обратиться в Тронный Мир за помощью. Если хотя бы половина того, что говорит этот Низкорослый, правда, восставшие люди уже захватили контроль за всеми вооруженными силами планеты. Полк Старкиенов может сделать очень много, но мы не можем побеждать армии. Мы не можем терять людей из-за его глупости.

— Конечно, — сказал Джим. — Конечно, нет. Но с другой стороны, нам следует сначала разобраться в ситуации. Пока мы говорили только с губернатором. Все может быть не так плохо, как ему кажется.

— Сэр, — сказал Гарн, — я возражаю! Каждый Старкиен очень дорогой и ценный человек. Опыт и вооружение! Нельзя рисковать в безнадежном деле, и, как бывший командир, я вынужден довести до вашего сведения, что нечестно и несправедливо так рисковать моими парнями.

— Сэр, — сказал Адок (с тех пор, как они покинули Тронный Мир, телохранитель соблюдал военный этикет), — адъютант-командир совершенно прав.

Джим взглянул на Старкиенов. Их слова напоминали ему, что хотя он и является фактическим командиром полка, но настоящий боевой опыт у Гарна.

— Я ценю ваши возражения и советы, адъютант, но попробую сначала уладить все сам!

— Есть, сэр!

Лицо Гарна было совершенно спокойным. Джим отвернулся и подошел к губернатору, который при его приближении беспомощно поднял голову.

— Мне пужно задать вам много вопросов, — сказал Джим, — но сперва скажите, почему люди пошли за вашим братом?

Губернатор собирался заплакать, но, встретив холодный взгляд землянина, моментально передумал.

— Я не знаю... не знаю! Ходили слухи о каком-то покровительстве, — запнулся он и замолчал.

— Продолжайте, — приказал Джим.

— Покровителе... с Тронного Мира.

— Покровительстве Высокородного?

— Я никогда не слышал в точности, — воскликнул побледневший губернатор, — только слухи!

— Не бойся! Послушай меня. У твоего брата несомненно есть войска. Где они расположены и сколько их?

Когда тема перешла от Высокородных к делам его планеты, губернатор ожил, как увядший цветок, омытый водой. Его узкие плечи расправились, голос стал увереннее и он повернулся, указывая на стену своего кабинета.

— К северу отсюда, — он назвал расстояние в единицах Империи — примерно 60 земных миль, — лагерь на равнине, окруженной холмами. На каждом холме пост и часовые — лучшие солдаты нашей армии. Три... три четверти... — запинаясь, продолжал губернатор — может быть...

— Более 98 % всех вооруженных сил, — вставил Гарн, выразительно посмотрев на губернатора, — если он говорит о трех четвертях.

— Почему они до сих пор не захватили столицу? — спросил Джим.

— Я... я сказал им, что должны прибыть вы... Я даже согласился начать переговоры, если вы уйдете с планеты.

— Единственно возможные переговоры и условия, — сказал Гарн, — это безоговорочная капитуляция. Сколько это примерно людей — 98 % от ваших вооруженных сил?

— Три дивизии, — пробормотал губернатор, — примерно сорок тысяч вооруженных солдат.

— От шестидесяти до семидесяти тысяч, — сказал Гарн, посмотрев на Джима.

— Очень хорошо, — сказал Джим. — По местному времени скоро зайдет солнце. У вас есть луна? — добавил он, обращаясь к губернатору.

— Целых две, — начал губернатор, но Джим перебил его.

— Одной будет достаточно. Как только стемнеет, пойдем посмотрим на этот лагерь.

Губернатор улыбнулся.

— Ты пойдешь с нами, — сказал Джим, и коричневый человечек чуть не расплакался.

Через четыре часа, когда первая ранняя луна — оранжевый пылающий круг — осветила низкие холмы на горизонте, небольшой вертолет поднялся с площадки и полетел в черном небе, чуть выше нависающих облаков в направлении, указанном губернатором. Пятнадцать минут — и он спустился ниже, приблизившись к холмам.

Вертолет приземлился у холмов, покрытых трехфутовой травой. Они спрятали его и пошли дальше пешком. Впереди на расстоянии 15 ярдов друг от друга пробирались Старкиены. Они двигались абсолютно беззвучно, но и Джим шел точно так же благодаря своему богатому опыту охотника на Земле. Беспумно шел и губернатор, который, казалось, чувствовал себя, как дома. Когда Джим убедился, что маленький человечек не выдаст себя неосторожным движением, он отошел от него на 15 ярдов.

На вершине холма Старкиены внезапно упали на траву. Прошло несколько минут и неожиданно у ног Джима появился Адок.

— Все в порядке. Можно идти. — Часовые спали. Джим и губернатор встали и последовали за Старкиеном. На самой вершине холма находился наблюдательный пост, огражденный проволокой. В его центре, под большим навесом должен был сидеть часовой. Но его нигде не было.

— Лагерь там, — сказал Гарн, протягивая руку над проволокой и указывая на дальний из холмов. — Сейчас все в порядке. Вы можете пройти под проволокой, сэр. Никто ничего не увидит и не услышит.

Джим подошел к адъютанту и взглянул вниз. Он увидел небольшой город.

— Подойдите сюда и посмотрите. Вы не находите ничего подозрительного в этом лагере? — спросил Джим у губернатора.

— Сэр,— сказал Гарн,— этот лагерь построен согласно обычным военным законам. Каждый квартал охраняет определенное количество людей.

— Да, но они еще не выстроили здание Совета! Вы только посмотрите!

— Где? — спросил Джим.

Губернатор показал на гигантский купол, возвышавшийся справа от геометрического центра лагеря.

— Только губернатор имеет право созывать совет среди войск! — вздохнул человек.— Но они поторопились. Как будто меня уже сместили, или я умер...

— Вы что-то подозреваете, сэр? — сказал Гарн.

Адок подошел к ним.

— Я не уверен, но... адъютант, каким оружием владеет организация Старкиенов?

— У нас великолепные индивидуальные защитные экраны. Каждый наш воин обладает оружием, равным по мощи огня целой колониальной батарее.

— Значит, у вас такое же точно оружие, как у них, только лучше и эффективнее. Так?

— Сэр! Самое величайшее оружие Старкиенов — это сами Старкиены! Они...

— Я знаю! — недовольно прервал его Джим.— А как насчет... — он попытался подобрать нужное слово и перевести его на язык Империи.— ...насчет больших орудий? Массового уничтожения?

— Ни одной колонии не разрешают иметь ядерное оружие. Возможно, они построили дальнобойные орудия, но вряд ли. Что же касается антиматерии, нет... Это абсолютно исключается!

— Одну минуту. А Старкиены на Тронном Море имеют доступ — как вы сказали — к антиматерии?

— Конечно. Но они не используют ее уже сотни веков,— сказал Гарн.— Вы хоть примерно представляете себе, сэр, что это такое?

— Немного,— хмуро сказал Джим.— Небольшая частица антиматерии при соприкосновении с материей вызывает грандиозные разрушения.— Он минуту помолчал, потом резко сказал: — Ну так как, адъютант? Вы видели, как обстоят дела? Нужно ли просить Тронный Мир о помощи?

— Нет, сэр,— просто ответил Гарн.— Если они всего одного часового оставили, значит, у них немного солдат. Их лагерь расположен удобно для воинов, но для обороны почти не пригоден. Я не вижу патрулей на улицах,

нет патрулей секторов и — удивительно — никакой сигнальной системы. Эти люди еще не поняли, что такое война!

— Продолжайте!

— Сэр, сопоставив все, что я вам сейчас говорил, с фактом, что все их руководители собраны в одном здании, можно прийти к выводу: я предлагаю прямо сейчас послать Адока за нашими людьми, и как только они подойдут, устроить небольшой налет, захватив лидеров. Потом атакуем их всеми силами — они не смогут защищаться. Главарей отправим в столицу на суд.

— А что, если слухи справедливы и мятежники имеют друга среди Высокородных?

— Сэр, — сказал Гарн. Он был удивлен. — Невозможно! Ну, ладно, допустим, что такой покровитель существует, все равно он не остановит нас. Старкиены подчиняются только Императору!

— Да, — сказал Джим. — И все же, адъютант, я не последую вашему совету.

Он отвернулся от Гарна и взглянул на маленького губернатора.

— Ваши знатные семьи всегда соперничают, не так ли?

— О!.. Они всегда интригуют против меня! — Человек неожиданно захихикал. — Да, прекрасно понимаю, что вы имеете в виду, командир. Они все время дерутся. И, честно говоря, это мне помогает управлять планетой. Да, да, всегда обвиняют друг друга во всех смертных грехах и вечно лезут на место получше.

— Естественно, — сказал Джим сам себе. — Французы называли это «нойо».

— Сэр? — сказал Гарн. Маленький губернатор тоже был удивлен. Научный термин на языке Земли ничего не говорил им.

— Неважно. Есть хоть один человек, которого там ненавидит ваш брат?

— С кем Клуф... — губернатор задумался. Он смотрел на посеребренную луной траву. — С кем Клуф... А да, Нотрал!.. Да, если с кем-нибудь у него и возникали трения, то только с Нотралом.

Он указал на лагерь.

— Видите? Люди Клуфа расположены вон там, а люди Нотрала почти напротив. Чем дальше они друг от друга, тем больше им нравится.

— Гарн, Адок, — сказал Джим поворачиваясь к двум

Старкиенам, — у меня есть для вас особое задание. Тихо спуститесь вниз и приведите охранника, живого и невредимого, из отрядов Нотрала.

— Есть! — ответил Гарн.

— Прекрасно. Не забудьте завязать ему глаза. И завяжите потом, когда отпустите. А сейчас, губернатор, покажите еще раз расположение отрядов Нотрала.

Губернатор вытянул руку и оба Старкиена исчезли так неожиданно, что Джим вспомнил перемещения на Тронном Море.

Прошло полчаса. Послышался шорох. Джим сел на землю, губернатор стоял рядом с ним, как того требовал этикет, причем, даже стоя, он был ничуть не выше Джима.

Адок прополз на пост часового и встал. За ним с земли поднялся коричневый юноша, за которым стоял Старкиен. Солдат колониальных войск мелко дрожал от страха.

— Подведите его, — сказал Джим, стараясь подражать шипящему акценту Высокородных Тронного Мира. Он сидел спиной к луне, и свет ее освещал лицо солдата, но Джим оставался в тени.

— Знаешь ли ты, кого я выбрал вашим последним и великим вождем? — спросил Джим, и голос его был жесток.

Зубы солдата стучали. Он не мог говорить и тогда принялся из всех сил трясти головой. Джим выругался.

— Ладно, неважно, — резко сказал он.

— Ты знаешь, кто контролирует площадь за секцией?

— Д-д-да...

— Пойдешь к нему. Скажешь, что я переменял свои планы. Он должен взять власть в свои руки, и причем немедленно.

Юноша задрожал, но ничего не сказал.

— Ты меня понял? — заорал Джим. Пленник судорожно задергался.

— Хорошо. Адок, проводи его. Мне нужно отдать приказ адъютанту прежде, чем ты уйдешь.

Адок оттащил солдата под проволоку. Джим приказал Гарну и губернатору приблизиться.

— Покажи территорию Клуфа.

Губернатор задрожал — испуг пленника как бы передался ему. Потом указал пальцем район. Гарн задал ему несколько вопросов, потом повернулся к Джиму.

— Вы хотите, чтобы я отвел нашего пленника туда, сэр?

— Да, адъютант.

— Есть!

На этот раз они вернулись позже, примерно через час. Когда Джим услышал, что они отпустили юношу и что его окликнули и подобрали солдаты Клуфа, он приказал всем уходить с холма к вертолету.

Они быстро пошли вниз, но Джим окончательно успокоился только тогда, когда вертолет взлетел. Адок сидел за пультом управления, и землянин сказал ему отвести аппарат как можно дальше от лагеря, но так, чтобы за ним можно было наблюдать по экранам. Примерно через восемь минут они очутились милях в десяти от лагеря. Вертолет завис на высоте пятнадцати тысяч футов, как облако в безветренный день над заснувшим городком.

Джим внимательно осмотрел мерцающий экран, и Гарн тоже смотрел, хотя и не знал, зачем это нужно.

Иногда Джим сдвигал рукоятки, переводя фокус на отдельные улицы и здания. Темно... Вдруг внезапно засияла полоска света, не ярче вспышки фонаря, почти в самом центре лагеря, у здания Совета.

— Я думаю... — начал было Джим, но Гарн рванулся к пульту управления и перехватил управление, вертолет метнулся назад вверх. Адок, опытный солдат, только в первую секунду пытался удержать рычаги, но почти сразу же уступил место старшему.

Джим тихо спросил Гарна:

— Антиматерия?

Гарн кивнул.

Через минуту вертолет закувыркался, когда его достигла ударная волна.

Адъютант вскоре выровнял корабль. Отделались они сравнительно легко — несколько стекол было разбито и губернатор в бессознательном состоянии лежал на полу, из его носа шла кровь. Джим помог Адоку пристегнуть маленького человечка к креслу. Ни один из них не догадался использовать ремень, хотя они и ожидали ударной волны.

— Стоит возвращаться? — спросил Джим. Адъютант покачал головой.

— Там ничего не осталось. Разве что кратер.

— Сколько антиматерии было использовано?

— Я не эксперт, сэр,— сказал Гарн,— общее количество примерно... вы бы смогли удержать это в кулаке. Но это сравнение только для удобства. Действующий элемент не более, чем песчинка. Сэр?

— Да.

— Я хотел бы вас спросить, как вы догадались, что в лагере антиматерия?

— Простое умозаключение, основанное на фактах, собранных здесь и на Тронном Мире.

— Значит, это была ловушка,— спокойно сказал Гарн.— Ловушка для меня, и — прошу прощения, сэр, для ваших Старкленов. Они хотели, чтобы мы вошли в открытую дверь — поэтому тот район и не охранялся. Весь полк моих солдат был бы сметен... — он умолк.

— Но,— сказал Адок,— ведь колониальные войска должны были знать, что погибнут?

— С чего ты взял? Тот, кто снабдил их антиматерией, не хотел бы оставлять лишних свидетелей.

Через минуту Гарн спросил у Джима, что такое «нойо».

— Специальные группы, адъютант,— сказал Джим.— Семейные группы, занимающиеся грабежами, оскорблениями и войнами по любому поводу.

— Эти... — Гарн искоса поглядел на губернатора.— Эти составляют «нойо»?

— Только главные семьи,— объяснил Джим.— Они занимаются этим, потому что им просто скучно. «Нойо» никогда не доверяют друг другу. Когда этот солдат, пойманный на территории Клуфа, был допрошен, брат губернатора тут же решил, что его предал кто-то на Тронном Мире. Он попробовал захватить антиматерию, и какая-то случайность погубила его. Я, правда, предполагал, что моя попытка приведет к расколу в лагере, и тогда мы бы спокойно разгромили Клуфа и забрали антиматерию.

— Я понимаю, сэр,— сказал Гарн.

— А что сейчас, сэр?

— Сейчас мы должны как можно скорее вернуться на Тронный Мир.

— Сэр! — воскликнул Гарн.

Потом все молчали. Один губернатор плакал, он шептал: «Клуф... Клуф...» и жалобно всхлипывал.

Часть третья

1

Корабль, на котором Джим и Старкиены прилетели на Атилу, был миниатюрной копией корабля Галиана и Афуап. В нем хватало места, в действии корабль был простым и экономичным, как и все у Высокородных. Капитан просто представлял себе место его назначения, а все расчеты, вплоть до самых сложных, проделывал сам корабль. Когда они поднялись с Тронного Мира, корабль направлял Гарн, так как Джим не знал места назначения. Но сейчас, когда они возвращались, ему не нужна была помощь. Он мог просто вспоминать любое место на Тронном Море — хоть свою комнату, и корабль спустился бы там.

Перед самым приземлением Джим отозвал Гарна и Адока в сторону.

— Адъютант, я хочу, чтобы полк пока оставался на корабле. Вам пока не надо возвращаться в казармы и посылать рапорт. Подождите...

— Это против правил, — задумчиво сказал Гарн. — Скажите, это приказ?

— Приказ!

— В таком случае, его выполнению могут воспрепятствовать только личные приказы Императора или то, что личный приказ противоречит желаниям Императора. Но после того, что случилось, я не думаю, что данный приказ противоречит желанию Императора.

— Верьте мне, адъютант. Я забочусь только о благополучии Императора. Оставайтесь на корабле.

— Сэр! — многозначительно сказал Гарн. — Вы возвращаетесь к себе?

— Да. Со мной пойдет Адок.

Он дотронулся до руки Старкиена. В его квартире никого не было. Джим немедленно отправился к Ро.

Девушка была у себя — она возилась с приемами. Увидев землянина, Высокородная отбросила инструменты и вскочила.

— Джим! — закричала она. — О, Джим!

Он прижал ее к себе. Но через минуту освободился от объятий.

— Прости,— нежно сказал Джим,— но нам надо спешить.

— Это твоя форма Старкиена? — спросила Ро.— Какой ты в ней большой! Скажи, эти ленты еще заряжены?

— Да.

— Да? — она рассмеялась.— Сокруши эту стену! — Она внезапно замолчала и заплакала.

— Нет! Нет! Что я такое говорю? — она храбро взглянула на него.— Что случилось, Джим? Ты испуган?

— Нет, но... Скажи мне, Ро, что на Тронном Море голубого цвета?

— Голубого? Ты имеешь в виду голубой цвет? — переспросила она.

— Да.

— Но... мы обычно носим белые одежды. Ты это знаешь. Не думаю, что на Тронном Море ты найдешь сейчас что-нибудь голубое, за исключением разве сувениров из других миров.

— Подумай. Постарайся вспомнить.

— Но ведь действительно ничего... О! — разве что ты хочешь,— прервала она себя,— чтобы я перечислила обычные вещи. У нас голубое небо, голубая вода... и,— она улыбнулась — есть у нас еще Голубой зверь Императора, если уж тебе все так хочется знать.

— Голубой зверь?

Голос Джима так изменился, что Ро побледнела.

— Ну да,— испуганно сказала она.— Это ничего не значит. Это его игрушка. Потом ему стали сниться кошмары и ее спрятали. Я не знаю, кто ее спрятал и куда, и думаю, что сейчас этого уже никто не знает. Потом его стал раздражать голубой цвет. Где бы ни был Император — теперь он никогда не увидит голубого. Это важно?

— Мне нужен Вотан. Как его найти?

— Джим, что случилось? — девушка по-настоящему испугалась,— Вотан с Императором, и ты не можешь туда пойти. О, я знаю, тебе это удалось один раз... Но не сейчас! В особенности сейчас!

— Почему в особенности? — спросил Джим.

— Не надо... — неуверенно сказала девушка. Землянин успокоился.

— Ну хорошо. А теперь объясни — почему именно сейчас?

— Просто сейчас начались эти неприятности на колониальных мирах,— сказала Ро.— Вотан все время посылает Старкиенов на помощь губернаторам низших рас, и сейчас на Тронном Море мало солдат. У него сейчас нет ни одной свободной минуты.

Внезапно она замолчала.

— Джим, в чем дело?

Он не слышал ее. Он смотрел в прозрачное море, омывающее песчаный берег. И здесь тоже песчаный берег и океан? И эта мысль вернула его к действительности.

— Мне нужен Оловиель,— Джим пристально посмотрел на нее.— Потом мы вчетвером — ты, я, Адок и Оловиель — должны найти Вотана во что бы то ни стало, с Императором он или нет.

— Ты сошел с ума, Джим! Ты не можешь пойти к Императору в энергетических лентах, ни один человек не имеет права носить при Императоре больше одной трубки. Его Старкиены убьют тебя в ту же минуту чисто инстинктивно. Если ты решил так рисковать, так хоть сними ленты. И ты тоже, Адок!

И девушка принялась стаскивать энергетические ленты с мускулов Джима. Ро несомненно была права, и он стал помогать ей. Через минуту Джим остался без оружия, не считая черной трубки, висевшей над поясом. Оглянувшись, он увидел, что Адок снял свои ленты.

— А сейчас к Оловиелю. Ты должна его найти. Я даже не знаю, где он живет.

Девушка прикоснулась к его руке и они переместились.

— Оловиель! — крикнул Джим. Никто не ответил.

— Его здесь нет,— сказала Ро.— И нет смысла искать его по всему Тронному Миру. Так мы его никогда не найдем. Думаю, что самое лучшее — подождать его здесь.

— Подождать? — спросил Джим.— Ждать — нет, это недоступная для нас роскошь. Может быть...

Он замолчал, потому что перед ним возник Оловиель.

— Здравствуй! Ты первый вернулся домой с победой. Я слышал, что твой корабль приземлился, но тебя не было дома. В комнате Ро лежала целая куча энергетических лент. Вот я и вернулся, надеясь, что есть от вас известие — а вы сами здесь.

Он улыбнулся и вежливо пригласил Ро и Джима сесть. На Адока он не обратил ни малейшего внимания.

— Хотите выпить? Поесть? Могу вам предложить...

— Ничего! — прервал его Джим. — Скажите мне, Оловиель, вы верны своему Императору?

Оловиель удивленно поднял брови.

— Мой дорогой Дикий Волк, — протянул он, — *ВСЕ* Высокородные верны своему Императору.

— Есть верность и *ВЕРНОСТЬ*, — резко сказал Джим. — Я не спросил тебя, лоялен ли ты формально. Я тебя спросил, верен ли ты, как, например, Старкиен? Высокородный насторожился.

— Что ты имеешь в виду? — спросил он. Маска безразличия исчезла.

— Ты мне не ответил.

— А стоит ли отвечать?.. В конце концов, я Высокородный, а ты — всего лишь бывший Дикий Волк, существо низшей расы, и я... да, я отвечу! Я верен, Джим!

Голос его внезапно стал жестоким.

— А сейчас — в чем дело? Мне нужен прямой и быстрый ответ.

— Мой полк Старкиенов на Атиле, — сказал Джим, — пытались заманить в ловушку. Там была антима́терия!

— Антима́терия? — лицо Оловиеля на секунду от изумления как бы затвердело, потом он быстро расслабил мускулы. Он поверил в невероятное утверждение и теперь анализировал причины и следствия. Через несколько минут Высокородный посмотрел на Джима.

— Да, ты прав. Нам надо повидать Вотана.

— Именно это я и собирался сделать. Я ждал только тебя. Пойдем с нами.

— С нами? — Оловиель взглянул на Адока. — Мы пойдем вдвоем. Этого вполне достаточно.

— Мне нужен Адок, как свидетель. И Ро пойдет с нами. Так безопаснее.

— Разве? А, да... я понимаю. Ты хочешь сказать, что ее могут взять как заложницу и использовать против нас. Хорошо, Старкиен!

Оловиель позвал Адока, и они переместились в зал со сценой. Светло-зеленые стены вздымались ввысь. В центре зала на полу был установлен странный вращающийся прибор, создававший переливающуюся радугу. На потолке сияли все цвета радуги, кроме голубого. Император полулежал на подушке, наслаждаясь игрой красок.

Рядом стояли Старкиены, вооруженные трубками и энергетическими лентами. Вотан сидел за пультом, пере-

двигая разноцветные рукоятки. Джим один раз уже видел все это.

— Непрошенные гости! — Старкиены автоматически выхватили оружие, но Вотан быстро поднял голову, заметил Оловиеля и махнул рукой, приказывая телохранителям убрать черные трубки.

— Мне не сказали, что твой полк вернулся в казармы. Я не мог использовать их, — сказал он Джиму.

— Именно поэтому я приказал им не возвращаться — ответил землянин.

Вотан нахмурился.

— Что? Кто дал тебе право... — он замолчал — перед ним возник маленький коричневый слуга, похожий на Мелиеса. Слуга держал маленькую белую коробочку.

— Это было переслано принцессе Афуан через губернатора... — слуга назвал слово, означающее на языке Империи Альфу Центавра, — для тебя, Вотан.

— Хорошо, — сказал Высокородный. Слуга исчез. Вотан положил сверток на стол и, помедлив секунду, развернул его.

— Что это значит? — недовольно спросил он. Вотан хотел было что-то добавить, но его прервали:

— Это я, Оран! — сказал кто-то.

Император встал с подушки и подошел к столу. Он нетерпеливо вытащил кусок красного гранита, грубо отполированного, примерно трех дюймов в диаметре.

— И здесь записка... — он расправил кусок бумаги.

— Читаю: «По просьбе моего доброго друга, Джеймса Кейла, посылаю этот образец с его родной планеты как сувенир для Высокородного Вотана».

Император, восхищенно улыбаясь, взглянул на старика.

— Это подарок тебе, Вотан, — весело сказал он, — от нашего бывшего Дикого Волка. Возьми!

Император бросил камень Высокородному и Вотан поймал его.

И в ту же секунду вокруг Вотана осветительно засверкал голубой ореол, сияющий свет ослепил и изменил линию его фигуры во что-то страшное, звериное.

Император громко застонал, отпрыгнул назад, прикрывая лицо руками.

— Племянник... — загремел искаженный голос старика. Вотан поднял голубые руки, похожие теперь на звериные лапы, и как бы защищаясь, шагнул к Орану.

Император вскрикнул и попятился назад, споткнулся о подушку, но устоял.

— Голубой зверь! — завопил он. — Убейте его! *УБЕЙТЕ ЕГО!*

Если Старкиены и колебались, то секунду, не больше. Три трубки были включены одновременно, и ослепительный голубой силуэт Высокородного исчез в белом пламени.

Старик споткнулся. Сияние потускнело, и небольшой обломок красного гранита покатился по ковру. Вотан рухнул на ковер, лицо его было не тронуту, но тело страшно обуглилось.

Наступила мертвая тишина. Император испуганно посмотрел на труп Вотана.

— Дядя? — раздался дрожащий и неуверенный голос. — Дядя?

Он медленно подошел к Вотану и, чем ближе, тем больше горбились его плечи, а лицо бессильно дергалось, как будто его пытали огнем. Император нерешительно взглянул на лицо Высокородного. Лицо Вотана не изменилось, глаза и рот были закрыты, мускулы расслаблены... спокойное, безмятежное лицо...

— Дядя... — снова послышался тоскливый голос Императора. И вдруг он застыл, чуть склонившись над Вотаном, свесив бессильно длинные руки и невероятно сгорбившись. На секунду Джиму показалось, что в такой позе невозможно сохранить равновесие, но Оран замер, как статуя на пьедестале.

— Император... — сказал Оловиель. Внезапно в дальнем конце комнаты раздался довольный смех. Старкиены выхватили оружие...

Раздались три выстрела, и Джим, повернув голову, заметил, как медленно падают телохранители. Они лежали на полу, такие же спокойные, как Вотан.

У зеленых занавесей стоял Галиан. В его правой руке была черная трубка, а в левой — странное, похожее на пистолет, устройство, с длинным закрученным стволом. Из-за спины Галиана выглядывали Афуан и Мелиес.

Когда Джим повернулся к ним, Галиан небрежно, почти презрительно, бросил пистолет, который звеня проехал по ковру и мягко ударился о ногу мертвого Старкиена.

Галиан пошел вперед. Афуан и Мелиес последовали за ним. Каблуки Высокородного стучали по полированному полу. Он засмеялся.

— А ты, оказывается, опасен, Дикий Волк,— сказал он Джиму.— Ты не только умудрился вернуться назад живым, но и заставил меня волноваться. Но все обошлось хорошо.

Потом Галиан весело посмотрел на Оловиеля.

— Нет,— шутливо сказал он.— Нет! Не «Оран», а «Галиан». Нам следует научить тебя говорить — «Галиан»!

2

Слова Галиана поразили их. Джим увидел, что Оловиель весь напрягся и выпрямился. Галиан был самым Высокородным, за исключением Императора, но Оловиель был почти так же высок. Два человека, каждый больше семи футов ростом, в упор смотрели друг на друга.

— Тебе никогда не удавалось научить меня чему-нибудь, Галиан,— сухо сказал Оловиель.— Я бы не пытался на твоём месте.

— Не глупи,— заговорила Афуан, но Галиан быстро оборвал ее.

— Неважно. Кто мы такие, чтобы указывать ему! Ведь он сказал: мы никогда не сможем обучить его!

— Мы?! — Оловиель горько улыбнулся.— Ты уже стал употреблять множественное число, как Император, Галиан?

— Разве я сказал «мы?» — удивленно спросил Галиан.— Ну, это просто оговорка.

— Значит, ты не убьешь его? — спросил Оловиель, указывая на сгорбленную фигуру Императора, кивком головы.

— Убивать его? — удивленно сказал Галиан.— Ну конечно, нет. Заботиться о нем, вот моя главная задача. Вотан никогда не мог по-настоящему ухаживать за ним. Он же немного нездоров, ты знаешь?

— А ты? — спросил Джим. Глаза Галиана сверкнули.

— Будь терпелив, мой маленький, Дикий Волк! — прошептал он.— Твое время придет. Сейчас я забавляюсь с Оловиелем.

— Забавляюсь? — угрюмо сказал Оловиель.— Ты лучше придумай объяснение, как погиб Вотан.

Галиан усмехнулся.

— Вотана убили императорские Старкиены, по императорскому же приказу. Ты сам все видел.

— А кто убил Старкиенов?

— Ты, конечно,— довольно сказал Галиан.— Ты был возмущен, когда увидел, что Вотана убили ни за что.

— Ну да. А как насчет искажающего света? Джим никогда не просил губернатора Альфы Центавра послать этот камень Вотану.

Галиан дал знак Мелиесу, который торопливо поднял откатившийся камень и положил его в карман.

— Какой, ты говоришь, искажающий свет? — поинтересовался Галиан.

— Понятно... — Оловиель вздохнул.— Но ведь я, конечно, не убивал Старкиенов.

— Я бы на твоём месте не говорил этого другим Высокородным. Теперь, когда умер Вотан, к Императору нужно приставить человека, и этим человеком буду Я! И если ты будешь рассказывать всякие сказки, Оран вполне может решить отослать тебя с Тронного Мира или изолировать для своего же блага.

— Да. Но если я даже промолчу, сразу видно, что эти три Старкиена убиты тяжелым ручным интерпрессором. И все вернувшиеся Старкиены будут удивлены, как это я ухитрился убить из трубки сразу троих, ведь на них были одеты энергетические ленты полной мощности. И я могу доказать, что не появлялся на складе интерпрессоров больше года.

— Не сомневаюсь,— сказал Галиан.— Но вот возвратятся ли Старкиены? Нет! Они не вернуться!

Оловиель взглянул на Джима. Джим кивнул.

— Значит, наш Дикая Волк принес вести о маленьких ловушках на колониальных мирах, вот как? — сказал Галиан.

Оловиель рассмеялся и вытащил из-за пояса Адока трубку. Галиан презрительно улыбнулся.

— Ты действительно сошел с ума? Мы с тобой фехтовали мальчишками. У тебя быстрая реакция, но у меня самая быстрая во всем Тронном Мире, кроме... — он показал на Императора.

— Но потом мы никогда не пробовали играть в эту забавную игру. К тому же я, признаться, устал от пустых слов и забав Тронного Мира. Мне кажется... Да, я очень хочу убить тебя!

Он шагнул вперед. Галиан поспешно отступил назад и медленно вытащил трубку.

— Может быть, поспорить, — предложил он. — Давай спорить на Пункты Жизни. На пятьдесят Пунктов. Кто бы ни проиграл, ему этого вполне хватит, чтобы отправиться в изгнание.

— Не говори мне об этих игрушках, — сказал Оловиель медленно, шаг за шагом продвигаясь вперед, в то время, как Галиан так же медленно отступал. — Мне кажется, я потерял всякий интерес к спорам.

Они стояли в центре зала. Между ними было не менее 12 футов, но из-за высокого роста, широких плеч, чуть поданных вперед, вытянутых трубок казалось, что они находятся друг от друга на расстоянии вытянутой руки.

Внезапно оружие Оловиеля сверкнуло белой молнией, и сам он отклонился назад и в сторону, чтобы ударить сбоку. Галиан нырнул под пламя, ударившее в то место, где секунду назад была его голова, и, повернувшись на каблучках, оказался лицом к лицу с Оловиелем.

Сделай он это чуть быстрее, и линия огня, направленная мимо первого выстрела Оловиеля, поразила бы его. Но пока Галиан поворачивался, его противник успел опустить оружие, и заряд Галиана столкнулся с зарядом Оловиеля, и белый огонь рассыпался искрами.

За первым страшным ударом — а Джим достаточно практиковался с Адоком в фехтовании на трубках, чтобы понять, насколько осторожной была борьба — оба Высокородных обменялись обычными нападением и защитой. Фехтование на шпагах, если принять, что длина шпаги произвольно увеличивается и уменьшается.

Лезвие огня варьировалось от 10 футов до 6 дюймов. Один заряд полностью уничтожался другим, а все остальное зависело от ловкости и быстроты противников.

Оловиель и Галиан осторожно передвигались по полированному полу, избегая стен. Между ними струилось пламя, неожиданно взрывавшееся фонтаном искр. На лице Галиана застыла улыбка, он был серьезен. Оловиель же после первой атаки полностью расслабился. Он, казалось, о чем-то мечтал, как будто это был не смертельный поединок, а незначительное спортивное состязание, где рисковали небольшими ставками.

Несколько недель назад Джим решил бы, что это своеобразный танец, участники которого держат в руках римские свечи, демонстрируя грацию человеческого тела и красоту фейерверка. Сейчас же понимал он, каким ужасным будет конец. Как бы ни был быстр и изящен

Оловиель, Галиан несколько раз довольно быстро чуть не опередил его. Рано или поздно, но все искусство Оловиеля не поможет ему отразить роковой удар.

У Галиана была лучше реакция. А в таких дуэлях — это самое главное.

Внезапно Галиан резко откинулся назад и влево, высоко ударил языком пламени и, поднырнув под контрудар Оловиеля, выпрямившись, полыхнул по левому бедру и руке противника.

— Конец... — подумал Джим.

Оловиель упал на правое колено, его левая безжизненно свисала. Его оружие упало и покатилося по паркету, но он нашел в себе силы, чтобы рассмеяться прямо в лицо Галиану.

— Тебе смешно? Хорошо. Я сотру эту улыбку.

И Галиан, подняв трубку, направил ее в лицо Оловиеля.

— Стой! — крикнул Джим и бросился вперед.

Галиан услышал стук подошв и повернулся быстро, как кошка.

Джим выхватил из-за пояса трубку. У него только и оставалось время выхватить ее и ударить вперед. Высокородный успел обезвредить удар. Взаметнулись искры.

Джим сбил пламя, летевшее в грудь.

Галиан расхохотался.

— Дикий Волк, Дикий Волк... Ты так ничего по-настоящему и не понял, кто такой Высокородный. Но я тебе сейчас дам урок.

— Джим! — воскликнул Оловиель. — Не надо! У тебя нет шансов! Беги!

— Вы оба ошибаетесь, — возразил Джим. Он был спокоен.

Вокруг Галиана и Джима сыпались искры, и вскоре Высокородный удивленно поднял голову.

— Неплохо! — сказал он, — я даже сказал бы совсем неплохо для Высокородного и просто бесподобно для такого дикого человека, как ты. Я буду очень огорчен, потеряв тебя, Дикий Волк!

Джим не ответил. Он дрался абсолютно спокойно, стараясь, чтобы его пламя всегда немного опережало заряд Галиана. Он кружил по залу, стараясь держаться в центре. Он боялся, что Галиан припрет его к стенке. Если бы у него не было богатого опыта сражения на шпагах, саб-

лях и эскадронах, Джим никогда бы не смог научиться бою на трубках за две короткие недели практики с Адоком. Но опыт и хорошая реакция помогали ему. Он двигался все увереннее.

— Да и вообще, зачем мне убивать тебя, — сказал Галиан, когда они столкнулись.

Белая кожа Высокородного блестела от пота.

— Будь разумен, Дикий Волк! Оловиель все равно умрет. Но для тебя я строил великие планы. Я хотел, чтобы ты стал командиром моих новых Старкиенов!

Джим не ответил. Он упорно атаковал.

Сбоку раздались шаги и голос Ро:

— *Назад!*

Землянин не осмелился оглянуться, но через несколько секунд они поменялись с Галианом местами, и Джим увидел Ро, которая держала под прицелом принцессу Афуан. Мелнес лежал у ног Адока, и было похоже, что у господина всех слуг сломана шея. Только Император, склонившийся над трупом Вотана, был неподвижен.

— Что ты о себе воображаешь? — внезапно прохрипел Галиан. — Когда я говорю с тобой, ты должен отвечать, Дикий Волк!

Джим парировал удар в голову и молча отступил.

— Ну хорошо, — Высокородный улыбнулся. — Мне это надоело! Я играл с тобой, надеясь, что ты одумаешься! Хватит! Я убью тебя!

Галиан неожиданно атаковал, искры сыпались со всех сторон, и Джим понял, что борется за свою жизнь. У Высокородного были огромные преимущества перед ним: рост, широкий шаг, длинные руки — и он использовал это. Джим парировал его удары, но отступал. Галиан возвышался над ним. Землянин пытался развернуться, но путь уже был отрезан ослепительными молниями. Высокородный бил все чаще и чаще. Джим прикинул в уме пройденный путь и понял, что сейчас его спина упрется в стену. А если это удастся Галиану, то дуэль кончится быстро.

Зубы Высокородного были обнажены в злобной усмешке, с подбородка стекали капли пота. Его длинные руки мешали Джиму уйти влево или вправо. Скоро отступать будет пекуда.

Было только один способ вырваться из тюрьмы пламени — остановить атаку Галиана и атаковать самому, заставив его отступить. Только скорость могла спасти его. Джим должен был быть быстрее Высокородного.

Дальше колебаться не было смысла. Джим отразил очередной удар и атаковал. При первых яростных выпадах Высокородный остановился, удивленно отступил назад, но вскоре оправился.

Галиан коротко хохотнул, хотел что-то сказать, но решил не тратить дыхание. И ему, и Джиму явно не хватало воздуха. Противники в течение десяти секунд не уступали друг другу ни дюйма. Скорость была убийственной. Ни один землянин не мог бы выдержать такого напряжения даже минуту, однако Джим держался. Галиан изумленно взглянул на него сквозь огонь и дождь искр.

— Ты не можешь этого... не можешь... не можешь... — выдохнул он.

— Могу... — устало прошептал Джим.

Красивое лицо Галиана исказила гримаса ярости. Он отразил удар землянина и немедленно провел огнем круг — земные фехтовальщики называли этот прием «мулине».

Высокородный пытался сбить пламя с самого конца трубки противника. Если бы Галиану удалось это, у него была бы в запасе секунда для маневра. Пламя описало дугу и пошло вниз, но пламя противника последовало смертоносному потоку. Круги огня бежали с бешеной скоростью и вскоре Джим перехватил инициативу.

Пламя его трубки описало огненную дугу, землянин резко поднял луч точно за линией огня противника и нанес удар в незащищенную грудь Высокородного.

Трубка Галиана полоснула огнем по правому боку Джима и внезапно глубоко под ребрами землянин почувствовал пустоту и холод. Высокородный покачнулся и распростерся у ног противника.

Пот заливал Джиму глаза, но он разглядел, что Оловитель стоит, хотя и опирается на плечо Ро. Землянин несколько раз глубоко вздохнул и медленно отошел от мертвого.

— Джим, — сказал Оловитель, удивленно посмотрев на него. — Кто ты?

— Дикий Волк. Зачем ты поднялся?

Оловитель невесело рассмеялся.

— Наши раны исчезают быстро. Ты ранен?

— Со мной будет все в порядке. Но за мной остались трупы. Займись этим. Мне пора домой.

— Домой?

— На Земле мир, из которого я пришел, — сказал Джим... — Чем меньше шума, тем лучше для Императора.

Никто не заметит, что меня нет. Скажешь, что Галиан убил Вотана и Старкиенов в припадке безумия и ты застрелил его, защищая Императора. — Землянин взглянул на Афуан. — Если, конечно, она будет молчать.

— Принцесса не захочет огорчить меня, — сказал Оловиель. — Галиан предупредил, что если я не соглашусь с ним, то Император отправит меня в изгнание или изолирует в моих же собственных интересах. Сейчас это относится к ней.

Он отвернулся от Афуан и, чуть прихрамывая, подошел к Императору. Ро и Джим последовали за ним.

Оловиель прикоснулся к руке своего повелителя.

— Оран... — мягко сказал он.

Через несколько секунд Император медленно выпрямился и тепло улыбнулся.

— Оловиель! — сказал он. — Как хорошо, что ты так быстро пришел. Знаешь, я нигде не могу найти Вотана. Он недавно был здесь, и я могу поклясться, что дядя нигде не выходил, но его нет!

Император поглядел на паркет, на стену, на ковер и на игру света на потолке. Но его глаза ни разу не остановились на убитом.

— Я видел сон, Оловиель, — продолжал Император. — Это было сегодня ночью или, может быть, недавно... Мне снилось, что Вотан мертв, Галиан мертв, и все мои Старкиены мертвы. И когда я пришел во дворец Тронного Мира, чтобы рассказать об этом Высокородным, я никого не встретил. Я был совсем один. А ведь это пехорошо?

— Пока я жив, я буду с тобой, Оран!

— Спасибо, — Император снова осмотрел комнату и голос его стал тревожным. — Но я хотел бы знать, что случилось с Вотаном.

— Ему пришлось ненадолго уйти, — сказал Оловиель. — Он велел мне остаться с тобой, Оран, пока...

Оран улыбнулся.

— Ну, тогда все в порядке! — счастливо сказал он.

Император обнял Оловиеля за плечи и еще раз осмотрел комнату.

— А, да здесь Афуан и маленькая Ро, и бесстрашный Дикий Волк, бывший, я бы сказал.

Улыбка Императора сменилась немного торжественным, немного грустным выражением.

— Ты ведь покидаешь нас, да... Джим, мне показалось, что ты так сказал недавно.

— Да, Оран. Мне надо идти.

Император кивнул.

— Да, я действительно это слышал. Я ведь иногда кое-что понимаю лучше любого Высокородного. Хорошо. Возвращайся на свою планету, Джим.

Рука Императора соскользнула с плеча Оловиеля. Он шагнул вперед.

— Ваш мир полон молодой энергии, Джим. А мы здесь очень устали, очень устали. С тобой и твоими Дикими Волками все будет хорошо. Я вижу, что ты знаешь. Иногда все передо мной... — желто-лимонные глаза Императора, казалось, заволокли туманом. — Да. Все хорошо. Что-то говорит мне, что ты оказал мне большую услугу. Мне бы хотелось утвердить усыновление. С этой минуты — ты Высокородный, Джеймс Кейл. — Оран улыбнулся... — Хотя я не даю тебе ничего нового, ты имеешь все...

Император повернулся к Оловиелю.

— Что мне делать самому? — спросил он.

— Я думаю отослать домой Афуан. Пусть она пока остается там.

— Да.

Принцесса взглянула на Оловиеля, неожиданно крикнула:

— Грязнолицая! Дикарь! Убирайтесь в кусты и размножайтесь там!

Джим хотел ее ударить, но Ро удержала его руку.

— Нет! — гордо сказала она. — Разве ты не видишь? Она ревнует! *Ревнует!*

Девушка взглянула на него.

— Я иду с тобой, Джим. Иду в твой мир.

— Да, — неожиданно согласился Император. — Это правильно. Так я все и видел. Да, маленькая Ро должна пойти с ним.

— Афуан! — резко скомандовал Оловиель.

Принцесса исчезла.

Джим покачнулся на ногах и с трудом удержался.

— Идем быстрее, — проговорил он. — Я пришлю своих Старкиенов, Оловиель. Они должны охранять Императора, пока с колониальных миров не вернутся остальные. Если ты прикажешь им возвращаться немедленно, возможно, не все погибнут в ловушках Галиана.

— Я сделаю это. До свидания, Джим! — сказал тот. — Спасибо!

— До свидания, Джим, — сказал Император.

Землянин пожал руку Высокородным.

— Кстати, Адок, — сказал Император. — У тебя есть семья?

— Нет,— бесстрастно ответил Старкиен.— Мой сын вырос, а жена ушла в женское поселение.

— Хочешь пойти с Джимом?

— Я...— Адок запнулся.— Я... не привык хотеть чего-то... Я служу... Импе...

— Если я тебе прикажу сопровождать Джима и Ро и оставаться с ними до конца, тебе будет приятно? — спросил Оран.

— Да.

— Адок будет с тобой,— сказал Император.— Он тебе пригодится.

— Благодарю, Оран, счастливо, Оловиель,— сказала Ро и взяла землянина под руку.

В ту же секунду они переместились на космодром.

Гарн стоял у входа, как часовой. Он быстро повернулся к Джиму.

— Рад видеть вас, сэр!

Все закружилось, закачалось, и Джим напряг все силы, чтобы не упасть. Как сквозь сон он услышал, как Адок говорит адъютанту:

— Высокородный Вотан и принц Галиан убиты. Погибло три Старкиена. Высокородный Оловиель занял место Вотана. Вам надо немедленно явиться к Императору.

— Да! — подтвердил Джим.

— Есть! — Гарн исчез.

Внезапно они очутились на корабле. Ро, Джим и Адок. Джим чуть не упал. Девушка уложила его на подушку.

— Что... это... Адок?! — услышал он голос Ро, доносившийся из длинного коридора, по которому Джим неудержимо скользил в пропасть все быстрее и быстрее. Сделав огромное усилие, он представил космопорт Альфы Центавра и путь до Земли. Последние усилия — дальше корабль отправится сам.

Джим не сомневался, что скоро они будут дома, на родной Земле...

Перестав сопротивляться, он почувствовал, что скользит, скользит, скользит впиз. Сил удержаться у него больше не было.

— Галиан ранил меня перед смертью,— тихо прошептал он.— Я умираю... Расскажи все... там на Земле... Скажи им все...

— Ты не умрешь! — Ро заплакала и обняла его.— Ты не умрешь! Ты не...

Но он уже падал в бездну и тьму.

Когда Джим открыл глаза и увидел свет после долгого блуждания во тьме, он с трудом узнавал образы и формы вещей, окружавших его. Ему казалось, что он восстал из мертвых. Но постепенно Джим стал лучше видеть, вернулись чувства. Он понял, что лежит на чем-то твердом, но не на подушке, и что потолок белый с неприятным оттенком. И уж очень низкий.

С трудом Джим повернул голову и увидел небольшой столик, несколько стульев и больничный экран. Через маленькое окошко в дальнем конце струился солнечный свет. Он видел небо, голубое небо с белыми облачками. Джим лежал, смотрел на родное небо и пытался сообразить, что же произошло.

Он был на Земле, следовательно, по меньшей мере пять дней он был без сознания, но если это Земля, то почему он здесь? Где же Ро? Где Адок? Где корабль?

Он спокойно лежал и думал. Через полчаса он вспомнил о сожженном боку. Джим откинул простыню, задрал голубую пижаму и исследовал бедро. Даже шрама не было.

Джим чувствовал себя неплохо, но тело его ослабело, как будто он долго спал. На маленьком пластиковом столике стоял стакан с холодной водой и коробка с салфетками. Значит, это больница... Действительно, ведь он был ранен Галианом...

Джим продолжал осмотр помещения. Под верхней крышкой стола находилась вторая. Там был телефон. Он поднял трубку и прислушался, но никаких гудков не последовало. Набрал наудачу несколько цифр — ответа не последовало. Джим положил трубку на место и внезапно заметил у аппарата кнопку, рядом с которой значилось «СЕСТРА».

Он нажал на кнопку. Ничего не произошло. Подождав минут пять, он нажал на кнопку еще раз.

Дверь распахнулась, но вошла не девушка в белом халате, а мускулистый молодой человек, чуть полнее и ниже Джима, но с широкими плечами.

Он подошел к кровати, посмотрел на больного и взял его за левое запястье. Подняв кисть, он начал считать пульс Джима, наблюдая за электронными часами.

— Я здоров. Что это за больница? — спросил Джим.

Мужчина-санитар не ответил. Закончив считать, он положил руку больного на кровать и повернулся.

— Эй, подождите! — Джим сел.

— Лежать! — хрипло сказал человек, и, выскочив из палаты, торопливо захлопнул дверь.

Джим откинул простыни и соскочил с постели быстро и уверенно. Подбежав к двери, он дернул за ручку, но пальцы только соскользнули по гладкому, неподвижному металлу.

Джим еще раз потряс ручку, потом отступил на шаг. Сначала он хотел стучать в дверь, пока кто-нибудь не придет, но, подумав, решил этого не делать.

Палата, в которой находился Джим, была похожа на помещение для буйных. Он подошел к окну, и это только подтвердило его опасения. Невидимая с постели, толстая решетка закрывала солнце. Если у человека не было необходимых инструментов, он не мог ее взломать.

Под окном раскинулась зеленая лужайка, чуть дальше вздымались высокие сосны, закрывавшие горизонт.

Джим немного подумал и вскоре, подойдя к постели, лег и укрылся простыней.

С терпением, которое стало его вторым Я, он приготовился ждать...

Через несколько часов без предупреждения дверь открылась и вошел все тот же санитар. За ним следовал маленький пожилой человек, с узким неприятным лицом и абсолютно лысым черепом, в белом врачебном халате. Он посмотрел на Джима.

— Все в порядке. Вы мне больше не нужны.

Санитар вышел и прикрыл дверь. Врач взял Джима за руку и сосчитал пульс.

— Да... — пробормотал он.

Врач опустил руку Джима, откинул простыни, поднял вверх пижаму и исследовал его правый бок. Его пальцы нажимали то тут, то там, и внезапно Джим весь напрягся.

— Больно?

— Да, — спокойно сказал Джим.

— Гм... это интересно... если это правда...

— Доктор, со мной все в порядке?

— Да, все в порядке, — ответил врач, одернув пижаму и поправив простыни. — Но я не могу поверить. В вашем правом боку небольшая скважина...

— Во что вы не верите?

— Я не верю, что в этом месте у вас была выжжена огнем рана, по меньшей мере, два дюйма в ширину и

шесть в длину, — сказал доктор. — Да, я видел по телевизору ваш корабль, и мне немного рассказывала девушка, но я все равно не верю. Во-вторых, с такой раной вы умерли бы раньше, чем долетели бы до Земли. А в-третьих, там не осталось даже шрама. Вы никогда не убедите меня, что после большой раны не остается следов!

— А зачем вас убеждать?

— Не надо меня убеждать. Следовательно, на мне нет ответственности! Я могу дать только заключение — вы сейчас абсолютно здоровы. Я так им и передам!

— Им?

Врач уставился на него.

— Доктор, — спокойно сказал Джим, — у вас обо мне плохое мнение, но это ваше дело. Но, кажется, не говорить пациенту, где он находится и кто в этом принимает участие — просто неэтично! Вы говорили о девушке. Скажите, она не ждет сейчас за дверью?

— Нет, — сказал врач. — Что же касается ваших вопросов, я могу сказать, что вас сюда поместили люди из Мирового Правительства. Меня предупредили, чтобы я не разговаривал с вами ни о чем, кроме вашей болезни. Лечение вам больше не требуется, следовательно, мне не о чем с вами больше говорить.

Он встал и подошел к двери, остановился и посмотрел на Джима.

— К вам пришлют человека, когда я доложу, что вы здоровы, и тогда вы сможете задать любой вопрос.

Он отвернулся и нажал на ручку. Но дверь была заперта. Тогда врач ударил по ней кулаком и закричал. Через минуту дверь осторожно открыли, и он проскользнул в щель. Щелкнул замок, Джим остался один.

На этот раз ждать пришлось недолго. Через 20 минут хлопнула дверь и в палату вошел человек, лет на десять моложе врача, загорелый. Он был одет в серый костюм. Мужчина строго кивнул Джиму и сел на один из стульев у его кровати.

— Я — Даниель Вилькоксин, — сказал человек, — но, если хотите — можете называть меня Дэн. Правительство собирает комиссию по рассмотрению вашего дела. Я назначен адвокатом.

— А если мне не нужен адвокат?

— Тогда, конечно, я уйду. Но расследование не имеет ничего общего с судебным процессом. Судебный процесс начнется, если его разрешит комиссия. Так что сейчас

адвокат вам, по существу, не нужен, и вас никто не может заставить принять мои услуги. С другой стороны, если вы откажетесь от меня, другого адвоката Комиссия вам, скорее всего, не предоставит. Ведь это не судебный процесс, и формально адвокат вам не нужен.

— Понятно, — сказал Джим. — Разрешите задать вам несколько вопросов.

— Валяйте.

— Где я?

— Пожалуй, вот этого я не могу вам сказать. Это правительственная больница, в которой держат людей, если их дела требуют большой секретности. Я сам приехал сюда в закрытом автомобиле... Я ехал полчаса от здания Правительства, где находится моя контора.

— Где мой корабль? Где женщина и мужчина, сопровождавшие меня?

— Ваш корабль на правительственном космодроме, — сказал Вилькоксин. — Он окружен солдатами, которые держат любопытных далеко, на расстоянии примерно четверти мили, ваши товарищи пока на борту, и за это вы можете благодарить губернатора Альфа Центавра. Он на Земле. Когда правительство попросило их сойти, чтобы поместить туда ученых и охранников, губернатор отговорил их. Кажется, женщина, которую вы привезли, Высокородная? А губернатор прямо-таки дрожит перед любым Высокородным. И я не могу упрекнуть его в...

Вилькоксин с интересом посмотрел на Джима.

— Насколько я понимаю, Высокородные правят Империей?

— Да. Зачем меня держат здесь?

— Эта леди — Высокородная...

— Ее зовут Ро, — перебил Джим.

— Так вот, Ро встретила с представителем Правительства, как только корабль приземлился. Там были высокопоставленные лица, так как губернатор Альфа Центавра, гостивший на Земле, сказал, что корабль принадлежит Высокородным. В конце концов, Ро впустила их рассказала впечатляющую историю. Там было и то, как вы на дуэли уложили принца императорской крови. Она сказала, что вам намного лучше, но не возражала, когда Правительство предложило поместить вас в земную больницу для лечения. Наверное, они сказали ей, что земные препараты быстрее поставят вас на ноги.

— Да, — прошептал Джим, — она не подозрительна...

— Да, очевидно, все так и было. Девушка разрешила

забрать вас, и Комиссия начнет расследование, как только вы поправитесь. Как я понял, доктор уже дал положительную оценку вашему здоровью, поэтому предварительное слушание, вероятно, начнется утром...

— Что это будет за расследование?..

— Видите ли... в том-то все и дело. Расследование ничего общего не имеет с судебной процедурой. Теоретически Комиссия созвана для того, чтобы получить информацию. В действительности, и я думаю, вы уже поняли это, они хотят открыть судебное дело, обвинив вас в предательстве и измене.

— Вы сказали: «как я уже понял это», — повторил Джим спокойно. — Почему вы решили, что я должен ожидать нечто подобное, возвратившись на Землю?

— Но... — Вилькоксин на секунду умолк и быстро взглянул на Джима. — Когда вы вместе с Высокородными улетели с Альфы Центавра, на Землю вернулся Макс Холланд, который доложил, что вам паплевать на приказы и вы будете действовать по своему собственному плану и попытаетесь поднять в Тронном Море чуть ли не мятеж, и, естественно, Холланд скажет это завтра на Комиссии. Разве вы не говорили этого?

— Нет. Я сказал, что буду руководствоваться только своими суждениями.

— Для Комиссии это то же самое.

— Похоже на то, что ваша Комиссия уже признала меня виновным... в чем там... в предательстве?

— Пожалуй, да. Тогда я буду вас защищать. И я бы не сказал, что мне все это правится, опять-таки — как вашему защитнику. Вас выбрали из тысячи кандидатов, потратили много денег. Вас обучали лучшие специалисты, и все это для того, чтобы вы могли вести наблюдения на Тронном Море. Правительству надо было решить, действительно ли мы забытая часть Империи, или мы развивались самостоятельно. Правильно?

— Да.

— Значит, вы согласны? Очень хорошо. Но если поверить рассказу Ро, вместо того, чтобы вести спокойно наблюдения, вы затеяли драку с Высокородными, как только вступили на борт корабля, и ранили одного. Потом вы и ваш телохранитель ввязались в какую-то придворную интригу, в которой погибли дядя Императора и его брат. Были убиты и охранники. Правильно?

— Данную ситуацию трудно понять, следуя только фактам. Они искажают картину.

— Вы хотите сказать, что Ро лгала? — требовательно спросил Вилькоксин.

— Я хочу сказать, что ее не так поняли — ответил Джим. — Скажите, это она рассказала вам это или это просто пересказ?

Вилькоксин задумчиво поскреб свой подбородок.

— Это пересказ, — признался он, — но если человек, который все это мне рассказал, выступит так же убедительно на Комиссии, то вам будет плохо.

— Значит, Комиссия предубеждена против меня?

— Пожалуй...

Вилькоксин задумался, потом внезапно вскочил и зашагал взад и вперед по комнате.

— Скажу вам честно, я был не в восторге, когда меня назначили вашим адвокатом. Может быть, я и сам был немного предубежден. Я не говорю так, потому что вы переубедили меня, — торопливо сказал он. — Но, возможно, вы говорите правду!

Вилькоксин вновь сел у постели Джима.

— Ну, что ж, давайте послушаем ваш рассказ. Итак, вы покинули Альфу Центавра.

— Я отправился на Тронный Мир, чтобы выяснить — посещали ли Высокородные нашу планету или нет. Все, что случилось там, было следствием моих поисков и наблюдений!

— И это все? — спросил Вилькоксин.

— Пока что да. Я выступлю перед Комиссией и все подробно расскажу, если они, конечно, выслушают меня.

— Но вы же должны понимать, что без исчерпывающей информации я не могу быть полезным вам.

— Да, но если быть откровенным, я вам не доверяю. Пожалуйста, не поймите меня неправильно. Просто вы вряд ли поймете мой рассказ, не побывав на Тронном Мире.

— Да, но ведь... на Тронном Мире не побывал еще ни один землянин.

— Совершенно верно. Никто из землян не поможет мне, особенно, когда Макс Холланд собирается свидетельствовать перед Комиссией, которая уже заранее решила предать меня суду за измену.

— В таком случае, я не могу быть вам полезен.

Вилькоксин вскочил и направился к двери.

— Подождите. Возможно, вы не поможете как защитник, но помогите мне как человек.

— Как?

Вилькоксин повернулся, но его рука лежала на дверной ручке.

— Начнем с того, что я попрошу вас считать меня невиновным, пока не будет доказано обратное.

Адвокат минуту постоял у двери, потом рука его упала, и он медленно подошел к Джиму.

— Извините, ну хорошо. Что я могу сделать для вас?

— Видите ли, я думаю, вы можете завтра пойти со мной на заседание Комиссии, как мой защитник. А пока я буду рад, если вы ответите на несколько вопросов. Во-первых, почему Комиссия, Правительство и весь народ так хотят обвинить меня в предательстве, когда я всего лишь вернулся живым и привез ценнейший звездолет, Выходородную и Старкиена? Я просто не понимаю, как это сочетается с мнением о моей измене. Конечно, есть Макс Холланд, который обвиняет меня во всех смертных грехах. Но если у них имеются только его показания, я думаю, беспокоиться нечего.

— Как вы не понимаете? — Вилькоксин нахмурился. — Все разговоры начались потому, что они боятся мести Выходородных, которые могут сделать с Землей все, что хотят.

— Почему?

Адвокат даже поперхнулся.

— Может быть, потому что дядя и брат Императора мертвы. Разве Империя не будет мстить за них?

Джим ухмыльнулся.

— Вам смешно!? — удивился Вилькоксин.

— Нет. Просто, теперь я понял, почему меня решили обвинить в предательстве. Ведь, насколько я знаю, измена карается смертью.

— Иногда... но при чем здесь?..

— Боюсь, что не могу объяснить вам, — ответил Джим. — Скажите, вы не могли бы встретиться с Ро?

Вилькоксин покачал головой.

— Я попытался сделать это раньше, но мне не разрешили даже приблизиться к кораблю.

— А передать записку?

— Возможно, хотя я и не знаю, доставят ли мне ответ.

— Это не обязательно, — сказал Джим. — Она отдала меня земным врачам без протеста. Следовательно, Ро доверяла им. Отсюда вывод — она не знает, что собирается эта Комиссия сделать со мной завтра... Ей надо рассказать о расследовании.

— Пожалуй, да,— сказал Вилькоксин. Потом добавил: — Я передам ей все. Если не будет выхода, я позволю завтра утром... Они несомненно вызовут ее, чтобы она повторила рассказ для Комиссии. Ро будет присутствовать на расследовании.

— Если вам удастся поговорить с ней вечером, я буду очень благодарен.

— Посмотрим. Но чем она вам поможет? Ведь она не даст других показаний.

— Я не это имею в виду.

— Но вы сказали, что ни один человек на Земле не может вам помочь. Следовательно, только она и еще тот мужчина могут выручить вас,— заметил Вилькоксин.— Разрешите мне предупредить вас,— продолжал адвокат,— они главные свидетели обвинения.

— Может быть, а может, и нет,— улыбнулся Джим.— Вы ведь забыли о губернаторе Альфы Центавра!

— Ах, да! Я о нем не подумал. Вы правы, он заступился за Ро, когда девушка не захотела уходить с корабля. Возможно, он и вас защитит завтра... Если хотите, я свяжусь с ним.

— Нет, предоставьте его мне.

— Не понимаю,— прошептал адвокат.— Просто ничего не понимаю. Но я с вами! Что-нибудь еще?

— Нет. Извините, если сможете.

— Хорошо,— Вилькоксин встал,— я приду сюда за полчаса до того, как они соберутся отправить вас на Комиссию. Таким образом, я поеду туда вместе с вами, не возражаете?

— Нет.

Вилькоксин подошел к двери, подергал за ручку и крикнул:

— Откройте!

Через несколько секунд дверь открылась — адвокат посмотрел на Джима.

— Спокойной ночи тебе, Джим. До завтра, дорогой.

— Благодарю.

Хлопнула дверь. Джим лег на кровать и закрыл глаза. На мгновение мозг затаил страх, но он быстро взял себя в руки и вскоре заснул. Он спал спокойно, как солдат перед боем.

Даниель Вилькоксин разбудил Джима рано, в семь пятнадцать. Вскоре они уже сидели в закрытом автомобиле, который мчался в Правительственный Центр.

Расследование началось в 8.00. Джим спросил адвоката, удалось ли ему поговорить с Ро. Вилькоксин кивнул.

— Мне не разрешили подняться на корабль, но я поговорил с ней по телефону, установленному на пограничном посту. Я задал ей множество вопросов, ответы на которые мне якобы были нужны для защиты, и передал ей все, что вы просили, так сказать, между строк.

— Хорошо, — сказал Джим.

После этого подсудимый не проронил ни слова и игнорировал все вопросы, заданные адвокатом. В конце концов, Вилькоксин толкнул его локтем.

— Послушайте, ответьте мне наконец! Через полчаса я теоретически должен вас защищать. Вы должны мне ответить! Не забывайте, ради вас я связался с Ро, а это было не просто. Кроме полевого телефона, других способов связи с кораблем нет.

Джим взглянул на него.

— Правительственный Центр в девяти милях от космодрома. Верно?

— Да... Но... — удивленно ответил адвокат.

— Если бы я находился в Правительственном Центре, мне не понадобились бы ваши услуги, чтобы передать Ро всю информацию. На таком расстоянии я мог бы сам спокойно говорить с кораблем.

Вилькоксин недоверчиво посмотрел на него.

— Я говорю это для того, чтобы вы поняли — мне нет смысла терять драгоценное время на ответы, все равно вы их не примете, разве что поверите... Обвинения Макса Холланда и других меня абсолютно не интересуют. После того, как вы передали Ро информацию, я попрошу вас об одном — сидите тихо и не мешайте мне думать.

Джим погрузился в раздумья, и Вилькоксин больше не мешал ему.

Они подъехали к зданию суда. Джима отвели в маленькую комнату, где он должен был ждать приезда членов Комиссии. Потом его и адвоката проводили в уже переполненный зал.

Их усадили за стол напротив приподнятой сцены, где

должны были разместиться шесть членов Комиссии. Джим увидел, что в первом ряду в стороне от толпы сидит Старк Якобсон — руководитель проекта, тренировавший его перед экспедицией в Тронный Мир, Высокородная Ро, Макс Холланд. За ним он заметил несколько учителей рангом поменьше.

Ро поймала его взгляд, побледнела. Она выглядела взволнованно. Девушка была одета в простую белую тунику и юбку, не очень отличавшиеся от земных нарядов, но тем не менее, она выделялась из окружающей толпы.

Глаза Джима привыкли к высокому росту, природной грации и красоте Высокородных. Неожиданно земляне показались ему некрасивыми и маленькими...

Ро испуганно смотрела на него.

На сцену вышло семь человек, и по залу пробежал взволнованный гул, так как вместе с людьми все увидели маленького коричневого человечка, который занял место рядом с Хейнманом, представителем могущественного Европейского Сектора.

Джим взглянул на губернатора и слабо улыбнулся. Тот взглянул на него печально и торжественно.

Все успокоились. Началось расследование.

— Пусть в записях будет отмечено, — сказал Хейнман в микрофон, — что губернатор Альфы Центавра любезно согласился присутствовать в зале на заседании Комиссии, чтобы помочь расследованию своими знаниями и опытом.

Хейнман постучал по стеклу председательским молотком и велел официальному представителю правительства выступить и описать дело.

Представитель произнес прекрасную речь. Он тщательно избегал слова «предательство», по ухитрился выставить все в таком свете, что у публики не осталось сомнения в том, что Мировое Правительство возбудит против Джима судебное дело по обвинению в измене.

Потом вызвали свидетеля Старка Якобсона. Его спросили, как Джима готовили к экспедиции в Тронный Мир и почему выбрали именно его.

— Джеймс Кейл, — спокойно ответил Якобсон, — был необычайно талантлив, физически он был великолепно развит. Ведь нам нужен был тореодор. К тому же Джим имел научные степени по химии, истории и антропологии, он показал себя знатоком в культурных и социальных науках.

— Не хотите ли вы сказать, — вмешался Хейнман, — что он выделялся?

— Он был яркой индивидуальностью, но, в конце концов, все они таковы, — сухо сказал Якобсон.

Руководитель Проекта был седым высоким датчанином. Ему было примерно 60 лет. Джим вспомнил, что Якобсон всегда отличался тем, что относился к нему с симпатией.

Якобсон продолжил:

— ...это было одним из требований, которые мы предъявляли к избраннику.

И он по списку перечислил остальные требования. Все они подчеркивали хорошее физическое состояние, развитый ум, эмоциональное равновесие и широкий диапазон знаний.

— А как насчет эмоционального равновесия? — вновь вмешался Хейнман. — Не был ли Кейл несколько... скажем... антисоциальным? Не сторонился ли он людей? Не пытался ли он сделать все в одиночку?

— Да, — ответил Якобсон, — и опять-таки, нам нужен был именно такой человек. Ведь он должен был попасть в совершенно незнакомую обстановку и чужую культуру. Мы хотели, чтобы он был замкнут в себе, немногословен, насколько это возможно.

Якобсон не уступал. Хейнман задавал довольно коварные вопросы, но седой датчанин держался крепко. Он утверждал, что Джим был не менее и не более, а как раз таким человеком, которого и должны были послать по Проекту. Но речь Макса Холланда была откровенно враждебной.

— ...остальные члены Проекта, — сказал Холланд, потушив тлеющую сигарету, — никогда не пошли бы на такой риск — ведь это угрожало всей Земле. Наш мир по сравнению с Империей — все равно что цыпленок по сравнению со слоном. Цыпленок так мал, что на него не обращают внимания и он в безопасности, разве что по ошибке попадет под ногу слона. Тогда у него нет никакой надежды! Мне кажется, что Проект в основном не удался и к тому же поставил нас под удар — мы можем попасть под ногу слона-Империи из-за ошибки Кейла...

Холланд, как Якобсон, был допрошен Хейнманом и другими членами Комиссии, но в отличие от датчанина, помогал им и с удовольствием чернил Джима.

Холланд утверждал, что Джим был крайне антисоциален, вплоть до паранойи, эгоистичен и полностью уверен в своей непогрешимости. Потом очень холодно он пересказал содержание беседы в раздевалке под трибунами

арены на Альфе Центавра, когда Джим сказал, что будет действовать самостоятельно.

— Вы считаете,— спросил Хейнман,— этот человек еще до отлета в Тронный Мир решил игнорировать задание Проекта?

— Да.

Холланд сел на место.

Следующей должна была выступать Выходородная, но ее просто попросили послушать магнитофонную запись ее рассказа о Джиме, начиная с драки на корабле и заканчивая приземлением на космодроме Правительства.

Когда прозвучало последнее слово, Хейнман прокашлялся и наклонился, как бы намереваясь заговорить с ней. Но губернатор Альфы Центавра что-то прошептал ему на ухо, и представитель Европейского Сектора ничего не спросил.

Девушка была тут же отпущена Комиссией.

Сидевший рядом с Джимом Вилькоксин до сих пор был абсолютно спокоен, но теперь он испугался и возбужденно сказал Джиму:

— Послушайте! Мы, по крайней мере, можем использовать право перекрестного допроса. Губернатор Альфы Центавра допустил ошибку, когда посоветовал Хейнману отпустить ее просто так. Вероятно, они проявили к ней внимание, но вам-то это ничем не поможет. Но даст показания в вашу пользу, и я уверен, что ее ответы произведут прекрасное впечатление.

Джим покачал головой, да и спорить уже не было времени — его вызвали. Хейнман рассказал немного о его личных качествах и аккуратно и быстро обошел этот скользкий вопрос.

— Возникли ли у вас когда-нибудь сомнения в правдивости Проекта? — спросил он наконец.

— Нет.

— Но перед отлетом на Тронный Мир у вас, кажется, возникли все-таки такие соображения? — Хейнман перебрал рассыпанные листки и вскоре нашел нужные. — Вот, смотрите — мистер Холланд докладывает о разговоре на Альфе Центавра, я цитирую: «Макс, уже поздно вмешиваться. С данного момента я все решаю сам». Это так?

— Нет.

— Нет? — Хейнман нахмурился.

— Я сказал не так,— ответил Джим. — «Мне очень жаль, Макс, но это должно было случиться рано или поздно. Проект в данной ситуации не может быть руко-

водством. Теперь я буду следовать только своему суждению».

Хейнман нахмурился еще сильнее.

— Не вижу никакой разницы!

— Пожалуй, ее не заметил и Макс Холланд. Но разница есть.

Джим почувствовал, как его изо всех сил дергают за рукав под столом.

— Полегче, — прошептал адвокат. — Полегче! Ради всего святого!

— Ах, значит, вы ее видите? — ехидно спросил Хейнман. Он посмотрел на членов Комиссии. — И вы не отрицаете, что брали на Тронный Мир пистолет и нож, несмотря на возражения мистера Холланда?

— Нет.

Хейнман сухо откашлялся, вынул белый платок и вытер рот, затем спрятал платок в карман.

— Ну что ж, с этим, кажется, все.

Представитель Европейского Сектора вытащил листок из кипы бумаг и сделал отметку карандашом.

— Сейчас вы слышали рассказ мисс... Высокородной Ро о ваших действиях. Можете ли вы добавить что-нибудь?

— Нет.

И еще раз он почувствовал, как его дергают за рукав. Джим не ответил адвокату ничего.

— Никаких замечаний, — проговорил Хейнман, — то есть вы не хотите объяснить свои поступки на Тронном Мире, абсолютно противоречащие программе Проекта?

— Этого я не говорил, — возразил Джим, — рассказ Высокородной Ро правдив. Но вы неправильно поняли его. Так же ошибочно и ваше глубокое убеждение, что мои действия на Тронном Мире шли вразрез с Проектом.

— В таком случае, я думаю, вам лучше все объяснить, как вы считаете, мистер Кейл? — сказал Хейнман.

— Я все время и пытаюсь сделать это.

Ответ Джима заставил председателя Комиссии покраснеть, но он решил не обращать внимания на вызов. Хейнман махнул подсудимому рукой, приглашая его продолжать.

— Объясню достаточно просто. Высокородные Империи Тронного Мира, я уверен, губернатор Альфы Центавра со мной согласен, высшие существа не только по сравнению с низшими расами колониальных миров, к которым относится сам губернатор, — Джим взглянул на

маленького человечка, но тот явно не хотел смотреть на него, — но и по сравнению с людьми Земли. Следовательно, какие бы тщательные планы ни подготавливались нами, все равно они не смогли бы правильно направить мои действия в абсолютно чужой культуре, где самый заурядный человек в сотни раз выше гениев Земли. В самом начале я понял, что мне придется приспособливаться к ситуации на Тронном Море соответственно обстоятельствам и самостоятельно принимать решения.

— Но вы не сказали об этом, когда обучались, — перебил его Хейнман.

— Да. Если бы я об этом сказал на ранних стадиях обучения, меня бы безусловно заменили.

Вилькоксин дернул Джима за рукав.

— Ну конечно, конечно, — вежливо согласился Хейнман. — Продолжайте, мистер Кейл.

— Следовательно, — спокойно сказал Джим, — прибыв на Тронный Мир, я понял, что отстаивать интересы Земли можно только в окружении Императора. Император был сумасшедшим. Его брат Галиан организовал заговор, чтобы стать его советником — фактически властелином Империи — вместо Вотана — дяди Императора. Для этого нужно было уничтожить Старкиенов и Вотана. Потом Галиан легко бы занял место Вотана и удержал бы полный контроль над Тронным Миром и Империей. И он, конечно, хотел создать новых Старкиенов, преданных уже не Императору, а советнику. Что такое Старкиены? Это специально выведенные люди, созданные контролем над генами. Их рождаемость контролируется веками, и Галиан знал, что вывести новую расу воинов и телохранителей он может в течение двух поколений, если у него будет сырьевой материал. И этот материал он собирался брать с... Земли!!!

5

Прошла секунда после речи Джима, прежде чем слова его дошли до сознания земной аудитории. Но реакция была драматичной.

Председатель даже вскочил с кресла, остальные члены тоже.

— Что значит, мистер Кейл? — требовательно спросил Хейнман. — Вы обвиняете принца Галиана, которого убили, в том, что он хотел изменить нас генетически и превратить в... тупых и верных телохранителей?

— Я его не обвиняю, — ответил Джим абсолютно спокойно. — Я просто констатирую факт. Он все сам мне рассказал. Я не думаю, что вы его поймете, — первый раз за все время в голосе Джима послышалась ирония, — но Высокородные Тронного Мира одобрили бы эту идею. Ведь в конце концов, низшие расы колониальных миров веками были слугами Высокородных. А мы знали еще меньше. Мы для них — Дикие Волки, дикие мужчины и женщины!

Хейнман что-то прошептал губернатору Альфы Центавра. Джим стоял молча, пока их беседа не закончилась. Председатель Европейского Сектора снова повернулся к подсудимому.

— Немного раньше вы обронили замечание, — сказал он, — что Высокородные Тронного Мира — высшие существа. Как это сочетается с бесчеловечными планами, которые вы приписываете принцу Галиану? Не говоря уже о том, что он планировал занять место Императора. Даже губернатор Альфы Центавра согласился с вами, что Высокородные выше нас, следовательно — как же мог такой цивилизованный человек, как принц Галиан, планировать такие варварские убийства?

Джим рассмеялся.

— Я все-таки думаю, что ни вы, ни члены Комиссии не понимаете социальных отношений между Высокородными и Низшими расами. План заговора против Императора с точки зрения любого Высокородного был вершиной предательства и злодейства. Но в то же время любой Высокородный сказал бы, что мы должны быть счастливы, ибо нас удостоил внимания принц крови. Ведь сделав нас Старкиенами, он избавил бы нас от болезней, и мы стали бы здоровой, всегда довольной объединенной расой.

— Вы хотите сказать, мистер Кейл, — произнес Хейнман, — что на Тронном Море вы действовали не только на благо Императора, но и земель? Так?

Хейнман требовал честного ответа.

— Да! — ответил Джим.

— Я бы хотел вам верить, но мне кажется, вы хотите, чтобы мы слишком многое приняли без объяснений. Например, как вы узнали о планах принца Галиана, ведь он, наверное, держал их в строжайшем секрете.

— Вы правы. Некоторые дворяне колониальных миров, — Джим взглянул на губернатора Альфы Центавра, — должны были знать о его планах уничтожения императорских Старкиенов. Принцесса Афуан и Мелиес, госпо-

дин над слугами, вероятно, знали остальные части плана. Но Галиан был хитер.

— Ну, а как о них узнали вы? — спросил маленький толстый член Комиссии, которого Джим не запомнил.

— Я антрополог. Я изучаю человеческие культуры во всех их проявлениях и вариантах. Существует определенный предел для человеческой культуры, вне зависимости от ее развития. Социальные отношения знати на колониальных мирах были скопированы с Тронного Мира. Высокородные говорили, что это самый высокий уровень культуры. Фактически и Высокородные, и подражавшие им дворяне колониальных миров были разделены на маленькие группы и искусственные клики, подобные «нойо».

Джим остановился и подождал, пока его спросят, что такое «нойо». Спросил его об этом Хейнман.

— Французский этимолог Жан-Жак Петтер дал термин «нойо» обществу, раздираемому внутренними противоречиями. Несколько позже Робер Ардлей охарактеризовал данное понятие как «соседство территориальных властителей, связанных дружеско-враждебной зависимостью». Примером «нойо» является обезьяна Каллицебус. Каждая семья Каллицебус проводит свободное время, угрожая владениям другой семьи. Все это, заменив территорию властью, а угрозы — интригами, можно отнести и к обществу Тронного Мира. Единственным исключением из «нойо» была Ро и подобные ей Высокородные. Они отстали от других Высокородных по физическим данным. Словам Ро не придавали значения, и зря!

Минута молчания... потом Хейнман заговорил:

— Раньше вы сравнивали Высокородных с богами, а теперь с обществом обезьян. Как это понять? Ведь не могут они быть и теми и другими?

— Почему же? — ответил Джим. — Ардлей утверждал — «нации дают героев, а „нойо“ — гениев». Но в данном случае был обратный процесс. Гении создали общество — «нойо». Обезьяны Каллицебус живут, так сказать, в утопии. На деревьях есть и пища, и питье. Высокородные Тронного Мира создали для себя утопию, ведь их технология заботится о выполнении малейшего желания. Естественно, в таких условиях они когда-нибудь ослабнут и станут добычей человеческих рас колониальных миров, положение которых намного хуже. Это — исторический переворот общества.

— Но ведь с Высокородными так не получилось?

— Да, им удалось создать нечто уникальное — вечную аристократию. Империя начала с того, что собрала на планете лучшие умы, и впоследствии эта планета стала Тройным Миром. Но и тогда продолжали приезжать самые талантливые люди колониальных миров. Приток свежей крови, понимаете? Кроме того, аристократия Тройного Мира заставила каждого Высокородного знать все о технологии Империи. Другими словами, Высокородные не просто гении — они знающие гении! Девушка Ро, которая сейчас сидит рядом с вами, если вы дадите ей время, материалы и орудия производства, сможет воссоздать на Земле всю технологию Империи.

Хейнман нахмурился.

— И все же я не вижу связи между ними и «нойо».

— Бесконечно обновляющаяся вечная аристократия ведет счѐт инстинктивному процессу человеческой эволюции, — продолжал Джим. — В результате создается исключительная искусственная ситуация, при которой происходит социальная, а следовательно, и индивидуальная революция. Такая аристократия, если не будет уничтожена снаружи, просто разрушит сама себя. У Высокородных когда-нибудь обязательно наступит упадок.

Губернатор наклонился и что-то настойчиво зашептал Хейнману, но тот отстранил его рукой.

— Как только я понял, то решил — зерна разрушения уже посеяны. Свидетельством упадка служила культура «нойо», до которой деградировали их общественные отношения, — Джим все время внимательно смотрел на губернатора. — Вероятно, через несколько веков Империя станет разваливаться, и тогда Высокородным будет уже не до Земли. К счастью, я узнал о планах Галиана, который хотел захватить власть. Не все Высокородные были удовлетворены «нойо». Некоторые индивидуалисты, как Галиан, Оловитель, Вотап, жаждали действия и настоящего риска. Игра в Пункты не была их призванием. Галиан был особенно опасен. Как и их Император, он был сумасшедшим, но дело в том, что принц мог применить это, в отличие от брата. У Галиана были большие планы относительно Земли. Он бы втянул нас в гибель Империи.

Джим замолчал. Внезапно ему захотелось взглянуть на Ро и посмотреть, какое впечатление произвели на нее эти слова, но он не осмелился.

— Итак, — заключил он, — передо мной стояла ясная цель — остановить или уничтожить Галиана. И я сделал это.

Члены Комиссии, губернатор, публика — никто не проронил ни слова. Все ждали продолжения речи Джима. Наконец, Хейнман сказал:

— Мы внимательно выслушали ваши объяснения. Вы сделали все, чтобы спасти Землю от Сумасшедшего. Но как вы могли все узнать? Не понимаю...

— Я скажу вам, — сказал Джим и мрачно улыбнулся. — Я нашел в их архивах сведения, что Земля все-таки была колонизирована экспедицией Империи, и там было несколько *Высокородных*. И... — он заколебался, но внезапно выговорил медленно и спокойно:

— Я — ИЗГОЙ *ВЫСОКОРОДНЫХ-ЗЕМЛЯН*. ИЗГОЙ БОЛЕЕ ЗДОРОВОЙ И РАЗВИТОЙ ЦИВИЛИЗАЦИИ И АРИСТОКРАТИИ. И ТОЛЬКО ПОЭТОМУ Я СМОГ УБИТЬ НА ДУЭЛИ ГАЛИАНА. МОЙ РОСТ ОСТАНОВИЛИ ЗДЕСЬ, НА ЗЕМЛЕ, КОГДА МНЕ БЫЛО ВСЕГО ДЕСЯТЬ ЛЕТ!

Джим повернулся и посмотрел прямо на губернатора.

Коричневый человечек застыл, рот его был слегка приоткрыт, маленькие глазки испуганно моргали.

Джим почувствовал, что аудитория симпатизирует ему, но внезапно симпатия сменилась недоверием.

— *Высокородный*? Вы? — удивился Хейнман.

Было похоже, что Председатель спрашивает сам себя. Он вскоре взял себя в руки и успокоился. Председатель Европейского Сектора вспомнил, кто он!

— В это трудно поверить! — сказал Хейнман, и в его словах прозвучала ирония. — Чем вы можете доказать это?

Джим показал на губернатора Альфы Центавра.

— Он хорошо знает *Высокородных*. Он видел меня на Тронном Мире. Он знает многое. Поверите ли вы в его свидетельство?

— Я думаю, да! — сказал Хейнман и громко спросил:

— Мистер Кейл утверждает, что он — *Высокородный*. Как вы считаете, губернатор?

Губернатор взглянул на Джима, он хотел что-то сказать, заколебался и через минуту заговорил, искажая земные слова:

— Нет... нет... он не *Высокородный*! Он не может быть *Высокородным*! Нет... Нет!

Позади Джима раздался тысячный вздох разочарованной публики. И тогда Джим медленно встал и скрестил руки на груди.

— Сядьте, мистер Кейл! — крикнул Хейнман.

Но Джим не обратил на его слова ни малейшего внимания.

— Адок! — громко позвал он. Перед ним возник Старкиен. Его могучее тело слегка блестело при электрическом свете, белые полосы энергетических лент выделялись на смуглом теле.

Аудитория снова вздохнула, на этот раз с трепетом. Наступила тишина.

— Адок, — спокойно сказал Джим. — Видишь стену? Открой ее. Без шума, без повышения температуры, без обломков. Сделай все аккуратно. Исполни!

Адок чуть повернулся к стене, на которую показал Джим. Внезапно вспыхнул белый свет, ослепительный огонь и раздался хлопок. В стене зияло отверстие неправильной формы, десяти футов в высоту и пятидесяти в длину, с гладко закругленными краями, как будто камень расплавился.

По голубому небу плыли маленькие облака, и Джим сказал:

— Пусть небо будет чистым!

Раздалось пять глухих ударов, и небо стало чистым.

Подсудимый медленно поднял руку и указал на губернатора Альфы Центавра.

— Адок... — начал он.

Маленькая коричневая фигурка внезапно спрыгнула со сцены и, подбежав к Джиму, упала на колени и попыталась поцеловать ему ладонь.

— Нет, нет, Высокородный! — на языке Империи воскликнул губернатор. Потом он в полном отчаянии перешел на английский.

— Не-е-е-т!

Его голос гремел в оглушительной тишине зала.

— Я ошибался! Он — Высокородный! Говорю вам — он Высокородный! — губернатор почти визжал.

Члены Комиссии с ужасом и недоверием смотрели на него.

— Нет! Нет! — кричал губернатор. — Говорю так не потому, что указали на меня. Нет! Это из-за Старкиена! Вы не понимаете! Старкиены подчиняются только Императору и Высокородным! Я ошибался! Это правда! Он действительно Высокородный! Вы должны обращаться с ним, как с Высокородным!

— ОН — ВЫСОКОРОДНЫЙ!

Зарывав, губернатор повалился на пол.

Джим почувствовал, как кто-то пожал его руку. Обернулся и увидел Ро.

— Да, действительно, — сказала Высокородная. Она говорила на английском языке, правильно, но по-своему строя фразы. — Я — Высокородная и я вам говорю, что Джим — тоже. Император усыновил его. ДЖИМ рисковал жизнью, и он привел меня и Адока, чтобы мы помогли вашему народу когда-нибудь взять наследство Империи.

Она указала на губернатора.

— Этот человек, должно быть, участвовал в заговоре с Галианом, он послал с Земли камень от имени Джима. Но это был не камень, а фокусирующее устройство, проектировавшее на Вотана голубой цвет. И Император, подумав, что он видит перед собой Голубого Зверя своих кошмаров, испугался и приказал убить Вотана. Галиан так и планировал. Я думаю, губернатор вам и предложил судить Джима.

— Я лгал... я сказал, что принцесса Афуан скоро сместит Высокородного Оловиеля и будет мстить Земле за то, что сделал на Тронном Мире Джим... — простонал губернатор, закрывая лицо руками. — Но я ошибался... ошибался... ошибался! Он — Высокородный... Я был не прав... не прав...

Лицо Хейнмана было похоже на лицо человека, только что вышедшего после долгого скитания из темного туннеля к дневному свету, настолько яркому, что приходилось щурить глаза.

Джим хмуро и спокойно посмотрел на представителя Европейского Сектора Совета:

— Да, надеюсь, теперь вы понимаете, почему Империю нельзя было допустить на Землю любой ценой!

СОДЕРЖАНИЕ

Дорсайская дилогия	3
Прирожденный полководец	3
Солдат, не спрашивай	137
Дикий волк	276

Гордон Р. Диксон

ДОРСАЙСКАЯ ДИЛОГИЯ

Фантастические романы

Гл. редактор *Забазонский В. П.*

Художник *Заплавный А. А.*

Технический редактор *Польщикова Л. А.*

Корректор *Разуменко Г. Ф.*

Сдано в набор 14.07.92. Подписано в печать 13.10.92.
Формат 84×108^{1/32}. Бумага книжная. Гарнитура обыкновенная новая. Печать высокая. Усл. печ. л. 20,16.
Уч-изд. л. 22,38. Тираж 25 000 экз. Заказ № 308.

Фирма «Тимур», г. Новосибирск
Новосибирская типография № 4 ВО «Наука»,
630077, Новосибирск, ул. Станиславского, 25

ШЕДЕВРЫ ФАНТАСТИКИ

2

